

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

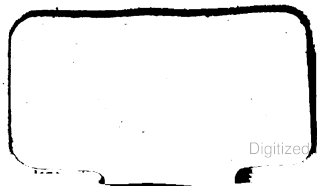
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07040187 6

*OGF

Kulezyci

76

Л. Кульчицкій
(Мазовецкій)

Исторія
русского революціоннаго
движенія.

(Съ портретами русскихъ революц. дѣятелей).

Переводъ съ рукописи,
переработанной авторомъ
для русскаго изданія,

Л. Б-скаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908

Л. Кульчицкій.
(Мазовецкій).

ИСТОРИЯ РУССКАГО РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ

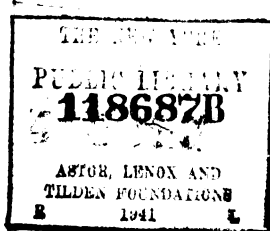
ВЪ 2-ХЪ ТОМАХЪ, СЪ ПОРТРЕТАМИ РУССКИХЪ
РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Переводъ съ *рукописи*, переработанной авторомъ для
русскаго изданія, Л. Б-скаго.

Т. I.
(1801—70 гг.).

Портреты: автора, декабристовъ, Герцена, Бажунина.

С.-Петербургъ
1908.

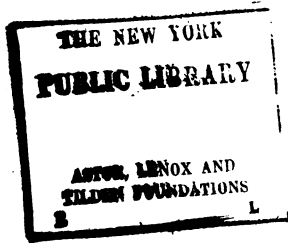
Электронечатня Я. Левенштейнъ, Екатеринбург. пр., 10—19.

ИСТОРИЯ
РУССКАГО РЕВОЛЮЦІОННАГО
ДВИЖЕНІЯ.

PERLSTEIN 13 DEC 1940

Александр Губернский

Вз
дать
ввижи
щадст
мился
жвене
посте
этой
часть
геро
нахт
и бік
лова
рево
гас
обос
ресо
ревс
шія
боні
жені
отн
если
шені

бот
по
об
Рс
не
с
н
1

Предисловіе къ русскому изданію.

Въ настоящемъ трудѣ авторъ, не задаваясь цѣлью дать исчерпывающее изложеніе исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, начиная отъ тайныхъ обществъ въ царствованіе Александра I и до настоящаго времени, стремился установить въ связной и сжатой формѣ происхождение и прослѣдить развитіе революціонныхъ теченій, постепенно усиливавшихся въ русскомъ обществѣ всей этой эпохи. Поэтому мы оставляемъ въ сторонѣ многія частности, не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ героическихъ эпизодахъ революціонной борьбы, описанныхъ въ специальныхъ журналахъ, брошюрахъ, книгахъ и біографіяхъ. Мы займемся главнымъ образомъ изслѣдованіемъ причинъ возникновенія въ Россіи различныхъ революціонныхъ стремленій, хода ихъ развитія и упадка, рассмотримъ ученія, которыя служили теоретическимъ обоснованіемъ этихъ стремленій. Намъ здѣсь будетъ интересно также вопросъ: насколько различныя программы революціонныхъ партій могли вѣрно предугадать грядущія событія и въ какой мѣрѣ эти предвидѣнія были ошибочны. Эта послѣдняя задача имѣетъ столь глубокое значеніе, какъ въ теоретическомъ, такъ и практическомъ отношеніяхъ, что авторъ будетъ вполне удовлетворенъ, если его трудъ хоть отчасти поспособствуетъ ея рѣшенію.

Причиной, побудившей насъ предпринять данную работу, послужило то соображеніе, что среди немногихъ книгъ по занимающему насъ здѣсь вопросу сочиненіе, которое бы обнимало во всей полнотѣ революціонное движеніе въ Россіи, до настоящаго времени не появлялось. Извѣстная книга Туна заканчивается на половинѣ 70-хъ годовъ, стало быть, не охватываетъ послѣднихъ двадцати слишкомъ лѣтъ, кромѣ того въ ней имѣются значительныя пробѣлы. Правда, пробѣлы эти до извѣстной степени

возмѣщены дополненіями Шишко въ изданіи социалреволюціонной партіи, и Плеханова и Кольцова — въ изданіи социалдемократовъ (въ немъ заслуживаетъ вниманія предисловіе Плеханова). Однако эти дополненія по необходимости ограничены размѣрами сочиненія Туна и описаннаго имъ революціоннаго періода.

На польскомъ языкѣ существуетъ книга, написанная десять съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ ксендзомъ Заленскимъ и посвященная исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, подъ заглавіемъ „Происхожденіе и развитіе нигилизма въ Россіи“ („Geneza i rozwój nihilizmu w Rosji“), но изложеніе автора неметодично, и кромѣ того онъ обнаруживаетъ незнакомство съ условіями русской жизни. Авторъ этой книги собралъ довольно много фактовъ, но не сумѣлъ ихъ достаточно разработать и зачастую приходилъ къ весьма фантастическимъ выводамъ.

Недавно вышедшая книга финляндца Конни Циллиакуса „Революціонная Россія“ ¹⁾, наряду съ несомнѣнными достоинствами, какъ напр. мѣткія характеристики событій и знакомство съ русскими политическими условіями, обладаетъ и крупными недостатками. Слишкомъ она обща, совершенно не вникаетъ въ различныя революціонныя міровоззрѣнія и замалчиваетъ нѣкоторыя менѣе напряженныя политическія теченія.

Въ послѣднее время по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи появилось много новыхъ источниковъ и возникъ даже спеціальныи журналъ „Былое“. Все это служитъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы заняться переработкой заново нашего предмета. Нѣкоторые періоды революціоннаго движенія уже основательно разработаны, какъ напр. движеніе, вызванное декабристами. Труды проф. Довнаръ-Запольскаго и рядъ изслѣдованій Семевскаго, Щеголева и другихъ пролили много свѣта на дѣятельность тайныхъ обществъ въ эпоху Александра I. Затѣмъ опубликовано много первоисточниковъ, какъ-то признанія и письма декабристовъ.

Новыми матеріалами обогатилась также литература по исторіи 70-хъ и 80-хъ годовъ; сравнительно мало источниковъ до настоящаго времени имѣется по исторіи 60-хъ годовъ. Эпоха послѣ паденія „Народной воли“ до сихъ

¹⁾ Существуетъ русскій переводъ Жихарева, въ изданіи Яковенко. Примѣч. перев.

поръ не изслѣдована въ отдѣльныхъ монографіяхъ, и сохранилась лишь въ памяти нѣкоторыхъ современныхъ дѣятелей; наконецъ революціонныя изданія послѣдняго времени представляютъ собою богатый матеріалъ для этого періода развитія русскаго революціоннаго движенія.

Предположена къ выпуску въ трехъ небольшихъ томахъ работа Лядова (томъ первый уже вышелъ) по исторіи російской социалдемократіи. Цѣннымъ подспорьемъ по ея исторіи служатъ „Очерки“ Акимова-Махновца (Очерки по исторіи социалдемократіи въ Россіи).

Прежде, чѣмъ будетъ возможно написать полную исторію русскаго революціоннаго движенія, должны появиться монографіи отдѣльныхъ моментовъ движенія, его направленій и задачъ. Такихъ работъ, относящихся къ новѣйшему времени, еще нѣтъ.

Само собою разумѣется, что нашъ трудъ не имѣетъ притязаній на восполненіе всѣхъ этихъ пробѣловъ. Мы заботились прежде всего о томъ, чтобы дать читателямъ общее представленіе о цѣлокупной исторіи всего русскаго революціоннаго движенія и о его историческомъ развитіи. Такой трудъ необходимъ особенно въ настоящее время.

Не всѣ части настоящаго сочиненія, при данномъ состояніи источниковъ, могли быть одинаково обработаны; поэтому одни періоды неизбежно представляются читателямъ болѣе ярко, другіе—менѣе. Въ этомъ не наша вина.

Русское изданіе значительно разнится отъ польскаго. Послѣднему мы считали необходимымъ предпослать обширное историческое введеніе, въ которомъ старались представить, хотя бы вкратцѣ, развитіе социальныхъ и политическихъ условій въ Россіи со временъ удѣльныхъ князей и вѣча вплоть до конца царствованія Екатерины II.

Поляки почти не знакомы съ исторіей Россіи; ихъ свѣдѣнія въ этой области въ общемъ не выходятъ изъ рамокъ школьнаго учебника.

Для русскихъ же читателей такое введеніе—излишне, ибо исторія своего народа имъ достаточно извѣстна, тѣмъ болѣе, что въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ появились цѣнныя работы Милюкова, Ключевскаго и Рожкова, обобщающія выводы историческихъ изслѣдованій о русскихъ народѣ и государствѣ.

Въ польскомъ изданіи мы посвятили умственно-культурному и социально-политическому движенію въ концѣ

царствованія Екатерины II специальную главу, которую, по выше указаннымъ причинамъ, здѣсь выпускаемъ.

Зато исторія собственно революціоннаго движенія— въ русскомъ изданіи будетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги значительно обширнѣе, нежели въ польскомъ. О направленіяхъ второстепенной важности мы говоримъ тамъ очень немного, здѣсь—полнѣе. Такъ же точно мы поступали и съ изложеніемъ идеологіи русской революціи. Вообще русское изданіе объемомъ превосходитъ польское. „Исторія революціоннаго движенія въ Россіи“, какъ на это указываетъ само заглавіе, обнимаетъ это движеніе только въ русскомъ обществѣ, оставляя въ сторонѣ революціонныя теченія у другихъ подвластныхъ Россіи народовъ, какъ напр. у поляковъ, латышей, грузинъ, армянъ, евреевъ и т. п. О нихъ мы будемъ упоминать лишь постольку, поскольку это необходимо для пониманія русской революціи. Впрочемъ о польскомъ движеніи (только социалистическомъ) нами составленъ обширный специальный трудъ ¹⁾.

Исторія русскаго революціоннаго движенія мировымъ значеніемъ своимъ и обаяніемъ издавна привлекала насъ, еще съ момента личнаго знакомства съ его представителями, его литературой и нашего непосредственнаго участія въ немъ около двадцати лѣтъ тому назадъ.

Обаяніе это понятно. Быть можетъ никогда въ исторіи человѣчества представители новыхъ теченій, идеаловъ и мировоззрѣній не вступали съ такими незначительными вначалѣ силами въ борьбу противъ столь могущественнаго врага, какимъ былъ прежній строй въ Россіи.

Несомнѣнно также, что русское революціонное движеніе имѣетъ столько чертъ, отличныхъ отъ подобныхъ же у другихъ народовъ, представляетъ такое богатство крайне любопытныхъ фактовъ, социальнo-политическихъ направленій, человѣческихъ характеровъ, выдающихся личностей и идей,—что основательное знакомство съ нимъ является не только важнымъ, но и захватывающе интереснымъ.

Въ качествѣ инородца, сталкивающегося съ русской жизнью, но не связаннаго непосредственно ни съ какой

---

1) Mazowiecki (псевдонимъ автора). „Historja polskiego ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim“.

партіей, я могъ въ изображеніи и оцѣнкѣ событій, теченій и дѣятелей сохранить безпристрастіе и объективность. что, конечно, также входило въ мою задачу.

Авторъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ предисловіи было уже сказано, что ни въ одной кажется странѣ революціонное движеніе не встрѣчало на своемъ пути такъ много заторовъ и преградъ, какъ въ Россіи. Эту мысль мы желали бы теперь подробнѣе обосновать и развить, такъ какъ она-то и проливаетъ яркій свѣтъ на весь ходъ развитія русскаго революціоннаго движенія.

Нѣтъ государства, которое занимало бы нынѣ или когда-либо въ историческомъ прошломъ столь обширную и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывную территорію, какъ Россія; фактъ этотъ затруднялъ, а въ извѣстныя историческія эпохи дѣлалъ для жителей различныхъ частей государства прямо невозможнымъ какое-либо предварительное соглашеніе съ цѣлью совмѣстной политической дѣятельности. Что говорить объ отдаленныхъ временахъ, когда даже теперь, при существованіи желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа и газетъ, огромное пространство Россіи служитъ крупнымъ препятствіемъ для согласованныхъ общихъ дѣйствій населенія и однородной и дружной дѣятельности.

Препятствіе это тѣмъ крупнѣе, что территорія русскаго государства населена различными народами и племенами съ совершенно различной культурой, историческими традиціями и зачастую противоположными интересами. Эти народы и племена находились и находятся на разныхъ ступеняхъ историческаго развитія. Но количественно преобладалъ и преобладаетъ надъ другими народностями російскаго государства русскій народъ.

Все это какъ прежде, такъ и теперь еще облегчаетъ центральному правительству, имѣющему въ своемъ распоряженіи всю бюрократію, армію и могущественныя орудія техники,—возможность господства надъ народами и племенами, подвластными царской державѣ. Правительство легко можетъ (что оно и по сію пору дѣлаетъ) противопоставить одну національность другой, опираться на одну

и угнетать другую и мѣнять свою политику въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Отмѣченная выше неравномѣрность культурности различныхъ этническихъ группъ Россіи сказывается и на практическо-гражданской подготовкѣ: въ то время какъ жители однихъ частей государства подготовлены къ совершенію какого либо крупнаго политическо-соціального акта, населеніе другихъ частей къ этому совершенно неприиспособлено.

Отъ упомянутыхъ внѣшнихъ факторовъ обратимся къ историческимъ условіямъ, среди которыхъ русскій народъ жилъ и развивался.

Мы не будемъ останавливаться подробно на причинахъ, которыя привели къ паденію вѣча въ древней Руси и образованію могущественнаго московскаго государства съ усилившейся до абсолютизма властью царей; отмѣтимъ только, что обусловили это слѣдующія общія причины: географическое положеніе, обширность территории, равнинность почвы, которую частью заняли русскіе, а частью племена воинственныхъ кочевниковъ, постоянно нападавшихъ на Русь; непрерывные переходы изъ удѣла въ удѣлъ княжескихъ дружинъ и, вслѣдствіе этого, недостатокъ прикрѣпленности членовъ таковыхъ къ опредѣленному мѣсту, привычки къ извѣстной территории и въ ея предѣлахъ—борьбы за сословно-корпоративныя права, а также отсутствіе общественной дифференціаціи на почвѣ экономическаго развитія; татарское иго, усилившее ¹⁾ и такъ достаточно сильную власть московскаго великаго князя; православіе, подчинившее церковь государству, и главнымъ образомъ—быстрое возрастаніе государственныхъ нуждъ, не соотвѣтствовавшее процессу внутренняго объединенія въ отдѣльныхъ общественныхъ группахъ.

Хотя обычные взгляды иностранцевъ на мощь абсолютизма въ Россіи, существующаго якобы съ древнихъ временъ, являются преувеличенными, однако нельзя отрицать, что нигдѣ въ Европѣ абсолютная власть монарха не

---

¹⁾ Среди русскихъ историковъ въ послѣднее время замѣтна тенденція не придавать этому факту должнаго значенія. Однако, намъ кажется, что вліяніе татарскаго ига было очень значительно. Уже тотъ фактъ, что московскій князь былъ посредникомъ между удѣльными князьями, народомъ и ханомъ, въ большой степени усиливалъ власть великаго князя.

Асторъ.

была столь велика, какъ въ московскомъ государствѣ, а затѣмъ Россійской имперіи. Правда, въ теченіе извѣстнаго времени боярская дума и земскіе соборы сильно вліяли на государственныя дѣла, однако никогда значеніе этихъ учрежденій не было столь крупнымъ, какъ значеніе сословныхъ сеймовъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ. Впрочемъ земскіе соборы на Руси не утвердились прочно, ибо существовали они едва лишь 100 лѣтъ. Вліяніе боярской думы было несомнѣнно длительнѣе, но и она не могла ограничить монархической власти царей.

Петръ Великій еще болѣе увеличилъ власть государя и создалъ достаточно сильную бюрократію.

Въ тотъ моментъ, когда освободительныя идеи стали развиваться въ русскомъ обществѣ, въ широкихъ массахъ народа уже совершенно исчезла традиція вѣчевого строя эпохи удѣльныхъ князей и весьма смутно сохранилась память о земскихъ соборахъ, но зато сильна была традиція неограниченной власти монарха.

Городское населеніе Россіи въ началѣ XIX вѣка было слишкомъ незначительно по сравненію съ сельскимъ, а исторія показываетъ, сколь крупную роль въ освободительномъ движеніи играли города въ средніе вѣка и въ новѣйшее время.

Собственно говоря, русское общество находилось въ разбредѣ; не было оно сплочено, организовано, ибо не имѣло сильныхъ сословій и корпорацій, которыя обыкновенно играютъ роль посредника между отдѣльнымъ гражданиномъ и государствомъ. Отсутствие такихъ натуральныхъ общественныхъ союзовъ обезсиливало обывателя, отдавая его цѣликомъ на произволъ государства.

Между народной массой и болѣе или менѣе просвѣщенными общественными кругами, въ которыхъ стали пробиваться освободительныя стремленія, простиралась глубокая пропасть, ибо эти круги находились на высшихъ ступеняхъ общественной іерархіи. Въ Западной Европѣ въ средніе вѣка, когда государство не располагало еще крупными техническими средствами, отдѣльныя сословія сумѣли отвоевать себѣ гарантіи различныхъ привилегій. Хотя къ концу среднихъ вѣковъ и въ началѣ новыхъ абсолютизмъ за рѣдкими исключениями господствовалъ вездѣ, однако, даже подчинивъ себѣ сословія, онъ вынужденъ былъ считаться съ ними, а въ средѣ самихъ

сословія коренилась живая традиція ихъ прошлаго. Въ Россіи этого не было.

Начиная съ XV вѣка монархическая власть стала могущественной и правительство располагало значительными техническими средствами, которыя съ теченіемъ времени все увеличивались.

Огромное количественное преобладаніе сельскаго населенія, эксплуатируемаго и угнетаемаго помѣщиками и бюрократіей, слабо развитая промышленность, низкій уровень производительныхъ силъ Россіи, натуральное хозяйство, все это вмѣстѣ съ упомянутыми выше причинами способствовало сохраненію устарѣлаго политическаго строя.

Обособленность Россіи отъ Западной Европы въ теченіе продолжительнаго времени затрудняла проникновеніе въ Россію оживляющихъ струй социальна-политическихъ теченій.

Все это въ совокупности усиливало „старый порядокъ“ въ Россіи. Что же ему могли противопоставить вначалѣ небольшія группы людей, стремившихся къ измѣненію политическаго строя, уничтоженію крѣпостнаго права и социальнымъ реформамъ? Поистинѣ не много. Прежде всего эти слабыя группы не имѣли поддержки въ массѣ народа, ихъ стремленія не были ему понятны, а сами борцы не обладали опытомъ и традиціями борьбы.

Все же, однако, одно обстоятельство придавало этой борьбѣ значительность: развитіе русскаго общества и государства съ неумолимой неизбѣжностью вело къ новой группировкѣ социальныхъ силъ, развитію промышленности и городовъ, сближенію съ Западной Европой. Существованіе государства требовало высшей военной техники, хорошихъ путей сообщенія, наличности извѣстныхъ отраслей производства, а все это вмѣстѣ взятое создавало нужду въ людяхъ съ техническимъ образованіемъ и извѣстнымъ уровнемъ развитія. Вслѣдствіе этого и знанія должны были проникать въ Россію, хотя доступъ имъ вообще былъ затрудненъ. Правительство, впрочемъ, не всегда ориентировалось въ дѣлахъ просвѣщенія, литературы и науки, и поѣтому политика его въ этомъ отношеніи проходила различныя фазы и колебалась.

Такъ какъ Россія представляетъ собою государство съ крайне обширной территоріей и многомилліоннымъ населеніемъ, то ориентироваться среди силъ различныхъ поли-

тически-соціальныхъ теченій, волнующихъ общество, — крайне трудно; по этой причинѣ оцѣнка этихъ силъ зачастую бываетъ ошибочна.

Русскій народъ позже, чѣмъ другіе, западно-европейскіе народы, выдѣлилъ изъ себя общественныя группы, сознательно и планомерно стремящіяся къ полной реорганизации политической и вообще коллективной жизни; ничего нѣтъ, стало быть, удивительнаго въ томъ, что русское освободительное движеніе подчинялось мощному вліянію западно-европейскихъ соціально-политическихъ и умственныхъ вѣяній. Примѣры Европы примѣнялись къ мѣстнымъ условіямъ, а иногда подвергались даже столь крупнымъ измѣненіямъ, что трудно было найти здѣсь связь съ общеевропейскими теченіями мысли и практики.

Это заимствованіе извнѣ направлений и преобразование ихъ на мѣстѣ въ значительной степени усложняло процессъ освободительнаго движенія въ Россіи, что должно быть принято во вниманіе при изученіи его исторіи.

Географическія и историческія условія, въ которыхъ развивался русскій народъ, укладывали его психику въ соотвѣтственную самобытную форму. Весьма тяжелая въ отдаленные вѣка борьба съ природой въ Великороссіи выработала въ характерѣ народа выносливость и своего рода упорство, на что уже обращали вниманіе нѣкоторые историки. Сравнительно долгая зима принуждала сельское населеніе обращаться къ постороннимъ земледѣлію занятіямъ, а это обусловило значительное развитіе мелкой крестьянской промышленности. Та же причина, заставляя русскаго крестьянина проводить большую часть года въ избѣ, среди тяжелой обстановки, выработала въ немъ склонность къ самоуглубленію и созерцательности, къ думѣ о человѣческой жизни, мірѣ, смерти, Богѣ и т. п. Историческія условія вліяли на него въ томъ же направленіи. Разные общественные слои были, такъ сказать, прикрѣплены окончательно утвердившимся московскимъ государствомъ къ извѣстнымъ тяготамъ. Политическія условія были для народа весьма тягостны, а отъ XV до второй половины XIX в. становились все невыносимѣе. Правительственный и соціальный гнетъ, общее безправіе не могли способствовать тому, чтобы общественная жизнь прорвалась наружу, свободная, полная надеждъ, гармоніи и покоя. Подъ давленіемъ сверху пряталась она внутрь, создавая извѣстныя

психическія настроенія, какъ то: аскетизмъ, мистицизмъ и т. п. Углубленіе въ свои мысли, чувства и стремленія, исканіе глубочайшихъ тайнъ нравственной природы чело-вѣка — эта выдающаяся черта русскаго характера проявляла себя и въ революціонномъ движеніи. Различныя социальна-политическія теченія въ Россіи до послѣдняго времени были тѣсно связаны съ вопросами этики, морали.

Революціонное движеніе, особенно въ періодъ 1861—1887 гг. и даже въ позднѣйшіе годы, такъ тѣсно связано съ извѣстными общефилософско-нравственными міровоззрѣніями, что специальное знакомство съ ними является необходимымъ для правильнаго пониманія самого движенія. Вся эта идеологія выросла разумѣется на социальномъ почвѣ, но, однако, разъ возникнувъ, производила обратное дѣйствіе на социальна-политическія теченія, которыя опять создавали новую идеологію и т. д.

Въ силу этого, идеологіи русскихъ революціонеровъ мы посвятимъ въ настоящей книгѣ много мѣста.

Трудъ нашъ распадается на слѣдующія части: первая часть обнимаетъ періодъ отъ первыхъ революціонныхъ заговоровъ при Александрѣ I вплоть до начала 70-хъ годовъ. Въ эту эпоху революціонное движеніе въ Россіи проявлялось спорадически, время отъ времени; не хватало у него длительности, непрерывности и единой доктрины, хотя оно и имѣло извѣстныя общія черты. Вообще оно носило либерально-демократическо-радикальный характеръ, соотвѣтственно времени, революціоннымъ группамъ и лицамъ.

Вторую часть мы посвятили событіямъ начала 70-хъ до конца 80-хъ гг. Въ этотъ періодъ революціонное движеніе пріобрѣтаетъ непрерывность и значительную силу. Несмотря на то, что программы различныхъ партій и группъ — различны, всѣ они базируются на одной основной доктринѣ: своеобразномъ пониманіи социальнаго развитія русскаго народа и русской государственности, а также на специфическомъ пониманіи социализма.

Въ третьей части мы разсматриваемъ періодъ отъ конца 80-хъ до начала 90-хъ гг. Это эпоха реакціи: революціоннаго движенія въ это время почти не существо-

вало; возникли новыя умственныя теченія; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, цѣлый рядъ стихійно дѣйствующихъ причинъ вызвалъ въ русскомъ обществѣ глубокаго преобразованія; въ этотъ же періодъ возникло новое міросозерцаніе — социалдемократическое.

Четвертую часть мы посвятимъ возникновенію массоваго рабочаго движенія въ Россіи и распространенію движенія социалдемократическаго. Оно захватило время отъ начала 90-хъ гг. до 1901 года, когда движеніе пріобрѣтаетъ острый и явно политическій характеръ, какого оно не имѣло въ предыдущемъ періодѣ.

Пятая часть обнимаетъ время отъ 1901 года до 17 октября 1905 года; это — бурный, революціонный періодъ, который закончится переходомъ къ собственно революціи.

Въ это время социалдемократическое движеніе растетъ, сразу раздѣлившись на нѣсколько отдѣльныхъ теченій, затѣмъ снова временно сливаясь, съ тѣмъ, чтобы опять разбиться на части; рядомъ съ этимъ движеніемъ выступаетъ довольно ярко другое, которое представляетъ собой партія социалреволюціонеровъ. Наконецъ, либеральная оппозиція въ это время становится серьезнымъ факторомъ освободительнаго движенія въ Россіи.

Въ Заключеніи мы дадимъ общую характеристику событію послѣ 17 октября 1905 года.

Для разработки этого историческаго момента время еще не наступило; выдвинулось столько новыхъ силъ, революціонныя выступленія въ различныхъ частяхъ государства были столь многочисленны и разнородны, и до сихъ поръ такъ мало изучены, что писать о нихъ подробно теперь немыслимо.

Все же мы старались охарактеризовать надежды и разочарованія, героическія усилія и тактическія ошибки всѣхъ партій, участвовавшихъ въ движеніи послѣ октябрьскаго манифеста.

Россія въ эпоху Александра I. Общественныя и политическія условія.

Для надлежащаго пониманія происхожденія и характера перваго революціоннаго движенія въ Россіи, выразившагося въ заговорѣ декабристовъ, слѣдуетъ ознакомиться съ общественно-политическимъ фономъ, на которомъ оно возникло.

Вступленіе на престолъ императора Александра I пробудило въ прогрессивной части русскаго общества большія надежды. Тяжелыя времена царствованія Павла были памятны не только либеральнымъ кругамъ, которые онъ ненавидѣлъ, но положительно всѣмъ. Никто не былъ увѣренъ, что капризъ этого монарха не станетъ въ той или иной формѣ угрожать жизни любого обывателя.

Для прогрессивныхъ круговъ въ Россіи не было тайной, что Александръ читалъ и цѣнилъ либеральную литературу XVIII вѣка, что среди приближенныхъ къ нему лицъ находились люди, проникнутые конституціонными идеями; наконецъ, что онъ лично на себѣ испытывалъ отрицательныя стороны режима, господствовавшаго въ Россіи и въ особенности при дворѣ. Какъ извѣстно, Александръ I отвергнулъ предложеніе подписать конституцію, составленную Панинымъ и Паленомъ, сановниками, которые руководили убійствомъ Павла. Свой отказъ молодой императоръ мотивировалъ тѣмъ, что Россія еще не созрѣла для внезапнаго перехода къ конституціонному строю, который можетъ быть введенъ лишь послѣ цѣлаго ряда частичныхъ реформъ соціально-политическаго характера.

Вначалѣ Александръ въ границахъ абсолютизма держался либеральной политики; въ то же время, подчиняясь вліянію окружающихъ, онъ приказалъ разрабатывать различные конституціонные проекты. Но уже тогда онъ обна-

руживалъ колебанія, даже въ дѣлахъ второстепенной важности. Позже эти колебанія все усиливались и наконецъ императоръ сталъ на путь политики явно реакціонной.

Александръ I началъ свое царствованіе дарованіемъ амнистіи 150 слишкомъ лицамъ, заключеннымъ въ тюрьмахъ и посланнымъ за политическія преступленія и оскорбленіе Величества, а также—изданіемъ ряда указовъ. Указомъ отъ 19 марта 1801 г. полицейскимъ чиновникамъ строго воспрещалось переступать границы своей власти и во всякомъ случаѣ—оскорблять или обижать кого-бы то ни было.

31-го того же мѣсяца разрѣшено^т вновь частнымъ лицамъ открывать собственныя типографіи, а также выписывать книги изъ заграницы.

2-го апрѣля упразднена слѣдственная канцелярія для политическихъ дѣлъ, такъ называемая „тайная экспедиція“.

28-го мая запрещено печатать объявленія о продажѣ крестьянъ безъ земли (этимъ, однако, не возбранялась самая продажа).

27-го сентября особымъ указомъ уничтожались пытки.

Правительство приступило также, хотя несмѣло къ крестьянскимъ реформамъ.

Лица, приближенные къ Александру I, какъ то: графъ Строгановъ, князь Чарторыйскій, Кочубей и Новосильцевъ были противниками крѣпостного права и въ этомъ направленіи вліяли на императора, который продолжалъ колебаться. Въ это время графъ С. П. Румянцевъ выступилъ съ проектомъ, разрѣшающимъ помѣщикамъ отпускать крестьянъ на волю и надѣлять ихъ землей. Этотъ проектъ понравился Александру I. Въ 1803 году былъ изданъ указъ о такъ называемыхъ „вольныхъ хлѣбопашцахъ“, который разрѣшалъ помѣщикамъ заключать съ собственными крестьянами двоякаго рода договоры: 1) крестьяне, получая землю и волю, вносятъ помѣщику одновременно извѣстную сумму въ видѣ вознагражденія, 2) выкупной платежъ раскладывается на извѣстное число лѣтъ, въ теченіе которыхъ крестьяне обязаны исполнять въ пользу помѣщика извѣстныя повинности, 3) крестьяне, оставаясь крѣпостными, обязываются въ теченіе извѣстнаго времени, до дня смерти помѣщика, или навсегда испол-

нять опредѣленныя повинности, или вносить чиншъ деньгами, либо натурой.

При увольненіи крестьянъ изъ крѣпостного состоянія помѣщики были обязаны раздѣлить всю землю, предназначенную для крестьянъ, на участки, надѣлы, переходяшіе въ ихъ личную собственность. Эта реформа, стало быть, подрывала общинную форму землепользованія. Однако это условіе, по мнѣнію историка крестьянъ Семевского ¹⁾, не исполнялось. Позже при Николаѣ I раздѣлъ земли былъ предоставленъ самимъ крестьянамъ, произведшимъ его не тотчасъ же послѣ полученія свободы, а нѣсколько позже. Оказалось, что въ большинствѣ случаевъ крестьяне въ то время не желали лишаться общиннаго пользованія землей.

Въ царствованіе Александра I было раскрѣпошено и надѣлено землей 47.153 крестьянскихъ „душъ“ мужского пола. 17 помѣщиковъ освободили тогда же своихъ крестьянъ безъ всякаго вознагражденія.

Изданіемъ этого послѣдняго закона закончилась реформаторская дѣятельность правительства Александра I въ крестьянскомъ вопросѣ. Время отъ времени въ средѣ наиболѣе просвѣщенныхъ бюрократовъ и частныхъ лицъ, возникали и обрабатывались проекты, смягчающіе крѣпостное право и постепенно его измѣняющіе, но они уже не имѣли на правительство никакого вліянія.

Въ пользу крестьянской реформы высказывались передовые люди—въ печати и литературѣ, но цензура воздвигала такія гоненія, что къ концу царствованія Александра I затрагивать крестьянскій вопросъ стало рѣшительно невозможнымъ.

Власть помѣщиковъ надъ крестьянами въ царствованіе Александра I ограничена не была, и размѣры повинностей крестьянъ въ отношеніи къ помѣщикамъ остались безъ регламентаціи со стороны государства.

Поэтому крѣпостное право, проявлявшееся въ самыхъ дикихъ формахъ, процвѣтало въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка и позже.

Правительство Александра I не только само ничего не предпринимало въ смыслѣ хотя бы смягченія крѣпостного права, не говоря уже о полномъ его уничтоженіи, но даже

---

1) Изданіе кн. Долгорукова и гр. Толстого, подъ заглавіемъ „Крестьянскій строй“, статья Семевского.

противодѣйствовало частной и общественной инициативѣ въ этомъ направленіи, особенно во второй половинѣ этого царствованія. Когда, напримѣръ, въ январѣ 1818 года, на собраніи дворянъ виленской губерніи, уѣздный предводитель дворянства Завиша произнесъ въ присутствіи многочисленной публики рѣчь объ уничтоженіи крѣпостного права, комитетъ министровъ по приказанію Александра I сдѣлалъ виленскому губернатору выговоръ за допущеніе крестьянскаго вопроса къ обсужденію.

Въ 1820 году нѣсколько представителей аристократіи и родового дворянства — гр. Воронцовъ, кн. Меншиковъ, гр. Потоцкій, кн. Вяземскій и братья Тургеневы попытались образовать общество, имѣющее задачей постепенное освобожденіе всѣхъ своихъ крестьянъ. Императоръ Александръ I отнесся непріязненно къ этимъ стремленіямъ и потребовалъ, чтобы каждый изъ нихъ устраивался съ собственными крестьянами порознь, предварительно представивъ соотвѣтственный проектъ правительству.

Но онъ же въ 1819 году принялъ проектъ дворянства динабургскаго (нынѣ двинскаго) уѣзда объ освобожденіи крестьянъ, безъ надѣленія ихъ землей, что объясняется тѣмъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ правительство само проводило ту же реформу. Все же и этотъ скромный проектъ не былъ допущенъ къ осуществленію.

Въ царствованіе Александра I были изданы еще слѣдующія запрещенія: продажа крестьянскаго труда фабрикантамъ, продажа крестьянъ на ярмаркахъ (что опять таки не устраняло вообще этой торговли людьми), отдача помѣщиками крестьянъ въ каторжные работы. Упраздненъ былъ также законъ, въ силу котораго свободный, женившійся на крѣпостной, обращался въ крѣпостного.

Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ при Александрѣ I было ужасно, крѣпостные были отданы на произволь помѣщиковъ; розги, палки, кнуты, кандалы были въ употребленіи повсемѣстно. Сплошь и рядомъ крестьяне гибли не выдерживая пытки.

Гаремы изъ крѣпостныхъ дѣвокъ не были рѣдкостью въ помѣщичьемъ обиходѣ. Въ эти гаремы попадали и крестьянскія жены, если имѣли несчастіе понравиться помѣщику. Изнасилованіе малолѣтнихъ дѣвицъ было въ порядкѣ вещей.

Барщина возросла, эксплуатація крѣпостного труда

увеличивалась во всѣхъ отношеніяхъ; въ имѣніяхъ открылось много новыхъ фабрикъ, гдѣ крестьяне тяжело и долго работали.

Мы здѣсь охарактеризуемъ фабричныя условія въ тогдашней Россіи—въ общихъ чертахъ.

По мнѣнію Туганъ-Барановскаго ¹⁾, въ Россіи до Петра Великаго почти не существовало крупныхъ промышленныхъ предприятий, тогда какъ послѣ его смерти число таковыхъ, принадлежавшихъ какъ государству, такъ и частнымъ лицамъ, достигало уже цифры 233.

Переходъ мелкой промышленности въ фабричную— по словамъ упомянутаго экономиста — былъ невозможенъ просто по той причинѣ, что при первобытномъ состояніи техники производства, дешевизнѣ и примитивности фабрикатовъ, мелкое производство представлялось болѣе выгоднымъ.

Возникновенію специальныхъ предприятий, которыя производили бы предметы, не входяшіе въ кругъ мелкой промышленности, какъ напр. тонкія сукна и полотна, шелковыя и другія матеріи, препятствовали два обстоятельства: отсутствіе соотвѣтственно подготовленныхъ, умѣлыхъ рабочихъ и затрудненія въ сбытѣ, ибо заграничные товары, ввозимые при небольшой пошлинѣ, были благодаря своимъ достоинствамъ внѣ мѣстной конкуренціи ²⁾. Только государственныя потребности создали крупную промышленность въ Россіи. Поэтому мы и наблюдаемъ возрастаніе промышленности въ зависимости отъ роста государства. Нѣкоторыя фабрики устраивало само правительство и по истеченіи извѣстнаго времени передавало ихъ въ частныя руки; оно же давало значительную субсидію на ихъ оборудованіе.

Еще до Петра въ Россіи имѣлись крупные торговые капиталы. Подъ вліяніемъ упомянутыхъ выше причинъ— они увеличивались, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно разрослась и основанная на нихъ промышленность. Большая часть фабрикантовъ при Петрѣ Великомъ состояла изъ коренныхъ русскихъ, принадлежавшихъ къ богатому купеческому сословію.

---

¹⁾ М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I, стр. 9.

²⁾ Ibid.

Хотя государство и облегчало частной инициативѣ открытіе новыхъ фабрикъ путемъ ассигнованія на этотъ предметъ значительныхъ суммъ, однако этой дѣятельности правительства было недостаточно. Поэтому фактъ появленія въ Россіи въ концѣ первой четверти XVIII вѣка большого числа фабрикъ объясняется исключительно тѣмъ, что въ Россіи уже въ то время существовалъ экономически сильный классъ купцовъ-капиталистовъ.

Посмотримъ теперь, изъ какихъ элементовъ образовался въ Россіи фабрично-рабочій классъ?

Первоначально на фабрикахъ работали вольнонаемные крестьяне, бѣжавшіе нѣкогда отъ своихъ господъ, а также назначаемые правительствомъ. Иногда къ новымъ открытымъ фабрикамъ приписывали цѣлыя деревни съ крѣпостнымъ населеніемъ. Однако въ первые годы царствованія Петра Великаго вездѣ преобладало правило, что фабриканты должны сами искать себѣ рабочихъ. Но вскорѣ обнаружилось, что свободный трудъ менѣе выгоденъ фабрикантамъ, чѣмъ трудъ крѣпостныхъ. Прежде всего не существовало рабочихъ, знающихъ какую либо спеціальность; тѣ же, что послѣ долготѣней работы на фабрикѣ выработались въ спеціалистовъ, представляли для фабрикантовъ цѣнное пріобрѣтеніе, которое они очень боялись потерять. Затѣмъ, незначительная производительность труда въ то время прекрасно мирилась съ его принудительностью. Наконецъ, вообще недоставало рабочихъ рукъ. Правительство пыталось помочь этому ссылкой на фабрики бродягъ и извѣстной категоріи преступниковъ. Но этого все же было недостаточно. Вслѣдствіе этого Петръ Великій указомъ 1721 года разрѣшилъ купцамъ покупать деревни вмѣстѣ съ крѣпостными, для примѣненія ихъ къ фабричному труду, съ условіемъ, чтобы крѣпостные были нераздѣльны отъ фабрикъ. Но этого мало: фабриканты добились у императрицы Анны Іоанновны въ 1736 г. указа, по которому всѣ фабричные рабочіе, работающіе съ 1736 года, независимо отъ того, принадлежатъ-ли они къ крѣпостному состоянію, или нѣтъ, прикрѣпляются вмѣстѣ со своими семьями къ фабрикамъ, становятся крѣпостными.

Русское дворянство смотрѣло недружелюбнымъ окомъ на то, что фабриканты и купцы, благодаря этому указу, получили право пріобрѣтать землю съ крестьянами; по-

этому Петръ III въ 1762 году издалъ указъ, подтвержденный спустя нѣсколько мѣсяцевъ Екатериной II, въ силу котораго это право было упразднено. Императоръ Павелъ издалъ въ 1798 году новый указъ, разрѣшающій покупку крѣпостныхъ крестьянъ для приписки ихъ къ фабрикамъ. Александръ I въ 1816 году запретилъ это окончательно.

Въ періодъ усиленія значенія дворянства при Екатеринѣ II правительство поддерживало мелкую крестьянскую промышленность, считая ее для государства болѣе выгодной, чѣмъ крупная; все таки несмотря на это, количество фабрикъ въ то время возрасло значительно. При вступленіи на престолъ Екатерины II фабрикъ насчитывалось 984, а въ годъ ея смерти ихъ было уже 3161. Мы такимъ образомъ видимъ, что въ концѣ XVIII вѣка фабричная промышленность въ Россіи развивалась вполне успешно, безъ особой поддержки со стороны государства. Въ то же время открывать фабрики стало также дворянство.

Во второй половинѣ XVIII вѣка крѣпостной трудъ на фабрикахъ становился все менѣе выгоднымъ: развитие промышленности требовало труда болѣе продуктивнаго и утонченнаго. Этому требованію не отвѣчалъ крѣпостной трудъ крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикамъ. Поэтому мы и видимъ, что начинаетъ постепенно входить въ употребленіе вольнонаемный трудъ. Въ началѣ XIX вѣка вольнонаемные рабочіе составляютъ уже 48% обшаго числа фабричныхъ рабочихъ.

Характерно, что фабрики, возникшія въ силу потребностей государства и имъ устроенныя или субсидируемыя, пользовались преимущественно крѣпостнымъ трудомъ; открытыя же по частной инициативѣ — вольнонаемнымъ.

Въ концѣ царствованія императора Александра I въ Россіи насчитывалось 5.261 фабрика, съ 210.568 рабочихъ, изъ коихъ 114.515 человекъ было вольнонаемныхъ и 96.053 крѣпостныхъ. Крѣпостные раздѣлялись на двѣ категоріи: „вотчинныхъ“, представлявшихъ собственность помѣщиковъ, и „поссесіонныхъ“. Послѣдніе работали на такъ называемыхъ „поссесіонныхъ“ фабрикахъ, т. е. получавшихъ отъ правительства субсидію въ формѣ земли, построекъ, крѣпостныхъ рабочихъ, или на фабри-

кахъ, построенныхъ на средства казны, или же на тѣхъ, владѣльцы которыхъ получили специальное разрѣшеніе приобрѣтать крѣпостныхъ крестьянъ, на что они по своему происхожденію не имѣли права.

Первая категорія крѣпостныхъ рабочихъ (вотчинныхъ) была не только фактически, но и юридически отдана на произволъ своихъ господъ, такъ же какъ и крестьяне, принадлежавшіе помѣщикамъ. Крѣпостные рабочіе второй категоріи (посесіонные) находились фактически въ томъ же положеніи, но юридически, по закону, государство оставляло за собой право контроля надъ условіями ихъ труда, и иногда измѣняло эти условія къ лучшему подъ давленіемъ бунтовъ, неудовольствій и жалобъ.

Фабричныхъ рабочихъ „вотчинныхъ“ въ 1825 году насчитывалось 66.725; посесіонныхъ же—29.328. Въ годъ смерти императора Александра I на фабрикахъ работали преимущественно вольнонаемные рабочіе (114.515), за ними — „вотчинные“ и въ наименьшемъ количествѣ „посесіонные“.

Какъ уже выше было отмѣчено, работа на фабрикахъ была пугаломъ для крѣпостныхъ крестьянъ, она производилась въ условіяхъ прямо ужасныхъ. Рабочій день былъ крайне великъ; что же касается платы, то крѣпостные рабочіе получали значительно меньше, чѣмъ вольнонаемные, зачастую не получали вовсе; иногда имъ выплачивали натурой.

Бунты фабричныхъ рабочихъ случались часто и влекли за собой, особенно для „посесіонныхъ“, тяжелыя наказанія. Бунтовщиковъ сѣкли немилосердно, иногда засѣкали на смерть. Рабочіе засыпали центральное правительственное жалобами; тогда власти обыкновенно назначали слѣдственную комиссію, составленную изъ людей мало развитыхъ и склонныхъ принять сторону фабрикантовъ. Понятно, что такая комиссія чаще всего находила, что причина бунта—лѣнь, или непослушаніе рабочихъ. Послѣдніе не смущались неудачей и борьбу съ фабрикантами вели цѣлыми годами; подчасъ удавалось имъ добиться сокращенія рабочаго дня, либо повышенія заработной платы, лучшаго обращенія и т. п. Исторія этой борьбы любопытна, какъ картина—съ одной стороны—чрезвычайной энергіи рабочихъ, несмотря на ужасныя страданія, а съ другой—эксплоатаціи, жестокости и алчности фабрикан-

товъ. Правительство почти всегда становилось на ихъ сторону и лишь во избѣжаніе бунтовъ, могущихъ распространиться и на окрестныя села, предписывало фабрикантамъ идти на нѣкоторыя уступки рабочимъ.

Фабричныя бунты были во много разъ длительнѣе, упорнѣе и напряженнѣе, чѣмъ подобныя же проявленія неудовольствія среди крестьянъ въ деревняхъ. Однако и тѣ и другіе вспыхивали періодически, локализовались въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и не охватывали одновременно широкихъ народныхъ массъ, т. е. представляли собой лишь грозное предостереженіе на будущее, являлись симптомами позднѣйшей борьбы; пока же ни для правительства, ни для имущихъ классовъ бунты эти не представляли большой опасности.

Бичемъ народнымъ во второй половинѣ царствованія Александра I являлись военныя поселенія, т. е. колоніи солдатъ-землепашцевъ. Жизнь въ этихъ поселеніяхъ была регламентирована до мельчайшихъ подробностей и проходила въ тяжелой работѣ. Смертность въ военныхъ поселеніяхъ достигала 10⁰/₀%. Сплошь и рядомъ случались разрывы сердца, заболѣванія меланхоліей и т. п. ¹⁾

Съ внѣшней стороны военныя поселенія поражали царящимъ въ нихъ порядкомъ. Построены они были по специальному плану, избы были всѣ одного типа, внутри наблюдалась образцовая чистота и вообще по тѣмъ временамъ постройки отличались почти изысканностью. Въ поселеніяхъ разбивались бульвары, сооружались пріюты, школы, были устроены также небольшіе кредитныя банки.

Наряду съ этимъ существовали однако недочеты хозяйственнаго характера, какъ напр.—при основаніи военнаго поселенія не обращали особеннаго вниманія на характеръ избранной для этого мѣстности и пригодность почвы для обработки; приходилось выкорчевывать лѣсъ, осушать болота; въ расселеніи колонистовъ не соблюдалось никакой пропорціи по отношенію къ мѣсту, — случалось, что тамъ, гдѣ могло прожить 720 человекъ, поселяли 1,000; земельныя участки находились очень далеко отъ самого поселенія.

Земля и движимость отдавались въ собственность, но

¹⁾ Проф. Довнаръ-Запольскій. Идеалы декабристовъ, стран. 20.

военно-поселенецъ долженъ былъ быть очень исправнымъ и непремѣнно женатымъ, въ противномъ случаѣ его „имущество“ могло быть начальствомъ отнято. Такой порядокъ требовалъ раннихъ браковъ и многочисленнаго потомства.

Военныя поселенія были не разъ причиной бунтовъ, заканчивавшихся трагически. Напримѣръ, въ результатѣ чугуевскаго бунта 245 человекъ приговорены были къ смертной казни.

Хотя ихъ „помиловали“, но взамѣнъ смертной казни прогнали двѣнадцать разъ сквозь строй въ тысячу человекъ. Многие погибли не выдержавъ этой дьявольской экзекуціи.

Злоупотребленія чиновниковъ въ Россіи временъ Александра I были чудовищны. О костромскомъ губернаторѣ Пасынковѣ находилось въ производствѣ 22 дѣла по обвиненію его во взяточничествѣ и поборахъ съ населенія; противъ тульскаго губернатора Богданова возбуждено было 8 дѣлъ. Ревизія сенатора Мясоѣдова въ новгородской ¹⁾ губерніи обнаружила, что царскіе указы не исполнялись въ теченіе 10 лѣтъ со дня ихъ изданія. Тотъ же сенаторъ долженъ былъ предать суду 300 чиновниковъ въ курской губерніи.

Императоръ Александръ I мало занимался внутренними дѣлами Россіи, такъ какъ все его вниманіе поглощала иностранная политика. Вообще же онъ очень много путешествовалъ и, поскольку пребывалъ въ Россіи, интересовался преимущественно фронтовой службой. Требовательность его въ отношеніи послѣдней была столь велика, что вызывала ироническія замѣчанія даже у его брата, тоже педанта, великаго князя Константина. Во второй половинѣ царствованія императоръ Александръ I управление Россіи фактически передалъ своему любимцу Аракчееву. Это былъ тиранъ, ограниченный и жестокій.

Александръ зналъ его съ юношескихъ лѣтъ и любилъ за почти собачью къ себѣ привязанность, слѣпое повиновеніе и точное исполненіе приказаній. Аракчеевъ не былъ, подобно другимъ, алчнымъ, но его управленіе было для Россіи эпохой великаго бѣдствія. Это онъ насаждалъ „военныя поселенія“ и хотѣлъ всю Россію по-

---

¹⁾ Проф. Довнаръ-Запольскій. Идеалы декабристовъ, стр. 21.

строить по военному ранжиру, наглухо закрывъ народу доступъ къ просвѣщенію.

Насколько начало царствованія Александра I было благопріятно въ смыслѣ просвѣщенія массъ, развитія литературы и науки, настолько во второй половинѣ этого царствованія независимая мысль была совершенно придавлена, университеты были отданы подъ надзоръ людей, стремившихся окончательно изгнать изъ университетскихъ стѣнъ духъ истинной науки. Правительство до крайности боялось всякаго проявленія критики господствующаго политическаго строя и религіи.

Въ сложномъ характерѣ Александра I было много противорѣчій. Хотя въ данное время есть уже полная возможность утверждать, что Александръ I никогда не былъ искреннимъ сторонникомъ политической свободы, но все же нельзя отрицать, что по крайней мѣрѣ вначалѣ онъ склонялся къ „просвѣщенному абсолютизму“, признавалъ значеніе науки и готовъ былъ провести нѣкоторыя важныя реформы. Позднѣе все это исчезло. Повидимому, Александръ I былъ очень чутокъ къ мнѣнію Европы и желалъ въ ея глазахъ казаться человѣкомъ гуманнымъ, съ широкимъ умственнымъ горизонтомъ, и другомъ просвѣтительнаго движенія. Менѣе всего онъ заботился о мнѣніи собственнаго народа.

Новыя историческія изслѣдованія проф. С. Ашкенази (Szymon Aszkenazy) показали, что дарованіе конституціи Царству Польскому не было актомъ вполне добровольнымъ, исходившимъ изъ собственной инициативы императора Александра I, но слѣдствіемъ давленія тѣхъ круговъ польскаго общества, которые имѣли поддержку въ войскѣ бывшаго герцогства Варшавскаго. Даровавъ Царству Польскому конституцію, Александръ I въ то же время подчинялъ его всѣмъ выходкамъ своего брата Константина, командовавшаго войсками. Финляндіи Александръ I также даровалъ конституцію, въ общемъ только подтверждавшую дѣйствовавшіе въ ней издавна шведскіе законы—страна эта не имѣла крупнаго политическаго значенія для Россіи, но все же заслоняла столицу съ сѣвера—и такимъ образомъ приобрѣлъ симпатіи финляндецъ. Абсолютизмъ же въ самой Россіи предоставлялъ императору полную свободу дѣйствій, а это было для него самымъ важнымъ.

Внукъ Екатерины I какъ будто думалъ о конституціи и для самой Россіи и приказалъ съ этой цѣлью подготавливать соотвѣтственные проекты, но ни одинъ изъ нихъ не удовлетворялъ его, вѣроятно потому, что онъ желалъ примирить непримиримыя противорѣчія въ государственномъ строѣ: участіе общества въ правленіи—съ неограниченной властью монарха.

Не подлежитъ сомнѣнію, что усиливавшаяся реакція заражала и само русское общество, вѣрнѣе—его высшія сферы. Каковы же были причины этой реакціи? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ точно и удовлетворительно.

Въ самой Россіи не проявлялось никакого революціоннаго движенія, которое могло бы оправдать поворотъ къ реакціи; но событія въ Европѣ, въ особенности походъ Наполеона I въ Россію, повліяли отрицательно на настроеніе правящихъ сферъ и въ значительной мѣрѣ на высшіе и средніе слои общества.

Послѣ 1815 года реакція еще болѣе усилилась, вслѣдствіе сближенія между Александромъ I и Меттернихомъ.

Отечественная война 1812 года пробудила въ сильной степени патріотическія чувства народа, какъ въ высшихъ, такъ и низшихъ кругахъ. Среди интеллигентовъ возродилась любовь ко всему чисто русскому, традиціи прошлаго стали привлекать къ себѣ особенное вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ возникло теченіе противъ подражанія Западу.

Крестьяне въ 1812 году проявили много патріотизма и самопожертвованія въ партизанской борьбѣ съ французской арміей, и въ глубинѣ души питали надежду, что послѣ счастливо законченной войны ихъ ждетъ въ видѣ награды освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Надежды эти были обмануты, всеобщая реакція не благоприятствовала крестьянской реформѣ.

Выраженіемъ консервативныхъ взглядовъ была докладная записка извѣстнаго историка Карамзина, врученная Александру I, въ которой авторъ пытался обосновать необходимость для Россіи абсолютизма, крѣпостного права и другихъ особенностей стараго строя; онъ же сформулировалъ принципы „національной“ политики, которой слѣдовало придерживаться правительству. Императоръ Николай I ввелъ эту программу въ жизнь.

Высшіе и средніе круги общества раздражало дарова-

ніе Царству Польскому конституціи; консерваторы были очень недовольны тѣмъ, что подъ скипетромъ Александра I вообще находятся провинціи, пользующіяся конституціоннымъ образомъ правленія; либералы же были обижены тѣмъ, что „завоеванныя“ земли пользуются политической свободой, когда нѣтъ таковой въ коренной Россіи.

Въ сферѣ умственной жизни реакція нашла себѣ выраженіе въ повышеніи религіознаго чувства, возникновеніи піетическихъ и мистическихъ направленій, наконецъ, въ усиленіи авторитета и вліянія православной церкви.

Однако политическо-соціально-умственная реакція ничуть не охватывала всего общества; извѣстная часть его находилась подъ вліяніемъ либеральныхъ, западно-европейскихъ теченій; нѣкоторые представители аристократіи, особенно изъ военнаго круга познакомились съ ними еще за границей, во время наполеоновскихъ походовъ, и непосредственно столкнулись съ инымъ соціально-политическимъ строемъ, чѣмъ тотъ, что господствовалъ въ ихъ отечествѣ.

Это обстоятельство должно было повліять на усиленіе освободительныхъ стремленій въ Россіи.

Въ царствованіе Александра I въ русскомъ обществѣ, вслѣдствіе выше объясненныхъ причинъ, наступила уже болѣе отчетливая дифференціация сужденій въ политическихъ, соціальныхъ и философскихъ вопросахъ. На фонѣ этой дифференціации возникли первыя тайныя политическія общества, стремившіяся къ ниспроверженію политическаго, а отчасти и соціальнаго строя (уничтоженіе крѣпостнаго права), господствовавшаго въ Россіи.

II.

Тайныя политическія общества въ Россіи въ эпоху Александра I.

1.

Представители аристократическо-дворянско-военной среды при Александрѣ I дѣйствительно успѣли познакомиться съ западно-европейской жизнью. Продолжительный поstay русской арміи въ европейскихъ государствахъ, особенно во Франціи, способствовалъ тому, что русскіе офицеры вблизи приглядѣлись къ строю общественно-политической жизни Запада и заинтересовались его соціальной и политической литературой. Кромѣ офицеровъ, находившихся при арміи за границей, тамъ пребывали и соотечественники, пріѣхавшіе искать образования или развлеченій. Яркій контрастъ между Россіей и Западной Европой долженъ былъ вызвать въ болѣе просвѣщенной и прогрессивной части русскаго общества горячее стремленіе къ реформамъ и породить даже попытки дѣятельности въ этомъ направленіи. Политическая жизнь въ Западной Европѣ давала готовые образцы и для этихъ попытокъ, а именно — тайныя политическія общества съ соціалистическимъ оттѣнкомъ.

Въ настоящее время, подѣ влияніемъ условій современной жизни въ государствѣ съ установившимся конституціоннымъ строемъ, а также — соціалдемократической теоріи и практики, на политическіе заговоры въ соціально-политическомъ движеніи смотрятъ, какъ на совершенно ошибочную форму, при помощи которой никогда ничего серьезнаго не было сдѣлано и сдѣлать невозможно. Только широкое массовое движеніе пользуется всеобщимъ признаніемъ. Однако, такой взглядъ должно признать крайне узкимъ, — такъ какъ онъ требуетъ, чтобы формы общественно-политическаго движенія въ ту или

иную историческую эпоху были признаны рациональными вообще для всѣхъ временъ и государствъ, — и не соответствующимъ историческо-эволюціонной точкѣ зрѣнія. Между тѣмъ исторія показываетъ, что на извѣстныхъ стадіяхъ развитія общества политическіе заговоры суть явленіе всеобщее и, стало быть, въ государственной жизни неизбежное; исторія показываетъ также, что не всѣ подобныя попытки заканчивались поражениемъ, или достигали лишь поверхностныхъ результатовъ; напротивъ, заговоры подготовляли зачастую массовое движеніе и становились причиною коренныхъ политическихъ перемѣнъ.

Политическіе заговоры временъ Реставраціи и іюльской монархіи во Франціи подготовили революціи 1830 и 1848 гг., результаты которыхъ, какъ извѣстно, далеко не были поверхностны и мимолетны. Военные заговоры въ Испаніи въ XIX вѣкѣ сыграли огромную и даже рѣшающую роль въ дѣлѣ преобразованія ея абсолютистскаго государственнаго строя въ конституціонный. Объединеніе Италіи явилось результатомъ многолѣтней дѣятельности тайныхъ организацій, сумѣвшихъ использовать международныя политическія отношенія; этотъ великій историческій актъ трудно понять внѣ дѣятельности карбонаріевъ, кружковъ Мацини и борьбы Гарибальди и гарибальдійцевъ. Отдѣльные заговоры подготовили греческое возстаніе. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ крупной роли заговоровъ въ извѣстныхъ фазахъ общественнаго развитія.

Тамъ, гдѣ умственный уровень широкихъ массъ народа крайне невысокъ, экономическая жизнь общества мало дифференцирована и отсутствуютъ крупные центры промышленности, въ которыхъ бы сосредоточивался многочисленный фабричный пролетаріатъ, далѣе, — тамъ, гдѣ нѣтъ возможности дѣйствовать открыто, пути сообщенія плохи, и вслѣдствіе этого общество, какъ цѣлое, не въ силахъ быстро реагировать на событія политическо-соціального характера, — тамъ заговоры единственно возможная форма борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей.

При другихъ, обратныхъ условіяхъ — для возникновенія и существованія заговоровъ или тайныхъ организацій нѣтъ почвы. Тамъ же, гдѣ существующія соціально-политическія и экономическо-культурныя условія являются переходной ступеню отъ указанныхъ выше къ

существующимъ въ Западной Европѣ нынѣ, тамъ заговоры имѣютъ извѣстное значеніе, но не являются единственно возможной и сами по себѣ достаточной формой политическо-общественнаго движенія. Дѣятельность ихъ пріобрѣтаетъ значеніе лишь наряду съ массовымъ движеніемъ, на которое они должны опираться, или служить его выраженіемъ въ отдѣльныхъ событіяхъ, когда оно по тѣмъ или инымъ причинамъ не можетъ открыто выступить, или не хочетъ выступить въ данный моментъ въ угрожающей формѣ, но несмотря на это существуетъ и обнаруживаетъ признаки своей активности. Наконецъ, заговоръ можетъ подготовить позднѣйшее организованное выступленіе массъ.

Въ дальнѣйшемъ мы познакомимся съ различными формами тайныхъ организацій въ Россіи. Здѣсь мы желали бы обратить вниманіе читателя лишь на односторонность и ошибочность господствующихъ нынѣ взглядовъ на политическіе заговоры вообще. Отмѣтимъ тутъ же еще, что заговоры возникаютъ почти всегда въ эпоху абсолютизма, или, такъ сказать, полуабсолютизма, когда общественныя силы не могутъ быть организованы, а народъ, надъ которымъ высится сильно централизованная государственная власть, находится въ состояніи раздробленности.

Такія именно условія господствовали въ Россіи въ царствованіе Александра I и потому борьба за политическую свободу, за уничтоженіе крѣпостного права и другія реформы неизбежно должна была принять форму тайной революціонной организаціи, а не какую либо иную.

Пока казалось, что самъ императоръ Александръ I исповѣдуетъ либеральные принципы, пока правительство послѣ разныхъ колебаній дѣлало время отъ времени какой нибудь шагъ въ направленіи прогрессивной политики,—освободительно-демократическія стремленія проявляли себя лишь въ выражаемыхъ подъ сурдину, а подчасъ и громко желаніяхъ и разговорахъ въ обществѣ, въ частной корреспонденціи, иногда—въ журналахъ и книгахъ, поскольку этому мирволила цензура.

Послѣ изгнанія французовъ въ 1812 году, всѣ ожидали коренныхъ реформъ. Надежды не оправдались. Послѣ вѣнскаго конгресса въ 1815 году политика Александра I

становилась съ каждымъ годомъ консервативнѣе, и потому-то именно въ этотъ періодъ возникли первыя тайныя политическія организаціи въ Россіи.

2.

Мысль о необходимости организовать тайное политическое общество возникла почти одновременно въ умахъ многихъ русскихъ интеллигентовъ, недовольныхъ существующимъ строемъ. Первымъ пропагандистомъ этой мысли былъ генераль М. Орловъ.

Онъ вернулся въ Россію въ 1814 году, проникнутый большимъ уваженіемъ къ дѣятельности нѣмецкаго Тугендбунда, полуконспиративнаго общества, стремившагося къ освобожденію Германіи отъ иноземнаго ига, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ ея національному, политическому и нравственному возрожденію. Это общество существовало съ вѣдома прусскихъ короля и правительства и сыграло по истинѣ великую роль въ исторіи Германіи. Генераль Орловъ мечталъ объ основаніи подобнаго же общества въ Россіи. Образованіе Царства Польскаго въ 1815 году вызвало большое неудовольствіе въ значительной части русскаго общества. Недовольный Орловъ написалъ императору Александру I письмо съ выраженіемъ сожалѣнія по этому поводу. Письмо это не было вручено императору, которому однако было извѣстно и непріятно его содержаніе. Образованіе Царства Польскаго послужило новымъ стимуломъ для Орлова къ осуществленію своего намѣренія, тѣмъ болѣе, что онъ предполагалъ, будто тайная польская организація оказывала вліяніе на императора Александра I. Орлову хотѣлось парализовать воображаемое вліяніе поляковъ на монарха, путемъ воздѣйствія на него такой же тайной русской организаціи. Проведя 1815 и 1816 годы за границей, преимущественно въ Парижѣ, Орловъ не могъ осуществить своего плана сразу. Этимъ занялся онъ лишь въ концѣ 1816 г. и началъ 1817 г. Точно неизвѣстно, дѣйствительно ли онъ успѣлъ организовать какое либо тайное политическое общество; изъ признаній Никиты Муравьева можно однако заключить, что уже въ 1817 году онъ основалъ Общество русскихъ рыцарей ¹⁾. Должно быть это общество не успѣло развиваться, ибо не осталось

---

¹⁾ См. въ изданныхъ проф. Довнаръ-Запольскимъ Мемуарахъ декабристовъ—признанія Никиты Муравьева, стр. 47 и 48.

никакихъ слѣдовъ его дѣятельности. Собственно говоря, оно было лишь зародышемъ болѣе крупной организаціи.

Одновременно съ Орловымъ думалъ о необходимости организовать тайный союзъ полковникъ, позже генераль М. И. Фонъ-Визинъ, но ограничился вступленіемъ въ члены союза, устроеннаго другими.

Проф. Довнаръ-Запольскій склоненъ не безъ основанія видѣть ядро этого общества въ кружкѣ офицеровъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка ¹⁾, о которомъ говоритъ въ своихъ запискахъ Якушкинъ. Кружокъ возникъ послѣ возвращенія гвардіи изъ заграницы, съ цѣлью собраній и совмѣстнаго препровожденія времени за чтеніемъ, бесѣдой и шахматной игрой. Въ пользу такого предположенія говоритъ то обстоятельство, что къ позднѣйшимъ тайнымъ обществамъ принадлежало сравнительно много офицеровъ Семеновскаго полка. Этотъ кружокъ былъ основанъ еще въ 1815 году и насчитывалъ въ своей средѣ отъ 15 до 20 офицеровъ. Командиръ полка, генераль Потемкинъ благоволилъ къ кружку, но императоръ Александръ I, узнавъ о его существованіи, приказалъ прервать эти собранія, совмѣстныя чтенія и бесѣды. Въ кружкѣ усердно читались заграничныя газеты и обсуждались различные политическіе и общественные вопросы, что создавало атмосферу серьезности и направляло умы къ рѣшенію крупныхъ задачъ. Члены кружка не довольствовались преніями на отвлеченныя темы, но подробно обсуждали нужды русскаго народа, русскаго государственнаго строя, и различныхъ слоевъ общества.

Въ 1816 году мысль объ устройствѣ тайнаго политическаго общества вполне созрѣла у значительной части офицеровъ. Главнымъ его инициаторомъ былъ Александръ Муравьевъ, котораго тотчасъ же поддержалъ его двоюродный братъ Никита. Къ нимъ присоединились: кн. Сергѣй Трубецкой, Якушкинъ и братья Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы. Конечной цѣлью общества являлось несомнѣнно преобразование государственнаго строя Россіи въ конституціонный. По свидѣтельству однихъ ²⁾, установленіе въ Россіи конституціонной монархіи было сразу же ясно сформулировано; по другимъ свѣдѣніямъ—признано на

---

1) Проф. Довнаръ-Запольскій. Тайное общество декабристовъ, стр. 5.

2) Таково мнѣніе Никиты Муравьева.

первыхъ порахъ вообще главной цѣлью всѣхъ стремленій — благо Россіи и прежде всего устраненіе иноземнаго вліянія на государственныя дѣла ¹⁾); преобразование же государственнаго строя откладывалось на дальнѣйшее время.

Вскорѣ послѣ возникновенія Общества, одинъ изъ первыхъ его членовъ, Якушкинъ, перевелся въ полкъ, расквартированный въ черниговской губерніи, а затѣмъ стоявшій въ Москвѣ. Здѣсь онъ привлекъ въ Общество командира своего полка М. И. Фонъ-Визина, который, какъ мы уже видѣли, самъ мечталъ объ организаціи тайнаго союза. Личность эта была весьма популярна, прекрасныхъ нравственныхъ качествъ и разносторонняго образованія.

Въ то же время Общество въ Петербургѣ разрасталось. Никита Муравьевъ завязалъ знакомство съ П. И. Пестелемъ, адъютантомъ кн. Витгенштейна и встрѣтился съ Александромъ Муравьевымъ. Пестель вступилъ въ члены Общества. Этотъ человекъ представлялъ собой быть можетъ наиболѣе выдающуюся личность во всѣхъ тайныхъ организаціяхъ временъ Александра I. Вербовка членовъ Общества шла успѣшно, при чемъ обращалось серьезное вниманіе на то, что бы желающіе вступить въ него обладали болѣе или менѣе крупными умственными и нравственными достоинствами. За короткое время въ Общество вступили еще: Николай Новиковъ, Илья Бибииковъ, Илья Долгоруковъ, Сергѣй и Иванъ Шиповы, кн. Ѳедоръ Шаховской, Леонтій Перовскій, Михайль Лунинъ, Павелъ Лопухинъ.

Вначалѣ Общество не имѣло строго опредѣленной организаціи: можно было отличить лишь руководителей отъ подчиненныхъ; освѣдомленныхъ о конечной цѣли союза отъ непосвященныхъ.

Дѣятельность членовъ состояла въ пропагандѣ среди общества гуманныхъ и свободолобивыхъ взглядовъ, критикѣ общей правительственной политики и отдѣльныхъ ея актовъ, въ выработкѣ общественнаго мнѣнія, раскрытіи злоупотребленій бюрократіи и суровомъ обличеніи фактовъ алчности, деспотизма и вообще примитивныхъ чувствъ и низкихъ инстинктовъ.

---

¹⁾ По Якушкину.

Въ концѣ 1816 г. было приступлено къ выработкѣ устава, который бы точно опредѣлялъ цѣли и формы дѣятельности Общества, а также правила внутренней организаціи.

Фактическими руководителями Общества были: Павелъ Пестель и Никита Муравьевъ. Окончательную выработку устава взяли на себя: Пестель, Трубецкой и Долгоруковъ; секретаремъ немногочленной комиссіи былъ избранъ кн. Шаховской. Долгоруковъ долженъ былъ формулировать цѣли и средства ихъ достиженія, Пестелю было поручено опредѣлить порядокъ принятія новыхъ членовъ и правила внутренней организаціи Общества; Трубецкой долженъ былъ выработать правила, которыми слѣдовало руководствоваться при вербовкѣ членовъ, а также кругъ ихъ дѣятельности ¹⁾.

Въ началѣ января уставъ былъ уже готовъ и принятъ членами. Къ сожалѣнію, онъ не дошелъ до насъ; намъ извѣстны лишь общія черты, организація Общества и его политическій характеръ.

Общество стало называться: Союзъ Спасенія или Истинныхъ и Вѣрныхъ сыновъ отечества.

Члены союза раздѣлялись на три степени: братья, мужи и бояре. Боярами считались члены-учредители союза, т. е. лица, пользовавшіеся наибольшимъ значеніемъ въ іерархіи тайнаго общества; мужи — это тѣ, что знали тайны Союза (по всей вѣроятности — его ближайшія и отдаленныя цѣли) и дали присягу подчиняться его уставу; наконецъ, братьями, стоявшими на послѣдней ступени іерархической лѣстницы, назывались тѣ, которые также присягали на вѣрность Обществу, но во всѣ, а особенно въ конечныя его цѣли, посвящены не были.

Боярами числились: Александръ, Никита и Матвѣй Муравьевы, Пестель, Трубецкой, Шаховской, Глинка, Новиковъ, Лунинъ, Илья Бибииковъ, Перовскій В. А. и кн. Лопухинъ. Этотъ списокъ членовъ-бояръ быть можетъ не полонъ; онъ составленъ на основаніи признаній членовъ декабрьскаго возмущенія 1825 года, а также донесенія слѣдственной комиссіи. Бояре выбирали изъ своей среды ежемѣсячно предсѣдателя, блюстителя и секретаря. Собственно всѣмъ Обществомъ руководилъ Верховный Совѣтъ

¹⁾ Проф. Довнаръ-Запольскій. Тайное общество декабристовъ, стран. 10.

Павель Иванович
ПЕСТЕЛЬ.

Петръ Андреевичъ
КАХОВСКІЙ.

Сергѣй Ивановичъ
МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ.

Михаиль Александровичъ
БЕСТУЖЕВЪ.

**THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY**

**ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS**

R L

бояръ, состоявшій изъ всѣхъ членовъ - бояръ. Въ случаѣ успѣшнаго распространенія Союза, предполагалось образовать отдѣльные округа, управляемые Думой, подъ председательствомъ депутата отъ Верховнаго Совѣта бояръ¹⁾. При принятіи новыхъ членовъ въ Общество исполнялись различныя сложныя формальности, нѣсколько напоминающія масонскіе обряды; по этому поводу во время обсуждения устава возникали долгіе и горячіе дебаты. Въ концѣ койцовъ рѣшено принять относительно обрядовъ вступленія въ Общество среднее изъ высказанныхъ мнѣній²⁾. Члены Союза должны въ точности придерживаться распоряженій, исходящихъ отъ членовъ, поставленныхъ на высшей ступени іерархіи Союза. Бояре же должны точно исполнять рѣшенія собственного большинства. Уставъ, организующій Общество, былъ повидимому суровъ, ибо вызывалъ у многихъ членовъ Союза неудовольствіе. Вообще цѣли и средства Союза были формулированы рѣзко и революціонно—по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія непосвященныхъ, такъ какъ и на это позже нарекали нѣкоторые колебавшіеся члены.

Уже въ 1816 или въ 1817 году, по признанію Пестеля, Лунинъ выразился, что въ рѣшительную минуту нужно будетъ начать съ царевубійства.

Культурныя и просвѣтительно-этическія цѣли Союза представляли собой только одну сторону его дѣятельности, о которой было сказано въ уставѣ. Въ другомъ мѣстѣ устава прямо говорилось о преобразованіи Россіи въ конституціонное государство. Сначала именно эту цѣль Союза представляли его членамъ, даже Пестелю, какъ очень отдаленную; позже стали указывать на нее, какъ на болѣе близкую.

Члены Союза расходились во взглядахъ; уже въ это время республиканскія идеи имѣли убѣжденныхъ сторонниковъ въ лицѣ Новикова и Пестеля. По отношенію къ тактикѣ также не было единомыслія: нѣкоторые желали дѣйствовать быстро и энергично, стремясь къ достиженію непосредственно конечныхъ цѣлей Союза; другіе реко-

¹⁾ Проф. Довнаръ-Запольскій. Тайное общество декабристовъ, стран. 12 и 13.

²⁾ Довнаръ-Запольскій утверждалъ, что противники масонскихъ формъ взяли верхъ (стран. 11), но затѣмъ самъ привелъ противоположное мнѣніе, стран. 10.

мендовали терпѣніе и напирали главнымъ образомъ на подготовку общества и сосредоточеніе силъ.

Союзъ все болѣе и болѣе разрослся; отдѣльные члены его, назначаемые на службу въ разныя мѣста, разсѣивались по Россіи. Съ Союзомъ сблизился также Орловъ, убѣдившись, что не въ состояніи основать свое общество.

Члены Союза придавали большое значеніе тому, чтобы занимать крупныя должности на государственной службѣ, военной и гражданской, поэтому и уставъ запрещалъ выходить добровольно въ отставку.

Однако различія во взглядахъ среди членовъ затрудняли дальнѣйшее развитіе Союза; онъ долженъ былъ или распасться, или преобразоваться. Нужно было, слѣдовательно, собраться и всѣмъ вмѣстѣ обсудить спорные вопросы. Въ сентябрѣ 1817 года открылся для этого прекрасный случай. Дворъ вмѣстѣ съ гвардіей, въ которой находилось много членовъ Союза, переѣхалъ въ Москву на торжество закладки храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ. Такимъ образомъ очутились въ Москвѣ: Александръ и Никита Муравьевы, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы, Глинка, Фонъ Визины, Михаилъ Муравьевъ, Колошинъ, Бурцевъ, кн. Шаховской, Якушкинъ и Лунинъ.

На собраніяхъ споры между членами Союза Спасенія начали принимать острую форму: одни желали, чтобы Союзъ носилъ характеръ болѣе умѣренный, и чтобы дѣятельность его направлялась преимущественно въ сторону задачъ просвѣтительно-этическихъ и мирно-соціальныхъ, а не революціонно-политическихъ; другіе выражали противоположное мнѣніе. Въ это время Михаилъ Муравьевъ досталъ у кн. Лопухина текстъ устава нѣмецкаго Тугендбунда, который ему очень понравился; сторонники умѣреннаго направленія приняли уставъ Тугендбунда вмѣсто дѣйствующаго устава Союза Спасенія. Это предложеніе первоначально встрѣтило сильное противодѣйствіе, такъ что Михаилъ Муравьевъ и Петръ Колошинъ вышли изъ Союза. Однако послѣ долгихъ дебатовъ былъ принятъ новый уставъ по образцу Тугендбунда. Вслѣдствіе этого Союзъ Спасенія, какъ таковой, пересталъ существовать, а новое общество стало называться Союзомъ Благоденствія или Зеленой книги, по цвѣту пере-

плета новаго устава. Николай Муравьевъ предложилъ, чтобы этотъ уставъ былъ поднесенъ на утвержденіе императора Александра I, но это предложеніе встрѣтило оппозицію и не было принято.

Преобразование Союза Спасенія въ Союзъ Благоденствія, не опредѣлившаго точно, подобно первому, своихъ цѣлей, служить доказательствомъ, что въ Россіи уже въ то время среди недовольныхъ элементовъ, критически относящихся къ политикѣ правительства и всему самодержавному строю русскаго государства—сравнительно мало было людей, рѣшившихся на непосредственную революціонную борьбу съ существующимъ порядкомъ вещей; какъ только Союзъ Спасенія разросся, тотчасъ же нашлись въ немъ колеблющіеся люди. Можетъ быть часть радикально настроенныхъ членовъ согласилась на измѣненіе устава Общества и его преобразование—только въ надеждѣ, что такимъ образомъ удастся сосредоточить побольше силъ, которыя постепенно станутъ революціонными. Иначе трудно понять, почему Михаилъ Муравьевъ и Колошинъ оказались первоначально въ незначительномъ меньшинствѣ.

Во время пребыванія членовъ тайнаго общества въ Москвѣ въ концѣ 1817 и въ началѣ 1818 года, Александръ Муравьевъ, недовольный должно быть характеромъ новой организаціи, основалъ Военное Общество, съ цѣлями весьма близкими цѣлямъ Союза Спасенія. Кромѣ нѣкоторыхъ прежнихъ членовъ послѣдняго въ составъ Военнаго Общества вошли, по признанію Якушкина: оба Перовскіе, Катенинъ и кн. Федоръ Шаховской. Существовало Военное Общество очень недолго, а члены его вступили позже въ Союзъ Благоденствія.

Въ Москвѣ, во время пребыванія тамъ членовъ тайнаго общества, произошелъ характерный эпизодъ. Кн. Трубецкой прислалъ изъ Петербурга извѣстіе, будто бы Александръ I вознамѣрился присоединить къ Царству Польскому литовско-русскія губерніи. О подробностяхъ этого извѣстія свидѣтельствуютъ различно. Вѣсть эта вызвала бурю негодованія у заговорщиковъ, и Якушкинъ взялъ на себя миссію убить государя. Другіе, хотя неменѣе возмущенные, удерживали его отъ этого намѣренія; нѣкоторые совѣтовали вообще выждать провѣрки извѣстія. Якушкинъ отказался отъ своего плана, но вы-

шелъ изъ Общества, раздраженный, по его словамъ, малодушіемъ сочленовъ.

3.

Союзъ Благоденствія, благодаря неясности своихъ цѣлей, быстро увеличивалъ ряды своихъ сторонниковъ. До насъ дошла первая часть его устава, принятаго членами. Не станемъ приводить ее здѣсь, такъ какъ интересующіеся могутъ легко отыскать текстъ въ извѣстномъ трудѣ Пыпина ¹⁾. Эта часть весьма обширна и включаетъ въ себѣ формулировку различныхъ задачъ Союза, опредѣляемыхъ въ столь широкомъ масштабѣ, что въ эти рамки возможно было ввести любое содержаніе, сообразно стремленіямъ любого члена. Задачи эти проникнуты человѣколюбіемъ и основаны на этическихъ принципахъ, признаваемыхъ по крайней мѣрѣ въ теоріи всѣми просвѣщенными людьми той эпохи.

Выше было отмѣчено, что Союзъ Благоденствія взялъ себѣ за образецъ Тугендбундъ. Однако уставъ Тугендбунда болѣе точно формулировалъ предѣлы своей практической общественной дѣятельности. Уставъ этотъ требовалъ отъ своихъ членовъ, владѣвшихъ земельной собственностью вмѣстѣ съ крѣпостными, освобожденія послѣднихъ отъ крѣпостной зависимости и надѣленія ихъ землей въ полную собственность. Союзъ Благоденствія требовалъ только гуманнаго обращенія съ крестьянами и заботы объ ихъ просвѣщеніи.

Короче говоря, уставъ этого Общества носилъ слишкомъ общій характеръ. Сказанное относится разумѣется лишь къ дошедшей до насъ первой части. Вторая часть, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ ²⁾, была несомнѣнно написана; она была извѣстна главнымъ членамъ Союза Благоденствія, однако не была ими формально принята. Противорѣчивость показаній относительно существованія

---

¹⁾ «Общественное движеніе въ Россіи при императорѣ Александрѣ I».

²⁾ Признанія Александра Муравьева, а также отрывокъ письма Поджіо къ генералу Левашеву въ Мемуарахъ декабристовъ, изданныхъ проф. Довнаръ-Запольскимъ, стран. 201.

второй части устава объясняется тѣмъ, что менѣе важные члены совершенно не слыхали о ней и утверждали, что ея никогда не было.

Повидимому существовали серьезные причины, по которымъ вторая часть устава не была формально принята: въ организации еще сильна была оппозиція противъ приданія Союзу Благоденствія явно политическо-революціоннаго характера, а вторая часть была редактирована должно быть именно въ такомъ духѣ.

Всѣ члены Союза признавали, что конечной, но отдаленной цѣлью его является преобразование русскаго государственнаго строя въ конституціонный; но не могли прийти къ соглашенію въ вопросѣ, какъ организовать тайное сообщество для политической борьбы. Тутъ именно выступали различія во взглядахъ и темпераментахъ членовъ. Первая часть устава устанавливаетъ для Союза Благоденствія четыре рода дѣятельности: въ сферѣ челоувѣколюбія, нравственности и просвѣщенія, правосудія и общественнаго хозяйства.

Союзъ Благоденствія долженъ былъ, согласно плану своихъ основателей, имѣть надзоръ надъ больницами, пріютами, тюрьмами и заниматься благотворительностью—это первая категорія дѣятельности. Въ кругъ второй категоріи входило: распространеніе здоровыхъ нравственныхъ понятій, собственный примѣръ нравственнаго поведения, смягченіе нравовъ, распространеніе знаний, борьба съ предрасудками. Въ области правосудія—члены Союза были обязаны бороться съ подкупамъ и насиліемъ, распространять принципъ, что всѣ сословія и національности въ государствѣ одинаково ему нужны и полезны, слѣдить за тѣмъ, чтобы гражданскіе чиновники и военные начальники не злоупотребляли данной имъ властью, а также, чтобы блюлись законы и т. п. Въ области общественнаго хозяйства члены Союза обязаны были: наблюдать за тѣмъ, чтобы въ основѣ коммерческихъ операцій лежала честность, распространять общепользныя хозяйственныя свѣдѣнія, способствовать подъему экономической культуры государства, особенно въ области земледѣлія. Такимъ образомъ мы видимъ, сколь обширное поле дѣятельности предназначалось для членовъ Союза Благоденствія—согласно первой части его устава.

Каждый членъ записывался въ какую либо изъ опи-

санных четырех категорій. Съ желающаго вступить въ Союзъ—до прочтенія его устава—брали письменное обязательство, что въ случаѣ невступленія его въ число членовъ онъ никому не сообщитъ содержанія устава и даже факта его существованія. Нововступающій выдавалъ также подписку въ томъ, что онъ обязуется активно содѣйствовать цѣлямъ Союза и всецѣло подчиняться его уставу.

Члены организациі обязывались: освѣдомлять администрацію Союза о всѣхъ незаконныхъ или дурныхъ поступкахъ своихъ сотоваришей, собственнымъ же поведеніемъ подавать хорошей примѣръ; въ точности исполнять приказанія руководителей Союза, вносить въ его кассу двадцать пятую часть своихъ доходовъ.

Проф. Довнаръ-Запольскій, котораго изслѣдованія основаны на всѣхъ показаніяхъ декабристовъ, не только частью опубликованныхъ, но и недоступныхъ для публики, слѣдующимъ образомъ описываетъ подробности организациі Союза.

Члены учредители Союза составляли его Коренной Союзъ, который избиралъ изъ своей среды Коренной Совѣтъ изъ шести членовъ. Одного избирали блюстителемъ Союза, другихъ—засѣдателями. Изъ числа членовъ Коренного Совѣта избирался предсѣдательствующій на два мѣсяца. Засѣдатели, т. е. обыкновенные члены, засѣдавшіе въ Совѣтѣ, выходили изъ его состава по жребію каждыхъ четыре мѣсяца, а мѣсто ихъ занимали другіе члены Коренного Союза. Исполнительнымъ органомъ Союза являлся Коренной Совѣтъ. Послѣдній вмѣстѣ съ членами Коренного Союза, не вошедшими въ составъ Совѣта, представлялъ собою Коренную Управу ¹⁾, которой принадлежала законодательная власть Союза Благоденствія, высшій судъ и право принятія новыхъ членовъ. Таково было устройство центральной власти Союза.

Каждый членъ Коренной Управы долженъ былъ со временемъ образовать изъ новопоступившихъ членовъ, принятыхъ имъ лично, отдѣльную организацию, подчиненную Коренной Управѣ. Процедура устройства новыхъ организациі состояла въ слѣдующемъ: когда принятыхъ членомъ Коренной Управы новыхъ членовъ насчитыва-

---

¹⁾ Изъ этого описанія слѣдуетъ, что Коренной Союзъ въ цѣломъ былъ Коренной Управой, ибо Коренной Совѣтъ состоялъ изъ 6 членовъ Коренной Управы, выбранныхъ имъ изъ своего состава.

лось 10, то этотъ членъ Управы устраивалъ новую Управу, передавая ей право принятія новыхъ членовъ.

Въ Управѣ число членовъ колебалось между 10 и 20. Пять членовъ Управы должны быть постоянными жителями той мѣстности, гдѣ находилась Управа. Существовало 3 рода Управъ: Дѣловыя, Побочныя и Главныя. Дѣловыя Управы могли устраивать Побочныя. Трудно точно установить, въ чемъ заключалось различіе между ними; по всей вѣроятности Побочная Управа — это та, число членовъ которой не достигало требующагося минимумъ (т. е. 10-ти); когда же насчитывалось уже 10 членовъ, то Побочная Управа организовывала новую Побочную же, а сама становилась полной и независимой Управой. Побочныя Управы при обычныхъ условіяхъ не могли входить въ непосредственныя сношенія съ главными властями въ Союзѣ Благоденствія, но только съ Дѣловой Управой, которая ее организовала.

Управа, которая организовала три Побочныя Управы, становилась Главной.

Внѣ указанной организациі Союза Благоденствія существовали еще свободныя сообщества, находящіяся въ связи съ нимъ и преслѣдовавшія подобныя же цѣли. Управа, которая организовала три такихъ сообщества, становилась также Главной. Женщины въ Союзѣ Благоденствія не принимались.

Мы видимъ, насколько организациа Союза была сложна; весьма вѣроятно, что на практикѣ она не имѣла такихъ законченныхъ формъ, какія были предусмотрѣны уставомъ. Имѣются даже весьма опредѣленныя указанія, что по крайней мѣрѣ въ Москвѣ дѣла Союза велись запросто, безъ точнаго соблюденія правилъ устава. Число членовъ Союза Благоденствія быстро возросло. Въ Москвѣ по всей вѣроятности было не менѣе двухъ Управъ. Во главѣ первой находился кн. Ѳедоръ Шаховской, второй руководилъ Александръ Муравьевъ. Можетъ быть существовала и третья, которая собиралась на квартирѣ Юрьева, но съ увѣренностью утверждать этого нельзя. Въ 1818 и 1819 гг. въ Москвѣ должно было быть 30 членовъ.

Въ Петербургѣ находилось нѣсколько Управъ и сообществъ, связанныхъ съ Союзомъ Благоденствія.

Въ Полтавѣ Новиковъ основалъ масонскую ложу, съ

цѣлью подготовить членовъ къ вступленію въ Союзъ Благоденствія. Наконецъ въ Тульчинѣ находилась Управа, гдѣ дѣйствовалъ Пестель.

Теперь возникаетъ вопросъ, приняла ли дѣятельность Союза Благоденствія столь обширные размѣры въ различныхъ направленіяхъ, какъ этого требовалъ уставъ?

На этотъ вопросъ мы можемъ съ полной увѣренностью отвѣтить отрицательно. Союзъ Благоденствія не создалъ никакихъ филантропическихъ и вообще благотворительныхъ учреждений, какъ равно не устраивалъ школъ; ничего также неизвѣстно о его дѣятельности въ отношеніи непосредственнаго надзора за уже существовавшими общественными учреждениями. Но несомнѣнно, что Союзъ постепенно оказывалъ вліяніе на настроеніе высшихъ сферъ того времени, способствовалъ облагораживанію нравовъ, побуждалъ частныхъ лицъ къ благотворительности, наконецъ распространялъ либеральные политическіе взгляды; въ столичныхъ салонахъ открыто критиковалось правительство и различные его представители. Члены Союза въ отдѣльности дѣлали облегченія крестьянамъ въ своихъ имѣніяхъ. Якушкинъ, напр., хотѣлъ освободить отъ крѣпостной зависимости своихъ крестьянъ, но этому воспрепятствовало правительство различными формальностями. Офицеры изъ Союза Благоденствія относились гуманно къ солдатамъ, иногда даже распространяли среди нихъ демократическіе принципы и осуждали правительство.

Тяжелая доля выпала тогдашнему солдату; одна служба въ теченіе 25 лѣтъ представляла невѣроятную тягость; что же сказать о постоянно испытываемыхъ имъ различныхъ униженіяхъ и преслѣдованіяхъ.

Въ 1820 году вспыхнуло извѣстное возмущеніе въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, вызванное жестокимъ обращеніемъ съ солдатами командира полка Шварца. Первой взбунтовалась рота упомянутаго выше заговорщика, Сергѣя Муравьева. Нѣтъ никакихъ данныхъ для утвержденія, что въ этомъ случаѣ офицеры непосредственно вліяли на подчиненныхъ. Возможно, однако, что здѣсь имѣло мѣсто косвенное вліяніе членовъ Союза Благоденствія. Они не стали бы подстрекать къ бунту, такъ какъ заранѣе знали, что онъ не удастся, но возникъ онъ быть можетъ именно потому, что солдаты этого полка обла-

дали въ большей степени чувствомъ человѣческаго достоинства, чѣмъ въ другихъ войсковыхъ частяхъ.

О дѣятельности Союза Благоденствія мы знаемъ сравнительно немного. Въ концѣ 1819 года въ Москвѣ между двумя выдающимися членами Союза—Александромъ Муравьевымъ и кн. Шаховскимъ—возникли серьезныя разногласія, результатомъ коихъ явилось признаніе перваго въ томъ, что онъ понялъ свое заблужденіе и выступаетъ изъ организациі, совѣтуя сдѣлать то же остальнымъ. Члены Союза Благоденствія поспѣшили увѣдомить Александра Муравьева, что совѣтъ его принять ими и существованіе Союза прекращается. Это не соответствовало истинѣ, но считалось вообще необходимымъ, чтобы выступающіе изъ организациі были убѣждены въ прекращеніи ея существованія.

Тѣмъ временемъ Союзъ непрерывно развивался, Якушкинъ снова вступилъ въ него, прибывали также и новые члены.

Политическое направленіе въ Союзѣ Благоденствія начало брать верхъ. Въ январѣ 1820 года въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Тульчина Пестель, который именно старался придать Союзу главнымъ образомъ политической характеръ. Въ это время въ столицѣ, въ квартирѣ Глинки состоялось весьма важное засѣданіе Коренной Управы. Присутствовали: предсѣдательствующій Союза гр. Толстой, блюститель кн. Долгоруковъ, Николай Тургеневъ, Семеновъ, Иванъ Шиповъ, Колошинъ, Лунинъ, Фонъ-деръ-Бригенъ, Сергѣй, Матвѣй и Никита Муравьевы и Пестель. На собраніи обсуждались различныя формы правленія; Пестель высказался за республиканскій строй и былъ поддержанъ Сергѣемъ Муравьевымъ и Долгоруковымъ; вообще всѣ, за исключеніемъ Глинки, опредѣленно согласились съ такимъ взглядомъ. Пестель поднялъ вопросъ о необходимости образовать временное правительство послѣ низверженія монархіи.

Такимъ образомъ уже въ началѣ 1820 года важнѣйшіе руководители Союза Благоденствія были республиканцами. Впослѣдствіи мы увидимъ, что спустя два года во взглядахъ заговорщиковъ произошли перемѣны и значительное количество членовъ Союза стало признавать превосходство конституціонной монархіи надъ республикой. На допросѣ Пестель заявилъ, что упомянутое выше

собрание представляло собой заседание Правления Союза Благоденствия; другие же его дѣятели говорили, что заседание это было неофициальное. Какъ бы то ни было, но какъ одни, такъ другие признали фактъ, что въ то время наиболѣе выдающіеся члены организации были республиканскаго образа мыслей.

Непосредственно послѣ собранія у Глинки, состоялось другое—у Ивана Шипова, носившее характеръ семейный и отнюдь не официальный, какъ полагаетъ проф. Довнаръ-Запольскій. На немъ былъ затронутъ крайне важный вопросъ о низверженіи самодержавія. Пестель указалъ на цареубійство, какъ на единственное средство. Это предложеніе нѣкоторые поддерживали, другие отвергали. Собрание не пришло ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Вообще можно сказать, что практической вопросъ о способахъ насильственнаго измѣненія государственнаго строя Россіи все болѣе выдвигался на очередь. Еще до этого, Якушкинъ и Фонъ-Визинъ, видя, что положеніе вещей съ каждымъ днемъ ухудшается, пришли къ мысли о подачѣ членами Союза Благоденствия императору Александру I адреса, въ которомъ были бы изложены народныя нужды и въ заключеніе—просьба о созывѣ Земскаго Собора для ихъ устраненія.

Граббе однако убѣдилъ товарищей, что подобный адресъ привелъ бы только къ аресту членовъ Союза. Всѣ сознавали, что необходимо придумать иной планъ дѣйствій, но здѣсь именно повторилось то, что уже разъ случилось подъ конецъ существованія Союза Спасенія: среди членовъ Союза Благоденствия не было согласія въ вопросѣ о формѣ дѣятельности—одни рвались къ насильственнымъ дѣйствіямъ и совершенію государственнаго переворота, другие же отступали передъ такой рѣшительностью.

Пестель, пользовавшійся въ Тульчинѣ громаднымъ вліяніемъ на товарищей, нашелъ среди нихъ противниковъ въ лицѣ Бурцева и другихъ. Предложеніе его, сдѣланное въ Союзѣ, объ установленіи диктаторской власти, не было принято. Новый съѣздъ членовъ Союза Благоденствия сталъ необходимостью. И онъ дѣйствительно состоялся въ началѣ 1821 года. На съѣздѣ присутствовали: братья Фонъ-Визины, Граббе, Якушкинъ, Колошинъ, Глинка, Тургеневъ, Бурцевъ, Комаровъ, Орловъ и кн. Волконскій; нѣ-

сколько позже, по словам Якушкина, долженъ былъ прибыть Михаилъ Муравьевъ.

Члены съѣзда были предварены, что правительство знаетъ о существованіи Союза Благоденствія и слѣдить за его дѣятельностью. Это извѣстіе привезъ изъ Петербурга Ѳедоръ Глинка, адъютантъ петербургскаго генералъ-губернатора Милорадовича, который имѣлъ подробнѣйшія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ правительства. Такъ въ дѣйствительности и было.

Результаты этого извѣстія были слѣдующіе: колеблющихся членовъ Союза Благоденствія эта вѣсть заставляла либо требовать роспуска Союза, либо выйти изъ его состава; сторонникамъ же открытыхъ революціонныхъ дѣйствій она помогла избавиться отъ первыхъ. На съѣздѣ вначалѣ шла рѣчь объ измѣненіи устава Союза, затѣмъ рѣшено было прекратить совершенно его существованіе.

Пестель не присутствовалъ на съѣздѣ: властямъ было извѣстно, что у него нѣтъ дѣлъ въ Петербургѣ и, стало быть, пріѣздъ его туда могъ вызвать подозрѣнія.

4.

Прекращеніе дѣятельности Союза Благоденствія имѣло лишь официальное значеніе. Якушкинъ говоритъ, что тотчасъ же было приступлено къ редактированію новаго устава, который раздѣлялъ членовъ на двѣ категоріи и принятіе новыхъ членовъ обусловливалъ большой осторожностью.

Однако новое сообщество должно было начать свою дѣятельность не въ той формѣ, какъ этого требовалъ уставъ. Самый же уставъ, по мнѣнію Якушкина, былъ уничтоженъ въ 1822 году.

Фактически установлено, что и послѣ съѣзда 1821 г. заговорщики въ Тульчинѣ не прерывали своей дѣятельности, а вели ее дальше въ Южномъ Обществѣ; въ Петербургѣ же вскорѣ возникло Сѣверное Общество.

Какъ и слѣдовало ожидать, привезенное въ Тульчинъ изъ Москвы извѣстіе о распушеніи Союза Благоденствія вызвало недовольство среди мѣстныхъ членовъ Союза.

На состоявшемся собраніи генераль Юшневскій, предварительно прийдя въ соглашеніе съ Пестелемъ, пытался разъяснить присутствующимъ всѣ препятствія, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути тайное общество и прежде всего—его практическія стремленія. Рѣчь эта была произнесена съ цѣлью побудить къ выступленію изъ Союза нерѣшительныхъ членовъ. Но впечатлѣніе эта рѣчь произвела обратное тому, котораго ожидалъ ораторъ.

Вслѣдствіе этого рѣшено было сохранить организацію и впредь.

Ея уставъ былъ сходенъ съ таковымъ же Союза Спасенія. Члены подраздѣлялись на три категоріи: бояръ, мужей и братьевъ; кромѣ нихъ числились еще друзья — лица, не входившія въ составъ организаціи, но имѣвшія съ ней сношенія и предположенныя въ ея будущіе члены. Общество раздѣлялось на Управы. Во главѣ всей организаціи стояла Директорія.

Южное Общество имѣло три управы: въ Тульчинѣ, Васильковѣ и Каневѣ.

Директоровъ было до самаго ноября 1825 гола только два: Юшневскій и Пестель, позже третій — Сергѣй Муравьевъ-Апостоль.

Характеръ Южнаго Общества былъ вполне и определенно политическій, а въ смыслѣ тактики — революціонный. На первомъ зссѣданіи, на которомъ обсуждались результаты московскаго съѣзда и рѣшено продолжать существованіе общества, Пестель высказался за царубійство въ случаѣ, если Александръ I не согласится дать конституцію. Это предложеніе не встрѣтило оппозиціи. Однако, несмотря на видимое согласіе и желаніе членовъ Общества дѣйствовать и впредь въ указанномъ направленіи, фактически нашлись нерѣшительные члены, которые послѣ устроились отъ дѣла и которыхъ Пестель, заранѣе угадывая ихъ тайныя мысли, ни во что не посвящалъ.

На нѣкоторое время дѣятельность Общества была прервана, и лишь вербовались новые члены. Повидимому, Пестель хотѣлъ переждать и принятъ за дѣло только съ тѣми, къ которымъ питалъ безусловное довѣріе. Столковавшись предварительно съ людьми, заслуживающими полного довѣрія, онъ съѣхался съ ними въ Кіевѣ во время «контрактовъ» (ежегодный коммерческій съѣздъ

въ Кіевѣ окрестныхъ помѣщиковъ). Здѣсь на собраніи или съѣздѣ присутствовали: кн. Волконскій и Давыдовъ изъ Каменки, Юшневскій, Пестель, Сергѣй Муравьевъ-Апостоль. Шла рѣчь о будущей россійской конституціи, выборныхъ системахъ и вообще реорганизации государства. Съѣздъ не вынесъ окончательныхъ резолюцій; это было отложено до будущаго года, когда Пестель долженъ былъ подробнѣе развить свои планы о будущемъ государственномъ строѣ Россіи. Дѣйствительно, онъ работалъ тогда надъ своей „Русской Правдой“, которая должна была заключать въ себѣ полную систему государственной реорганизации и социальныхъ реформъ—послѣ политическаго переворота.

На съѣздѣ было принято рѣшеніе, что планъ конституціи и вообще необходимыхъ перемѣнъ долженъ быть готовъ—до совершенія переворота; относительно же самаго способа совершенія государственнаго переворота признано лишь, что совершить его должна армія.

Въ 1823 году *состоялся новый съѣздъ въ Кіевѣ, на которомъ, кромѣ выше упомянутыхъ лицъ, присутствовалъ недавно принятый Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ членъ Общества, поручикъ Бестужевъ-Рюминъ. Совѣщаніе разсматривало вопросы уже болѣе подробно; въ мнѣніяхъ, касающихся тактики, обнаружались среди участниковъ разногласія.

Въ первыхъ же совѣщаніяхъ съѣзда Пестель поставилъ вопросъ: соглашаются ли члены Общества на установленіе въ Россіи, послѣ революціоннаго переворота, республики? Присутствующіе отвѣтили утвердительно. Затѣмъ онъ спросилъ: признается ли необходимымъ истребить всю императорскую фамилію для того, чтобы обезпечить побѣду новому порядку вещей въ государствѣ? Мнѣнія раздѣлились. Противъ предложенія Пестеля высказались Сергѣй Муравьевъ-Апостоль и Бестужевъ-Рюминъ. Однако послѣ долгихъ дебатовъ, они уступили мнѣнію большинства, что убійство самого императора необходимо. Въ концѣ концовъ, стало быть, остался нерѣшеннымъ вопросъ о лишеніи жизни всѣхъ членовъ императорскаго дома.

Затѣмъ подвергся обсужденію вопросъ о выборахъ въ будущій законодательный корпусъ; Пестель высказался за косвенные выборы, Сергѣй Муравьевъ-Апостоль — за прямые съ имущественнымъ цензомъ. Разсматривался

также вопросъ о церкви и рѣшено, что православіе должно быть господствующей религіей. Подъ конецъ Пестель поставилъ въ порядокъ дня вопросъ объ организаціи общины, раздѣлѣ земли между общинами, о временномъ правительствѣ и другіе вопросы, разрабатываемые имъ въ „Русской Правдѣ“. Но неизвѣстно, были ли сдѣланы по этому поводу какія либо опредѣленныя постановленія.

На съѣздѣ затронуть былъ также вопросъ о тактикѣ. При обсужденіи ея обнаружили два направленія: одно, представляемое Пестелемъ и его сторонниками, имѣло въ виду сосредоточеніе силъ, постепенную подготовку революціи, дальнѣйшую выработку деталей будущаго государственнаго строя и выжиданіе удобнаго случая для совершенія переворота; второе, имѣвшее сторонниковъ въ лицѣ Сергѣя Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, требовало немедленныхъ дѣйствій съ цѣлью непосредственнаго совершенія государственнаго переворота. Согласно послѣднему мнѣнію, Общество само должно создать условія, благоприятныя для революціоннаго движенія, а не ждать пока они явятся сами собой.

Однако тогда не было вынесено окончательнаго рѣшенія, кромѣ того, что слѣдуетъ войти въ болѣе близкія сношенія съ Сѣвернымъ Обществомъ. Пестель предлагалъ войти съ нимъ въ соглашеніе относительно основныхъ вопросовъ грядущей революціонной дѣятельности. Все сводилось къ тому, чтобы добиться согласованности дѣйствій обоихъ Обществъ, установленія временнаго правительства послѣ устраненія существующаго, отреченія членовъ царствующаго дома отъ престола и созыва учредительнаго собранія.

На этомъ кievскомъ съѣздѣ члены Сѣвернаго Общества впервые узнали о существованіи въ Царствѣ Польскомъ польскаго тайнаго политическаго общества. Извѣстіе это привезъ Бестужевъ-Рюминъ. Съѣздъ поручилъ ему и Сергѣю Муравьеву-Апостолу завязать сношенія съ польскими заговорщиками ¹⁾. Черезъ посредство графа Александра Ходкевича, который не былъ въ числѣ членовъ польскаго общества, но зналъ о его существованіи

---

¹⁾ Объ этомъ съѣздѣ см. Довнаръ-Запольскій. Тайное Общество декабристовъ, стран. 79 и 100.

и имѣлъ большія связи, была сдѣлана попытка исполнить порученіе съѣзда. Первый разъ Ходкевичу не удалось познакомить русскихъ заговорщиковъ съ польскими и дѣло было отложено до слѣдующихъ „контрактовъ“ въ будущемъ 1824 году.

5.

Тайное революціонно-патріотическое общество въ Царствѣ Польскомъ образовалось изъ членовъ національныхъ масонскихъ ложъ (*Wolnomularstwo Narodowe*). Въ 1821 г. возникло Патріотическое Общество.

Національныя масонскія ложи были распушены самими же ихъ членами, какъ только они замѣтили, что правительство освѣдомлено объ ихъ существованіи. Основателями Патріотическаго Общества были: Лукасинскій, Уминскій, Прондзинскій, Козаковскій, Шредеръ, Оборскій, Собанскій, Моравскій, Кицинскій и Юрданъ. Собрались они утромъ 1-го мая въ Бѣлянскомъ лѣскѣ подъ Варшавой. Прежде всѣхъ сталъ говорить генералъ Уминскій, прибывшій изъ Познани для устройства въ Царствѣ Польскомъ Общества по образцу организаціи Косинеровъ въ прусской Польшѣ; затѣмъ Моравскій вручилъ Лукасинскому уставъ Косинеровъ, который повидимому долженъ былъ служить образцомъ для устава новаго общества.

Въ тотъ же день вечеромъ заговорщики собрались въ квартирѣ Козловскаго, гдѣ кромѣ уже перечисленныхъ находились Вержболовичъ и Доброгойскій. Послѣ дебатовъ рѣшено было избрать временный центральный комитетъ, въ составъ котораго вошли: Вержболовичъ предсѣдателемъ и членами: Лукасинскій, Козаковскій, Прондзинскій, Шредеръ, Кицинскій, Моравскій и Собанскій; послѣдняго вскорѣ замѣнилъ Махницкій. Душой новой организаціи, которая получила названіе Патріотическаго Общества, былъ Лукасинскій; предсѣдатель Вержболовичъ игралъ просто роль статиста.

Возникновеніе тайной организаціи въ Царствѣ Польскомъ явилось результатомъ политики императора Александра I по отношенію къ полякамъ, въ особенности—многочисленныхъ нарушеній конституціи правительствомъ, а въ частности великимъ княземъ Константиномъ, кото-

рый нисколько не считался съ мѣстными законами и раздражалъ польское Общество своимъ поведеніемъ.

Конечной цѣлью Патріотическаго Общества было осуществленіе независимости Польши; цѣль эту члены Общества не считали однако скоро осуществимой. Оно стремилось прежде всего къ тому, чтобы собрать и организовать общественныя силы, которыя при соотвѣтственныхъ политическихъ условіяхъ могли бы серьезно повліять на ходъ событій.

Патріотическое Общество стало разиваться довольно успѣшно, но уже въ 1822 году, вслѣдствіе обостренія правительственныхъ репрессій со стороны государствъ, подѣлившихъ между собою прежнюю Польшу и воздвигавшихъ гоненія на тайныя общества учащейся молодежи, власти въ Царствѣ Польскомъ успѣли добраться до нѣкоторыхъ нитей заговора. Въ результатѣ этого начались аресты, жертвой которыхъ были: Лукасинскій, Махницкій и другіе. Аресты не задержали развитія Общества, которое продолжало дѣлать успѣхи. Организация была раскрыта только послѣ декабрьскаго возстанія въ Петербургѣ, когда и вообще начались многочисленные аресты.

Патріотическое Общество находилось въ періодѣ постояннаго дальнѣйшаго развитія, когда русскіе заговорщики стали завязывать съ нимъ сношенія. Однако, по вполнѣ справедливому предположенію проф. Ашкенази ¹⁾, Обществу никогда не насчитывало болѣе нѣсколькихъ степенъ дѣйствительныхъ членовъ.

6.

Лѣтомъ 1823 г. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ задумали захватить Александра I въ Бобруйскѣ. Планъ этотъ возникъ вслѣдствіе того, что 9-я дивизія, въ которой они служили вмѣстѣ съ Норовымъ и Повало-Швейковскимъ, была переведена на лѣтнія работы въ Бобруйскъ, куда долженъ былъ пріѣхать и Государь. Заговорщики намѣревались, послѣ ареста Александра I,

---

¹⁾ Очень важная статья о Валеріанѣ Лукасинскомъ была помѣщена проф. Ашкенази въ *Bibliotece Warszawskiej* за 1906 г., июль и августъ. Вскорѣ должно выйти въ свѣтъ обширное изслѣдованіе проф. Ашкенази о польскихъ заговорахъ того времени.

вел. кн. Михаила и генерала Дибича, захватить крѣпость Бобруйскъ, увлечь за собой войска и двинуться на Москву; одновременно же вызвать возстаніе въ Петербургѣ. Все это должно было привести къ перемѣнѣ государственнаго строя въ Россіи и ознаменовать собою начало новой эры.

Члены Общества въ Москвѣ и Тульчинѣ противились столь рискованному предпріятію. Однако оно и такъ не могло быть осуществлено, ибо Александръ I въ Бобруйскѣ не пріѣхалъ.

Пестель, узнавъ отъ Бестужева-Рюмина о несостоявшемся планѣ, объявилъ, что онъ никоимъ образомъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, ибо пока Государь находился въ живыхъ, никто не рѣшился бы дѣйствовать; но нашлось бы не мало такихъ лицъ, которые въ чаяніи награды постарались бы освободить Александра I.

Подъ впечатлѣніемъ такихъ выводовъ Пестеля, Сергѣй Муравьевъ-Апостоль и Бестужевъ-Рюминъ окончательно рѣшились на царубійство, но высказались за сохраненіе жизни остальнымъ членамъ императорской фамилии.

Еще въ томъ же 1823 году члены Южнаго Общества съѣхались въ Каневѣ, съ внѣшней стороны—подъ предлогомъ именинъ матери Давыдова. Кромѣ послѣдняго и кн. Волконскаго, проживавшихъ тамъ постоянно, присутствовали: Пестель, Юшневскій, Сергѣй Муравьевъ-Апостоль и Бестужевъ-Рюминъ. Снова обсуждались вопросы о конституціи и тактикѣ. Вопросъ, какъ поступить съ царской семьей, былъ яблокомъ раздора. Пестель постоянно настаивалъ на необходимости истребить ее; противъ этого возставали Сергѣй Муравьевъ-Апостоль и Бестужевъ-Рюминъ. Все же мнѣніе Пестеля одержало верхъ, и съ тѣхъ поръ—какъ справедливо утверждаетъ проф. Довнаръ-Запольскій—оно сдѣлалось мнѣніемъ всего Южнаго Общества. Подвергалась также обсужденію будущая конституція, и именно—одно и двухпалатная системы, но это не вызывало разногласій и взгляды Пестеля, выраженные въ „Русской Правдѣ“, были приняты всѣми.

Обычный ежегодный съѣздъ въ Кіевѣ на „контрактахъ“, въ 1824 году не отличался оживленіемъ. Присутствовавшіе слушали противорѣчивые рассказы о Сѣверномъ Обществѣ. Давыдовъ изображалъ его дѣятельность и настроеніе членовъ очень оптимистически; Поджіо —

наоборотъ. Вскорѣ Пестель уѣхалъ со съѣзда. Въ это время уже послѣ отъѣзда Пестеля состоялись переговоры между представителемъ тайной польской организаціи, Крыжановскимъ, и Бестужевымъ-Рюминымъ, въ присутствіи Сергѣя Муравьева - Апостола. Бестужевъ-Рюминъ выразилъ мнѣніе, что поляки и русскіе должны бросить прежнее взаимное недовѣріе и подать другъ другу руки для совмѣстной борьбы противъ общаго врага. Крыжановскій, соглашаясь съ этимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на вліяніе прежней исторической борьбы двухъ народовъ на современное политическое устройство поляковъ и на вытекающія отсюда препятствія къ соглашенію съ русскими. Затѣмъ Бестужевъ-Рюминъ заявилъ, что Общество, къ которому онъ принадлежитъ, признаетъ, что Польша должна быть независимой; о ея границахъ онъ не возбуждалъ вопроса, ибо таковой не обсуждался въ Обществѣ, и предложилъ польской организаціи активно поддерживать русскую. Крыжановскій какъ будто согласился на это, требуя только предварительнаго увѣдомленія за двѣ недѣли до начала дѣйствій. Бестужевъ-Рюминъ отъ имени своихъ предъявилъ слѣдующія требованія: 1) поляки употребятъ всѣ усилія для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ возвращеніе вел. кн. Константина изъ Польши въ Россію въ тотъ моментъ, когда Общество начнетъ революціонныя дѣйствія; 2) если бы литовскій корпусъ сталъ на сторону великаго князя, то поляки обязаны какимъ бы то ни было способомъ сдѣлать его безвреднымъ для революціи.

По всей вѣроятности окончательныхъ и опредѣленныхъ рѣшеній не было принято, тѣмъ болѣе, что Крыжановскій не имѣлъ формальнаго полномочія отъ польской организаціи, но вѣроятно онъ далъ обѣщаніе въ общей формѣ, что эти требованія могутъ быть приняты и осуществимы. На допросѣ Крыжановскій отрицалъ, будто давалъ какія либо обѣщанія относительно великаго князя; быть можетъ это отрицаніе было результатомъ условій, въ которыхъ онъ находился. На совѣщаніяхъ говорилось также о формѣ будущаго государственнаго строя въ Польшѣ. Съ русской стороны настаивали на республиканской формѣ. Крыжановскій не могъ сказать ничего опредѣленнаго, ибо этотъ вопросъ не обсуждался еще въ польской организаціи. Наконецъ,

Крыжановскому было обѣщано со стороны Общества содѣйствіе въ видѣ всевозможныхъ свѣдѣній и поддержка въ случаѣ, если кто нибудь изъ поляковъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Переговоры по требованію Крыжановскаго рѣшено вести въ будущемъ безъ посредничества Ходкевича. Съ польской стороны вести ихъ должны были: Гродецкій и Чарковскій.

Совѣщанія между польскими и русскими заговорщиками отличались недомолвками и отсутствіемъ полной откровенности съ обѣихъ сторонъ. Послѣ этихъ переговоровъ Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ рефератѣ точно опредѣлилъ условія, на почвѣ которыхъ польскія и русскія организациі могли бы заключить между собою союзъ. Этотъ рефератъ онъ вручилъ генералу Юшневскому, какъ одному изъ руководителей Южнаго Общества. Хотя формулированныя Бестужевымъ-Рюминымъ, условія этого союза не могутъ считаться выраженіемъ взгляда всей организациі, къ которой онъ принадлежалъ все же они очень характерны и заслуживаютъ изученія. Согласно этому реферату, Россія, желая имѣть вмѣсто тайныхъ враговъ—благодарныхъ союзниковъ, послѣ завершенія реформъ у себя, должна возратить Польшѣ ея государственную независимость, уступить ей кромѣ коренныхъ польскихъ земель и тѣ губерніи, которыя, до сихъ поръ не вполнѣ обрусѣли. Поляки могли бы стало быть, получить гродненскую губернію и часть виленской, минской и волинской. Послѣ заключенія союза съ Польшей русское тайное сообщество будетъ помогать полякамъ въ Россіи въ ихъ справедливыхъ требованіяхъ; оно постарается также устранить недоброжелательность и ненависть, имѣющія мѣсто въ отношеніяхъ между обоими народами.

Поляки въ ближайшее время обязаны: 1) помѣшать въ какой бы то ни было формѣ выѣзду вел. кн. Константина изъ Польши, послѣ того, какъ вспыхнетъ революція въ Россіи; 2) возстать одновременно съ русскими; 3) противодействовать литовскому корпусу, если бы онъ сталъ на сторону правительства; 4) оказывать революціонному движенію всевозможную поддержку; 5) сообщать русской организациі всѣ важныя свѣдѣнія; 6) установить сношенія между русской организацией и подобными же тайными организациями въ Западной Европѣ; 7) дѣйствовать

во время революціи согласно указаніямъ русской организаціи, которую польская организація должна признать главенствующей и руководящей; 8) принять республиканскую форму правленія. Перечисленные условія отразились позже на переговорахъ самого Пестеля съ поляками. Седьмой пунктъ этихъ требованій заходилъ разумѣется слишкомъ далеко, а позднѣе даже и не предлагался польскимъ делегатамъ.

Въ 1824 году Бестужевъ-Рюминъ еще три раза совѣщался съ Гродецкимъ, котораго Крыжановскій уполномочилъ для переговоровъ. Бестужевъ-Рюминъ выражалъ сожалѣніе, что со стороны польской организаціи нѣтъ достаточнаго довѣрія и замѣчается нежеланіе освѣдомлять его о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. Съ другой стороны, онъ изображалъ весьма преувеличенно силы русскаго тайнаго общества. Позже онъ сознавался, — хотя это Гродецкій отрицалъ, — что послѣдній на предложеніе, чтобы во время возстанія польская организація лишила жизни вел. кн. Константина, отвѣтилъ готовностью сообщить это къ свѣдѣнію Варшавскаго Центральнаго Комитета, который на такое предложеніе по всей вѣроятности согласится.

И въ 1824 году, какъ и въ предыдущемъ, равнявшійся къ дѣлу Сергѣй Муравьевъ-Апостоль проектировалъ покушеніе на жизнь Александра I, который долженъ былъ прибыть въ м. Бѣлую Церковь, кievской губерніи. Но и теперь этотъ планъ не былъ осуществленъ, ибо Государь туда не поѣхалъ. Позднѣе обнаружилось, что инициаторы покушенія рассчитывали на помощь людей, оказавшихся впоследствии измѣнниками и доносчиками.

Въ Южномъ Обществѣ стали все болѣе ярко выступать различія во взглядахъ на тактику, въ частности — между Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и Пестелемъ. Первый все настойчивѣе требовалъ революціонныхъ дѣйствій, второй рекомендовалъ терпѣніе и работалъ надъ окончаніемъ „Русской Правды“, которая должна была дать детальный планъ полной реорганизации Россіи.

Ежегодный съѣздъ въ Кіевѣ на „контрактахъ“ въ 1826 году не касался на этотъ разъ вопросовъ самой организаціи. На засѣданіяхъ присутствовали: Пестель, Давыдовъ, кн. Бяратинскій, генералъ Юшневскій, Поджіо, Повало-Швейковскій, кн. Волконскій, Тизенгаузенъ и

полковникъ Враничій. Не доставало Сергѣя Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, которымъ корпусный командиръ не разрѣшилъ отпуска. Настроеніе на сѣздѣ было пессимистическое, чему въ значительной мѣрѣ способствовало извѣстіе о неудачѣ Пестеля въ Петербургѣ, куда онъ ѣздилъ для устройства соглашения съ Сѣвернымъ Обществомъ. Объ этой миссиіи мы скажемъ въ дальнѣйшемъ. Пестелю не удалось склонить петербургскихъ заговорщиковъ на сторону своего плана дѣйствій и будущаго преобразования Россіи.

На сѣздѣ былъ затронутъ вопросъ о начатіи дѣйствій въ будущемъ году, что было стремленіемъ отсутствующихъ членовъ организациіи—Сергѣя Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина. Пестель былъ противъ этихъ плановъ, ибо предвидѣлъ ихъ неудачу.

Въ Кіевѣ Пестель самъ, замѣняя отсутствующихъ членовъ, велъ дальнѣйшіе переговоры съ представителемъ польской организациіи. кн. Яблоновскимъ. Въ сущности никакихъ новыхъ вопросовъ не возбуждалось, какъ равно не формулировались окончательно взаимныя требованія, которыя до сихъ поръ были предметомъ переговоровъ.

Пестель старался убѣдить кн. Яблоновскаго, что союзъ двухъ братскихъ организациій, русской и польской, нужнѣе послѣдней, чѣмъ первой, такъ какъ русскіе сами въ силахъ добыть себѣ свободу; поляки же, потерявъ возможность совмѣстныхъ дѣйствій съ русскими заговорщиками, не будутъ уже въ состояніи завоевать для себя независимость. Пестель пытался также доказать необходимость республиканскаго строя для свободной Польши. Но, по личному взгляду кн. Яблоновскаго, республика въ Польшѣ была бы невозможна; однако онъ прибавилъ, что этотъ вопросъ не рѣшенъ польской организациіей: рѣшить его самъ народъ; во всякомъ случаѣ должно быть установлено временное правительство.

Въ свою очередь кн. Яблоновскій обратился къ Пестелю съ требованіемъ, чтобы русская организациія открыто высказалась за независимость Польши. Пестель отъ имени Сѣвернаго и Южнаго Обществъ увѣрилъ его, что русскіе заговорщики соглашаются на это; относительно же русско-польскихъ земель, полякамъ уступать все, что будетъ возможно.

Въ дальнѣйшемъ обсуждался вопросъ о совмѣстныхъ

дѣйствіяхъ: поляки должны были не начинать революціонныхъ дѣйствій ранѣе, чѣмъ русская организація даетъ ей соотвѣтственныя указанія.

Присутствовавшій при переговорахъ кн. Волконскій, чрезъ посредство котораго Пестель встрѣтился съ кн. Яблоновскимъ, позже на допросѣ сообщилъ, что послѣдній отъ имени варшавской организаціи обѣщаль приложить всѣ старанія, чтобы при началѣ совмѣстныхъ революціонныхъ дѣйствій арестовать находящихся въ Царствѣ Польскомъ членовъ императорской фамилии и парализовать всякія попытки освобожденія ихъ. Пестель сообщилъ позднѣе, — что снова отрицалъ кн. Яблоновскій, какъ вообще все, что говорилось на допросѣ объ императорской фамилии, — что поляки должны были поступить съ вел. кн. Константиномъ такъ, какъ русскіе заговорщики — съ другими членами царствующаго дома.

По поводу этихъ переговоровъ, проф. Довнаръ-Запольскій ¹⁾ справедливо замѣчаетъ, что наиболѣе вѣроятнымъ изъ этихъ двухъ версій является первая, ибо мысль о цареубійствѣ, какъ и другіе подобные планы, вполне созрѣла въ русской организаціи.

Русскіе и польскіе делегаты освѣдомляли другъ друга о силахъ своихъ организацій. Кн. Волконскій впоследствии говорилъ, что Пестель изображалъ въ преувеличенномъ видѣ силы русскихъ заговорщиковъ и представлялся въ качествѣ члена правленія Сѣвернаго и Южнаго Обществъ; съ другой стороны Яблоновскій выступилъ въ качествѣ оффиціального уполномоченнаго польской организаціи, хотя на самомъ дѣлѣ таковымъ не былъ.

Кн. Яблоновскій пожелалъ узнать, кто изъ знакомыхъ съ нимъ лицъ принимаетъ участіе въ Сѣверномъ Обществѣ, но Пестель въ этомъ отказалъ, ибо дать подобныя свѣдѣнія онъ не могъ безъ вѣдома своей организаціи.

Какъ мы теперь видимъ, эти совѣщанія не внесли ничего новаго. Послѣ ихъ прекращенія кн. Волконскій встрѣтился въ томъ же году въ Бердичевѣ съ Мощенскимъ, но и это свиданіе не дало существенныхъ результатовъ.

Этимъ закончились сношенія между русскими и польскими заговорщиками — до декабрьскаго возстанія.

---

¹⁾ Проф. Довнаръ-Запольскій. Тайное общество декабристовъ, стран. 125.

Въ 1825 году членъ Южнаго Общества Швейковскій былъ лишенъ командованія полкомъ. По этому поводу возникла мысль объ ускореніи вооруженнаго выступленія, вскорѣ затѣмъ оставленная. Оно постоянно откладывалось на будущій годъ.

Въ 1825 году руководители Южнаго Общества узнали о существованіи другого тайнаго сообщества — Общества Соединенныхъ Славянъ, затѣмъ наступило сліяніе обоихъ обществъ, что было очень важнымъ событіемъ въ жизни Южнаго Общества.

7.

Члены тайныхъ организацій, разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ, принадлежали къ высшему кругу дворянства и аристократіи; были это главнымъ образомъ офицеры гвардіи и высшіе государственные чиновники.

Общество же Соединенныхъ Славянъ состояло преимущественно изъ небогатыхъ дворянъ, офицеровъ пензенскаго пѣхотнаго полка и кавалеріи первой гренадерской бригады. Наиболѣе дѣятельными членами этого Общества были братья Андрей и Петръ Борисовы.

Первый еще до производства въ офицеры, носился— по собственному признанію — съ мыслью основанія тайнаго политическаго общества, имѣющаго цѣлью потребовать отъ государя изданія основнаго закона имперіи, которому онъ самъ бы подчинился. Дѣло тутъ было разумѣется въ полученіи конституціи. Къ основанію этого Общества Андрея Борисова побуждали постоянный гнетъ несправедливости и игнорированіе интересовъ народа.

Однако лишь 13 мая 1817 года удалось ему вмѣстѣ съ братомъ организовать тайное Общество Друзей Природы. Кромѣ основателей, членами Общества состояли: Волковъ, Корсунъ и Лукьяновичъ. Цѣль Общества заключалась въ нравственномъ совершенствованіи, а также въ очищеніи религіи отъ предрасудковъ. Былъ выработанъ уставъ, позже уничтоженный.

Трудно теперь сказать, была-ли эта цѣль только декорацией для привлеченія членовъ, которыхъ бы затѣмъ основатели Общества склонили къ своей политической программѣ, или братья Борисовы дѣйствительно на пер-

выхъ порахъ оставили свои конституціонныя стремленія, видя вокругъ себя апатію. О дѣятельности Общества Друзей Природы не сохранилось никакихъ данныхъ. Весьма правдоподобна догадка проф. Довнаръ-Запольскаго ¹⁾, что эта организація не развила болѣе или менѣе широкой дѣятельности и ограничилась только цѣлями самообразованія и дебатами.

Очевидно, основатели этого Общества не были имъ довольны; быть можетъ, спустя нѣкоторое время оно перестало бы фактически существовать. Достаточно, что въ 1823 году братья Борисовы вмѣстѣ съ польскимъ дворяниномъ Люблинскимъ образовали новое общество, котораго цѣлью было объединеніе славянскихъ народовъ и племенъ въ единую республику. Эта новая организація получила наименованіе Общества Соединенныхъ Славянъ. Для членовъ выработанъ былъ катехизисъ или родъ обязательнаго устава, а также формула присяги для нововступающихъ членовъ.

Андрей Борисовъ на допросѣ показалъ, что Общество являлось лишь средствомъ для сосредоточенія подъ однимъ флагомъ значительнаго числа гражданъ, съ тѣмъ, чтобы позже можно было воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для открытаго требованія отъ государя конституціи.

Организація этого Общества осталась намъ неизвѣстной. Число его членовъ стало быстро возрастать. Раньше всѣхъ вступилъ въ него Горбачевскій и Бечасновъ. Отъ нововступающихъ членовъ требовалась добрая нравственность и сильный характеръ.

Ни формула присяги Общества Соединенныхъ Славянъ ни упомянутый выше катехизисъ, заключавшій въ себѣ лишь нравственно-житейскія правила, не даютъ опредѣленнаго представленія о политической физиономіи Общества. Цѣнныя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія даетъ намъ въ своихъ мемуарахъ упомянутый ранѣе членъ Общества—Горбачевскій. Онъ утверждаетъ, что задачей Общества было противодѣйствіе расовой недоброжелательности и враждѣ между славянскими народами и племенами, освобожденіе ихъ отъ чужеземнаго ига и объединеніе въ одно федеральное государство, въ которомъ бы

---

¹⁾ Проф. Довнаръ-Запольскій. Тайное общество декабристовъ стран. 137.

каждый народъ былъ совершенно самостоятеленъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ; каждая территорiальная единица, входящая въ составъ государства, имѣла бы свой сеймъ или парламентъ, а всѣмъ государствомъ управлялъ бы конгрессъ; политическій же строй былъ бы демократическимъ. Общество придавало большое значеніе экономической жизни, развитію промышленности, ставя ее на первый планъ; оно заботилось также о поднятіи общаго нравственнаго уровня, распространеніи просвѣщенія, искорененіи предрасудковъ, развитіи религіозной терпимости и уничтоженіи сословныхъ перегородокъ.

Какъ справедливо замѣчаетъ проф. Довнаръ-Запольскій ¹⁾, члены Общества Соединенныхъ Славянъ стремились къ полному уравниенію сословій и готовы были ради этой цѣли на большія жертвы. Эти небогатые офицеры рѣшили десятую долю своихъ скромныхъ доходовъ жертвовать на образованіе капитала для выкупа крѣпостныхъ крестьянъ и устройства сельскихъ школъ.

Общество рекомендовало своимъ членамъ: умѣренность, довольство небольшимъ, скромность, любовь къ ближнимъ, а въ частности—сочленамъ своимъ эмансипированіе отъ собственныхъ страстей, самообразование и трудъ. Во всемъ этомъ была доля аскетизма и демократическаго пуританства нравовъ.

Конечной политической цѣлью Общества являлось преобразованіе формы правленія въ Россіи въ конституціонный строй и славянскую федерацію.

Изъ показаній Кирѣева слѣдуетъ, что Общество обзывало каждаго члена питать постоянное чувство ненависти къ трону. Въ этомъ проявлялся республиканизмъ.

Весьма вѣроятно, однако, что отъ новыхъ членовъ не требовали безусловнаго признанія республиканско-эгалитарныхъ принциповъ, ибо—какъ это можно заключить изъ позднѣйшихъ переговоровъ между Обществомъ Соединенныхъ Славянъ и Южнымъ Обществомъ — одинъ изъ выдающихся членовъ перваго, Спиридовъ, не былъ ничуть, особенно вначалѣ, ни восторженнымъ республиканцемъ, ни сторонникомъ полного уничтоженія сословій. Правда, это былъ сравнительно наиболѣе консервативный

---

¹⁾ Проф. Довнаръ-Запольскій. Тайное общество декабристовъ—стр. 148.

членъ Общества, но уже тотъ фактъ, что Спиридовъ пользовался въ немъ значительнымъ вліяніемъ, доказываетъ, что въ отношеніи политическихъ взглядовъ среди членовъ не было полного единомыслія.

Въ 1824 году Общество Соединенныхъ Славянъ должно было почувствовать потребность въ болѣе систематической и энергичной дѣятельности для приближенія момента борьбы за политическія реформы. 6 декабря этого года Горбачевскій и Петръ Борисовъ долго совѣщались относительно новаго устава Общества. Наконецъ второй изъ нихъ составилъ текстъ устава; къ сожалѣнію, онъ не дошелъ до насъ. Все же извѣстно, что по этому уставу руководство Обществомъ переходило къ предсѣдателю, избираемому на годъ. Въ кругъ его обязанностей входило: выборъ мѣста и времени обыкновенныхъ и экстренныхъ собраній и направленіе дѣятельности Общества. Кромѣ предсѣдателя избирался также на одинъ годъ секретарь, собирающій членскіе взносы и производящій расходы Общества по распоряженію предсѣдателя; секретарь облегчалъ взаимныя сношенія между членами Общества, а также ими и предсѣдателемъ. Предсѣдатель и секретарь были, разумѣется, отвѣтственны передъ Обществомъ.

Въ мартѣ 1825 г. члены Общества Соединенныхъ Славянъ съѣхались въ м. Черниковѣ въ 25 верстахъ отъ Житомира. На этомъ съѣздѣ выработанный Борисовымъ уставъ былъ принятъ единогласно. Онъ же былъ выбранъ предсѣдателемъ на время до выхода войскъ въ лагери въ мѣстечко Лещинъ, волынской губ. Въ началѣ августа тамъ стали собираться войска; въ это же время члены Общества Соединенныхъ Славянъ узнали о существованіи Южнаго Общества, а члены послѣдняго впервые услышали о существованіи перваго. Возникла мысль о сліяніи ихъ въ одно. Общество Соединенныхъ Славянъ нашло себѣ посредника въ лицѣ капитана Тютчева, знакомаго Сергѣя Муравьева-Апостола.

Мы не станемъ приводить всѣхъ деталей этихъ переговоровъ, добросовѣстно описанныхъ въ неоднократно упоминаемой нами книгѣ проф. Довнаръ-Запольскаго. Обратимъ вниманіе читателя лишь на ихъ результаты, тактику членовъ Южнаго Общества, а также на весьма важныя различія въ воззрѣніяхъ, господствовавшихъ среди

членовъ обѣихъ тайныхъ организацій, относительно характера будущаго переворота.

Представители Южнаго Общества въ вопросѣ о сляніи съ Обществомъ Соединенныхъ Славянъ дѣйствовали очень энергично и плодотворно, хотя часто пользовались несоотвѣтственными приѣмами. Они старались прежде всего внушить членамъ Общества Соединенныхъ Славянъ убѣжденіе, что Южное Общество и Сѣверное очень могущественны и имѣютъ обширныя связи не только въ Россіи, но и заграницей, что даже нѣкоторыя европейскіе дворы одобряютъ ихъ планы реформированія Россійскаго государства. Пользуясь случаемъ, упомянули и о сношеніяхъ съ поляками. Для привлеченія на свою сторону Общества Соединенныхъ Славянъ, члены Южнаго Общества старались заимпонировать ему именами высокопоставленныхъ лицъ, якобы состоящихъ въ этой организаціи. При этомъ назывались имена даже такихъ лицъ, которыхъ къ заговорщикамъ нельзя было причислить.

Объединеніе двухъ родственныхъ организацій въ началѣ сентября было совершившимся фактомъ; это не значило, однако, что исчезли всѣ различія въ убѣжденіяхъ ихъ членовъ, напр. Спиридовъ не одобрялъ взглядовъ Пестеля, выраженныхъ въ его „Русской Правдѣ“, особенно обрусительныхъ тенденцій¹⁾, а въ свою очередь самъ онъ былъ противъ полнаго равноправія евреевъ; вопросъ о лишеніи жизни членовъ императорской фамилии во время будущей революціи также не былъ достаточно выясненъ, хотя и говорилось о немъ не мало.

Обсуждался вопросъ о лишеніи жизни Александра I. Бестужевъ-Рюминъ входилъ даже въ детали плана царубійства и вмѣстѣ съ другими думалъ о томъ, кому можно было бы довѣрить исполненіе такого порученія.

Въ вопросѣ о революціонной тактикѣ обнаружались серьезныя разногласія между бывшими членами Общества Соединенныхъ Славянъ и членами Южнаго Общества.

Первые, настроенные болѣе демократично, не были сторонниками исключительно военнаго переворота и полагали, что въ революціонное движеніе нужно вовлечь широкіе круги общества и даже народныя массы, вмѣстѣ съ тѣмъ

---

1) Объ этомъ предметѣ мы поговоримъ обширнѣе въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

привлекая на сторону будущей революціи какъ можно больше офицеровъ и солдатъ.

Иначе на этотъ вопросъ смотрѣли Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ; они желали не великой народной революціи, но военного переворота, произведеннаго сверху, безъ сознательнаго участія солдатъ и части офицеровъ, но лишь при ихъ чисто физическомъ содѣйствіи, основанномъ на симпатіи и дисциплинѣ по отношенію къ стоящимъ во главѣ заговора лицамъ.

По мнѣнію Бестужева-Рюмина, высказанному однажды среди дебатовъ ¹⁾, въ Великой Французской Революціи было много темныхъ сторонъ именно вслѣдствіе участія въ ней черни; въ этомъ отношеніи онъ ставилъ выше испанскую революцію 1823 года, имѣвшую характеръ исключительно военного переворота, хотя ошибка здѣсь заключалась въ оставленіи въ живыхъ короля, который затѣмъ подавилъ все революціонное движеніе. Россійская революція должна быть свободна отъ ошибокъ революціи испанской; въ общемъ же она можетъ быть безкровной.

Подобныхъ же взглядовъ придерживались Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и другіе члены Южнаго Общества.

Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ не совѣтовалъ въ цѣли заговора посвящать солдатъ, но считалъ нужнымъ привлекать къ себѣ солдатъ лично, что онъ и сдѣлалъ очень умѣло, какъ позже показали событія. Кромѣ того, онъ полагалъ, что при помощи специальной интерпретаціи доктринъ христіанской религіи можно будетъ склонить солдатъ и массы перейти на сторону революціи.

Горбачевскій, бывший членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, отвергалъ подобный планъ, справедливо полагая, что пользованіе религіей въ революціонныхъ дѣйствіяхъ есть средство обоюдоострое.

Это различіе во взглядахъ на участіе массъ въ революціонномъ движеніи коренилось въ общественномъ положеніи членовъ, изъ коихъ одни, какъ намъ извѣстно, принадлежали къ аристократіи, не имѣвшей соприкосновенія съ народомъ, — другіе же вышли изъ средняго круга и находились въ общеніи съ нимъ.

Мы до сихъ поръ не имѣемъ данныхъ, чтобы опредѣ-

---

¹⁾ Проф. Довнаръ-Запольскій. Тайное общество декабристовъ стран. 160.

лить въ какой мѣрѣ бывшіе члены Общества Соединенныхъ Славянъ сумѣли воздѣйствовать на солдатъ. Позже этихъ послѣднихъ допрашивали на слѣдствіи, безъ особенной, однако, строгости: очевидно правительство не желало разводить дѣла. Допрашиваемые солдаты держались въ общемъ стойко и не оговаривали офицеровъ.

Такимъ образомъ Южное Общество значительно усилилось къ концу лѣта и началу осени 1825 года. Изъ бывшихъ членовъ Общества Соединенныхъ Славянъ составилось отдѣльное правленіе.

Теперь намъ слѣдуетъ познакомиться съ Сѣвернымъ Обществомъ въ Петербургѣ.

8.

Возвратившись изъ Москвы въ Петербургъ, Тургеневъ увѣдомилъ бывшихъ членовъ Союза Благоденствія о прекращеніи его существованія; вскорѣ однако онъ собралъ нѣсколькихъ изъ нихъ и предложилъ образовать новое тайное общество. Предложеніе было принято.

Присутствовали на этомъ собраніи: Семеновъ, кн. Оболенскій, Нарышкинъ и приглашенные Тургеневымъ — Яковъ Толстой, полковникъ Митьковъ и Миклашевскій. Но новое общество не успѣло развиваться, ибо гвардія въ это время выступила изъ Петербурга въ западныя губерніи; впрочемъ самъ Тургеневъ не проявилъ особенной энергіи. Отсутствуютъ также достаточныя данныя для выясненія характера новаго общества. Семеновъ, показывая на слѣдствіи о воззрѣніяхъ Тургенева, которыя онъ въ то время хотѣлъ провести въ Обществѣ, сводилъ ихъ къ слѣдующему: освобожденіе крестьянъ, распространеніе просвѣщенія, гласность суда, введеніе суда присяжныхъ, уничтоженіе книжной цензуры, наконецъ представительное правленіе въ той или иной формѣ ¹⁾.

Вскорѣ однако это Общество перестало фактически существовать, ничего не сдѣлавъ.

Лишь осенью 1822 года оно снова возродилось. Трудно

---

¹⁾ Проф. Довнаръ - Запольскій. Тайное общество декабристовъ, стран. 195.

опредѣлить, какія именно здѣсь дѣйствовали причины: свѣдѣнія ли о Южномъ Обществѣ, или жажда дѣятельности у прежнихъ членовъ. Инициатива возобновленія этой организациі исходила отъ Никиты Муравьева. Проф. Довнаръ-Запольскій допускаетъ, что на это повлияла встрѣча его въ Минскѣ и Лидѣ съ кн. Оболенскимъ и Нарышкинымъ. Такимъ образомъ образовалось Сѣверное Общество, во главѣ котораго сталъ Никита Муравьевъ, нѣсколько измѣнившій къ этому времени свои политическія убѣжденія: изъ республиканца онъ сталъ конституціоннымъ монархистомъ.

Новая организациа вначалѣ почти ничѣмъ не проявляла своей дѣятельности, все шло вяло; между тѣмъ Южное Общество рвалось къ дѣлу и желало поскорѣе сблизиться съ Сѣвернымъ, вдохновить его своими принципами и взяться за совмѣстныя дѣйствія. Съ этой цѣлью оно отправило делегатовъ въ С.-Петербургъ.

Въ 1823 году въ С.-Петербургъ прибыли: Давыдовъ, кн. Барятинскій, кн. Волконскій, а кромѣ нихъ въ столицѣ находились болѣе или менѣе продолжительное время еще Матвѣй Муравьевъ-Апостоль и Поджіо. Эти обстоятельства не прошли безслѣдно и побуждали Южное Общество къ дальнѣйшимъ шагамъ. Наконецъ, осенью 1823 г., вслѣдствіе вліянія Южнаго Общества, окончательно образовалось Сѣверное Общество, но однако не была при этомъ достигнута главная цѣль перваго изъ нихъ, а именно принятіе Сѣвернымъ Обществомъ программы, выраженной въ „Русской Правдѣ“, а также и тактики Южнаго Общества.

Никита Муравьевъ прочитывалъ присылаемыя ему выдержки изъ „Русской Правды“, но со многимъ не соглашался и посылалъ свой собственный проектъ конституціи Пестелю, котораго въ свою очередь таковой не удовлетворялъ.

Въ октябрѣ 1823 года въ Сѣверномъ Обществѣ состоялись два важныя засѣданія, на которыхъ выработана была самая система организациі и выбраны три директора: Никита Муравьевъ, кн. Оболенскій и Трубецкой. Организациа Общества состояла въ слѣдующемъ. Члены раздѣлялись на двѣ категоріи: „убѣжденныхъ“ — основателей, а также избранныхъ ими, которые вмѣстѣ составляли Думу, называемую иногда Верховной, и — „со-

гласных“ или „соединенных“, которые въ организаціонной іерархіи стояли ниже первыхъ.

„Убѣжденные“ избирали членовъ Думы и могли требовать отъ нея всевозможныхъ разъясненій и отчетовъ; безъ согласія ихъ всѣхъ (пребывающихъ въ данное время въ городѣ) ни одно рѣшеніе Думы не имѣло силы; они же въ полномъ составѣ постановляли о переводѣ членовъ изъ второй категоріи „согласныхъ“ или „соединенныхъ“ въ первую. „Убѣжденные“ избирали также директоровъ; первоначально послѣдніе должны были оставаться въ своихъ должностяхъ безъ опредѣленнаго срока; позже изъ состава директоровъ выходилъ ежегодно одинъ, на мѣсто котораго избирался новый. Обязанностью директоровъ было руководить дѣятельностью всей организаціи, побуждать къ дѣлу, привлекать новыхъ членовъ и назначать засѣданія Думы.

Пристрастные къ карточной игрѣ, женщинамъ и пьянству исключались изъ числа членовъ Общества. Его членами могли быть только люди ничѣмъ въ нравственномъ отношеніи не запятанные, безкорыстные, съ сильнымъ характеромъ и мужественные, показавшіе свою доблесть на войнѣ или на дуэли, наконецъ вполне здоровые.

Новопоступающихъ членовъ не посвящали въ истинныя цѣли Общества и планы ихъ достиженія, но и цѣли и способы ихъ осуществленія изображали предъ каждымъ новичкомъ соотвѣтственно съ образомъ мыслей послѣдняго, характеромъ его и настроеніемъ.

„Убѣжденные“ могли видѣть другъ друга на общихъ собраніяхъ. Въ случаѣ надобности членъ друга обращался только къ тому сочлену, который его принялъ, а этотъ послѣдній докладывалъ его дѣло кому слѣдовало.

Члены второй, низшей категоріи знали лишь принявшаго ихъ члена, ибо общихъ собраній у нихъ не было; не имѣли они также права принимать новыхъ членовъ. Если высшій членъ организаціи уѣзжалъ на продолжительное время, то оставлялъ замѣстителя для поддержанія связи между принятыми имъ членами и Обществомъ.

Письменные сношенія между членами были воспрещены, какъ равно и всѣ внѣшніе знаки принадлежности къ Обществу.

Для новопоступившихъ цѣль Общества формулировалась въ крайне туманныхъ и общихъ опредѣленіяхъ. Членамъ вмѣнялось въ обязанность стремиться къ перемѣнамъ въ правительствѣ, точнѣе—въ его дѣятельности, а разумѣлось подъ этимъ образованиемъ изъ Россіи правового государства и полученіе конституціи.

Цѣли Общества однако постепенно детализировались. Титовъ, принятый въ Сѣверное Общество Нарышкинымъ, въ своихъ показаніяхъ такъ опредѣляетъ задачи и стремленія Общества:

1) добиться конституціи, сходной съ конституціей Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки;

2) раскрѣпостить рабовъ — здѣсь рѣчь очевидно о крестьянахъ;

3) облегчить и улучшить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ¹⁾;

4) относиться къ подчиненнымъ вполнѣ гуманно;

5) по отношенію къ начальству вести себя почтительно, воздерживаться отъ безтактныхъ поступковъ и выходокъ; исполнять по мѣрѣ силъ въ точности свои обязанности;

6) по приказанію отправиться со своей командой на указанное мѣсто;

7) отказаться отъ двадцатой доли своего дохода (въ пользу Общества);

8) не имѣть никакой переписки (по дѣламъ Общества) и переговариваться только устно;

9) не привлекать людей неспособныхъ;

10) женщины могутъ дѣйствовать (по всей вѣроятности однако—не принадлежать къ Обществу въ строгомъ смыслѣ слова?²⁾).

Эти пункты даютъ намъ уже болѣе опредѣленное представленіе о цѣляхъ этого Общества. А то, что намъ изъ показаній другихъ членовъ извѣстно о собраніяхъ и бесѣдахъ членовъ, значительно дополняетъ наши о немъ свѣдѣнія.

Сѣверное Общество стремилось къ введенію конституціи болѣе или менѣе федеративнаго характера; во-

---

¹⁾ Третій пунктъ при наличности второго излишенъ и могъ имѣть мѣсто развѣ лишь на случай сохраненія крѣпостнаго права.

²⁾ Проф. Довнаръ-Запольскій. Тайное общество декабристовъ, стран. 220.

Александр Иванович
ЯКУБОВИЧЪ.

Александр Александрович
БЕСТУЖЕВЪ (Марлинскій).

Кондратій Федоровичъ
РЫЛОВЪ.

Никита Михайловичъ
МУРАВЬЕВЪ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

R

L

прось о формѣ правленія остался однако спорнымъ; нѣкоторые члены были сторонниками республики, иные — конституціонной монархіи; среди послѣднихъ прежде всего—Никита Муравьевъ, который хотя не отличался энергіей, но пользовался значительнымъ вліяніемъ и умѣлъ убѣдить кого слѣдовало.

Что касается плана дѣйствій, то такового въ точно опредѣленной формѣ не существовало. Поджію и Матвѣи Муравьевъ пытались въ Сѣверное Общество перенести тактическія воззрѣнія, господствовавшія въ Южномъ Обществѣ. До извѣстной степени это имъ удалось, такъ какъ нѣкоторыхъ членовъ они сумѣли привлечь на сторону плана истребленія императорской семьи.

Вообще же Сѣверное Общество не проявляло особенной жажды дѣятельности, а тѣмъ болѣе не было склонно къ осуществленію намѣреній Пестеля и Южнаго Общества. Никита Муравьевъ считалъ ихъ неприемлемыми и вообще былъ представителемъ умѣренного направленія.

Можно сказать, что дѣятельность Сѣвернаго Общества была весьма вялой и что до самаго конца 1823 года все шло крайне медленно. На одномъ изъ октябрьскихъ собраній былъ принятъ въ число членовъ поэтъ Рыльевъ, впечатлительный и рвущійся къ дѣлу, но неопытный заговорщикъ. Онъ недостаточно вникалъ въ подробности и вдумывался во все предпріятіе, но какъ человѣкъ вполне свѣтскій, обаятельный, живой и горячій, онъ умѣлъ увлечь сердца и привязать къ себѣ людей. Его появленіе въ Обществѣ было причиной начавшагося оживленія и усиленія дѣятельности членовъ-заговорщиковъ.

Изъ трехъ директоровъ Сѣвернаго Общества только кн. Оболенскій склонялся на сторону программы и тактики Южнаго Общества; кн. Трубецкой и Никита Муравьевъ были значительно болѣе умѣренными.

Южная организація постоянно вліяла на сѣверную, чрезъ посредство различныхъ лицъ, но безъ особеннаго успѣха. Поэтому, наконецъ, самъ Пестель рѣшилъ поѣхать въ Петербургъ позондировать почву и узнать, насколько можно рассчитывать на Сѣверное Общество. Однако откладываніе Пестелемъ этой поѣздки затянулось до конца 1824 года.

Проф. Довнаръ-Запольскій полагаетъ, что здѣсь

играло большую роль самолюбие Пестеля. Привыкший распоряжаться в Южном Обществѣ, Пестель понималъ, что въ Сѣверномъ онъ встрѣтитъ принципиальныхъ и личныхъ противниковъ, и что въ случаѣ его неудачи въ столицѣ взаимныя отношенія обѣихъ организацій могутъ принять нежелательный для общаго дѣла оборотъ.

Чтобы придать своей миссии большее значеніе и показать, что онъ дѣйствуетъ по соглашенію съ сочленами, Пестель рѣшилъ отправиться въ Петербургъ съ полк. Повало-Швейковскимъ и кн. Волконскимъ. Чтобы отвлечь вниманіе, они выѣхали не вмѣстѣ, но одинъ вслѣдъ за другимъ черезъ короткіе промежутки времени. Стремленіемъ Пестеля было тѣсно связать обѣ организаціи, дать имъ одного общаго начальника, ввести среди членовъ дисциплину, склонить сѣверную организацію къ принятію заключавшихся въ „Русской Правдѣ“ началъ общественно-государственнаго строя и привести къ единству тактику обоеихъ Обществъ. Дѣло главнымъ образомъ состояло въ томъ, чтобы склонить Сѣверное Общество къ признанію необходимости республики, придать всей его дѣятельности чисто-политическія тенденціи, ведущія къ государственному перевороту, убѣдить въ неизбежности принять послѣ взрыва революціи рѣшительныя мѣры противъ членовъ императорской фамилии.

Желая все это провести въ сѣверной организаціи, Пестель рѣшилъ дѣйствовать съ осторожностью, сначала привлечь на свою сторону отдѣльныхъ членовъ правленія: Никиту Муравьева, кн. Трубецкаго и кн. Оболенскаго, а также нѣкоторыхъ другихъ выдающихся членовъ, и только затѣмъ на общемъ рѣшающемъ засѣданіи выступить оффиціально со своими проектами.

Другіе члены Южнаго Общества должны были содѣйствовать Пестелю въ дѣлѣ привлеченія на его сторону членовъ сѣверной организаціи.

Какъ мы уже знаемъ, среди ея директоровъ наиболее близокъ къ Южному Обществу былъ кн. Оболенскій, котораго такъ легко завоевалъ Пестель. Позже Оболенскій открыто признавался, что трудно было не поддаться его обаянію, точной логической аргументаціи, эрудиціи и живости ума.

Вначалѣ казалось, что все пойдетъ удачно, хотя отдѣльные и вліятельные члены южной организаціи противились планамъ Пестеля. На первомъ общемъ собраніи, на которомъ Никита Муравьевъ не присутствовалъ, Пестель увлекъ за собой всѣхъ присутствующихъ и уже казалось, что двѣ по цѣлямъ близкія другъ другу организаціи сольются въ одну.

Однако это былъ лишь кажущійся успѣхъ, и триумфъ Пестеля длился не долго. Позже благодаря Н. Муравьеву все разстроилось и рѣшено было оставить организаціи независимыми другъ отъ друга, но какъ и прежде поддерживать между собою связь и одна безъ другой рѣшительныхъ шаговъ не предпринимать. Конституціонные планы обѣихъ организацій должны были также разсматриваться совмѣстно.

Характерно и то, что въ сѣверной организаціи полагали, будто южная пошла слишкомъ далеко на встрѣчу требованіямъ поляковъ, обѣщая имъ всѣ польскія земли и даже часть литовско-русскихъ. Въ польско-русскомъ вопросѣ Рылѣвъ стоялъ на этнографической почвѣ. Въ концѣ концовъ однако сѣверная организація въ этомъ отношеніи готова была Южному Обществу уступить.

Миссія Пестеля не удалась до такой степени, что онъ рѣшилъ устроить въ столицѣ филиальное отдѣленіе Южнаго Общества, завербовавъ въ него нѣсколько новыхъ членовъ. Но планъ этотъ не былъ осуществленъ по той причинѣ, что эти лица не подходили къ роли, какую онъ имъ готовилъ. Въ одномъ только отношеніи пребываніе Пестеля въ Петербургѣ не было безрезультатнымъ. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Рылѣва, который сталъ играть въ Сѣверномъ Обществѣ крупную роль.

Неудача въ Петербургѣ подѣйствовала на Пестеля угнетающимъ образомъ: онъ сталъ пессимистически смотрѣть на будущее заговора и значительно охладѣлъ къ нему.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Пестеля въ столицу, одинъ изъ директоровъ Сѣвернаго Общества, кн. Трубецкой, былъ переведенъ въ Кіевъ. Очутившись на мѣстѣ, онъ пытался разслѣдовать положеніе дѣлъ въ Южномъ Обществѣ и постепенно парализовать вліяніе Пестеля. Больше всего Трубецкой находился въ общеніи съ Сергѣемъ

Муравьевымъ-Апостоломъ и Бестужевымъ-Рюминымъ и мало-по-малу сталъ подчиняться вліянію южной организаціи.

Въ апрѣлѣ 1825 года и Никита Муравьевъ оставилъ Петербургъ. Новое правленіе сѣверной организаціи состояло изъ Оболенскаго, Рылѣва и принятаго вмѣстѣ съ двумя братьями Рылѣвымъ — Александра Бестужева. Послѣдній въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ постоянно колебался между избраніемъ конституціонной монархій и республики. На него вліяли Никита Муравьевъ и Пестель, и сначала онъ поддавался воззрѣніямъ перваго, позже подчинился второму. Вліяніе послѣдняго все усиливалось. Отъ Никиты Муравьева Рылѣвъ отличался бѣльшимъ демократизмомъ убѣжденій. Напр., въ согласіи со взглядомъ Пестеля онъ требовалъ, чтобы при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости имъ давались болѣе крупныя надѣлы, чѣмъ это нужно было по мнѣнію Никиты Муравьева. Что касается истребленія царской семьи, то Рылѣвъ принималъ планъ Пестеля, — это намъ достовѣрно извѣстно изъ показаній его товарищей.

Энергія и воодушевленіе Рылѣва революціонировали Сѣверное Общество.

Какъ мы уже знаемъ, въ сѣверной организаціи въ теченіе долгаго времени преобладающимъ вліяніемъ пользовался Никита Муравьевъ, который главнымъ образомъ и формировалъ взгляды членовъ. Предлагаемая имъ тактика состояла въ слѣдующемъ: прежде всего широкое распространеніе среди всѣхъ слоевъ общества проекта написанной имъ конституціи, поднятіе военнаго бунта и опубликованіе этой конституціи; по мѣрѣ торжества революціи сосредотачиваніе избирателей для выборовъ тысяцкихъ, мѣстныхъ управленій, судей, для образованія сеймовъ въ отдѣльныхъ частяхъ государства и — въ случаѣ полнаго успѣха — народнаго вѣча, наконецъ — въ случаѣ непринятія конституціи императорской фамиліей — изгнаніе ея изъ предѣловъ государства и объявленіе Россіи республикой ¹⁾).

Отъ такихъ воззрѣній Сѣверное Общество постепенно стало отступать подъ вліяніемъ Рылѣва, а также новыхъ лицъ въ Петербургѣ, съ которыми организація вошла въ сношенія, тѣмъ болѣе, что Никита Муравьевъ, какъ извѣстно, оставилъ Петербургъ.

¹⁾ Проф. Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ, стран. 57.

Въ концѣ 1824 или въ началѣ 1825 года прибылъ въ столицу изъ Кавказа гвардейскій офицеръ Якубовичъ, который отличился въ Грузіи, и въ одной изъ мужественныхъ стычекъ съ горцами былъ раненъ. Въ Петербургѣ онъ предполагалъ окончательно выльчиться. Якубовичъ былъ недоволенъ политикой правительства и императора Александра и чувствовалъ себя обиженнымъ недостаточнымъ признаніемъ его заслугъ.

Александръ Бестужевъ познакомилъ Якубовича съ Рылѣвымъ, кн. Оболенскимъ и другими болѣе видными членами организации. Якубовичъ въ горячей бесѣдѣ съ заговорщиками откровенно признался, что хочетъ убить императора; по его мнѣнію одинъ человѣкъ, который совершилъ бы подобный шагъ, принесъ бы больше пользы, чѣмъ многочисленная группа заговорщиковъ.

Намѣреніе Якубовича произвело потрясающее впечатлѣніе на членовъ Сѣвернаго Общества; хотя они неоднократно обсуждали вопросъ о цареубійствѣ, однако эта цѣль имѣла у нихъ болѣе теоретическій, чѣмъ непосредственно практическій характеръ. Объ этомъ говорили, какъ о чемъ то, что должно когда то случиться и можетъ быть совершено даже кѣмъ либо изъ стоящихъ внѣ организации, — какъ этого желалъ Пестель, — чтобы не навлекать на нее упрековъ. Якубовичъ поставилъ вопросъ ребромъ и хотѣлъ тотчасъ же приняться за приведеніе въ дѣйствіе своего намѣренія.

Рылѣвъ, Оболенскій и другіе пытались его удержать; Рылѣвъ; чтобы предотвратить событіе хотѣлъ даже прибѣгнуть къ доносу, о чемъ свидѣтельствуютъ его слова, сказанныя при прощаніи съ Александромъ Бестужевымъ и кн. Оболенскимъ: «Я готовъ на все! Завтра его (Якубовича) вышлютъ». Товарищи отклонили Рылѣва отъ его намѣренія и убѣдили, что доносъ покрылъ бы его позоромъ. Въ концѣ концовъ Якубовича удалось удержать отъ немедленнаго приведенія въ исполненіе своего намѣренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ сѣверная организція рѣшила увѣдомить и другихъ своихъ членовъ и близкихъ къ ней лицъ внѣ Петербурга о существованіи этого плана. Всѣ осудили таковой.

Характерно, что генераль Фонъ-Визинъ въ Москвѣ хотѣлъ о готовящемся покушеніи донести властямъ, на что указываетъ черновикъ письма, найденный у него при

обсыкъ послѣ декабрьскаго возстанія въ Петербургѣ. Фонъ-Визинъ на слѣдствіи показалъ, что самого письма онъ не послалъ, поджидая ближайшихъ извѣстій о подготовкѣ покушенія.

Кромѣ Якубовича, съ мыслью о лишеніи жизни Александра I носился Каховскій. Этотъ человѣкъ съ замкнутымъ характеромъ, обладая глубокой натурой, былъ горячимъ революціонеромъ, готовымъ безъ колебаній жизнью пожертвовать дѣлу возрожденія Россіи.

Рылѣвъ, которому Каховскій признался въ своихъ намѣреніяхъ, удерживалъ его отъ приведенія ихъ въ дѣйствіе, ссылаясь на то, что организациія не подготовлена къ тому, чтобы въ должной мѣрѣ использовать фактъ и— что за этимъ слѣдуетъ—немедленно приступить къ правовому и государственному преобразованію Россіи ¹⁾.

Каховскій желалъ войти въ составъ дѣйствительныхъ и руководящихъ членовъ организациіи, что однако не совпадало съ планами Рылѣва, который имѣлъ намѣреніе воспользоваться готовностью Каховскаго, но не желалъ, чтобы покушеніе на государя считалось дѣломъ рукъ организациіи, какъ совершенное однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и значительныхъ членовъ. Александръ Бестужевъ о планахъ Рылѣва проговорился передъ Каховскимъ, чѣмъ Каховскій счелъ себя обиженнымъ и сталъ недоброжелателемъ Рылѣва.

Въ половинѣ 1825 года Сѣверное Общество завязало сношенія съ группой молодыхъ морскихъ офицеровъ, которые исповѣдывали либеральные принципы и готовы были принять участіе въ заговорѣ.

Въ составъ этого кружка входили: Завалишинъ, Диковъ, Арбузовъ, братья Бѣляевы, братья Бодиско и другіе. Имъ не было извѣстно о существованіи сѣверной организациіи, и они намѣревались сами образовать тайное сообщество. Они приступили даже къ составленію устава, первый параграфъ котораго якобы заключалъ въ себѣ фразу: „свобода и равенство пусть будутъ нашимъ удѣломъ“. Молодежь эта стояла за республиканскія идеи, стремилась къ преобразованію социально-политическаго строя Россіи, къ очищенію нравовъ и внутреннему само-

---

¹⁾ Другіе члены сѣверной организациіи противились планамъ Якубовича и Каховскаго принципиально, а не изъ случайныхъ соображеній.

совершенствованію членовъ. У насъ нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣній объ общественно-соціальныхъ воззрѣніяхъ этого кружка, но относительно ихъ политическихъ взглядовъ мы знаемъ, что федеративный республиканизмъ былъ тамъ наиболѣе популярной теоріей. Изъ Россіи хотѣли образовать родъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

По тактическимъ соображеніямъ молодые моряки считали необходимымъ лишеніе жизни членовъ императорской фамилии. Рылѣевъ завязалъ сношенія съ этими моряками, которыхъ весною 1825 г. перевели изъ Петербурга въ Кронштадтъ. Такимъ образомъ сѣверная организція обогатилась новыми и дѣятельными союзниками.

Кн. Трубецкой, по прибытіи въ Петербургъ, рассказывалъ Рылѣеву и его товарищамъ объ успѣхахъ южной организціи и ея требованіи скорѣйшаго открытія дѣйствій съ цѣлью государственнаго переворота. Позднѣе Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ прислали еще Корниловича съ порученіемъ повліять на прекращеніе теоретическихъ споровъ и толкнуть Сѣверное Общество на путь непосредственнаго подготовленія къ государственному перевороту. Энергичные южане сообщили сѣверянамъ, что могутъ рассчитывать на 60.000 чел. войскъ и что имѣютъ людей, готовыхъ произвести покушеніе на жизнь Александра I.

Рылѣевъ сочувствовалъ этому плану и становился все болѣе революціонеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что силы сѣверной организціи въ данный моментъ недостаточны.

Однако не все Южное Общество смотрѣло въ будущее такъ бодро и увѣренно, какъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ. Въ 1825 г. самъ Пестель усумнился въ успѣхъ дѣла и, мучимый сомнѣніями, впалъ иногда въ полную апатію и додумывался до нелѣпнѣйшихъ плановъ.

Прекрасный теоретикъ революціи, основательный знатокъ государственныхъ и соціальныхъ наукъ, Пестель не былъ по натурѣ активнымъ дѣятелемъ и не сумѣлъ или не старался увеличить путемъ пропаганды число членовъ организціи. Обладая строго логическимъ складомъ ума, будучи склоннымъ къ широкимъ обобщеніямъ, тяготя къ отвлеченнымъ понятіямъ, онъ не умѣлъ присту-

пить къ практическому осуществленію революціонныхъ намѣреній, Пестеля уважали, признавали его умственное превосходство, подчинялись силѣ его интеллекта, но Пестеля не долюбливали и боялись, полагая, что онъ всю власть захватить въ свои руки.

Для Пестеля это не было тайной; для него ясна была также слабость организациі, колоссальныя трудности осуществленія намѣченныхъ ею плановъ, индеферентизмъ общественныхъ круговъ; онъ полагалъ, что прежде чѣмъ революція вспыхнетъ и разразится необходимо выработать подробнѣйшій планъ дѣйствій, который былъ бы принятъ членами организациі, а затѣмъ озаботиться, чтобы она по возможности быстро развивалась и распространялась. Въ случаѣ успѣха революціи Пестель намѣревался склонить или принудить Синодъ и Сенатъ издать два манифеста къ народу: одинъ долженъ былъ исходить отъ Синода и призвать гражданъ къ принятію присяги новому временному правительству; вторымъ долженъ былъ обратиться къ населенію Сенатъ, извѣщая, что временное правительство обязано ввести конституцію. Временное правительство должно было состоять изъ директоровъ организациі. Послѣдняя должна была не прекращать своего существованія во все время дѣятельности временнаго правительства, которое изъ среды членовъ организациі выбирало бы лицъ для назначенія на должности.

Всѣ эти планы подъ конецъ стали казаться Пестелю неосуществимыми. До какого онъ дошелъ состоянія мы узнаемъ изъ разсказа его друга Лорера.

Пестель признался ему, что думаетъ отправиться въ Таганрогъ, гдѣ находился тогда императоръ Александръ I, отдать себя на его волю и убѣдить его парализовать дѣятельность организациі, путемъ дарованія Россіи тѣхъ правъ, за которыя борется эта организациія.

Лореръ обратилъ вниманіе Пестеля на крайнюю рискованность такого шага, и указалъ на то, что онъ не имѣетъ права рѣшиться на этотъ поступокъ безъ предварительнаго соглашенія съ товарищами.

Тѣмъ временемъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ принялъ окончательное рѣшеніе открыть революціонныя дѣйствія въ 1826 г. Во время смотра III-ему корпусу заговорщики должны были убить присутствующаго на смотре импе-

ратора Александра I, выпустить прокламаціи къ войскамъ и народу и начать кампанію; одновременно сѣверная организація должна была поднять революцію въ Петербургѣ, увезти членовъ царской семьи за границу и учредить временное правительство; возставшія войска должны были идти въ Кіевъ и Москву; необходимо было также устроить укрѣпленные лагери. Пестелю поручалась скромная роль начальника кіевскихъ укрѣплений.

Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ послалъ въ Петербургъ Корниловича, не извѣстивъ объ этомъ Пестеля, съ которымъ оставался съ внѣшней стороны въ хорошихъ отношеніяхъ, на самомъ же дѣлѣ велъ самостоятельную политику. Благородный, дѣятельный и образованный, онъ рвался къ дѣлу и умѣлъ привлекать къ себѣ симпатіи.

Такимъ образомъ южная и сѣверная организаціи уже приближались къ моменту революціи, къ которой на самомъ дѣлѣ не были подготовлены; къ тому же и та и другая обезсиливали себя внутреннимъ антагонизмомъ и большей частью не питали надежды на успѣхъ дѣла.

Прежде чѣмъ приступить къ передачѣ фактовъ декабрьскаго возстанія, остановимся подробнѣе на соціально-политическихъ воззрѣніяхъ декабрьскихъ заговорщиковъ, или, какъ ихъ назвала исторія по имени мѣсяца, въ который вспыхнуло вызванное ими возстаніе, — декабристовъ.

III

Соціально-политическія теоріи декабристовъ.

1.

Какъ мы уже знаемъ, тайныя общества въ Россіи въ эпоху Александра I, даже въ послѣдней фазѣ своего развитія не имѣли цѣльной, подробно выработанной программы. Въ южной организаціи было сильно интеллектуальное вліяніе Пестеля, и его „Русская Правда“ быть можетъ въ значительной степени отражала соціально-политическія воззрѣнія ея членовъ, но, однако,—съ нѣкоторой оговоркой. Хотя въ теоретическихъ вопросахъ, касающихся будущаго строя Россіи, Пестель не встрѣчалъ явной оппозиціи, однако это не было результатомъ всеобщаго признанія его выводовъ, а лишь показателемъ полнаго умственного превосходства автора „Русской Правды“ надъ массою членовъ Южнаго Общества. Поэтому мы не можемъ въ данное время съ точностью опредѣлить, какіе изъ выраженныхъ въ „Русской Правдѣ“ взглядовъ соответствовали идеаламъ всѣхъ членовъ южной организаціи, а какіе съ ними не совпадали.

Трудно составить себѣ точное понятіе о частныхъ воззрѣніяхъ, господствовавшихъ въ Сѣверномъ Обществѣ, ибо эта организація не обсуждала такъ подробно, какъ южная, грядущихъ преобразованій въ Россіи; наиболѣе же выдающийся членъ сѣверной организаціи—Никита Муравьевъ написалъ лишь общій набросокъ желательной для Россіи конституціи.

Несмотря на отсутствіе общей для обѣихъ организацій, южной и сѣверной, и детальной политическо-соціальной программы, мы можемъ составить представленіе о взглядахъ ихъ членовъ—на основаніи признаній самихъ заговорщиковъ, писемъ ихъ, дневниковъ и публицистическихъ произведеній.

Разсмотримъ прежде всего эти взгляды, а затѣмъ остановимся на теоріяхъ Пестеля и Никиты Муравьева.

Можно смѣло сказать, что всѣ безъ исключенія декабристы были патріоты и сторонники конституціонной формы правленія, уничтоженія сословныхъ различій, равенства гражданъ и освобожденія крестьянъ.

Патріотизмъ ихъ былъ не только простой привязанностью къ отечеству, но проистекалъ изъ горячаго стремленія къ его независимости—внѣшней, отъ чужеземныхъ государствъ, и внутренней, отъ занимающихъ высшіе посты иностранцевъ, а также изъ желанія сохранить и усилить русскую государственную мощь. Этотъ патріотизмъ сказывался и въ любви къ изученію русской исторіи, въ особенной приверженности къ извѣстнымъ историческимъ традиціямъ, связаннымъ съ тѣми моментами жизни русскаго народа, въ которые онъ выступалъ какъ независимый факторъ въ соціально-политической жизни, стало-быть, къ—вѣчу на Руси, могуществу Великаго Новгорода и т. д.

Хотя декабристы и хотѣли реформировать Россію и насадить въ ней западно-европейскія учрежденія, однако они дѣйствовали съ сознаніемъ, что для блага народа и государственнаго величія Россіи эти учрежденія необходимы. Впрочемъ, стремясь къ реформамъ, они избѣгали общихъ схемъ и всегда имѣли въ виду лишь условія русской жизни.

Патріотизмъ декабристовъ проявлялся также въ ихъ страстной вѣрѣ въ русскій народъ и его нравственныя и физическія достоинства. Правда, декабристы не создали, подобно славянофиламъ, особой теоріи о специфическихъ чертахъ и миссіи русскаго народа, однако по крайней мѣрѣ во взглядахъ нѣкоторыхъ декабристовъ можно найти хотя и слабыя зачатки славянофильскихъ идей. Идея славянской солидарности начала, какъ мы знаемъ, пробиваться въ Обществѣ Соединенныхъ Славянъ.

Но любя Россію и ея прошлое, декабристы не идеализировали его отрицательныхъ сторонъ, какъ это дѣлалъ Карамзинъ. Никита Муравьевъ даже написалъ очень удачную критику историко-политическихъ воззрѣній Карамзина.

Благодаря своему патріотизму, декабристы прекрасно изучили русскую жизнь, положеніе различныхъ классовъ общества (относительно наименѣе—буржуазіи), механизмъ

административно-государственного строя, экономическія отношенія и т. д.

Рѣдко можно на всемъ протяженіи исторіи встрѣтить заговорщиковъ, въ умахъ которыхъ такъ гармонично сливалось бы знаніе родной страны и народа—съ широкой освѣдомленностью въ социальнo-политической области. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія при характеристикѣ декабристовъ.

Многіе изъ нихъ оставили монографіи, письма, даже цѣлыя сочиненія объ отдѣльныхъ сторонахъ русской жизни, въ которыхъ видно глубокое изученіе ея и творчество ихъ въ предлагаемыхъ проектахъ реформъ. Патріотизмъ декабристовъ иногда переходилъ въ націонализмъ ¹⁾. Мы видѣли напр., что значительная часть заговорщиковъ, и даже ихъ большинство, относилась недоброжелательно къ автономіи Царства Польскаго и враждебно (Сѣверное Общество) къ мысли Пестеля объ уступкѣ полякамъ, какъ Царства Польскаго, такъ и части западныхъ губерній и образованію изъ этихъ провинцій самостоятельнаго польскаго государства. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что у самаго Пестеля прорывались подчасъ обрусительныя тенденціи.

Крайне любопытно, какимъ образомъ подобные взгляды возникали въ то время у русскихъ заговорщиковъ, людей вполнѣ передовыхъ и приверженцевъ свободы; ибо обыкновенно национализмъ рождается въ эпохи реакціи, въ умахъ ретроградовъ и консерваторовъ.

По всей вѣроятности причиной націоналистическаго настроенія былъ 1812 годъ. Русскій народъ въ теченіе вѣковъ жилъ обособленно, и сближеніе его съ Западомъ произошло сравнительно недавно. Подъемъ патріотическихъ чувствъ, вызванный нашествіемъ французовъ, заразилъ націонализмомъ даже прогрессивно настроенныхъ людей. Недружелюбное отношеніе къ занимающимъ высо-

---

1) Въ очеркѣ подъ заглавіемъ «Патріотизмъ и націонализмъ» (Patryotyzm a nacjonalizm) въ томѣ I «Современныхъ умственныхъ и политическихъ теченій» (Współczesne prądy umysłowe i polityczne) эти понятія опредѣлены нами со всей утонченностью анализа. Здѣсь мы отмѣтимъ только въ общихъ чертахъ, что патріотизмъ состоитъ въ любви къ отечеству, стремленіи въ его независимости и всестороннему развитію, а также—счастью огромнаго большинства народа; націонализмъ же основанъ на желаніи навязать другимъ свою національность, подчинить ея господству.

кіе посты въ Россіи иностранцамъ также имѣтъ свои историческія и другія причины: правленіе временщиковъ-нѣмцевъ въ эпоху дворцовыхъ переворотовъ было крайне тягостнымъ; съ другой стороны—иностранцы, занимавшіе высшія гражданскія и военныя должности, являлись для русской аристократіи и дворянства, какъ ни какъ, конкурентами. Однако, не желаніе бороться съ ними на этой почвѣ вооружало сознательно русскихъ заговорщиковъ противъ чужеземныхъ вліяній,—для этого въ нравственномъ отношеніи они стояли слишкомъ высоко,—но стихійная ненависть къ иностранцамъ еще у предшествующихъ поколѣній, лишь обострившаяся на почвѣ соперничества, заставляла заговорщиковъ преувеличивать отрицательное вліяніе иноземцевъ. Патріотизмъ съ оттѣнкомъ націонализма у членовъ тайныхъ организацій носилъ въ деталяхъ различный характеръ.

То общее, что дѣйствительно объединяло всѣхъ декабристовъ, было—культъ политической свободы; энтузіазмъ по отношенію къ ней виденъ въ ихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ. Ненавистное самодержавіе подвергалось безпощадной критикѣ. Но стремясь къ конституціонному строю вполне сознательно и съ воодушевленіемъ, они не сходились, какъ мы уже видѣли, во взглядахъ на монархію и республику, и даже предѣлы гражданской свободы были ими понимаемы различно. Въ дальнѣйшемъ увидимъ, что въ воззрѣніяхъ Пестеля можно подмѣтить видоизмѣненные вліяніями новыхъ временъ пережитки идеи о всемогуществѣ государства.

Но не только различія во взглядѣ на желательную форму правленія разъединяли декабристовъ; причиной разногласія были и другіе вопросы будущей россійской конституціи. Къ числу такихъ вопросовъ слѣдуетъ отнести прежде всего: избирательный цензъ, прямыя, или косвенныя выборы, а также централистическое, или децентралистическое устройство государства. Мы увидимъ впрочемъ, что относительно послѣдняго вопроса разногласія не были такъ велики, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Среди декабристовъ были радикальные демократы и умѣренные либералы, которые желали обезпечить въ будущемъ россійскомъ парламентѣ перевѣсъ инициативы классамъ. Почти всѣ заговорщики были убѣжденными противниками сословныхъ привилегій и требовали уничто-

женія сословія въ государствѣ. Мы сказали—почти, ибо нѣкоторые высказывали иногда иныя сужденія. Но это были исключенія незначительныя. Въ сочиненіяхъ декабристовъ мы находимъ многочисленныя доказательства того, что ихъ горячимъ стремленіемъ было уравненіе въ правахъ всѣхъ гражданъ, уничтоженіе сословности. Привилегіи дворянскаго сословія подвергались ими рѣзкой критикѣ. Они возставали противъ всякихъ ограниченій въ правѣ гражданина заниматься какимъ ему угодно ремесломъ или профессіей; въ этомъ отношеніи они желали предоставить личности полную свободу дѣйствій.

Искренно и горячо желали декабристы уничтоженія крѣпостнаго права и надѣленія крестьянъ землей въ собственность. Ихъ стремленія въ этомъ направленіи выступали ярко и рѣзко; нѣкоторые декабристы, какъ напр. Тургеневъ, требовали освобожденія и надѣленія крестьянъ тогда же, еще при господствѣ абсолютизма, въ надеждѣ, что самодержавіе проведетъ эту реформу съ большею выгодой для крестьянъ,—что, конечно, было иллюзіей.

Въ частностяхъ, касающихся надѣленія крестьянъ землей, мнѣнія декабристовъ расходились: одни хотѣли отдать крестьянамъ въ собственность только избу съ огородомъ, другіе—кромѣ того и землю, которая обрабатывалась ими въ качествѣ крѣпостныхъ. И тутъ, стало быть, обнаружилось два теченія: демократическое, поставившее себѣ цѣлью благосостояніе широкихъ массъ сельскаго населенія, путемъ освобожденія крестьянъ съ достаточнымъ количествомъ земли,—и либеральное, имѣвшее въ виду для крестьянъ прежде всего свободу, а матеріальное ихъ благосостояніе предоставлявшее естественному ходу вещей. Какъ увидимъ, въ аграрно-крестьянскомъ вопросѣ Пестель шель дальше демократовъ.

Мы не можемъ здѣсь входить въ большія подробности и отсылаемъ любознательнаго читателя къ труду Семевского подъ заглавіемъ „Крестьянскій строй“.

Противники сословности и сторонники освобожденія крестьянъ съ землей—декабристы, однако, не требовали уничтоженія социальныхъ классовъ, имущественнаго равенства гражданъ и социалистическаго строя. Изъ декабристовъ наиболѣе крайній въ социальномъ вопросѣ—Пестель, какъ мы позже увидимъ, считалъ существованіе богатыхъ людей явленіемъ положительнымъ; онъ хотѣлъ

только, чтобы сельскому населению был обеспеченъ минимумъ зажиточности.

Къ социализму нѣкоторые выдающіеся декабристы относились прямо враждебно; напр. Фонъ-Визинъ въ позднѣйшіе годы написалъ сочиненіе противъ социализма и коммунизма; Тургеневъ также относился къ этимъ ученіямъ отрицательно.

Въ отношеніи религиозныхъ убѣжденій заговорщики были въ общемъ деистами и даже христианами въ точномъ смыслѣ; часто также ссылались въ своихъ разсужденіяхъ на велѣнія Божьи. Это не значитъ, разумѣется, что они слѣпо вѣрили во всѣ догматы; иногда въ этомъ отношеніи ихъ воззрѣнія были весьма различны. За православіемъ они хотѣли упрочить господствующее положеніе, сохраняя терпимость по отношенію къ другимъ религіямъ.

Въ воззрѣніяхъ на право, судъ, административную власть декабристы стояли на почвѣ гуманитарныхъ принциповъ. Они стремились къ смягченію нравовъ, защитѣ человѣческаго достоинства и т. п., были врагами нравственной распушенности.

Въ смыслѣ тактики декабристы признавали неизбежность революціонной конспираціи, соглашались съ тѣмъ, что безъ употребленія насилія невозможно ввести въ Россіи новый политическо-соціальный строй. Но расходились въ частностяхъ, относящихся къ формѣ революціонныхъ дѣйствій, въ вопросѣ о примѣненіи насилія къ членамъ императорской фамиліи, наконецъ—въ отношеніи самой системы дѣйствій послѣ восторжествованія революціи. Одни, подобно Пестелю и большинству членовъ южной организаціи, желали послѣ сверженія самодержавія ввести новый режимъ—согласно заранѣе выработанному плану, другіе хотѣли, чтобы самъ народъ въ законодательномъ собраніи рѣшилъ этотъ вопросъ—на конституціонной основѣ, но по своему усмотрѣнію.

Вопросъ о временномъ правительствѣ послѣ побѣды революціи также вызывалъ не мало споровъ среди заговорщиковъ.

Большинство членовъ Южнаго Общества, съ Пестелемъ во главѣ, требовало для временнаго правительства очень обширныхъ полномочій и продолжительнаго срока по-

слѣднихъ, напр. 15-ти лѣтняго. Многочисленные же другіе, особенно бывшіе члены Общества Соединенныхъ Славянъ, боялись учрежденія временнаго правительства, дѣйствующаго безконтрольно.

Въ воображеніи членовъ отдѣльныхъ организацій самая форма, въ которой должна была вспыхнуть революція, принимала различныя очертанія. Мы уже въ предыдущей главѣ указали на это разномысліе; здѣсь мы лишь напомнимъ о немъ, не входя въ болѣе частное разсмотрѣніе.

Тайныя общества въ Россіи, исторію которыхъ мы излагали въ предыдущей главѣ, въ дѣятельности своей воспользовались наиболѣе примитивной и плохой формой политическаго заговора. Мы видѣли, что не всѣ члены, особенно въ первоначальныхъ организаціяхъ, посвящались въ конечныя задачи и цѣли таковыхъ, вслѣдствіе чего приходилось время отъ времени формально закрывать общество, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ-же основывать новое и дѣлать все это для устраненія членовъ, на которыхъ нельзя было вполнѣ положиться. Хотя южная организація вырабатывала планъ будущаго строя Россіи въ подробностяхъ, однако, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, не заботилась и даже не желала посвящать массу членовъ въ конечныя цѣли Общества. Все это не могло создать стройности и гармоніи въ дѣятельности организаціи, и если бы даже и была вначалѣ одержана побѣда, различія въ стремленіяхъ отдѣльныхъ группъ и членовъ организаціи съ неумолимой неизбѣжностью должны были бы вызвать замѣшательство въ революціонномъ движеніи, а быть можетъ и его упадокъ.

Мы увидимъ, что позднѣйшіе заговоры въ Россіи носили уже другой характеръ и болѣе соотвѣтствовали своей цѣли. Декабристы рассчитывали преимущественно на войска, главнымъ же образомъ на офицеровъ, которыхъ должны были поддержать привлеченные ими на свою сторону солдаты; они надѣялись, что громадное большинство народа будетъ довольно реформами, производимыми при помощи государственнаго аппарата, которыми они намѣрены были овладѣть. Они не придавали должнаго значенія силѣ традиціонныхъ привычекъ и воззрѣній массъ, ихъ идеализаціи самодержавія, а также консервативнымъ убѣжденіямъ высшихъ классовъ об-

щества, которые могли бы помѣшать овладѣнію арміей и государственнымъ механизмомъ.

До сихъ поръ мы занимались лишь взглядами, общими всѣмъ декабристамъ, или по крайней мѣрѣ подавляющему большинству ихъ. Желая однако дать читателямъ точное представленіе о вызванномъ ими движеніи, его фактическихъ и возможныхъ послѣдствіяхъ, мы должны подробно рассмотретьъ политическо-конституціонныя и социальныя теоріи тѣхъ вождей декабристовъ, которыхъ планы намъ хорошо извѣстны изъ ихъ трудовъ.

Пестель оставилъ намъ цѣлое сочиненіе—плодъ десятилѣтнихъ размышленій,—въ которомъ онъ формулируетъ свои воззрѣнія, а Никита Муравьевъ написалъ очеркъ конституціи, которую желалъ видѣть введенной въ Россіи.

2.

Пестель прекрасно изучилъ исторію революціи. Великая Французская Революція 1789 г. пугала его произведенными ею внутренними потрясеніями страны и проявленіями анархіи, поэтому онъ много думалъ, какъ избѣжать всего этого въ Россіи. Размышленія надъ исторіей социальнo-политическихъ переворотовъ у разныхъ народовъ привели его къ выводу, что въ цѣляхъ русской революціи надлежитъ изготoвить подробно выработанный планъ реорганизации русскаго государства, который былъ бы принятъ заговорщиками и послѣ удачно произведеннаго переворота постепенно осуществлялся въ дѣйствительности. Такъ какъ насильственные и внезапные социальнo-политическіе перевороты приносили, по мнѣнію Пестеля, подчасъ много вреда, то преобразование Россіи слѣдовало совершать постепенно, въ теченіе 15-ти лѣтъ, и послѣдовательно—при посредствѣ сильной власти, находящейся въ рукахъ временнаго правительства.

На формировку взглядовъ Пестеля, касающихся тактики, въ сильной степени вліялъ ходъ революцій въ Западной Европѣ,—въ Испаніи, Португаліи и Неаполѣ. Что эти революціи были приняты членами южной организаціи за образецъ, мы знаемъ изъ данныхъ слѣдствія о декабристахъ.

Особенно сильное впечатлѣніе на Пестеля и его товарищей произвело революціонное движеніе въ Испаніи. Военный характеръ этого переворота, совершеніе его безъ участія народныхъ массъ и социальныхъ потрясеній— все это повляло на него въ томъ смыслѣ, что эту форму революціи онъ призналъ образцомъ, достойнымъ подражанія. Изъ предыдущей главы извѣстно, что члены южной организаціи были склонны отнести неудачу испанской революціи на счетъ того обстоятельства, что король былъ оставленъ въ живыхъ. Отсюда и возникли террористическіе планы Пестеля и вообще членовъ южной организаціи.

Опасеніе народныхъ и классовыхъ движеній, насильственныхъ актовъ и анархіи побуждали Пестеля желать во что бы то ни стало сохранить порядокъ въ государствѣ, и съ этой цѣлью онъ готовъ былъ прибѣгнуть даже къ крайнимъ репрессіямъ въ случаѣ возникновенія бунтовъ; Пестель былъ революционеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и защитникомъ строгаго порядка; онъ желалъ кореннымъ образомъ преобразовать Россію, но послѣ достиженія этой цѣли, онъ употребилъ бы всѣ усилія, чтобы не допустить въ будущемъ никакихъ революціонныхъ выступленій. Потому то въ „Русской Правдѣ“ онъ рѣшительно высказывался противъ всякихъ открытыхъ и тайныхъ обществъ, считая первыя изъ нихъ излишними при удовлетвореніи всѣхъ общественныхъ потребностей государствомъ, а вторыя—прямо вредными. Пестель полагалъ, что придуманный имъ планъ переустройства Россіи дастъ ей всѣ нужныя учрежденія и сдѣлаетъ излишними всѣ стремленія къ насильственному перевороту. Онъ былъ убѣжденъ, что грядущій строй будетъ развиваться нормально.

Пестель не сознавалъ того, что даже въ наиболѣе совершенныхъ учрежденіяхъ могутъ оказаться недостатки, которые необходимо устранить, и что всякое правительство, само по себѣ консервативно и неспособно признаться въ собственныхъ ошибкахъ, вслѣдствіе чего необходимо всегда предоставить обществу наибольшую свободу дѣйствій, право устраивать всевозможные союзы, выступать съ инициативой реформъ и т. п.

Тяготѣніе къ порядку, стремленіе къ единству въ государственной системѣ, сознаніе силы государства, какъ

цѣлаго—сдѣлали Пестеля централистомъ и сторонникомъ національнаго государства, т. е.—претворяющаго всѣ входящіе въ него народы въ одно національное цѣлое. Пестель не создавалъ себѣ иллюзій въ смыслѣ возможности сдѣлать изъ поляковъ—русскихъ. Поэтому онъ и соглашался на выдѣленіе Царства Польскаго вмѣстѣ съ частью Литвы и Руси; за то съ тѣмъ большей энергіей онъ добивался обрусенія остальныхъ входящихъ въ составъ государства народностей. Пестель обладалъ строго логическимъ умомъ философской складки, поэтому политическіе замыслы его отличаются стройностью построенія и основаны на теоретическихъ выводахъ.

Правительство, по мнѣнію Пестеля, обязано распоряжаться коллективной дѣятельностью общества и избирать наиболѣе цѣлесообразныя средства для достиженія благоденствія всѣхъ гражданъ и каждаго въ отдѣльности. Народъ обязанъ повиноваться правительству и въ свою очередь имѣетъ право требовать, чтобы его дѣйствія были направлены къ общему и индивидуальному благоденствію гражданъ, и чтобы это только и было исключительной цѣлью дѣятельности правительства.

На этомъ взаимномъ равновѣсіи правъ и обязанностей должно быть основано существованіе всякаго государства ¹⁾).

Пестель въ „Русской Правдѣ“ пытался подробно разработать соціально-политическій строй, наиболѣе соответствующій гармоническимъ отношеніямъ между народомъ и государствомъ, а также—гражданъ между собою. Всеобщее благоденствіе въ государствѣ зависитъ отъ двухъ условій: общей безопасности и—благополучія. Безъ общественной безопасности не можетъ быть рѣчи о возможности челоѣческаго существованія, поэтому поддержаніе общей безопасности является первой задачей правительства; благополучіе, безъ гарантій общественной безопасности—невозможно. Второй задачей государства должно быть благополучіе гражданъ; однако, такъ какъ это послѣднее понимается различно, то роль правительства въ этомъ случаѣ должна ограничиться устраненіемъ тѣхъ препятствій, которыя граждане могутъ встрѣтить на пути къ его достиженію. Граждане собственными трудами могутъ достигнуть благополучія, но не въ силахъ утвердить общественной безопасности ²⁾).

¹⁾ „Русская Правда“, стран. 3, § 4.

²⁾ Ibid., стран. 7 § 9.

Пестель желалъ установленія въ Россіи внутренняго порядка, нормальнаго правосудія, уничтоженія всѣхъ сословныхъ и другихъ ограниченій, препятствующихъ гражданамъ въ свободномъ выборѣ рода дѣятельности, производительномъ трудѣ и—обмѣну мыслей. Онъ хотѣлъ также обезпечить каждому гражданину минимумъ средствъ къ существованію и предоставить свободу въ достиженіи наибольшаго благосостоянія. Это можно заключить изъ аграрной программы Пестеля.

Приступая къ формулировкѣ своихъ соображеній по аграрному вопросу, Пестель начинаетъ съ разбора двухъ теорій объ отношеніи людей къ землѣ, изъ коихъ первая теорія считаетъ землю, въ качествѣ дара природы, общимъ достояніемъ; вторая же смотритъ на землю, какъ на собственность того, кто ее обрабатываетъ и дѣлаетъ пригодной для производства. Вторая теорія для большей убѣдительности ссылается еще и на слѣдующее соображеніе: только въ томъ случаѣ земледѣліе можетъ правильно развиваться, если земледѣлецъ знаетъ, что обрабатываемая имъ земля составляетъ его неотъемлемую собственность.

Объ эти теоріи въ ихъ чистой формѣ Пестель считаетъ односторонними и ошибочными; однако полагаетъ, что въ каждой изъ нихъ заключается доля истины. Несомнѣнно, что человѣкъ живетъ только на землѣ и изъ нея черпаетъ продукты питанія. Земля, стало быть, является собственностью всего человѣческаго рода и никто не можетъ быть ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ отстраненъ отъ пользованія ею. По мѣрѣ социальнаго развитія отношенія между людьми принимали все болѣе сложныя и многообразныя формы и возникло понятіе собственности. Защита собственности — главная цѣль гражданскаго общества и святой долгъ правительства. Политическія права должны утверждать и обезпечивать права духовныя и естественныя, но отнюдь не нарушать ихъ. Эти послѣднія должны всегда преобладать надъ первыми, ибо происходятъ они отъ Бога и природы, и суть неизмѣнны; политическія же представляютъ собой плодъ человѣческаго творчества и подлежатъ частымъ измѣненіямъ. Заботиться нужно прежде всего о доставленіи людямъ того, что необходимо для ихъ существованія, и только затѣмъ о приобрѣтеніи изобилія, т. е.

богатствъ. На необходимыя средства къ существованію имѣть право всякій человѣкъ; на изобиліе—лишь тотъ, кто участвовалъ въ производствѣ богатствъ, успѣлъ самъ ихъ приобрѣсти ¹⁾).

Сообразно съ этими основными положеніями Пестель составилъ планъ социальна-аграрной реформы въ Россіи, къ сожалѣнію незаконченный въ частностяхъ, но крайне любопытный и характерный для возрѣній автора. Представляется онъ въ слѣдующемъ видѣ:

Государство дѣлится на волости; заселенная государственными крестьянами земля раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна составляетъ общинную собственность волости, другая—является частной собственностью. Изъ года въ годъ первая категорія земли подвергается раздѣлу; каждый членъ волости имѣть право требовать для обработки участокъ земли, достаточный для прокормленія семьи изъ пяти лицъ (мужа, жены и троихъ дѣтей). Этотъ минимумъ волость обязана предоставить своимъ членамъ; такимъ же правомъ пользуются и тѣ, кто владѣетъ собственной землей. Отдѣльные хозяева могутъ требовать не одинъ, а нѣсколько участковъ. Такія требованія сверхъ упомянутой нормы должны быть удовлетворяемы лишь по мѣрѣ возможности. При отсутствіи необходимаго количества земли, требующій сверхъ установленнаго минимумъ получаетъ менѣе, владѣющіе собственной землей не получаютъ совѣмъ. Занимающіеся исключительно хлѣбопашествомъ пользуются предпочтеніемъ предъ занимающимися еще какимъ нибудь промысломъ. Въ теченіе 10 или 15 лѣтъ послѣ проведенія реформы крестьяне будутъ платить оброкъ въ прежнихъ размѣрахъ, за пользованіе, какъ общественной землей, такъ и отданной имъ въ собственность (землю эту Пестель называетъ еще—казенной); позже—только за вторую. Это будетъ собственно родъ подати.

Земли свободныхъ крестьянъ должны быть также—по мнѣнію Пестеля—раздѣлены на двѣ упомянутыя категоріи. Собственники земель, переданныхъ волости, должны получить либо денежное вознагражденіе, либо—въ видѣ выдѣла имъ соотвѣтственныхъ участковъ казенной земли.

Поля свободныхъ крестьянъ, которые пользуются

---

¹⁾ „Русская Правда“, стран. 202, 203 и 204, § 9.

ими на основаніи общиннаго права, подлежатъ раздѣленію на двѣ части, изъ которыхъ одна переходитъ въ частную собственность, другая же считается общинной.

Болѣе сложной аграрная реформа представляется въ части, касающейся помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Пестель дѣлитъ частную земельную собственность (среднюю и крупную) на слѣдующія три категоріи: заключающую въ себѣ—менѣе 5000 десятинъ, затѣмъ отъ 5000 до 10.000 дес. и наконецъ—свыше 10.000 десятинъ.

Собственники послѣдней категоріи уступаютъ половину своей земли крестьянамъ, безъ всякаго вознагражденія; собственники второй получаютъ частичное вознагражденіе, первой же—полное.

Уступленныя крестьянамъ крупными и средними землевладѣльцами земли переходятъ не въ частную собственность крестьянъ, но составляютъ собой собственность общинную ¹⁾. О способахъ проведенія этого плана аграрной реформы въ жизнь „Русская Правда“ ничего не говоритъ... Въ нѣкоторыхъ ея главахъ Пестель выражаетъ только надежду, что землевладѣльцы выработаютъ реформу въ деталяхъ.

Такъ какъ авторъ „Русской Правды“ полагалъ необходимымъ, чтобы каждый гражданинъ былъ членомъ какой нибудь волости, то его реформа имѣетъ общее значеніе и относится не только къ однимъ крестьянамъ. Пестель ждалъ отъ нея крупныхъ результатовъ: увеличенія благосостоянія, умноженія народонаселенія, развитія ремеслъ и промышленности. Реформа эта должна была образовать изъ членовъ волости сильныя и солидарныя политическія семьи, вслѣдствіе чего отдѣльные граждане приобрѣли бы въ общественной жизни прочную базу и связь. Хотя авторъ „Русской Правды“ считалъ необходимымъ и полезнымъ существованіе богатыхъ людей, однако опасался образованія денежной аристократіи, несравненно болѣе вредной, чѣмъ родовая. Въ этомъ отношеніи онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ избирательнаго ценза.

Внутри государства промышленность должна пользоваться свободой; одна изъ задачъ правительства состоитъ въ защитѣ ея и поддержкѣ, но ни въ коемъ случаѣ не въ извлеченіи изъ промышленности наибольшихъ

¹⁾ „Русская Правда“, стр. 204—211, §§ 10, 11 и 12.

фискальныхъ выгодъ. Пестель допускалъ существованіе пошлинъ въ цѣляхъ охраненія отечественнаго производства, но не хотѣлъ дѣлать изъ нихъ средства для обогащенія казны.

Боясь скопленія богатствъ въ однихъ рукахъ и стоя на почвѣ равенства и гражданской свободы, Пестель былъ противникомъ государственной и частной монополіи; онъ признавалъ возможность временныхъ компаній, но онъ противился постоянной дѣятельности промышленныхъ товариществъ, въ родѣ американскаго и восточноиндійскаго. Въ „Русской Правдѣ“ обширныя главы посвящены обоснованію и опредѣленію гражданскихъ свободъ въ Россіи.

Свобода личности — это первое и наиболѣе важное право гражданина и священнѣйшая обязанность правительства. На ней покоится весь государственный строй, безъ нея не можетъ быть ни спокойствія, ни счастья. Никто изъ гражданъ не можетъ быть арестованъ и подвергнутъ заключенію безъ судебной мотивировки и исполненія формальностей, въ законѣ указанныхъ. Всякое нарушеніе этого основного права гражданина должно строгойшимъ образомъ караться.

Право подвергнуть гражданина аресту принадлежитъ исключительно полиціи и отнюдь не кому либо изъ представителей другихъ отраслей администраціи. Это указаніе, какъ справедливо утверждаетъ проф. Довнаръ-Запольскій, вытекало изъ тогдашнихъ условій жизни въ Россіи, когда личная свобода гражданина могла быть поправа любой вліятельной особой и всякимъ правительственнымъ чиновникомъ.

Жилище гражданина должно быть неприкосновенно и никто не имѣетъ права войти въ него безъ разрѣшенія хозяина. Полиція вправѣ арестовать гражданина въ его жилищѣ — только по предписанію соотвѣтственной власти и послѣ объясненія мотивовъ ареста. Арестованному внѣ дома полиція обязана въ теченіе 24 часовъ предъявить соотвѣтственный и письменный документъ.

Арестованные содержатся только въ правительственныхъ зданіяхъ и освобождаются подъ соотвѣтственное поручительство; во время слѣдствія они должны пользоваться правомъ свиданія съ навѣщающими ихъ лицами.

Судъ, какъ равно и наказанія, должны примѣняться

на основахъ равенства. Чрезвычайные суды ни въ какомъ случаѣ не допускаются; необходимо введеніе суда присяжныхъ.

Пестель различаетъ свободу совѣсти и свободу вѣроисповѣданія. Внутренняя вѣра, какъ таковая, есть неограниченная собственность каждаго человѣка, какъ разумнаго существа. Это есть свобода совѣсти въ точномъ значеніи слова. Свобода вѣроисповѣданія относится къ внѣшней сторонѣ, связанной съ культомъ, организаціей церкви и различными дѣйствіями вѣрующихъ. Повидимому Пестель полагаетъ, что въ области религіи не можетъ быть абсолютной свободы, какъ—въ сферѣ внутренней вѣры, ибо онъ не за всѣми исповѣданіями признаетъ одинаковую цѣнность. Православіе у Пестеля должно быть господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, хотя онъ не опредѣляетъ точно, на чемъ это привилегированное положеніе православія должно основываться. Другія христіанскія и нехристіанскія религіи, исповѣдываемыя туземными племенами, населяющими Россію, должны быть признаваемы, однако лишь постольку, поскольку эти религіи не противны русскимъ законамъ, духовнымъ и политическимъ нормамъ, чистой нравственности и естественнымъ обязанностямъ человѣка ¹⁾.

Оговорки эти открываютъ большой просторъ для различныхъ правоограниченій. Ибо что въ дѣйствительности слѣдуетъ понимать подъ правилами чистой нравственности или естественными обязанностями человѣка? Богослуженіе различныхъ вѣроисповѣданій, какъ внѣшній знакъ обращенія человѣка къ Высшему Существоу, слѣдуетъ уважать безусловно.

Пестель былъ убѣжденнымъ сторонникомъ свободы печати и отвѣтственности послѣдней исключительно по суду. Но это убѣжденіе установилось въ немъ позже—въ первыхъ главахъ своего труда онъ признавалъ надобность въ цензурѣ.

Нравственность утверждается въ народѣ совокупностью духовныхъ, естественныхъ и политическихъ законовъ. Дать основаніе нравственности, укрѣпить ее—это задача всей „Русской Правды“. Пестель требуетъ, чтобы всякое ученіе, пропаганда и занятіе, противныя

¹⁾ „Русская Правда“, стран. 237.

законамъ и чистой нравственности, а тѣмъ болѣе въ развратъ и соблазнъ вводящія, совершенно запрещались ¹⁾).

Проведеніе въ жизнь этого послѣдняго правила можетъ дать поводъ къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ. Стало быть, необходимы соотвѣтственные законы, которые отвращали бы зло и съ другой стороны гарантировали бы отъ стѣсненій со стороны властей.

Однако такое общее указаніе легче слѣлать, чѣмъ осуществить. Самый принципъ, установленный Пестелемъ, опасенъ, ибо онъ въ концѣ концовъ навязываетъ обществу опредѣленные субъективныя правила морали, стѣсняющія личность въ дѣлѣ ея внутренняго убѣжденія.

Весьма характерно мнѣніе Пестеля, что частныя лица не должны имѣть права открывать учебныя заведенія и что только правительство можетъ должнымъ образомъ удовлетворить надобностямъ просвѣщенія и воспитанія ²⁾).

Каждый гражданинъ пользуется правомъ имѣть типографію и печатать все, что пожелаетъ, съ тѣмъ только, чтобы объ этомъ были предварительно извѣщены власти и чтобы на каждомъ печатномъ произведеніи находилось имя владѣльца типографіи. Авторъ отвѣчаетъ за свои произведенія судебнымъ порядкомъ.

Пестель является приверженцемъ всеобщей обязательной воинской повинности, отъ которой освобождаются лишь единственные въ семьѣ сыновья и воспитанники гимназій или университета. Военная служба должна продолжаться 15 лѣтъ, а не 25, какъ было установлено въ Россіи въ то время.

Авторъ „Русской Правды“ далъ довольно подробный планъ политическо-административнаго строя Россіи, который считалъ наиболѣе для нея пригоднымъ; затронуть былъ имъ также національный вопросъ и вопросъ о границахъ государства. По его мнѣнію, при разсмотрѣннн національныхъ вопросовъ въ государствахъ, въ составъ коихъ входятъ нѣсколько народностей, слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующихъ два соображенія: право народностей на независимое бытіе и право государствъ гарантировать свои интересы. Разные народы развивались въ

¹⁾ „Русская Правда“, стран. 237.

²⁾ Ibid., стран. 237.

различныхъ условіяхъ, приче́мъ одни изъ нихъ обладали нѣкогда государственной самостоятельностью и были къ ней подготовлены, создали собственную культуру, представляютъ многочисленную націю и крупную политическую силу; другіе же никогда не были особымъ государствомъ, а входили всегда въ составъ болѣе значительныхъ государственныхъ союзовъ, продолжаютъ быть національно незначительными и не обладаютъ условіями для политической самостоятельности. За первыми Пестель признаетъ право на независимое существованіе, за вторыми—это право отрицаетъ, полагая, что ихъ слѣдовало бы денационализировать чрезъ сліяніе съ другими крупными и могущественными народами, обладающими собственной государственностью.

Все это разсужденіе не принимаетъ въ расчетъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) народы, въ данный моментъ слабые въ количественномъ и культурномъ отношеніи, со временемъ и умножаются, и достигаютъ большей культурности, 2) не имѣющіе собственной государственности могутъ ее при благоприятныхъ условіяхъ создать, 3) не существуетъ объективнаго критерія, при помощи котораго можно было бы рѣшить вопросъ, въ состояніи ли когда либо тотъ или иной народъ—быть крупной политической единицей, или это для него недостижимо, образовать собственное государство, или же быть автономной частью другого. По мѣрѣ демократизаціи общества и выступленія на арену политической жизни широкихъ народныхъ массъ, національный вопросъ приобретаетъ особое значеніе: народы даже относительно слабые въ количественномъ и культурномъ смыслѣ, безъ историческо-политическаго прошлаго, безъ собственной науки и литературы, начинаютъ стремиться къ укрѣпленію за собой политическихъ правъ и условій всесторонняго развитія, въ формѣ ли абсолютной независимости, либо завоеванія для себя наиболѣе широкихъ предѣловъ автономіи. Исторія разныхъ мелкихъ славянскихъ и иныхъ народовъ въ 19 вѣкѣ доказываетъ справедливость нашихъ утвержденій.

Пестель думалъ иначе, и потому переходя въ своемъ сочиненіи отъ отвлеченныхъ разсужденій къ реальнымъ отношеніямъ въ Россіи того времени, выражалъ по національному вопросу взгляды въ корнѣ ошибочные, лож-

ность которыхъ подтверждаетъ исторія. Изъ завоеванныхъ Россіей народовъ, только за польскимъ онъ признаетъ право на самостоятельное бытіе; другихъ же считаетъ неспособными не только къ независимому государственному существованію, но даже къ сохраненію и развитію своей національной самобытности. Финляндцы, эстонцы, латыши, грузины, малороссы, бѣлоруссы, армяне, не говоря уже о другихъ, должны — по мнѣнію Пестеля — цѣликомъ слиться съ русскими и образовать съ ними не только одно государство, но и одинъ великій народъ.

Даже съ точки зрѣнія собственной теоріи Пестель не долженъ былъ отказывать финляндцамъ, грузинамъ и армянамъ въ правѣ на національно-политическую самобытность; эти народы, либо въ теченіе долгаго періода времени существовали какъ особое государство, какъ напр. грузины, съ весьма высокой своеобразной культурой, либо, какъ напр. финляндцы, не представляя собой вполне независимаго государства, пользовались извѣстной политической самостоятельностью.

Нынѣ, спустя почти восемьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ Пестель формулировалъ свои взгляды, мы наблюдаемъ, что народы, за которыми онъ не признавалъ права на самостоятельное національно-политическое существованіе, окрѣпли, выросли и проявили много жизнеспособности, такъ что теперь трудно допустить, чтобы они могли утратить свое національное самосознаніе. Финляндцы, латыши, армяне и отчасти литовцы быстро усвоили новейшія западно-европейскія соціально-политическія теченія, сумѣли ихъ примѣнить къ мѣстнымъ условіямъ, такъ что будущее этихъ народовъ въ смыслѣ политической и культурной самостоятельности не подлежитъ сомнѣнію. Правда, они по всей вѣроятности не создадутъ независимыхъ государствъ, но въ рамкахъ Россійской Имперіи, завоюютъ для себя автономныя политическія учрежденія, обезпечивающія имъ свободу внутренняго развитія.

Малороссы въ послѣднее время также обнаружили весьма сильныя автономно-федеративныя стремленія и желаніе сохранить свою національно-культурную самобытность.

Можно сомнѣваться лишь въ будущемъ бѣлорусскаго движенія, которое до сихъ поръ ничѣмъ не заявило своей жизненности.

Что касается евреевъ, то Пестель выразилъ мнѣніе, что имъ слѣдуетъ помочь образовать собственное государство въ Малой Азіи. Это соображеніе не было совершенно новымъ, ибо уже въ 1799 г. Наполеонъ Бонапарте думалъ создать нѣчто подобное.

Въ сочиненіи своемъ Пестель не объясняетъ определеннѣе, какимъ образомъ можетъ совершиться это полное сляніе завоеванныхъ Россіей народовъ—съ русскимъ. Онъ говоритъ лишь о введеніи повсемѣстно русскаго языка въ правительственныхъ учрежденіяхъ, введеніи русскихъ школъ, общихъ для всѣхъ государственныхъ областей законовъ и т. п.

Изъ Царства Польскаго и части литовско-русскихъ земель поляки могутъ образовать особое и независимое польское государство. Но возрожденіе Польши Пестель поставилъ въ зависимость отъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, а именно:

1) Польское государство должно вступить въ союзъ съ Россіей, оказывать ей военную помощь въ случаѣ войны съ другимъ государствомъ. За это Россія въ свою очередь обязывается гарантировать Польшѣ цѣлость и неприкосновенность ея границъ и, само собою разумѣется, ея государственную независимость.

2) Для укрѣпленія добрыхъ отношеній между двумя государствами необходимо, чтобы ихъ политическій строй былъ одинаковъ; въ Польшѣ, стало быть, верховная власть должна быть организована такъ же, какъ и въ Россіи, по формулѣ, выраженной въ „Русской Правдѣ“; назначеніе и выборъ всѣхъ должностныхъ лицъ должны происходить одинаково, по правиламъ, указаннымъ въ сочиненіи Пестеля; всѣ привилегіи аристократіи, какъ родовой, такъ и денежной, должны быть уничтожены и весь польскій народъ долженъ представлять собой одно сословіе.

3) Польское государство можетъ быть возстановлено не чрезъ отторженіе Польши отъ Россіи—само по себѣ, но путемъ произведеннаго россійскимъ временнымъ Верховнымъ правленіемъ выдѣла соотвѣтственныхъ губерній польскому правительству.

4) Границы между Польшей и Россіей должны быть слѣдующія: отъ Палангена прямой чертой къ Двинску отсюда Двиною до Полоцка, затѣмъ рѣкою Умачью, до

Березины, далѣе линією послѣдней по направленію къ Припети, черезъ припетскія озера по направленію къ городу Острогу, волинской губерніи, и до Карпатскихъ горъ. Такимъ образомъ въ составъ Польши вошла бы значительная часть такъ называемыхъ западныхъ губерній, вся этнографическая Литва и часть Руси ¹⁾).

Получить независимость Польша могла-бы только послѣ исполненія всѣхъ вышеперечисленныхъ условій; въ противномъ случаѣ она должна составлять нераздѣльную часть русскаго государства. Пестель однако не думалъ, чтобы эти условія могли быть поляками отвергнуты.

Нужно признать, что Пестель въ вопросѣ о границахъ Польши зашелъ нѣсколько далеко, уступая полякамъ провинціи, въ которыхъ они представляли меньшинство, гдѣ большую часть населенія составляли литовцы, бѣлоруссы и малороссы и въ незначительномъ количествѣ собственно русскіе.

Готовность Пестеля отдать эти провинціи полякамъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что онъ былъ искреннимъ демократомъ и, стало быть, благо миллиона крестьянъ-поляковъ въ западныхъ губерніяхъ должно было для него быть дороже, чѣмъ интересы дворянъ и мѣщанъ.

Совершенно иначе представляются остальные его условія; они лишили бы новое польское государство какой бы то ни было политической самостоятельности. Вѣдь отъ него требовалось не только уничтоженіе извѣстныхъ древнихъ привилегій высшихъ классовъ—это было бы даже полезно,—но и передѣлка на русскій образецъ всего механизма государственной организаціи и принятія участія во всѣхъ войнахъ, которыя Россія вздумала бы вести съ другими государствами. Польша по отношенію къ Россіи могла бы стать тѣмъ, чѣмъ были „союзныя“ государства по отношенію къ Франціи при Наполеонѣ, т. е. совершенно отъ нея зависимыми. Форма этихъ отношеній въ будущемъ,—если бы планы Пестеля осуществились,—зависѣла бы отъ того, допустить ли Россія или недопустить, чтобы организація польскихъ вооруженныхъ силъ была поставлена на должную высоту. Ибо если бы въ этомъ отношеніи Польшѣ была предоставлена свобода, то

---

¹⁾ „Русская Правда“, стр. 18—20.

она могла бы создать на своей территоріи значительную военную силу, съ которой бы вынуждены были считаться сосѣднія государства.

Изъ предыдущей главы намъ уже извѣстно, что члены Сѣвернаго Общества противились этимъ планамъ Пестеля; позже, во время слѣдствія надъ заговорщиками, обнаружилось, что и въ Южномъ Обществѣ не всѣ сочувствовали этимъ планамъ, хотя и не выступали противъ нихъ открыто.

Пестель хотѣлъ долженствующее возникнуть свободное польское государство поставить въ извѣстную зависимость отъ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрный своему принципу, онъ желалъ дать ему такія рамки, въ которыхъ оно могло бы развиваться и достигнуть крупныхъ культурныхъ результатовъ. Онъ полагалъ также, что поляки будутъ благодарны Россіи за возстановленіе своего государства и охотно вступятъ съ ней въ союзъ,—такимъ образомъ, стало быть, ему нечего было опасаться усиленія Польши.

Пестель стремился къ расширенію границъ Россіи; онъ хотѣлъ присоединить къ ней Молдавію, весь Кавказъ, что позже стало совершившимся фактомъ; значительная часть Азіи позже была также присоединена къ Россіи.

Убѣжденный врагъ федерализма, Пестель боролся съ нимъ всевозможными доводами. Взгляды его характерны и любопытны также и потому, что нынѣшніе русскіе централисты, какъ консерваторы, такъ и радикалы высказываются подчасъ совершенно аналогично.

Мы уже знаемъ изъ предыдущей главы, что въ русскихъ тайныхъ обществахъ временъ Александра I находились сторонники федерализма. Пестель, нападая на послѣдній, исходилъ не только изъ теоретическихъ, но и практическихъ соображеній.

Россія, по его мнѣнію, должна представлять собой цѣльное и нераздѣльное государство. Чтобы обосновать этотъ взглядъ, онъ даетъ опредѣленія, какъ единого нераздѣльнаго, такъ равно и федеративнаго государства, и вслѣдъ за этимъ подвергаетъ послѣднее критикѣ.

Нераздѣльное государство—это такое, въ которомъ всѣ провинціи находятся подъ одной общей верховной властью, имѣютъ одну форму правленія и одни законы.

Федеративныя же государства суть тѣ, въ которыхъ

отдѣльныя провинціи, хотя и признають общую верховную власть и обязываются дѣйствовать солидарно во внѣшней политикѣ, однако вправѣ издавать собственные законы и имѣть свое собственное правительство.

На первый взглядъ, говорить Пестель, можетъ показаться, что федерализмъ представляетъ собою удобную и желательную государственную организацію, ибо каждой провинціи предоставляется свобода дѣйствій; но послѣ внимательнаго разсмотрѣнія вопроса легко убѣдиться, что единое нераздѣльное государство имѣеть всѣ преимущества передъ государствомъ федеративнымъ. Это справедливо особенно по отношенію къ Россіи, государству съ огромной территоріей, населенной многочисленными племенами и народами.

Отрицательныя стороны федеративнаго строя Пестель опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

1) Верховная власть въ федеративномъ государствѣ даетъ въ дѣйствительности лишь совѣты, а не издаетъ обязательные законы, ибо для этого у нея нѣтъ въ рукахъ собственныхъ исполнительныхъ органовъ, и ей приходится дѣйствовать только посредствомъ областныхъ властей. Если эти послѣднія откажутся повиноваться, неизбежна междоусобная война.

2) Особые законы и особый образъ правленія въ разныхъ частяхъ одного государства по необходимости приводятъ къ образованію различныхъ понятій и различному образу мыслей, а это въ свою очередь еще болѣе ослабляетъ связь между этими частями государства. На верховную власть, олицетворяющую государственное единство, провинціи естественно стануть смотрѣть, какъ на нѣчто весьма непріятное и совершенно излишнее, полагая, что каждое областное правительство гораздо лучше можетъ устроить свои собственныя дѣла.

3) Каждая область, составляя при федеративномъ строѣ отдѣльное, небольшое и слабо связанное съ цѣлымъ государство, даже во время внѣшней войны можетъ дѣйствовать безъ должнаго усердія для общаго дѣла, въ особенности, если лукавый врагъ сумѣетъ прельстить его какими либо выгодными обѣщаніями.

4) При федеративнымъ строѣ слово „государство“ станеть пустымъ звукомъ, ибо кромѣ своей частной области никто нигдѣ не будетъ видѣть собственно госу-

дарства. Любовь къ отечеству будетъ ограничиваться любовью къ одной своей области.

Пестель видитъ въ федеративномъ строѣ еще многія отрицательныя стороны, но умалчиваетъ о нихъ ради краткости.

Въ то время сфера опыта изъ жизни федеративныхъ государствъ была весьма ограниченной и ничтожной; теперь же дѣло обстоитъ нѣсколько иначе, и потому мы въ состояніи разобрать этотъ вопросъ глубже и всестороннѣе.

Не имѣя возможности входить въ подробности, касающіяся значенія и цѣнности федеративнаго строя (впрочемъ это сдѣлано нами въ другихъ сочиненіяхъ¹⁾), мы ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Прежде всего неправильно утвержденіе, что федерализмъ самъ по себѣ цѣликомъ устраняетъ центральные исполнительные органы, тѣмъ болѣе, что центральная верховная власть фактически имѣетъ лишь совѣщательное значеніе. Въ федеративномъ строѣ вѣдѣніе общими дѣлами цѣликомъ ввѣряется власти общегосударственной, которая ихъ и рѣшаетъ. Объ этомъ Пестель могъ знать изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Современная Германія представляетъ собою государство федеративное, подъ гегемоніей Пруссіи, и все же оно является прочно организованнымъ вообще и въ милитарномъ отношеніи въ частности; оно распоряжается первоклассной военной силой и ведетъ твердую и успѣшную экономическую политику.

Федеративный строй, какъ таковой, весьма гибокъ и можетъ быть легко приспособленъ къ различнымъ соціально-политическимъ условіямъ. Гдѣ культурный уровень различныхъ входящихъ въ составъ федераціи частей приблизительно одинаковъ, тамъ дѣйствуетъ общій уголовный и гражданскій кодексъ; тамъ же, гдѣ этотъ уровень различенъ, — примѣняется другой порядокъ.

Факты не подтверждаютъ опасеній Пестеля, будто отдѣльныя части въ федераціи стануть дѣйствовать не въ пользу цѣлаго.

Опасенія внутреннихъ междоусобицъ также напрасны.

---

1) Autonomija i federalizm (Автономія и федерализмъ) и Federalizm i socyализm (Федерализмъ и социализмъ).

Александр Михайлович
МУРАВЬЕВЪ.

Матвей Иванович
МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ.

Александр Николаевич
МУРАВЬЕВЪ.

Михаил Сергеевич
ЛУНИНЪ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

R

L

Правда, Соединенные Штаты Сѣверной Америки во второй половинѣ 19 вѣка пережили междоусобную войну, но развѣ не было потрясеній и въ централистической Франціи? Война между Сѣверными и Южными штатами возникла, какъ извѣстно, на социальной почвѣ, изъ за рабовладѣльчества. Центръ тяжести въ этой борьбѣ, стало быть, находился не въ самой формѣ государственнаго строя. Впрочемъ, развѣ Соединенные Штаты, какъ государство, не вышли изъ этой борьбы побѣдителемъ?

Отрицательныя стороны централизма становятся все болѣе очевидными и эволюція государственныхъ формъ несомнѣнно пойдетъ въ направленіи децентрализаціи и федерализма.

На наши доводы современные противники федерализма почти не находятъ возраженій.

Федерализмъ, по мнѣнію Пестеля, былъ бы гибеленъ для Россіи, ибо она при такомъ строѣ снова испытала бы тѣ же несчастія и смуту, какія перенесла въ удѣльный періодъ.

Аргументъ этотъ не выдерживаетъ критики, ибо Русь въ ту эпоху, не представляя собой федераціи, не имѣла, стало быть, ни центральныхъ учреждений, ни правовыхъ нормъ для регулированія общихъ дѣлъ.

Пестель самъ признаетъ, что Россія состоитъ изъ весьма разнородныхъ частей, населеніе которыхъ исповѣдуетъ различныя религіи, говоритъ на различныхъ языкахъ и управляется особыми мѣстными законами; однако, несмотря на это, онъ все же питаетъ иллюзію, будто совершенно разнороднымъ областямъ можно навянуть совершенно одинаковые законы, одинаковыя учрежденія и т. п. ¹⁾

Разсужденіе Пестеля слѣдовало бы передѣлать на оборотъ и сказать: ужъ если гдѣ, то именно въ Россіи федерализмъ имѣетъ полное право на существованіе, ибо немислимо создать для нея общественныя учрежденія по одной мѣркѣ и шаблону, издать одинаковые для всѣхъ областей законы и т. п.

Впрочемъ, даже при крайнемъ, самодержавномъ централизмѣ различныя области, входящія въ составъ Россіи, пользовались до нѣкоторой степени особыми учрежденіями, мѣстными законами и т. п.

1) О федерализмѣ см. „Русская Правда“, стран. 20—24.

Крайній централизм Пестеля является слабой, быть можетъ наиболѣе слабой стороной его социально-политической системы.

Пестеля слѣдуетъ считать предшественникомъ всѣхъ позднѣйшихъ русскихъ радикаловъ-централистовъ. И теперь еще среди наиболѣе крайнихъ русскихъ партій мы встрѣчаемъ ярыхъ централистовъ, которые въ интересахъ „единства“ пролетаріата отвергаютъ федерализмъ. Мы, впрочемъ, вернемся еще къ этому предмету въ послѣдней части нашего труда.

Въ „Русской Правдѣ“ Пестель дѣлитъ всю Россію, не исключая городовъ, на волости, которыя—по его мнѣнію—должны играть роль какъ бы ячеекъ государственнаго организма. Разъ въ годъ во всѣхъ волостяхъ созывается земское волостное собраніе, продолжающееся только шесть дней. На этихъ собраніяхъ избираются члены намѣстныхъ народныхъ собраній, намѣстныхъ уѣздныхъ и намѣстныхъ окружныхъ или губернскихъ собраній. Въ кругъ вѣдѣнія этихъ намѣстныхъ собраній входитъ: выслушаніе и разсмотрѣніе отчетовъ волостного и уѣзднаго правленій, а также жалобъ частныхъ лицъ на мѣстныя власти, замѣшеніе вакантныхъ должностей въ администраціи, наконецъ соображеніе и разрѣшеніе различныхъ хозяйственныхъ и культурныхъ предпріятій данной территоріальной единицы.

Избирательнаго ценза не требуется. Избраннымъ можетъ быть всякій гражданинъ, достигшій совершеннолѣтія.

Деталей организациі самоуправленія Пестель не разработалъ. Въ кругъ дѣятельности намѣстныхъ окружныхъ или губернскихъ собраній, кромѣ перечисленныхъ выше правъ и функцій, входило еще избраніе народныхъ представителей въ Народное Вѣче, представляющее собою верховную законодательную власть, т. е. парламентъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Пестель желалъ введенія косвенной системы выборовъ.

Объ организациі высшихъ государственныхъ учреждений мы узнаемъ не изъ „Русской Правды“, въ рукописи которой отсутствуютъ нѣкоторыя главы, но изъ краткаго изложенія взглядовъ ея автора въ Государственномъ Завѣщаніи—брошюрѣ, которая знакомила членовъ организациі съ политическо-соціальными воззрѣніями послѣдней.

Народное Вѣче сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю законодательную власть и рѣшаетъ вопросъ о войнѣ и мирѣ. Народные представители избираются на 5 лѣтъ; ежегодно пятая часть ихъ состава выходитъ изъ числа членовъ Вѣча, а на мѣсто выбывающихъ избираются новые.

Кромѣ Народнаго Вѣча, Пестель проектировалъ еще учрежденіе Верховнаго Собора, въ число обязанностей котораго входилъ бы всеобщій надзоръ и контроль. Верховный Соборъ разсматриваетъ постановленія парламента съ формальной стороны, утверждаетъ ихъ и лишь послѣ этого вѣчевыя постановленія входятъ въ силу закона.

Роль Верховнаго Собора по отношенію къ Вѣчу-недостаточно ясна. Неизвѣстно, въ какихъ случаяхъ онъ могъ отвергать постановленія Вѣча, т. е. только-ли при нарушеніи дѣйствующихъ законовъ, или еще и при другихъ обстоятельствахъ.

Пестель различаетъ обыкновенные законы отъ основныхъ, конституціонныхъ; право измѣнять послѣдніе Народному Вѣчу не принадлежало, а могло быть осуществлено лишь путемъ плебисцита. Механизма послѣдняго Пестель также не описываетъ.

Верховный Соборъ долженъ кромѣ того надзирать за дѣйствіями исполнительной власти, къ ознакомленію съ которой мы теперь и перейдемъ. Во главѣ исполнительной власти стоитъ Державная Дума, состоящая изъ 5 членовъ, избранныхъ на 5 лѣтъ. Ежегодно одинъ изъ членовъ выходитъ изъ ея состава и избирается новый. Избраніе происходитъ такимъ образомъ: намѣстныя окружныя или губернскія собранія назначаютъ кандидатовъ, а Вѣче (парламентъ) выбираетъ изъ ихъ числа членовъ Думы. Такимъ же точно путемъ происходитъ избраніе 120 членовъ Верховнаго Собора. Но званіе члена Собора—пожизненно. Члены этого учрежденія не могутъ быть депутатами, либо занимать какія либо должности.

Какъ было уже сказано, во главѣ исполнительной власти стоитъ Дума, въ зависимости отъ нея находятся министры. Наблюденіе за дѣятельностью послѣднихъ имѣетъ Верховный Соборъ чрезъ посредство генераль-прокуроровъ, состоящихъ по одному при каждомъ министерствѣ. Всякое распоряженіе министра должно быть скрѣплено подписью соотвѣтственнаго генераль-проку-

рора, безъ чего распоряженіе не имѣеть силы. Однако генераль-прокуроры не входятъ въ разсмотрѣніе министерскихъ распоряженій по существу, но лишь слѣдятъ за тѣмъ, чтобы они соотвѣтствовали дѣйствующимъ законамъ.

Въ десять провинцій, состоящихъ каждая изъ 5 губерній, Верховный Соборъ назначаетъ своихъ генераль-губернаторовъ, роль которыхъ по отношенію къ мѣстной администраціи такова же, какъ — генераль-прокуроръ по отношенію къ министрамъ.

Дѣла о преступленіяхъ должностныхъ лицъ администраціи должна разсматривать Дума, которая затѣмъ передаетъ ихъ на уваженіе Верховнаго Собора. Послѣдній кромѣ того назначаетъ главнокомандующаго арміей, если таковая выступаетъ за границы Россіи, но послѣ ея возвращенія въ предѣлы отечества главнокомандующій передаетъ свои полномочія снова Верховному Собору.

Какъ теперь уже легко убѣдиться, Пестель усиленно заботился о строжайшемъ контролѣ въ государствѣ и устраненіи злоупотребленій. Однако предлагаемая имъ государственная машина слишкомъ громоздка. Опытъ изъ жизни парламентскихъ странъ учитъ насъ, что отвѣтственность министровъ предъ палатой, а также судъ, стоящій на стражѣ конституціонныхъ законовъ, служатъ наилучшими гарантіями свободы и точнаго соблюденія законности.

Мы не можемъ входить въ подробности и описывать проектированную въ „Русской Правдѣ“ организацию отдѣльныхъ отраслей администраціи. Впрочемъ это и неважно. Но зато обратимъ еще вниманіе читателя на нѣсколько деталей, касающихся организациі общественнаго порядка и проливающихъ свѣтъ на нѣкоторыя черты психологіи Пестеля.

Будучи приверженцемъ сильной государственной власти, онъ хотѣлъ, чтобы въ государствѣ ничего не уходило отъ ея ока и надзора. Поэтому онъ настаивалъ, чтобы кромѣ полиціи явной и обыкновенной, существовала еще и тайная, высшая, политическая. Цѣлью ея дѣятельности былъ бы надзоръ за правительственными чиновниками, гражданами и иностранцами; за первыми — съ цѣлью убѣдиться, что не совершаютъ злоупотребленій; за вторыми — не помышляютъ ли о бунтѣ, не составляютъ ли

тайныхъ обществъ, опасныхъ для государственнаго порядка; наконецъ за послѣдними—для предотвращенія интригъ и козней противъ Россіи; въ частности слѣдуетъ, по мнѣнію Пестеля, учредить надзоръ за сношеніями находящихся въ столицѣ иностранныхъ пословъ.

Пестель предвидитъ возможность упрековъ въ установленіи шпіонства, но оправдывается его необходимостью. Онъ говоритъ, что нападки на шпіонство имѣютъ основаніе собственно лишь въ случаѣ злоупотребленій такимъ, стало быть, его слѣдуетъ организовать рационально и осторожно. Поэтому для тайныхъ розысковъ политической полиціи должны употребляться по возможности люди умные, честные, безукоризненной нравственности ¹⁾. Странно, что Пестель не сознавалъ, что люди этихъ качествъ не станутъ заниматься подобнымъ ремесломъ.

Политическая полиція, по убѣжденію Пестеля, должна быть—тайной; о ея существованіи могъ знать лишь ея главный руководитель и глава государства ²⁾.

Мы видимъ, что исключительное тяготѣніе Пестеля къ порядку и сильной государственной власти побуждало его строить планы, въ случаѣ осуществленія которыхъ—были бы въ значительной мѣрѣ ослаблены положительныя стороны его конституціи, и могло бы привести къ необходимости гнета и застоя ради интересовъ всемогущаго государства, или вѣрнѣе—его представителей.

Пестель былъ противникомъ слишкомъ суровыхъ каръ, въ частности—смертной казни, но требовалъ гласнаго и скорога уголовного судопроизводства. Въ вопросахъ налогового обложенія Пестель высказывался за нежелательность обложенія предметовъ первой необходимости.

Петербургъ болѣе не долженъ быть столицей Россіи. По мнѣнію Пестеля, столицей долженъ стать Нижній Новгородъ, занимающій наиболѣе соотвѣтственное географическое положеніе.

Независимо отъ того, соглашались ли съ социально-политическими взглядами Пестеля или отвергать ихъ, нельзя не признать, что его проектъ строя Россіи представляетъ собой трудъ, для своего времени замѣчательный, проведенный вполнѣ послѣдовательно, во всѣхъ де-

¹⁾ „Русская Правда“, стран. 112.

²⁾ Пестель говоритъ даже—государь; очевидно онъ писалъ это тогда, когда еще не былъ республиканцемъ.

таляхъ стройно и умѣло скомпанованный и проникнутый единой идеей.

Человѣкъ весьма образованный, Пестель былъ прекрасно знакомъ съ просвѣтительной литературой XVIII в. и первой четверти XIX вѣка. Его занимали преимущественно политическіе, экономическіе и социальныя вопросы; относящуюся къ нимъ литературу онъ зналъ въ совершенствѣ; но ему не были чужды также и другія отрасли знанія—философія, богословіе, этика. Въ воззрѣніяхъ Пестеля не трудно замѣтить значительное вліяніе западно-европейскихъ мыслителей. Но воспринимая какія либо идеи, онъ вполне овладѣвалъ ими и самостоятельно перерабатывалъ. Поэтому и „Русская Правда“ представляетъ собой не компилятивный трудъ, но оригинальное произведение, въ которомъ отразилась выдающаяся индивидуальность автора.

Изъ писателей наибольшее вліяніе на Пестеля оказали Бентамъ, Монтескье, гр. Дестю де Траси (Destutt de Tracy¹) и А. Смитъ. Не менѣе вліяли на него и крупныя событія, какъ напр. революціи въ Западной Европѣ, особенно же испанская. Глубокое впечатлѣніе на Пестеля произвелъ также Наполеонъ.

Стремленія Наполеона къ централизму и созданию прочной и могущественной государственной власти, не терпящей подлѣ себя свободныхъ общественныхъ союзовъ, восхищали Пестеля и на всемъ его мышленіи оставили яркій слѣдъ. Несомнѣнно, однако, что онъ былъ искреннимъ конституціоналистомъ и демократомъ, чего нельзя сказать о Наполеонѣ.

Нѣкоторые взгляды въ аграрномъ вопросѣ Пестель заимствовалъ съ Запада, у писателей XVIII и начала XIX в., а на его проектъ земельной реформы, по всей вѣроятности, оказала вліяніе прежде всего общинная форма землевладѣнія въ Россіи.

Отсутствіе мѣста не позволяетъ намъ входить въ болѣе подробный анализъ вліяній, которыя отразились на авторѣ „Русской Правды“, впрочемъ, это уже сдѣлано В. Семевскимъ въ его любопытной статьѣ²).

¹) Авторъ сочиненія подъ заглавіемъ „Commentaire sur l'Esprit de lois de Montesquieu“.

²) В. Семевскій. Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка—въ журналѣ «Былое», первыя три книги.

Двѣ идеи Пестеля заслуживаютъ особеннаго вниманія: мысль о выработкѣ, до наступленія политическаго переворота въ Россіи, плана ея устройства, съ цѣлью избѣжать возможнаго хаоса, и—проектъ обезпеченія русскимъ гражданамъ путемъ аграрной реформы минимума средствъ къ существованію.

Первая, будучи смѣлой и чрезвычайно трудно осуществимой, въ корнѣ представляется рачіональной. Пестель потому не рѣшилъ своей задачи удовлетворительно, что въ то время это было почти невозможнымъ. Теперь дѣло обстоитъ иначе; политическія партіи (напримѣръ социалистическія) подробнѣйшимъ образомъ указываютъ на реформы, къ осуществленію которыхъ они стремятся еще при нынѣшнемъ строѣ (программа минимумъ), а теоретики партій все чаще и чаще прибѣгаютъ къ исправленіямъ въ программахъ, для точнаго опредѣленія болѣе отдаленныхъ цѣлей, относящихся къ грядущему социальному строю.

Второй великой мысли своей Пестель также не могъ развить надлежащимъ образомъ. Мы не думаемъ, однако, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели, что доктрина Пестеля пропитана въ значительной степени социализмомъ. Уничтожая сословія, онъ совершенно не думалъ объ уничтоженіи классовъ; онъ не былъ сторонникомъ денежной аристократіи, какъ замкнутой и сплоченной корпорации, но вмѣстѣ съ тѣмъ мирился съ мыслью, что имущіе классы займутъ преобладающее положеніе въ парламентѣ и на государственной службѣ, и что вообще состоятельные круги, пользуясь средствами, будутъ процвѣтать. Дѣлая эти выводы, мы, конечно, не ставимъ ихъ Пестелю въ упрекъ, но лишь констатируемъ фактъ.

3.

Написанный Никитой Муравьевымъ проектъ конституціи имѣется въ трехъ редакціяхъ, которыя дополняютъ другъ друга. По сравненію съ „Русскою Правдой“ это уже гораздо менѣе обработанный трудъ; въ немъ отсутствуютъ также теоретическія обоснованія, которыми такъ богата „Русская Правда“.

Въ сущности этотъ проектъ былъ выраженіемъ по-

литическихъ взглядовъ Сѣвернаго Общества, однако не въ такой степени, какъ отражала „Русская Правда“ возрѣнія южной организаціи. Пестель, а можетъ быть и большинство членовъ этой организаціи, желали навязать Россіи послѣ переворота соціально-политическій строй, изложенный именно въ „Русской Правдѣ“. Сѣверная организація, хотя въ общемъ и раздѣляла политическіе взгляды Никиты Муравьева, однако не намѣревалась навязывать его конституціонной системы Обществу и хотѣла послѣднее слово оставить за будущимъ учредительнымъ собраніемъ. Поэтому то, должно быть, она не придавала особеннаго значенія частностямъ его конституціоннаго проекта.

Сопоставляя этотъ проектъ съ планомъ Пестеля, мы видимъ крупныя различія въ отношеніи ихъ авторовъ къ вопросу объ избирательномъ цензѣ, федерализмѣ и свободѣ союзовъ.

Н. Муравьевъ является федералистомъ, сторонникомъ избирательнаго ценза и свободы союзовъ; Пестель же — централистъ, противникъ ценза и права гражданъ вступать въ союзы.

Въ соціальномъ отношеніи различіе проектовъ состоитъ въ томъ, что Н. Муравьевъ, уничтожая крѣпостную зависимость крестьянъ, высказывался первоначально за надѣленіе ихъ усадьбой съ садомъ, затѣмъ — съ прибавкой еще двухъ десятинъ на одно хозяйство; Пестель же хотѣлъ обезпечить крестьянину количество пахатной земли, достаточное для прокормленія семьи, а также вообще російскимъ гражданамъ, какъ мы уже знаемъ, — извѣстный минимумъ средствъ къ существованію.

Конституціонный проектъ Н. Муравьева разсматриваетъ жителей Россіи съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ русскихъ и гражданъ. Къ первымъ онъ причисляетъ коренное мѣстное населеніе ¹⁾, а также потомковъ иностранцевъ, которые родились въ Россіи и по достиженіи совершеннолѣтія пожелали въ ней остаться; ко вторымъ онъ относитъ вообще всѣхъ, пользующихся политическими правами въ точномъ смыслѣ этого слова, слѣдовательно, могущихъ избирать депутатовъ, находится на

¹⁾—въ территоріальномъ смыслѣ, т. е. туземное населеніе государства, безъ различія національности и религіи, а не только русскихихъ по національности.

государственной службѣ и быть членами законодательныхъ собраній.

Члены первой категоріи — русскіе, не имѣя указанныхъ политическихъ правъ, пользуются однако въ полной мѣрѣ личными и имущественными правами.

Образцомъ для конституціоннаго проекта Н. Муравьева послужилъ государственный строй С.-А. Соединенныхъ Штатовъ. Хотя авторъ и сохранялъ монархію, но у него власть государя не превышала той, какой пользуется президентъ въ С.-А. Штатахъ; права верхней палаты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были сходны съ правами американскаго Сената. Слѣдуетъ однако замѣтить, — на что мы дѣлаемъ особенное удареніе, — что федерализмъ Н. Муравьева обрисовался весьма не ясно и былъ крайне умѣреннымъ, такъ что приходится удивляться, почему Пестель столь горячо возставалъ противъ него.

Русское государство, по Н. Муравьеву, раздѣлялось на нѣсколько провинцій (въ разныхъ текстахъ его проекта раздѣленіе это въ частности различно), изъ которыхъ каждая должна имѣть собственный сеймъ и управленіе, а также посылать депутатовъ въ общегосударственный парламентъ. Любопытно, что среди такихъ провинцій мы совершенно не находимъ Царства Польскаго. Отсюда представляется весьма вѣроятнымъ, что Н. Муравьевъ выдѣлялъ его въ особую единицу и ставилъ его въ положеніе, какимъ оно пользовалось въ періодъ 1815—1830 г.г., т. е. весьма близкое къ уніи ¹⁾, такъ какъ въ польскомъ вопросѣ онъ не раздѣлялъ взглядовъ Пестеля.

Точно также въ одномъ изъ текстовъ проекта отсутствуетъ Финляндія, а въ другомъ она значится.

Н. Муравьевъ очень точно опредѣляетъ и гарантируетъ гражданскія свободы; онъ устанавливаетъ свободу личности, печати, союзовъ въ широкихъ предѣлахъ, опирая эти свободы на удачно задуманной организациі судопроизводства и судѣ присяжныхъ. Онъ уничтожаетъ сословія и чины и вводитъ равенство всѣхъ предъ су-

¹⁾ Еллинекъ и другіе — юристы противоположнаго мнѣнія и не находятъ данныхъ, чтобы признать между Царствомъ Польскимъ и Имперіей унію. Однако ихъ аргументы мало убѣдительны. Это слишкомъ обширный и серьезный вопросъ.

домъ, какъ по личнымъ, такъ и имущественнымъ дѣламъ, и устраняетъ ограниченія въ свободѣ труда.

Государь, по проекту, пользовался правомъ созыва обѣихъ палатъ парламента, называемаго Народнымъ Вѣчемъ, отсрочки его созыва на три мѣсяца, правомъ относительнаго veto, налагаемаго на рѣшеніе обѣихъ палатъ, т. е. возвращенія одобренныхъ ими законопроектовъ на вторичное разсмотрѣніе (въ случаѣ вторичнаго утвержденія однажды одобренныхъ законопроектовъ они становились законами), назначаетъ министровъ и другихъ чиновниковъ и предводительствуетъ военными силами, сухопутными и морскими.

Государь не вправѣ безъ Народнаго Вѣча (парламента) объявлять войны съ другими государствами, уступать части государственной территоріи; другого же содержанія договоры онъ имѣлъ право заключать съ иноземными державами не иначе, какъ съ согласія верхней палаты, называемой Верховной Думой. Только съ согласія Народнаго Вѣча государь могъ употребить военную силу для подавленія беспорядковъ внутри государства.

Право объявленія войны и амнистіи Н. Муравьевъ сохраняетъ исключительно за Народнымъ Вѣчемъ. Государь—особа священная, неприкосновенная и безответственная. Министры и вообще чиновники подлежатъ отвѣтственности за свои дѣйствія, но отвѣтственности судебной, а не парламентарной, т. е. не обязаны уходить въ отставку по требованію большинства въ палатѣ, если не совершили дѣянія, караемаго по суду.

Въ случаѣ отъѣзда государя за границу, болѣзни, смерти или отреченія, Народное Вѣче объявляетъ государемъ наслѣдника престола или назначаетъ регентство. Въ послѣднемъ случаѣ регентомъ становится предсѣдатель Верховной Думы (верхней палаты).

По наслѣдству престоль переходить отъ отца къ сыну; дочери исключаются. Другіе члены императорской фамилии не пользуются никакими особыми привилегіями.

Законодательная власть принадлежитъ, какъ мы видѣли, обѣимъ палатамъ Народнаго Вѣча: Верховной Думѣ и палатѣ народныхъ представителей. Однако эти законодательныя учрежденія вправѣ издавать лишь нормальные законы, которые Н. Муравьевъ, по примѣру Сое-

диненныхъ Штатовъ, отличаетъ отъ основныхъ конституціонныхъ законовъ. Измѣнять и издавать таковыя можетъ только особое, учредительное собраніе.

Власть Народнаго Вѣча ограничивается еще съ другой стороны. Проектъ Н. Муравьева гласитъ: вѣра, совѣсть и убѣжденія гражданъ, пока не проявляются въ незаконныхъ дѣяніяхъ, не подлежатъ вѣдѣнію Народнаго Вѣча.

Кругъ вѣдѣнія Народнаго Вѣча очень обширенъ: оно издаетъ своды законовъ, правила организациіи правительственныхъ учреждений, войскъ и крѣпостей, исключительные законы, опредѣляетъ налоги, разрѣшаетъ займы, устанавливаетъ законы и распоряженія, относящіеся къ путямъ сообщенія, поощренію промышленности, благосостоянію гражданъ, наукѣ и искусствамъ. Но однако не вправѣ ограничивать свободу науки, искусства и преподаванія ¹⁾.

Народное Вѣче пользуется еще значительными правами въ отношеніи провинціальныхъ или областныхъ сеймовъ. Оно можетъ распускать послѣдніе, въ случаѣ превышенія данной имъ власти или границъ компетенціи, и объявлять новые выборы въ сеймы; назначать въ отдѣльныя провинціи или области государства правителей, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается исполнительная власть. Имѣетъ, какъ уже сказано, право объявлять войну и давать амнистію.

Палата народныхъ представителей имѣетъ право возбуждать обвиненія противъ министровъ и высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, которыхъ судить вправѣ Верховная Дума.

Дума строго контролируетъ внѣшнюю политику правительства, пользуясь правомъ пересмотра соответственныхъ документовъ.

Въ вопросахъ государственнаго бюджета палата народныхъ представителей пользуется бѣльшимъ значеніемъ, чѣмъ Верховная Дума, ибо бюджетная смѣта разсматривается сначала въ нижней палатѣ.

Правда верхняя палата можетъ внести нѣкоторыя по-

---

¹⁾ Въ этомъ отношеніи проектъ Н. Муравьева стоитъ значительно выше проекта Пестеля, который, какъ мы знаемъ, противился устройству частныхъ учебныхъ заведеній.

правки, но послѣднія входятъ въ законную силу лишь въ случаѣ принятія ихъ нижней палатой.

Члены Народнаго Вѣча пользуются личной неприкосновенностью—аресту подлежатъ они только за измѣну; имъ полагается жалованье, но они не вправѣ занимать никакихъ должностей. Находящіеся на службѣ чиновники не могутъ быть избираемы ни въ верхнюю, ни въ нижнюю палаты.

Члены Верховной Думы избираются провинціальными сеймами; члены нижней палаты—непосредственно гражданами.

Въ проектѣ конституціи Н. Муравьева указанъ довольно высокій, для того времени, избирательный цензъ. Въ разныхъ редакціяхъ проекта размѣры его различны. Цензъ распространяется и на другія общественно-государственныя должности и измѣняется въ зависимости отъ ихъ степеней. Въ общемъ можно сказать, что конституція Н. Муравьева значительную часть гражданъ устранила отъ политической жизни.

Несмотря на то, что Н. Муравьевъ является федералистомъ, областнымъ сеймамъ, однако, онъ предоставлялъ весьма небольшой кругъ вѣдѣнія. Они могутъ рѣшать вопросы податного обложенія на покрытіе различныхъ расходовъ провинціи, какъ напр. содержаніе дорогъ, постройка каналовъ, общественныхъ зданій; вправѣ дѣлать постановленія объ открытіи учебныхъ и просвѣтительныхъ учреждений и т. п., наконецъ издавать временныя правила для администраціи.

Мы видимъ, стало-быть, что даже такой централистъ, какъ Пестель, не имѣлъ основаній опасаться федерализма Н. Муравьева, ибо въ его конституціи имѣютъ мѣсто лишь формы федерации, безъ содержанія.

Собственно говоря, областные сеймы пользуются у Н. Муравьева самостоятельностью лишь въ хозяйственной, административной и просвѣтительной областяхъ, но отнюдь не въ сферѣ законодательной. Имъ не дано права издавать спеціальныя законы для своихъ областей. А вѣдь Россія, какъ страна столь обширная и разнородная, нуждается въ большей самостоятельности для своихъ отдѣльныхъ частей.

Правда, сеймамъ предоставляется еще право предлагать Народному Вѣчу созывъ Народнаго Собора для из-

мѣненія конституціи. Народный Соборъ могъ быть созванъ и по инициативѣ самого Народнаго Вѣча.

Народный Соборъ созывается всегда по опубликованіи соотвѣтственнаго распоряженія Народнаго Вѣча.

Соборъ состоитъ изъ такого же числа членовъ, какое засѣдаетъ въ обѣихъ палатахъ Вѣча, и подобнымъ же образомъ выбранныхъ. Засѣдать Соборъ можетъ не долѣе полугода, а для законности его постановленій необходимо большинство въ двѣ трети голосовъ. Соборъ вырабатываетъ только проекты конституціи, которые одобряются или отвергаются спеціальными, съ этой цѣлью созданными областными соборами съ удвоеннымъ, противъ областныхъ сеймовъ, числомъ членовъ; выборы въ эти соборы производятся такъ же, какъ въ сеймы.

Областные соборы либо принимаютъ, либо отвергаютъ проекты Народнаго Собора. Для принятія проекта необходимо большинство въ двѣ трети голосовъ въ каждомъ областномъ соборѣ и такое же большинство общаго числа членовъ этихъ соборовъ.

Исполнительная власть въ отдѣльныхъ областяхъ государства находится въ рукахъ областныхъ правителей, избираемыхъ Народнымъ Вѣчемъ на три года изъ числа кандидатовъ, предлагаемыхъ областными законодательными собраніями. Ихъ власть въ областяхъ соотвѣтствуетъ власти государя въ цѣломъ государствѣ.

Въ помощь главѣ исполнительной власти въ областяхъ государства назначаются намѣстники и совѣтники, избираемые соединенными областными палатами на эти три года.

Н. Муравьевъ въ своемъ проектѣ старался строго разграничить судебную власть отъ исполнительной, и первой изъ нихъ гарантировать независимость и авторитетность. Согласно его плану—Верховный Судъ, состоящій изъ пяти избранныхъ Народнымъ Вѣчемъ членовъ, указываетъ на недостатки, неясности и противорѣчія въ законодательствѣ.

По отношенію къ гражданскимъ свободамъ проектъ Н. Муравьева въ нѣкоторыхъ пунктахъ стоитъ выше проекта Пестеля и обезпечиваетъ гражданамъ больше свободы, чѣмъ „Русская Правда“; онъ разрѣшаетъ имъ объединяться въ союзы, гарантируетъ вѣрнѣе, чѣмъ „Русская Правда“, свободу убѣжденій и совѣсти, а также не

заклучаетъ въ себѣ обрусительныхъ тенденцій. Наконецъ, этотъ проектъ проникнуть принципомъ децентрализаціи, хотя и не проведенной послѣдовательно. Къ недостаткамъ проекта слѣдуетъ отнести отсутствіе парламентарной отвѣтственности для министровъ, а также общегосударственной администраціи въ сферѣ общихъ дѣлъ.

Въ социальномъ отношеніи проектъ Н. Муравьева несомнѣнно уступаетъ „Русской Правдѣ“: наиболѣе важные посты въ государствѣ онъ предоставляетъ буржуазіи и не обезпечиваетъ благосостоянія крестьянамъ ¹⁾.

---

¹⁾ См. изданные проф. Довнаръ-Запольскимъ — Мемуары декабристовъ, стр. 58—72, 96—112, и Якушкина—Государственная власть и проектъ государственной реформы въ Россіи, стран. 131—160.

IV.

Декабрьское вооруженное возстаніе. Арестъ заговорщиковъ, судъ надъ ними и кары. Значеніе вызваннаго декабристами движенія.

1

Неожиданная смерть Императора Александра I, застигшая его 19 ноября 1825 г. въ Таганрогѣ, послужила поводомъ для открытаго революціоннаго выступленія въ Петербургѣ и кіевской губерніи.

25 ноября въ Петербургъ пришла вѣсть о тяжкой болѣзни Государя, а спустя два дня—о его смерти. Великій князь Николай, позже—императоръ, узнавъ объ этомъ во время богослуженія, тотчасъ же присягнулъ на вѣрность новому императору, своему старшему брату вел. кн. Константину, жившему въ то время въ Варшавѣ. Кромѣ вел. кн. Николая, тутъ же присягнули присутствующіе во дворцѣ сановники: генералы Кутузовъ, Потаповъ, военный министръ Татищевъ и другіе. Затѣмъ приняли присягу войска, державшія во дворцѣ караулъ. Тотчасъ же былъ изданъ приказъ привести къ присягѣ войска въ Петербургѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Сенаторы присягнули послѣ полученія отъ министра юстиціи кн. Лобанова-Ростовскаго увѣдомленія о смерти императора. Нѣсколько позже Сенатъ издалъ указъ о приведеніи къ присягѣ всѣхъ подданныхъ, что и было исполнено.

Вел. кн. Николай, присягая на вѣрность Константину, несомнѣнно зналъ объ отреченіи отъ престола Константина, котораго склонилъ къ этому еще при жизни Александра I, вообще не считавшія своего старшаго брата подходящимъ для занятія престола самодержца Всероссийскаго. Бракъ вел. кн. Константина съ обыкновенной польской дворянкой, которая позже получила титулъ княгини Ловичской, послужилъ ближайшимъ поводомъ къ устраненію Константина отъ наслѣдованія престола.

Даже Екатерина II зачастую возмущалась характеромъ вел. кн. Константина, отсутствіемъ такта, грубостью и т. п. его качествами. Позднѣйшіе поступки его еще въ большей степени обнаружили его недостатки.

Присягая Константину, Николай ни на минуту не думалъ о возможности устраненія себя отъ верховной власти. Онъ присягнулъ въ ожиданіи, что старшій братъ публично объявитъ о своемъ отреченіи. Вел. кн. Константинъ отрекся отъ своихъ правъ на престолъ еще 22 января 1822 г., а императоръ Александръ I оставилъ объ этомъ тайный указъ, датированный 28-мъ числомъ августа 1823 г. и сданный вмѣстѣ съ другими документами на храненіе въ Сенатъ, съ опредѣленнымъ приказаніемъ, не предпринимать послѣ его смерти никакихъ правительственныхъ дѣйствій прежде, чѣмъ эти документы будутъ прочитаны. Министръ юстиціи однако не сообразовался съ этимъ приказаніемъ; когда же ему о такомъ напомнилъ одинъ изъ оберъ-прокуроровъ, онъ, въ качествѣ генераль-прокурора Сената, распорядился о доставленіи ему этихъ документовъ на домъ.

Послѣ принятія присяги, вел. кн. Николай призвалъ къ себѣ отставного чиновника Опочинина, долго съ нимъ бесѣдовалъ, далъ письма на имя Константина и приказалъ тотчасъ же отправиться въ Варшаву, чтобы напомнить брату о его „добровольномъ“ отреченіи отъ престола еще въ 1822 г. Опочининъ, исполняя приказаніе, спѣшно выѣхалъ изъ Петербурга, но на слѣдующій день вернулся, встрѣтивъ младшаго брата Николая—вел. кн. Михаила, ѣхавшаго какъ разъ изъ Варшавы. Великій князь привезъ извѣстіе, что Константинъ, узнавъ о смерти Александра I, заперся въ своихъ покояхъ и не желалъ никого видѣть, что ни онъ самъ не присягалъ Николаю, ни приближенныхъ и вообще подданныхъ къ присягѣ не приводилъ и отреченія своего не объявлялъ. Николай далъ новыя письма Опочинину и вторично послалъ его въ Варшаву. Опочининъ отправился и вернулся уже послѣ принятія присяги Николаю.

Кн. Трубецкой въ своихъ мемуарахъ утверждаетъ, что вел. кн. Константинъ на письма эти отвѣтилъ весьма грубо, не обмолвившись ни словомъ о своемъ добровольномъ отреченіи въ пользу младшаго брата. Поэтому Николай долженъ былъ довольствоваться оглашеніемъ вы-

держекъ изъ происходившей въ 1822 г. между вел. кн. Константиномъ и императоромъ Александромъ I переписки, изъ которой должно заключить, что Константинъ отрекается отъ своихъ правъ на престолъ.

Смерть Александра I застала врасплохъ заговорщиковъ, не подготовившихся къ какому либо крупному политическому шагу. Правда, они сознавали, что пришло время дѣйствовать, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовали всю недостаточность собственныхъ силъ и разбросанность ихъ по всей территоріи огромнаго государства. Не было у нихъ ни готоваго плана дѣйствій, ни популярныхъ людей, которые пользовались бы извѣстнымъ авторитетомъ. Поэтому послѣ основательнаго изученія положенія вещей, заговорщики въ Петербургѣ рѣшили не противиться принятію присяги Константину, держаться пассивно и занять выжидательное положеніе, даже прекративъ на нѣкоторое время дѣятельность Общества. Повидимому отъ новаго императора они не ожидали никакихъ либеральныхъ реформъ: вел. кн. Константинъ былъ извѣстенъ, какъ рѣшительный противникъ таковыхъ.

Однако положеніе измѣнилось, когда заговорщики узнали, что Константинъ можетъ отречься отъ престола или что Николай желаетъ этого отреченія. Отреченіе законнаго наслѣдника отъ престола было вещью небывалой въ Россіи. Вел. кн. Николая въ Петербургѣ не любили за его суровое обхожденіе съ офицерами и солдатами, а также за его чрезмѣрную гордость. Его непопулярность вмѣстѣ съ тенденціей къ устраненію отъ престола вел. кн. Константина, могла послужить причиной различныхъ замѣшательствъ, а на этомъ фонѣ заговорщики могли начать революціонныя дѣйствія съ цѣлью низверженія самодержавія и кореннаго реформированія государства. Поэтому извѣстіе о возможномъ добровольномъ, или вынужденномъ отреченіи вел. кн. Константина вызвало среди заговорщиковъ большое оживленіе: они принялись за составленіе плана государственнаго переворота.

Даже въ административно-бюрократическихъ кругахъ извѣстіе о возможномъ вступленіи на престолъ Николая не вездѣ охотно встрѣчали. Нѣкоторые хотѣли, чтобы послѣ Александра престолъ наслѣдовалъ Константинъ. Придворныя же сферы напротивъ стояли за Николая, считая обиднымъ для себя имѣть государыней обыкновенную польскую дворянку.

Заговорщики ежедневно собирались въ значительномъ числѣ у Рылѣева или у Оболенскаго и обсуждали различнѣйшіе планы. Наконецъ рѣшено было воспротивиться присягѣ Николаю и отстаивать права Константина, съ цѣлью устранить такимъ образомъ членовъ императорской фамилии въ Петербургѣ отъ власти и вліянія, захватить власть въ свои руки, а затѣмъ уже назначить временное правительство и созвать учредительное собраніе для выработки конституціи и реформъ въ Россіи. Заговорщики полагали, что новаго императора они заставятъ пойти на уступки; впрочемъ болѣе радикальные изъ заговорщиковъ готовы были въ крайнемъ случаѣ истребить членовъ императорской фамиліи, чтобы легче укоренить новый порядокъ вещей въ государствѣ и обществѣ.

Нельзя сказать, чтобы заговорщики въ общемъ были увѣрены въ побѣдѣ; напротивъ, къ дѣлу они рвались не столь въ силу вѣры въ его успѣхъ, сколь изъ убѣжденія, что условія, въ которыхъ они очутились—исключительны, и они обязаны ихъ использовать. Много времени было потрачено на слова о свободѣ, теперь насталь чередъ дѣйствій для ея завоеванія.

Русское общество въ столицѣ было недовольно правительствомъ и желало переменъ, но это желаніе оставалось бесплоднымъ и выражалось пока въ насмѣшкахъ надъ представителями стараго строя. Многіе изъ членовъ тайнаго общества и ихъ друзей съ теченіемъ времени охладѣли къ дѣлу. Нѣкоторые вступили въ организацию еще въ юныхъ годахъ, не занимая крупнаго служебнаго положенія; иные изъ нихъ успѣли уже подняться на военно-бюрократической лѣстницѣ, теперь общественное положеніе ихъ удовлетворяло и разставаться съ нимъ ради рискованнаго предпріятія не было охоты.

Въ высшей степени неблагоприятнымъ для борьбы съ самодержавіемъ въ описываемое время было то обстоятельство, что заговорщики хотя и состояли изъ людей очень умныхъ, убѣжденныхъ въ правотѣ своихъ взглядовъ и сознающихъ весь ужасъ существующаго порядка вещей, но по рожденію, воспитанію, привычкамъ и общественному положенію стояли слишкомъ близко къ высшимъ сферамъ, чтобы начать съ ними безпощадную борьбу. Ненависть заговорщиковъ къ самодержавному режиму была преимущественно расудочнаго происхожденія, и

хотя тотъ или иной изъ нихъ глубоко ее прочувствовалъ, но не вошла она еще въ кровь и плоть и не превратилась въ традицію. При томъ сферы эти въ то время были всемогущи и опирались на невѣжество десятковъ миллионъ массъ. Все это тормозило революціонный разбѣгъ заговорщиковъ и порождало въ нихъ колебаніе.

Неопредѣленное положеніе вел. кн. Константина понижало его шансы; сановники, предпочитавшіе, чтобы царствовалъ Константинъ, стали переходить на сторону Николая.

Результаты совѣщаній заговорщиковъ съ каждымъ днемъ приобретали все болѣе практической характеръ. Диктаторомъ былъ избранъ кн. Трубецкой, которому въ рѣшительную минуту предоставлялось дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Это былъ роковой выборъ, князь— правда, лично добрый и умный человекъ, съ крупнымъ положеніемъ въ обществѣ, былъ однако колеблющимся, не очень отважнымъ и слишкомъ мягкимъ. Онъ чувствовалъ, что для предназначенной ему роли не доросъ, но ему стыдно было въ этомъ признаться.

11 декабря на совѣщаніи у Рылѣва было окончательно рѣшено: въ случаѣ отреченія Константина, не присягать Николаю и собрать гвардейскіе полки на Сенатской площади; если бы войска тамъ собрались въ значительномъ числѣ и никто бы не высказался за Николая, то онъ такимъ образомъ останется въ сторонѣ и перестанетъ быть опаснымъ. На случай успѣха всего предпріятія, былъ изготовленъ манифестъ къ народу, который долженъ былъ издать Сенатъ, о созывѣ Земской Думы изъ представителей отъ всей русской земли (вѣроятно отъ всего русскаго государства). Дума должна была указать для Россіи форму правленія. Пока соберется Дума, Сенатъ долженъ былъ назначить Временное Правительство изъ членовъ Государственнаго Совѣта: Сперанскаго и Мордвинова и сенатора Муравьева-Апостола. Въ составѣ Временнаго Правительства долженъ былъ постоянно участвовать для надзора за его дѣйствіями делегатъ отъ организаціи заговорщиковъ.

12 декабря утромъ въ квартирѣ кн. Оболенскаго собрались заговорщики, делегаты отъ разныхъ полковъ. На вопросъ хозяина, сколько солдатъ сможетъ каждый привести на Сенатскую площадь, они отвѣчали, что никто не мо-

жетъ поручиться даже за то, что приведетъ одного. Такой отвѣтъ былъ неизбѣженъ: вѣдь пропаганды среди войскъ никто не велъ.

Въ тотъ же день вечеромъ товарищъ кн. Оболенскаго и адъютантъ генерала Бестужева, Ростовцевъ, въ присутствіи заговорщиковъ заявилъ, что, будучи многимъ обязанъ вел. кн. Николаю, онъ считаетъ своимъ долгомъ немедленно предостеречь его отъ занятія престола. Присутствующие старались уговорить Ростовцева бросить это вздорное намѣреніе, но безуспѣшно. Самъ Ростовцевъ не принадлежалъ къ составу заговорщиковъ, ими были лишь его друзья, которые не особенно стѣснялись его присутствіемъ, а вслѣдствіе этого ему было легко сообразить, что заговорщики злоумышляютъ противъ Николая,

2.

Еще Александру I-му доносили о существованіи тайныхъ обществъ, поставившихъ себѣ цѣлью замѣну существующаго въ Россіи соціально-политическаго строя— конституціоннымъ и демократическимъ.

Уставъ Союза Благоденствія былъ извѣстенъ Александру, который передалъ таковой для прочтенія вел. кн. Константину. Но первоначально, по мнѣнію ген. Шильдера, Александръ не считалъ эту организацію вредной, и перемѣнилъ свое мнѣніе только послѣ извѣстнаго бунта Семеновскаго полка въ 1820 г. Однако, какъ этотъ случай, такъ и позднѣйшій докладъ ген.-адъютанта Бенкендорфа съ обширными и довольно подробными свѣдѣніями о тайныхъ обществахъ въ Россіи, вмѣстѣ со спискомъ главарей, побудилъ Государя принять нѣкоторыя мѣры предосторожности: въ 1821 году было издано распоряженіе объ учрежденіи военной полиціи при гвардейскихъ полкахъ; въ слѣдующемъ году специальнымъ указомъ были запрещены масонскія ложи и вообще всѣ тайныя общества, подъ какимъ бы видомъ они ни проявляли своей дѣятельности; вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ отобрана была подписка въ непринадлежности къ этимъ обществамъ.

Но Александръ все же не отдавалъ приказа арестовать заговорщиковъ и не создавалъ политическихъ дѣлъ. Еще

въ 1821 г., выслушавъ рапортъ командира гвардейскаго корпуса ген. кн. Васильчикова, Государь сказалъ, что онъ самъ въ началѣ своего царствованія раздѣлялъ эти гибельныя либеральныя мечтанія и поэтому ему не годится быть слишкомъ суровымъ по отношенію къ людямъ, увлекающимся ими теперь. Эти слова, какъ мы позже увидимъ, не были сказаны искренно.

Возникаетъ вопросъ, какъ объяснить эту мягкость Александра I, особенно если принять въ соображеніе, что въ послѣдніе годы своего царствованія онъ вообще былъ склоненъ подавать освободительное движеніе, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось.

Объясненія этого факта слѣдуетъ искать въ томъ, что Александръ преувеличивалъ силы заговорщиковъ; свѣдѣнія, какія онъ получалъ объ ихъ дѣятельности, могли быть неполными; онъ могъ предполагать подъ влияніемъ событій въ западныхъ государствахъ, что тайныя организаціи были многимъ сильнѣе, чѣмъ думали доносившіе объ ихъ существованіи и дѣятельности. Вслѣдствіе этого Государь опасался открытой борьбы съ этимъ тайнымъ врагомъ, предпочитая выжидать и расчитывая на свою прежнюю популярность. Этой тактики онъ могъ придерживаться тѣмъ спокойнѣе, что ему не были извѣстны ближайшія задачи заговорщиковъ—онъ зналъ только, что они стремятся къ перевороту, а ихъ террористическіе планы относительно его особы и всей императорской фамиліи—оставались для него тайной.

Для подтвержденія мысли, что Александръ былъ склоненъ преувеличивать силы тайной организаціи и ея выдающихся членовъ, приведемъ фактъ, сообщенный Якушкинымъ. Въ 1820 г. извѣстный генералъ Ермоловъ, который, готовясь къ походу для подавленія неаполитанской революціи, получалъ ежедневно аудіенцію у Государя въ Царскомъ Селѣ,—говорилъ Фонъ-Визину, что Александръ считаетъ его крупнымъ карбонаріемъ и такъ его боится, какъ онъ, Ермоловъ, желалъ бы, чтобы онъ его боялся. Въ 1821 г. Александръ I говорилъ кн. П. М. Волконскому о заговорщикахъ, что они столь вліятельны, что могутъ по желанію кого угодно поднять или унижить въ общественномъ мнѣніи, что въ ихъ распоряженіи огромныя матеріальныя средства, напр. въ 1820 г. во время неурожая они кормили цѣлый уѣздъ въ смолен

ской губернии. Онъ назвалъ фамилии нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно: Якушкина, Фонъ-Визина, Левашова, Пасека и М. Муравьева¹⁾). Не подлежитъ, слѣдовательно, сомнѣнiю, что Александръ считалъ заговорщиковъ очень могущественными и влиятельными, и боялся ихъ.

Въ дѣлѣ раскрытiя Южнаго Общества и обнаруженiя его членовъ крупную роль сыгралъ начальникъ военного поселенiя на Югѣ гр. Виттъ. Обвиненный Аракчеевымъ передъ Александромъ I въ денежныхъ злоупотребленiяхъ, онъ пожелалъ возстановить свою репутацiю у монарха и для этого раскрыть южную организацiю, о существованiи которой онъ слышалъ. Для этой цѣли онъ подыскалъ въ 1824 г. ловкихъ людей. Однимъ изъ таковыхъ явился помѣщикъ херсонской губ. Бошнякъ, которому Виттъ поручилъ войти въ сношенiя съ офицеромъ генеральнаго штаба, молодымъ и общительнымъ Лихачевымъ, родственникомъ уже извѣстнаго намъ Давыдова изъ Каменки. Чрезъ посредство Лихачева Бошнякъ былъ принятъ въ члены Общества. Вскорѣ затѣмъ онъ сообщилъ, что гр. Виттъ раздѣляетъ взгляды и планы организацiи и готовъ даже вступить въ нее, и совѣтовалъ привлечь его къ заговору, въ особенности потому, что Виттъ стоялъ во главѣ значительныхъ вооруженныхъ силъ, что въ послѣднюю минуту можетъ имѣть рѣшающее значенiе. При этомъ Бошнякъ прибавилъ, что высокое положенiе гр. Витта требуетъ сохраненiя тайны о его отношенiяхъ къ организацiи и затрудняетъ непосредственное участiе въ ея дѣятельности и что такимъ образомъ онъ, Бошнякъ, могъ бы быть постояннымъ посредникомъ между графомъ и Обществомъ. Предложенiе Бошняка было сообщено въ Тульчинъ Пестелю и Юшневскому, которые поняли маневръ Витта и рѣшили избѣгать съ нимъ сношенiй, но такъ, чтобы онъ не догадался объ отсутствii къ нему довѣрiя. Бошняку отвѣтили, что такъ какъ въ настоящее время организацiя не подготовлена къ дѣйствiямъ созидательнаго характера, то незачѣмъ вовлекать въ дѣло графа, но что въ рѣшительную минуту къ нему обратятся и питаютъ къ нему чувство признательности. Виттъ, конечно, понялъ, что ему не довѣряютъ, но этого не обнаружилъ.

¹⁾ Общественное движенiе въ Россii въ первой половинѣ XIX в. стран. 35 и 36.

Вторымъ агентомъ Витта былъ Шервудъ, который вкрался въ довѣріе члена Общества Вадковскаго. Послѣдній повѣрилъ ему, что онъ принадлежитъ къ организаціи и хвастнулъ тѣмъ, что у него въ футлярѣ отъ скрипки хранится уставъ Общества и списокъ членовъ. Шервудъ все это сообщилъ Витту.

Предателемъ былъ также Майборода, офицеръ изъ полка Пестеля, который заслужилъ его довѣріе человѣчнымъ и тактичнымъ обхожденіемъ съ солдатами. Желая избѣжать отвѣтственности за растрату казенныхъ суммъ, онъ рѣшилъ выдать Пестеля. Для этого онъ вошелъ въ сношенія съ Бошнякомъ и Виттомъ и кромѣ того непосредственно донесъ на Пестеля письмомъ Александру I въ Таганрогъ.

Такъ изображаетъ измѣну и раскрытіе южной организаціи членъ ея, кн. С. Г. Волконскій въ своихъ любовныхъ запискахъ ¹⁾.

Не задолго до своей смерти Александръ приказалъ арестовать только Вадковскаго въ Курскѣ; о доносѣ Майбороды Государь никому не говорилъ — письмо его найдено среди бумагъ лишь послѣ смерти Государя. Прочтя это письмо, генералъ Дибичъ приказалъ немедленно арестовать Пестеля, Лорера и другихъ членовъ южной организаціи, отправивъ съ этой цѣлью гр. Чернышева въ Тульчинъ.

Ростовцевъ исполнилъ обѣщаніе предостеречь вел. кн. Николая отъ грозящей ему опасности. Направившись во дворецъ, Ростовцевъ предъявилъ вел. кн. Николаю письмо якобы отъ своего начальника ген. Бистрома. Баронъ Корфъ въ своей книгѣ приводитъ текстъ этого письма ²⁾, которое мы здѣсь изложимъ въ сокращеніи.

Ростовцевъ начинаетъ съ того, что благоволеніе вел. кн. Николая даетъ ему смѣлость высказать всю правду, чего вообще въ рѣшительную минуту не осмѣливаются сдѣлать люди, его обманывающіе, и что такимъ образомъ авторъ способствуетъ величію и счастью Россіи. Онъ поступаетъ не какъ доносчикъ, но какъ патріотъ, горячо любящій свою родину. Онъ знаетъ, что вел. кн. не желаетъ

1) Кн. Волконскій. Записки, стран. 423.

²⁾ Корфъ. Восшествіе на престолъ императора Николая I, стран. 113—119.

занять престола, отъ котораго отрекся вел. кн. Константинъ; слѣдовательно, человѣкъ, находящій въ себѣ достаточно силы, чтобы такъ поступить, пойметъ его и выслушаетъ. Онъ поставляетъ вел. кн. въ извѣстность, не называя именъ, что у него много враговъ, и умоляетъ, чтобы Николай не измѣнялъ своего рѣшенія не вступать на престолъ, ибо въ противномъ случаѣ въ государствѣ возникнетъ смута, которой можетъ воспользоваться населеніе Царства Польскаго, Финляндіи, Литвы, Грузіи и Бессарабіи, и отпасть отъ Россіи. Если же вел. кн. Константинъ будетъ впредь отказываться отъ престола, то пусть по крайней мѣрѣ прибудетъ въ столицу и предъ лицомъ народа объявитъ свою волю и провозгласитъ Николая императоромъ. Ростовцевъ кончаетъ письмо слѣдующей просьбой: если вел. кн. сочтетъ его поступокъ дерзкимъ, пусть повелитъ казнить его, и онъ охотно умретъ за Россію; если же его указанія будутъ признаны справедливыми, то пусть вел. кн. не наградитъ его, но лишь удостоитъ довѣрія.

Черезъ 10 минутъ послѣ полученія письма Николай призвалъ Ростовцева въ свой кабинетъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ, сказавъ: „Вотъ чего ты заслужилъ, такой правды я никогда ни отъ кого не слышалъ!“ На вопросъ Николая, существуетъ ли противъ него заговоръ, Ростовцевъ отвѣтилъ, что вел. кн. имѣетъ много враговъ, которыхъ назвать онъ не можетъ, и что хотя въ данный моментъ, послѣ смерти Александра I, повидимому все спокойно, но въ этомъ спокойствіи кроется начало бунта. Николай сказалъ, что и онъ знаетъ нѣкоторыхъ заговорщиковъ, но не желаетъ ихъ обнаруживать, не требуетъ впрочемъ этого и отъ него. Затѣмъ Николай убѣдилъ Ростовцева, что уговоры вдовствующей государыни и его самого не могли отклонить вел. кн. Константина отъ его намѣренія отречься отъ престола, вслѣдствіе чего волей-неволей ему, Николаю, придется принять корону.

На этомъ окончилась эта пресловутая бесѣда. Какъ мы позже увидимъ, Николай спустя нѣсколько дней послѣ описаннаго разговора выступилъ въ роли слѣдователя политическихъ преступниковъ, допытывавшагося сознаний и умѣвшаго ихъ добиться.

13 декабря Ростовцевъ принесъ Оболенскому копію

своего письма къ Николаю. Заставъ тамъ Рылѣва, онъ объявилъ, что намѣреніе свое привелъ въ исполненіе, что не назвалъ именъ заговорщиковъ, но всѣ мѣры предосторожности со стороны Николая будутъ приняты, поэтому они должны оставить свои планы. Письмо свое онъ далъ для прочтенія и даже оставилъ его.

Это извѣстіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе на Оболенскаго и Рылѣва. Оболенскій выразился, что Ростовцевъ злоупотребилъ его довѣріемъ, хотѣлъ погубить всѣхъ либераловъ, но за это самъ первымъ долженъ погибнуть. Ростовцевъ выразилъ готовность добровольно подвергнуться мести заговорщиковъ. Рылѣвъ пытался примирить противниковъ: Ростовцевъ, правда, злоупотребилъ довѣріемъ Оболенскаго, но послѣдній не имѣлъ права его ему оказывать. Ростовцевъ, идя къ вел. кн. Николаю, ставилъ на карту свою жизнь, стало быть, все же обнаружилъ благородство характера, Оболенскій долженъ его поцѣловать, что и было исполнено. Рылѣвъ увѣдомилъ Бестужева о доносѣ Ростовцева, который трезво смотря на вещи, предсказывалъ, что черезъ нѣсколько дней всѣ будутъ арестованы,—а также о томъ, что считая Ростовцева человѣкомъ ненадежнымъ, онъ, Рылѣвъ, совѣтуетъ никому не говорить о случившемся и продолжать свое дѣло. Въ тотъ же день Оболенскій былъ у Ростовцева и убѣдилъ его въ томъ, что заговорщики отказались отъ своихъ намѣреній.

13 декабря поздно вечеромъ вел. кн. Николай призвалъ къ себѣ полковниковъ гвардіи, среди которыхъ находился Шиповъ, прежній заговорщикъ въ послѣднее время охладѣвшій къ дѣлу, и склонилъ ихъ обѣщаніями наградъ дѣйствовать въ его пользу. На слѣдующій день съ восходомъ солнца командиры гвардейскихъ полковъ стали приводить солдатъ къ присягѣ на вѣрность Николаю.

3.

Въ ночь на 14 декабря у заговорщиковъ было послѣднее собраніе, на которомъ принятъ планъ дѣйствій, въ общемъ ничѣмъ не отличавшійся отъ прежде выработанныхъ; прибавлены были лишь нѣкоторыя подро-

ности. Рылѣвъ уговаривалъ Каховскаго убить Николая въ тотъ моментъ, когда онъ вылететь къ собравшимся войскамъ ¹⁾. Признано было также желательнымъ занять возставшими войсками Зимній дворецъ и Петропавловскую крѣпость. Обо всемъ этомъ говорилось безпорядочно и въ общей формѣ; недоставало здѣсь ума стратега и опытнаго заговорщика, который придалъ бы всѣмъ этимъ намѣреніямъ черты конкретнаго и детально обдуманнаго плана. Положеніе заговорщиковъ затруднялось еще и тѣмъ, что у нихъ не было никакой увѣренности въ поведеніи войскъ. Всѣ ихъ расчеты могли быть легко разрушены различными случайностями. Вообще заговорщикамъ не хватало рѣшительности и согласованности взглядовъ относительно общихъ дѣйствій. Почти каждый составилъ себѣ особый въ частностяхъ планъ. Вопросъ, какъ поступить съ Николаемъ и всей царской семьей, остался спорнымъ и на послѣднемъ собраніи не былъ рѣшенъ формально и окончательно. День 14 декабря былъ, слѣдовательно, нерѣшенной загадкой для всѣхъ, даже для тѣхъ, которые должны были сыграть въ немъ главную роль.

Проектъ манифеста, который предполагалось послѣ удачно совершеннаго переворота заставить Сенатъ издать, найденъ впоследствии въ бумагахъ кн. Трубецкаго. Онъ провозглашалъ слѣдующее:

- 1) сверженіе нынѣшняго правительства,
- 2) установленіе временнаго—впредь до образованія посредствомъ выборовъ новаго;
- 3) свободу печати и уничтоженіе цензуры;
- 4) свободу богослуженія различныхъ вѣроисповѣданій;
- 5) уничтоженіе права собственности на людей;
- 6) уравненіе въ правахъ всѣхъ сословій передъ судомъ и уничтоженіе военныхъ судовъ и всякаго рода особыхъ судебныхъ комиссій, отъ которыхъ всѣ дѣла должны быть изъяты и переданы соответственнымъ гражданскимъ судамъ;
- 7) право всѣхъ гражданъ, безъ различія сословій, на свободный выборъ рода занятій;

---

¹⁾ А. Бестужевъ же упрашивалъ Каховскаго съ глазу на глазъ не дѣлать этого.

8) уничтоженіе подушной подати и сложеніе прежнихъ недоимокъ;

9) уничтоженіе монополій;

10) упраздненіе военныхъ поселеній и практиковавшихся способовъ набора новобранцевъ;

11) измѣненіе срока обязательной военной службы который долженъ быть установленъ при введеніи всеобщей воинской повинности;

12) увольненіе отъ военной службы всѣхъ солдатъ, прослужившихъ уже 15 лѣтъ;

13) образованіе общинныхъ управленій, уѣздныхъ губернскихъ и областныхъ, установленіе правилъ избранія ихъ членовъ, которые должны занять мѣсто всѣхъ нынѣшнихъ гражданскихъ чиновниковъ;

14) гласность суда;

15) введеніе суда присяжныхъ, какъ для уголовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлъ. Образованіе временнаго правительства изъ 2—3 членовъ, которымъ должны подчиняться всѣ высшія правительственныя учрежденія, какъ то: всѣ министерства, Совѣтъ и Комитетъ министровъ, армія и флотъ, стало быть, вся исполнительная власть, но отнюдь не судебная и законодательная. Дѣла, не рѣшенныя въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ, должны быть разсмотрѣны Сенатомъ, въ его департаментахъ.

Временному правительству проектъ манифеста поручаетъ:

1) уравненіе въ правахъ всѣхъ сословій;

2) образованіе уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ общинныхъ управленій;

3) образованіе внутренней народной милиціи;

4) введеніе суда присяжныхъ;

5) уравненіе въ правахъ всѣхъ сословій по отношенію къ воинской повинности;

6) упраздненіе постоянной арміи;

7) выработку выборной системы для избранія народныхъ представителей въ палату, которая должна установить на будущее время форму правленія въ Россіи и законодательствовать ¹⁾.

Повидимому, это не былъ законченный проектъ мани-

---

1) Буквальный текстъ проекта манифеста можно найти въ Мемуарахъ декабристовъ, изданныхъ Довнаръ - Запольскимъ, стран. 94 и 95.

феста Сената къ народу, но лишь набросокъ программы такого проекта, ибо въ немъ заключались только сжато сформулированныя общія требованія.

Не подлежитъ сомнѣнiю, что еслибы эта программа реформъ была извѣстна широкимъ массамъ народа,—она стала бы популярной. Увы, о ней знали не многие...

4.

Раннимъ утромъ 14 декабря Александръ Бестужевъ направился къ извѣстному уже намъ Якубовичу, чтобы явиться вмѣстѣ съ нимъ въ Московскій полкъ. Но Якубовичъ былъ настроенъ крайне мрачно и прямо сказалъ, что заговорщики не будутъ въ состоянiи осуществить своихъ намѣреній; зная хорошо русскихъ солдатъ, онъ можетъ сказать, что увлечь ихъ за собой не удастся. Бестужевъ поѣхалъ одинъ въ Московскій полкъ, гдѣ засталъ уже все подготовленнымъ къ приводу солдатъ къ присягѣ на вѣрность Николаю. Солдатамъ роты, командиромъ которой былъ его братъ, онъ тутъ же сталъ объяснять, что ихъ обманули, что Константинъ и не думалъ отречься отъ престола и вскорѣ самъ прибудетъ въ Петербургъ, что онъ, А. Бестужевъ, — адъютантъ его и посланъ съ порученiемъ не допускать войска къ присягѣ на вѣрность Николаю. Сказавъ это, А. Бестужевъ отправился въ роту Шипова.

Вскорѣ роты были выведены изъ казармъ для принятiя присяги; Бестужевъ снова обратился съ рѣчью къ солдатамъ въ томъ же духѣ. Командиръ полка, ген. Фредериксъ пытался помѣшать Бестужеву, но послѣднiй, угрожая револьверомъ, заставилъ его удалиться. Затѣмъ Щепинъ вывелъ солдатъ, направляясь на Сенатскую площадь. Ген. Фредериксъ еще разъ хотѣлъ вмѣшаться, но получилъ отъ Щепина ударъ саблей и упалъ. Та же судьба постигла и командира бригады, ген. Шеншина, и полковника Хвоцинскаго. Затѣмъ Бестужевъ уже повелъ солдатъ на Сенатскую площадь.

Изъ офицеровъ шли съ нимъ только Щепинъ и Михаилъ Бестужевъ. Увидѣвъ идущихъ солдатъ, подошелъ къ нимъ Якубовичъ. А. Бестужевъ, хотя и былъ старше его чиномъ, но опустивъ саблю къ ногѣ, передалъ ему

команду. Тотъ повелъ отрядъ къ Сенатской площади, гдѣ построилъ его тыломъ къ Сенату и Синоду. Вскорѣ послѣ этого, Якубовичъ, сказавъ Бестужеву, что чувствуетъ сильную головную боль, удалился. Позже онъ явился на площадь и сталъ невдалекѣ отъ Николая — неизвѣстно, съ какой цѣлью.

Рылѣевъ и Пущинъ прибыли на Сенатскую площадь утромъ, но не найдя тамъ никого изъ заговорщиковъ, направились въ Измайловскій полкъ, съ цѣлью поднять его и привести на сборный пунктъ. По дорогѣ они встрѣтили своего знакомаго Чижова, который только что вышелъ изъ казармъ этого полка и увѣрилъ ихъ, что тамъ они ничего не успѣютъ. Вслѣдствіе этого они вернулись на площадь, гдѣ уже находились оба Бестужевы и Щепинъ. Пущинъ остался, а Рылѣевъ ушелъ, якобы въ Финляндскій полкъ, послѣ чего его больше не видѣли.

На сборный пунктъ взбунтовавшихся войскъ явился также кн. Оболенскій, который со стрѣлками сталъ нѣскольکو впереди колонны Московскаго полка. Въ это время петербургскій комендантъ Милорадовичъ верхомъ подъѣзжалъ съ другой стороны колонны. Кн. Оболенскій выхватилъ оружіе изъ рукъ солдата и предупредилъ, чтобы онъ не приближался къ фронту, но тотъ былъ уже близко и обратился со словами къ солдатамъ. Тогда Каховскій выстрѣлилъ въ Милорадовича, ранивъ его въ животъ. Спустя нѣкоторое время Милорадовичъ тутъ же умеръ. Послѣдній вначалѣ былъ противникомъ Николая и не желалъ его поддерживать, но двусмысленное поведеніе Константина измѣнило его отношеніе къ Николаю. Лейбъ-гвардіи конный полкъ первый поспѣшилъ на помощь вел. кн. Николаю: обойдя Сенатскую и Исаакіевскую площади, онъ занялъ мѣсто вблизи взбунтовавшихся войскъ, имѣя позади Адмиралтейскій бульваръ. Командиръ полка ген. Орловъ рѣшилъ атаковать войска, стоявшія на Сенатской площади. Но атака его не удалась, солдаты шли въ бой неохотно. Московскій полкъ огнемъ отразилъ нападеніе. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что народъ, толпившійся на площади, принялъ сторону инсургентовъ и бросалъ чѣмъ попало въ солдатъ Орлова.

Послѣ неудачной атаки, полкъ Орлова стоялъ на мѣстѣ цѣлый день, безъ движенія и ничего не пред-

принимая. Площадь все больше и больше заполнялась: прибыли 8 ротъ лейбъ-гренадерскаго полка, что было дѣломъ рукъ Коновницына, Сутгофа и Панова. За полкомъ все время слѣдовалъ его командиръ Стиллеръ, угонявая солдатъ вернуться въ казармы; когда полкъ подошелъ къ Московскому полку, Каховскій смертельно ранилъ Стиллера.

Къ взбунтовавшимся войскамъ присоединился еще отрядъ гвардіи изъ бригады бывшаго заговорщика Шипова, который достигнувъ къ тому времени выдающагося служебнаго положенія, сдѣлался лояльнымъ.

Николай стягивалъ войска для своей защиты. Была одна критическая минута, когда онъ вмѣстѣ со всей семьей могъ попасть въ руки возставшихъ войскъ, а именно, когда Пановъ велъ своихъ 7 ротъ лейбъ-гренадерскаго полка. Проходя тутъ же мимо Зимняго дворца, онъ могъ захватить вел. кн. Николая вмѣстѣ со всей царской семьей, что подтверждаетъ въ своихъ мемуарахъ о днѣ 14 декабря самъ Николай, уже будучи государемъ. Династію спасло прибытіе баталіона лейбъ-гвардіи саперъ. Мы говоримъ — спасло, потому что возставшія войска, занявъ Зимній дворецъ, могли лишить жизни императорскую фамилію. Николай сознавалъ опасность, ибо незадолго до появленія отряда Панова велѣлъ закладывать придворныя кареты для отправки семьи въ Царское Село.

Собравшійся на Сенатской площади народъ находился въ крайне возбужденномъ состояніи. Якубовичъ, стоя по близости Николая, спросилъ его, разрѣшить-ли подойти къ возставшимъ войскамъ съ тѣмъ, чтобы попытаться вернуть ихъ къ повиновенію. Получивъ разрѣшеніе, Якубовичъ подошелъ къ фронту и шепнулъ одному изъ офицеровъ: держитесь стойко, васъ очень боятся.

Петербургскій митрополитъ Серафимъ, окруженный духовенствомъ, обратился къ войскамъ съ рѣчью, стараясь склонить ихъ подчиниться Николаю и разойтись. Но ни эта рѣчь, ни просьбы вел. кн. Михаила не подѣйствовали.

Въ это время три полка: Семеновскій, Павловскій и Преображенскій, находившіеся среди войскъ, вѣрныхъ Николаю, чрезъ посредство лицъ изъ толпы общали исоединиться къ возставшимъ войскамъ ночью.

Главный начальник заговорщиковъ, кн. Трубецкой не явился въ это утро и никто изъ нихъ его не видѣлъ. Какъ намъ уже извѣстно изъ его показаній и свидѣтельствъ современниковъ, онъ не вѣря въ успѣхъ дѣла, не хотѣлъ принимать въ немъ никакого участія, а тѣмъ болѣе руководить имъ. Поэтому онъ ушелъ изъ дому, чтобы избѣжать встрѣчи съ товарищами и непріятнаго для него обмѣна мыслей, слонялся по Петербургу, но на Сенатскую площадь не пошелъ.

Такое поведеніе кн. Трубецкаго, равносильное измѣнѣ, имѣло громадное значеніе для всего движенія. Никто не смѣлъ отдавать распоряженій, войска стояли бездѣятельно, въ неопредѣленномъ ожиданіи, а время шло. Поздно вечеромъ, съ согласія всѣхъ находившихся на площади заговорщиковъ, главнымъ начальникомъ былъ избранъ кн. Оболенскій. Онъ тотчасъ же созвалъ товарищей на военный совѣтъ. Въ это время Сухозанетъ потребовалъ отъ возставшихъ сложить оружіе, грозя въ случаѣ неповиновенія начать атаку. Однако требованіе его было принято враждебно: одни кричали, чтобы шелъ обратно, другіе совѣтовали прислать когонибудь честнѣе себя. По знаку Сухозанета, войска Николая дали въ возставшіе отряды и стоявшую подлѣ нихъ толпу залпъ картечью.

Много солдатъ и лицъ изъ толпы было убито и ранено, кровь залила площадь; ряды возставшихъ разстроились, народъ сталъ убѣгать.

М. Бестужевъ съ горстью солдатъ пытался перейти Неву, но это не удалось; отрядъ былъ частью задержанъ войсками Николая, частью разсѣялся въ разныя стороны.

Той же ночью и на слѣдующій день были сдѣланы многочисленные аресты въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ: задержано около 1.000 лицъ.

Любопытно поведеніе въ это время петербургскаго населенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что его симпатіи были преимущественно на сторонѣ взбунтовавшихся войскъ и заговорщиковъ. Подтвердилъ это самъ Николай. Толпа бросала камни и куски дерева въ его солдатъ, и было замѣчено даже, что удары и выстрѣлы направлялись въ сторону великаго князя, когда онъ вмѣстѣ со своей свитой находился на площади и обдумывалъ планъ захвата бунтовщиковъ.

Однако было бы ошибкой думать, что сочувствіе петербургскаго населенія къ заговорщикамъ и возставшимъ войскамъ было плодомъ сознательнаго отношенія къ стремленіямъ декабристовъ. Населенію столицы немного было извѣстно; оно не знало о существованіи программы декабристовъ, ибо они объ этомъ не позаботились; даже средніе, обывательскіе круги не были привлечены къ дѣлу тайныхъ обществъ. Намѣреніе Рылѣева оказывать вліяніе на торговую часть населенія было отвергнуто, такъ какъ раздавались мнѣнія, что она слишкомъ невѣжественна для того, чтобы ее можно было привлечь къ такому дѣлу.

Мотивы этого сочувствія движенію были повидимому двоякаго рода: во-первыхъ—вел. кн. Николай не пользовался любовью за свою гордость и суровое обхожденіе съ солдатами и офицерами, во-вторыхъ — общее мнѣніе было таково, что Николай желаетъ незаконно завладѣть престоломъ старшаго брата.

Населеніе дѣйствительно было недовольно существующимъ порядкомъ вещей, но ему не было извѣстно, что собравшіеся на Сенатской площади желали кореннымъ образомъ реформировать весь государственный строй.

Николай приказалъ убрать трупы въ теченіе ночи и уничтожить слѣды крови. Нѣкоторые изъ современниковъ утверждали, что кромѣ убитыхъ, въ Неву было брошено и много раненыхъ...

Разсматривая теперь ходъ событій въ Петербургѣ, нельзя не замѣтить, что при нѣскольکو иномъ оборотѣ дѣла, обстоятельства могли принять болѣе грозныя формы для Николая и самодержавія, и заговорщики могли хотя бы временно одержать надъ ними побѣду.

Дѣйствительно, если бы взбунтовавшіяся войска заняли Зимній дворецъ, — а это было вполне возможно — по мнѣнію самого же Николая — и Петропавловскую крѣпость, то на нѣкоторое время верховная власть находилась бы въ рукахъ заговорщиковъ. И хотя впослѣдствіи реакціонные элементы почти навѣрное вызвали бы контрреволюцію, однако даже временная побѣда декабристовъ имѣла бы величайшее значеніе, основательно потрясла бы старымъ режимомъ, заставила бы считаться съ новыми вліяніями и показала бы наконецъ наглядно возможность сверженія самодержавія. Еслибы день 14 декабря 1825 г.

Иванъ Ивановичъ
ПУШИНЪ.

Князь
Сергѣй Григорьевичъ
ВОЛКОНСКІЙ.

Иванъ Дмитріевичъ
ЯКУШКИНЪ.

Князь
Сергѣй Петровичъ
ТРУБЕЦКОЙ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

окончился удачей, то революціонная традиція въ Россіи была бы болѣе живой, чѣмъ въ настоящее время, и представители реакціи не были бы такъ самоувѣренны, какъ послѣ описанныхъ событій.

Полная неудача петербургскаго выступленія объясняется прежде всего позорнымъ поведеніемъ главнаго вождя, кн. Трубецкого, затѣмъ неиспользованіемъ возможности тотчасъ же атаковать и занять Зимній дворецъ и Петропавловскую крѣпость, наконецъ отсутствіемъ въ возстаніи участія артиллеріи.

Петербургъ не былъ однако единственнымъ мѣстомъ вспышки революціоннаго движенія. Сергѣй Муравьевъ-Апостоль и Бестужевъ-Рюминъ подняли его въ кievской губерніи.

5.

Въ тотъ же день, когда Сенатская площадь въ Петербургѣ была залита кровью, состоялся по приказанію ген. Дибича арестъ Пестеля, какъ результатъ просмотра Дибичемъ бумагъ, оставшихся послѣ Александра I. Кн. Волконскій (арестованный 7 января 1826 г.) видѣлся съ Пестелемъ въ критическую минуту и успѣлъ уничтожить нѣкоторые компрометирующіе документы.

23 декабря Сергѣй Муравьевъ-Апостоль вмѣстѣ съ братомъ Матвѣемъ выѣхалъ изъ Василькова въ Житомиръ. Дѣла организаціи требовали свиданія съ командирами двухъ гусарскихъ полковъ, Артамономъ и Александромъ Муравьевыми въ Трояновѣ и Любарѣ.

Ипполитъ Муравьевъ-Апостоль увѣдомилъ брата Сергѣя эстафетой о событіяхъ въ Петербургѣ 14 декабря, о которыхъ узналъ также Бестужевъ-Рюминъ прежде, чѣмъ пришло оффиціальное извѣщеніе. 25 декабря около полуночи къ командиру Черниговскаго полка въ Васильковѣ, Гебелю, явились жандармы съ приказаніемъ арестовать Сергѣя Муравьева-Апостола. Не заставъ его, они захватили его бумаги. Часть таковыхъ успѣлъ спрятать Бестужевъ-Рюминъ, который на слѣдующій день былъ уже въ Любарѣ. Сергѣй Муравьевъ-Апостоль, узнавъ о грозящей ему опасности, потребовалъ отъ Артамона Муравьева, что бы онъ поднялъ свой полкъ, извѣстивъ объ этомъ и склонивъ къ тому же своего брата Александра;

затѣмъ съ двумя полками они должны были двинуться въ Бѣлую Церковь, для соединенія съ другими отрядами возставшихъ войскъ. Артамонъ Муравьевъ, не отказавшись прямо, все же не исполнилъ этого требованія и никакой помощи революціонному движенію не оказалъ.

Окольными путями отправились братья Муравьевы-Апостолы изъ Любара по направленію къ Василькову. 28 декабря вечеромъ они прибыли въ Трилѣсье, отстоящее въ 50 в. отъ Василькова; Бестужевъ-Рюминъ отправился въ Брусилонъ и Радомысль, съ цѣлью поднять тамъ войска, а затѣмъ соединиться съ С. Муравьевымъ-Апостоломъ. Послѣдній вызвалъ въ Трилѣсье нѣкоторыхъ офицеровъ изъ Василькова, но въ то время, какъ ожидалъ ихъ прибытія, былъ арестованъ своимъ командиромъ полка, Гебелемъ. Вызванные и явившіеся офицеры освободили товарища изъ подъ ареста.

С. Муравьевъ-Апостолъ съ нѣсколькими офицерами отправился затѣмъ въ Ковалевку, гдѣ поднялъ вторую роту гренадеръ. Къ нему присоединился Кузьминъ съ находившимися въ Трилѣсьѣ солдатами; затѣмъ соединенные отряды заговорщиковъ направились въ Васильковъ, гдѣ стояла рота С. Муравьева-Апостола. Въ это время нѣсколько возвращавшихся изъ Трилѣсья офицеровъ были арестованы. 30 декабря Муравьевъ-Апостолъ занялъ Васильковъ и освободилъ арестованныхъ офицеровъ. Стоявшія тамъ войска не оказывали сопротивленія. Жители мѣстечка охотно снабжали отрядъ провіантомъ. На слѣдующій день утромъ прибыла еще одна рота, подъ командой штабсъ-капитана Маевского. Около 11 ч. утра всѣ войска собрались на площади; полковой священникъ отслужилъ молебень, затѣмъ послѣ котораго колебанія, дрожавшимъ отъ страха голосомъ прочелъ катехизисъ, составленный Муравьевымъ-Апостоломъ и заключающій въ себѣ символъ вѣры гражданина. Такъ какъ текстъ этого катехизиса напечатанъ въ Мемуарахъ декабристовъ, то мы ограничимся краткой передачей важнѣйшихъ содержащихся въ немъ мыслей.

На первый вопросъ: зачѣмъ Господь Богъ создалъ человѣка? Отвѣтъ былъ таковъ: чтобы вѣрилъ въ него, былъ свободенъ и счастливъ. Вѣрой катехизисъ называетъ жизнь по Евангелію. На вопросъ: почему русскій народъ несчастенъ?—катехизисъ отвѣчаетъ: потому, что

цари захватили власть. Въ другихъ мѣстахъ этого катехизиса проводилась мысль, что цари поступаютъ противъ воли Божьей, и поэтому имъ не слѣдуетъ повиноваться, а напротивъ возстать противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Священникъ не могъ окончить чтенія, ему помогъ Бестужевъ-Рюминъ.

Затѣмъ С. Муравьевъ-Апостоль произнесъ краткую и убѣдительную рѣчь, въ которой доказывалъ право солдаты на свободу, призывалъ къ защитѣ ея, обѣщаль сократить военную службу и закончилъ призывомъ: кто хочетъ защищать свои права, пусть идетъ за нимъ, кто этого не желаетъ, пусть остается. Троекратное ура прогремѣло въ отвѣтъ. Въ 12 ч. войска выступили со своимъ командиромъ изъ Василькова, направляясь къ Ковалевкѣ, черезъ Масновилровку, гдѣ ихъ поджидалъ капитанъ Козловъ; находившіеся тамъ солдаты не обнаружили желанія присоединиться къ рядамъ возставшихъ, поэтому ихъ оставили въ покоѣ. Въ Масновилковѣ возставшія войска, освѣдомля мѣстное населеніе о цѣляхъ возстанія, провели 1-е января 1826 г. 2 января они ночевали въ Пологахъ. Часть офицеровъ стала терять мужество и дезертировала, что весьма огорчило Муравьева-Апостола; по просьбѣ товарищей онъ обратился къ солдатамъ съ рѣчью, въ которой осуждалъ трусость бѣжавшихъ офицеровъ; солдаты не падали духомъ.

3 января инсургенты вошли въ Ковалевку. На разстояніи 6 верстъ отъ нея были услышаны первые выстрѣлы. Муравьевъ-Апостоль сталъ готовиться къ защитѣ и атакѣ. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ привести свою мысль въ исполненіе, посыпалась картечь и онъ былъ раненъ въ голову. Войско его было разбито и разбѣяно, оставшіеся въ живыхъ заговорщики—арестованы. Братъ Сергѣя, Ипполитъ Муравьевъ-Апостоль покончилъ съ собой выстрѣломъ въ ротъ; по дорогѣ добилъ себя раненый Кузьминъ.

Такъ окончилось революціонное движеніе въ кievской губерніи. С. Муравьевъ-Апостоль и М. Бестужевъ-Рюминъ проявили въ рѣшительную минуту и мужество и энергію; правда, побѣда оказалась не на ихъ сторонѣ, но въ борьбу, начатая ими при данныхъ обстоятельствахъ, была заранѣе обречена на полную неудачу. Ихъ положеніе было не въ примѣръ худшимъ, чѣмъ—заговорщиковъ

въ Петербургѣ. Тѣ, какъ мы знаемъ, могли при извѣстномъ напряженіи и благопріятныхъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время захватить въ свои руки власть. Совершенно иначе обстояло въ провинціи. Тамъ не было ни одного пункта, занятіе котораго могло бы рѣшить побѣду, не было также лицъ, захватъ которыхъ оказалъ бы рѣшающее вліяніе на ходъ событій. Еще одно обстоятельство должно быть принято во вниманіе. Въ Петербургѣ агитація среди солдатъ для поднятія ими возстанія велась съ цѣлью якобы защиты правъ законнаго государя отъ притязаній великаго князя, который является никѣмъ инымъ, какъ узурпаторомъ; тогда какъ С. Муравьевъ-Апостолъ и М. Бестужевъ-Рюминъ увлекали солдатъ за собой лишь именемъ борьбы съ самодержавіемъ и деспотическимъ строемъ. Ихъ задача была несравненно труднѣе. Оборотъ дѣла въ столицѣ былъ бы совершенно инымъ, если бы во главѣ его стояли эти два героя.

6.

Слѣдствіе объ арестованныхъ заговорщикахъ велось очень энергично, подъ руководствомъ и при непосредственномъ участіи Николая I. Почти всѣ заключенные декабристы призывались во дворецъ и были допрашиваемы либо самимъ Николаемъ, либо однимъ изъ его адъютантовъ въ сосѣдней комнатѣ, но такъ, чтобы онъ могъ все слышать и давать указанія. Молодой императоръ обнаружилъ большія способности въ роли слѣдователя: чтобы добиться отъ обвиняемыхъ возможно полного и искренняго признанія, онъ старался вникать въ характеръ, настроеніе и слабости каждаго подвергаемаго допросу, и въ случаѣ надобности являлся предъ ними то царствующей особой, желающей знать о нуждахъ государства и готовой приступить къ великимъ реформамъ,—то гражданиномъ, котораго печалятъ несчастія отечества. Нѣкоторыхъ заключенныхъ онъ жалѣлъ и называлъ своими товарищами; инымъ жаловался, что его положеніе не завидно; на другихъ кричалъ, оскорбляя ихъ въ той или иной формѣ и грозя тягчайшими наказаніями. Многимъ обѣщалъ полное прошеніе, если они скажутъ всю правду. Бывали случаи, когда онъ привлекалъ на свою сторону

заключенныхъ заговорщиковъ внѣшнимъ сочувствіемъ къ судьбѣ ихъ семей, оказывая имъ денежную помощь и вообще заботливость объ ихъ нуждахъ. Пока дѣло декабристовъ не было вполне изслѣдовано историками, о Николаѣ I существовало мнѣніе, что онъ—монархъ суровый, реакціонный, противникъ всякаго освободительнаго движенія, человекъ съ узкимъ кругозоромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлый, искренній, серьезный, не признающій компромиссовъ. Однако все поведеніе Николая въ памятный день 14 декабря въ Петербургѣ и затѣмъ во время слѣдствія надъ декабристами не представляетъ данныхъ для признанія за нимъ этихъ послѣднихъ качествъ. Пока политическое положеніе Николая I было не прочно, онъ умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ и надѣвать различныя маски; только одолѣвъ всѣхъ своихъ враговъ, когда ему уже ничто не угрожало, онъ сталъ увѣреннымъ въ своихъ силахъ и принялъ видъ величественнаго, смѣлаго и искренняго.

Тактика Николая по отношенію къ декабристамъ сдѣлала свое дѣло. Многіе изъ нихъ поддались тому минутному впечатлѣнію, которое онъ на нихъ произвелъ. Нѣкоторые, видя, что дѣло проиграно, хотѣли искренностью своей привлечь его на свою сторону для блага государства и народа, и даже склонить къ реформамъ; поэтому, ему тѣмъ охотнѣе были раскрыты тайны организаціи, что заговорщики были убѣждены либо въ полномъ прощеніи ихъ поступковъ, либо въ незначительности ожидающей ихъ кары. По этой то причинѣ наряду съ казаніями, въ которыхъ собраны матеріалы обвиненія противъ различныхъ лицъ, мы находимъ иногда письма заговорщиковъ къ Николаю, полные смѣлыхъ и глубокихъ замѣчаній о недостаткахъ государственнаго строя въ Россіи, ошибкахъ монарха и необходимости реформъ.

Разумѣется, среди столькихъ арестованныхъ могли найтись малодушные, которые давали показанія изъ страха, а также лица, которыя раскаивались въ своемъ участіи въ дѣлѣ и изъ злобы оговаривали тѣхъ, что ввели ихъ въ организацію. Въ общемъ, однако, не столь страхъ передъ наказаніемъ, сколь поведеніе самого Николая заставило выдающихся заговорщиковъ давать показанія. Если не принять этого обстоятельства въ соображеніе, то представляется просто невѣроятнымъ, что показанія

эти даны были такими выдающимися дѣятелями, какъ Рылѣевъ, Каховскій, Пестель, Трубецкой и другіе. Въ качествѣ заговорщиковъ, декабристы кромѣ того не имѣли предшественниковъ и опыта и въ большинствѣ принадлежали къ высшимъ кругамъ русскаго общества, соприкасавшимся съ дворомъ; недружелюбное отношеніе къ послѣднему было у декабристовъ всецѣло разсудочнаго происхожденія, а не вытекало непосредственно изъ чувства. Отношеніе позднѣйшихъ заговорщиковъ, вышедшихъ изъ средняго и низшаго классовъ, было уже инымъ; кромѣ этого, такъ сказать, теоретическаго отвращенія къ самодержавному режиму, они чувствовали къ нему неприязнь стихійную, нераздѣльную съ ихъ социальнымъ положеніемъ.

Не смотря на сказанное выше, можно смѣло сказать, что почти всѣ декабристы давали въ той или иной степени невѣрныя показанія. Нѣкоторые первоначально не сознавались въ томъ, что могло бы скомпрометировать товарищей, и только убѣдившись, что суду извѣстно очень многое, если не все, они рѣшились не скрывать долѣе истиннаго положенія вещей. Такъ поступили Пестель, С. Муравьевъ-Апостоль, М. Бестужевъ-Рюминъ, Н. Муравьевъ; первоначально крайне сдержанные, они затѣмъ въ своихъ показаніяхъ заботились прежде всего о томъ, чтобы тяжесть обвиненія ложилась на все общество, а не на отдѣльныхъ членовъ. Тягостное впечатлѣніе производятъ показанія Каховскаго и Рылѣева, въ которыхъ они оговариваютъ другъ друга. И все же наряду съ этимъ, Каховскій умолялъ Николая даровать Россіи реформы. Среди декабристовъ нашлись и такіе, на которыхъ тактика Николая не оказывала никакого дѣйствія—назовемъ здѣсь лишь Якушкина и Лунина. Ни угрозы, ни просьбы не могли склонить ихъ къ сознанию; особенную твердость обнаружилъ Лунинъ. Кн. Трубецкой, котораго заговорщики выбрали диктаторомъ въ Петербургѣ велъ себя прямо позорно: его признаніямъ, какъ выразился одинъ историкъ, не было конца. Страхъ смерти, онъ цѣловалъ руки Николаю и умолялъ даровать ему жизнь. Она была ему дарована...

Коменданту Петропавловской крѣпости были даны Ни-

колаемъ лично составленныя инструкціи о способахъ содержанія каждаго изъ преступниковъ ¹⁾).

Слѣдственная коммиссія относилась къ заключеннымъ грубо, угрожала пытками и вообще наказаніями. Допросы часто происходили ночью. Заключенные содержались въ одиночныхъ казематахъ. Здѣсь нѣкоторые нажили тяжелыя болѣзни, нѣсколько декабристовъ не выдержали ужасовъ заключенія и умерли, полк. Булатовъ объ стѣну разможилъ себѣ черепъ.

Судъ надъ декабристами былъ лишь пустой формальностью. Заговорщикамъ не дали защитниковъ, судьи заранѣе приготовились слѣпо исполнить приказанія Николая. Для того, чтобы придать приговору больше вѣса, государь образовалъ особый судъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта, Сената, Синода и нѣсколькихъ спеціально назначенныхъ сановниковъ. Подсудимыхъ раздѣлили на нѣсколько категорій, по степени ихъ виновности и грозящаго имъ наказанія. Въ угоду Николаю судъ вынесъ крайне суровый приговоръ: Пестеля, Рылѣва, Каховскаго, Сергѣя Муравьева-Апостола и Михаила Бестужева-Рюмина подвергнуть смертной казни чрезъ четвертованіе, многихъ другихъ чрезъ отсѣченіе головы, остальныхъ на каторгу и въ ссылку въ Сибирь.

Николай, желая оказать монаршее великодушіе, уменьшилъ назначенныя судомъ наказанія: пятерыхъ наиболѣе виновныхъ повелѣлъ повѣсить, приговореннымъ къ отсѣченію головы — замѣнилъ смертную казнь безсрочными каторжными работами и т. п.

Казнь совершена была на экспанадѣ Петропавловской крѣпости въ ночь на 14 іюля. Наканунѣ вечеромъ осужденнымъ были присланы православные священники; Пестелю — евангелическій пасторъ. Въ 12 ч. ночи въ крѣпость прибыли шефъ жандармовъ, генераль-губернаторъ и прочія начальствующія лица; войска были построены четыреугольникомъ. Въ 3 ч. всѣхъ заключенныхъ вывели на площадь для исполненія формальностей лишенія чиновъ и воинскаго званія; мундиры ихъ были сожжены и надъ головой каждаго осужденнаго ломали шпагу. Когда этотъ мрачный обрядъ былъ конченъ и

---

¹⁾ Эти замѣтки опубликованы въ „Быломъ“ за 1906 г.

осужденныхъ, одѣтыхъ уже въ сѣрые арестантскіе халаты, подвели къ вѣселищѣ, Каховскій воскликнулъ: „Они хотятъ насъ сдѣлать свидѣтелями страданій нашихъ товарищей; будетъ величайшей подлостью смотрѣть на это безучастно, вырвемъ оружіе у солдатъ и пойдемъ!“ Этотъ возгласъ вызвалъ у остальныхъ сочувствіе. Въ виду этого ген. Чернышевъ приказалъ увести заключенныхъ въ казематы. Къ вѣселищѣ подвели пять человѣкъ: первымъ шелъ Каховскій одинъ, за нимъ Сергѣй Муравьевъ - Апостолъ и Михаилъ Бестужевъ - Рюминъ — подъ руку, послѣдними Пестель съ Рылѣвымъ. Шли спокойно и мужественно. Каховскій, Рылѣвъ и Пестель сорвались съ петли, поэтому экзекуцію продѣлали надъ ними вторично. Умирали молча, безшумно.

Такъ погибли первые русскіе революціонеры.

Остальныхъ сослали въ Сибирь: однихъ на каторгу, другихъ на поселеніе; нѣкоторые еще до ссылки провели года два въ казематахъ. Въ Сибири они вели спокойную и плодотворную жизнь: работали надъ самосовершенствованіемъ, читали, много писали и дѣлали для мѣстной культуры.

Въ 1828 г. декабристъ Сухиновъ, сосланный въ Зарентуйскій округъ за Байкаломъ, пытался поднять возстаніе въ рудникахъ Благодатномъ и Кличкинѣ; работавшіе въ послѣднемъ оказали вооруженное сопротивленіе войскамъ. Сухинова и другихъ арестовали и все движеніе было подавлено. Онъ, вмѣстѣ съ четырьмя уголовными арестантами, былъ приговоренъ къ смертной казни, остальнымъ назначены болѣе легкія наказанія. Наканунѣ казни Сухиновъ лишилъ себя жизни, повѣсившись. Въ 1841 г. декабристъ Лунинъ, освобожденный отъ каторжныхъ работъ и жившій въ Сибири на поселеніи, былъ арестованъ за статьи, подвергавшія критикѣ дѣйствія слѣдственной комиссіи 1826 г. по дѣлу декабрьскаго заговора, и вообще дѣйствія правительства. Приговоренъ онъ былъ снова къ каторгѣ. Въ 1845 г. онъ на каторгѣ умеръ.

По случаю различныхъ придворныхъ событій, время отъ времени издавались манифесты, облегчавшіе судьбу декабристовъ. Въ 1856 г. по случаю коронаціи Александра II, многіе изъ декабристовъ были возвращены въ

Европейскую Россію, съ нѣкоторыми ограниченіями въ правѣ мѣстожителства.

7.

Революціонное движеніе, вызванное декабристами, имѣло великое значеніе для соціально-политическаго развитія Россіи. Хотя декабрьскій переворотъ не достигъ намѣченной цѣли, однако онъ сыгралъ роль грандіозной манифестаціи. Теперь уже стало очевиднымъ, что и въ Россіи, гдѣ самодержавіе и гражданское рабство пустили столь глубокіе корни, возможна борьба со старымъ режимомъ. Декабрьское возстаніе создало въ русскомъ обществѣ революціонную традицію и углубило пропасть, зіяющую между нимъ и правительствомъ. По предположенію самого Николая, подтвержденному современными историками, въ тайныхъ обществахъ въ теченіе ихъ почти 10-лѣтняго существованія принимало участіе около 6,000 лицъ, формально принадлежавшихъ къ организаціи, а также имѣвшихъ къ ней отношеніе, сочувствовавшихъ или содѣйствовавшихъ. Это солидное число разновременно участвовавшихъ въ движеніи объясняетъ намъ тотъ фактъ, что хотя оно внѣшнимъ образомъ было подавлено, но на самомъ дѣлѣ продолжало развиваться.

Декабристы дали начало крупному умственному движенію. Пушкинъ въ молодости находился подъ ихъ вліяніемъ, Грибоѣдовъ исповѣдывалъ ихъ принципы, также точно и А. Бестужевъ, писавшій подъ псевдонимомъ Марлинскаго. Никита Муравьевъ былъ ученый публицистъ, который далъ превосходный отпоръ Карамзину съ его національными теоріями; упомянемъ здѣсь еще Пестеля, о которомъ мы много говорили въ своемъ мѣстѣ.

На дѣятельности декабристовъ мы остановились нѣсколько долѣе, такъ какъ она была первымъ проявленіемъ революціоннаго движенія, которое пыталось существующему порядку вещей противопоставить другой, точно и подробно выработанный.

Новый строй не былъ вполнѣ классовымъ, но въ немъ все же коренились классовыя начала.

Трагизмъ декабристовъ заключался въ томъ, что они,

искренно стремясь къ крупнымъ реформамъ и жертвуя для этого жизнью, въ то же время сознавали всю колоссальность стоящихъ передъ ними препятствій. Это противорѣчіе между чувствомъ протеста и сознаниемъ слабости своихъ силъ выразилось въ ослабленіи энергіи именно въ самую рѣшительную минуту. Плехановъ утверждаетъ даже, что ихъ тактическія ошибки и недостатокъ энергіи въ день 14 декабря въ Петербургѣ явились результатомъ отсутствія увѣренности въ побѣдѣ и предчувствія грядущаго пораженія.

VI.

Политика Николая I и общественныя отношенія въ Россіи въ эпоху его царствованія.

1

Императоръ Николай I всегда былъ убѣжденный реакціонеръ и къ великимъ освободительнымъ и демократическимъ идеямъ чувствовалъ отвращеніе, поэтому, разрушивъ планы декабристовъ и убѣдившись, что за послѣдними не стоятъ сколько-нибудь значительныя и готовыя къ борьбѣ съ самодержавіемъ общественныя силы, онъ усиливъ политику репрессій не только противъ либеральныхъ теченій, но даже противъ всего того, что могло о нихъ напомнить; всякая общественная инициатива немедленно подавлялась, печати запрещались какія бы то ни было сужденія о политикѣ, безразлично—будутъ ли порицать, или восхвалять существующій порядокъ въ Россіи. Правительство Николая I вмѣшивалось рѣшительно во все; полиція вообще, тайная же — въ особенности, была усилена и проникала всюду; къ обществу правительство относилось какъ къ ребенку, который самостоятельно не можетъ сдѣлать и одного шага.

Однако нельзя сказать, чтобы Николай I не желалъ произвести никакихъ перемѣнъ въ современномъ ему строѣ; декабристы, хотя и побѣжденные, все же испугали его, и потому онъ готовъ былъ провести нѣкоторыя измѣненія въ технику управленія и устранить наиболѣе вопіющія злоупотребленія администраціи и помѣщиковъ, конечно — при условіи, что эти измѣненія не будутъ въ противорѣчій съ абсолютно-консервативнымъ характеромъ его политики. Не смотря на узость своего соціально-политическаго горизонта, императоръ послѣ того, какъ столкнулся съ декабристами на допросахъ, читалъ ихъ письма и сочиненія, не могъ не признать, что въ Россіи его времени царить ужасающій хаосъ, админи-

страція изъ рукъ вонъ плоха, казнокрадство свирѣпствуетъ повсемѣстно, жестокость властей ничѣмъ не оправдывается даже тогда, когда примѣняется въ цѣляхъ правительства, угнетеніе помѣщиками крестьянъ порождаетъ народную нищету, крестьянскіе бунты и общественную дезорганизацію.

Вернувшись въ Петербургъ послѣ коронаціи въ Москвѣ, Николай I поручилъ бывшему секретарю слѣдственной комиссіи по дѣлу о декабристахъ, Боровкову, сдѣлать изъ ихъ писемъ и сочиненій о недостаткахъ въ различныхъ областяхъ государственнаго и общественнаго управленія систематическій сводъ выписокъ. Боровковъ исполнилъ данное ему порученіе очень добросовѣстно, пользуясь преимущественно бумагами, оставшимися послѣ Каховскаго, Штенгеля, Александра Бестужева и Батенкова. Работа, изготовленная къ началу 1827 года, была представлена Государю 6 февраля того же года; одну копію ея Николай I приказалъ послать вел. кн. Константину въ Варшаву, вторую начальнику тайнаго комитета по разслѣдованію и улучшенію различныхъ отраслей государственнаго управленія.

Николай, по словамъ Кочубея, часто просматривалъ этотъ сводъ матеріаловъ; они же побуждали его произвести нѣкоторыя перемѣны въ соціально-государственныхъ отношеніяхъ въ Россіи. Однако никакихъ значительныхъ реформъ Николай I не провелъ, его намѣренія окончились тѣмъ, что различные комитеты и комиссіи стали вырабатывать реакціонные проекты, и если эти проекты и оказывались до извѣстной степени полезными, то быть проведенными въ жизнь имъ мѣшала оппозиція либо Государственнаго Совѣта, либо — вел. кн. Константина и другихъ вліятельныхъ лицъ, или наконецъ самого Государя, который боялся крупныхъ перемѣнъ и не хотѣлъ лишаться симпатій дворянства.

Николай I весьма охотно отступилъ отъ политики своего предшественника, когда дѣло коснулось подвластныхъ Россіи національностей.

Конечно нельзя утверждать, что Александръ I не чувствовалъ себя русскимъ, или что его политика въ общемъ не была націоналистической, но несомнѣнно, что русскій націонализмъ не игралъ въ ней крупной роли. Александръ не стремился къ обрусенію поляковъ, фин-

ляндцевъ и т. п., не считалъ русскій народъ имѣющимъ какія-то особыя только ему свойственныя политическо-общественныя черты, которыя слѣдуетъ навязывать другимъ населяющимъ Россію народамъ. Иностранцы пользовались значительнымъ вліяніемъ, хотя ничуть не всемогущимъ при его дворѣ.

Какъ мы уже говорили, политика Александра I по отношенію къ Царству Польскому и Финляндіи раздражала многихъ, даже либерально настроенныхъ русскихъ людей, какъ равно и его враждебное отношеніе къ возставшимъ грекамъ, во время ихъ борьбы съ Турціей за освобожденіе. Николай I рѣшилъ вести политику націоналистическую, тѣмъ болѣе, что противодѣйствуя національнымъ стремленіямъ поляковъ и финляндцевъ, онъ истреблялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ конституціонныя тенденціи и учрежденія. Съ точки зрѣнія убѣжденій Николая гораздо труднѣе было измѣнить русскую политику по отношенію къ греческому вопросу. Вѣдь греки возстали противъ своего „законнаго“ монарха, турецкаго султана. Но тутъ Николай нашелъ для себя оправданіе въ томъ, что они все же христіане и православные.

Николай I былъ остороженъ и, не смотря на свое деспотическое настроеніе, умѣлъ себя сдерживать. Хотя онъ и чувствовалъ себя задѣтымъ тѣмъ, что сеймовый судъ въ Варшавѣ приговорилъ заговорщиковъ изъ Царства Польскаго къ легкимъ наказаніямъ, но съ поляками до 1830 г. онъ сохранялъ внѣшнимъ образомъ хорошія отношенія. Послѣ нѣкотораго колебанія Николай короновался и въ Варшавѣ, и во время своего тамъ пребыванія старался привлечь къ себѣ симпатіи населенія. Ненависть свою къ польскому народу онъ проявилъ только послѣ войны съ Турціей и польскаго возстанія. Въ Финляндіи онъ началъ вводить обрусительную систему. Вопреки финляндской конституціи, на нѣкоторыя должности онъ назначилъ русскихъ чиновниковъ. Сейма не созывалъ ни разу. Принявъ сторону возставшихъ грековъ въ борьбѣ съ Турціей, онъ до извѣстной степени удовлетворилъ требованію общественнаго мнѣнія, по скольку вообще можно говорить о такомъ въ Россіи того времени.

Программа его политики:—православіе, самодержавіе и народность. Какъ принципы эти понятія не были новы;

мы уже знаемъ, что выраженіе имъ далъ историкъ Карамзинъ въ своей извѣстной статьѣ.

Самодержавное правленіе Николая I было твердымъ, но крайне мелочнымъ: Государь не только отвергалъ частную инициативу въ общественной жизни, но вмѣшивался въ различныя дѣла, даже не имѣвшія къ политикѣ никакого отношенія; случалось, что самъ Государь назначалъ наказанія полемизировавшимъ съ нимъ литераторамъ и приговаривалъ ихъ къ нѣсколькимъ днямъ или недѣлямъ ареста на гауптвахтѣ; инымъ лицамъ изъ аристократіи и высшей бюрократіи приказывалось вступить въ бракъ съ указанными имъ особами.

Въ отношеніи вѣроисповѣдной политики Николай I строго держался принципа государственной поддержки православія, какъ господствующей церкви; онъ возобновилъ преслѣдованія сектантовъ и отпавшихъ отъ православія. Это въ значительной мѣрѣ увеличило страданія миллионныхъ массъ народа. Въ 1839 г. онъ принудилъ перейти въ православіе уніатовъ въ западныхъ губерніяхъ.

Стремленія Николая сводились къ тому, чтобы всю жизнь русскаго народа втиснуть въ полицейско-государственныя и церковныя рамки, абсолютно „успокоить“ общество, не только въ физическомъ, но и духовномъ смыслѣ; обезпечить извѣстнымъ нравственнымъ, религіознымъ и національно-политическо-общественнымъ воззрѣніямъ полное господство надъ умами. Западно-европейскимъ идеямъ, отражавшимъ нравственный, умственный, социальный и политическій прогрессъ нужно было противопоставить „русскую самобытность.“ Поэтому и возникла теорія, что русскій народъ развивается по особымъ историческимъ законамъ, имѣетъ инья, чѣмъ западно-европейскіе народы, — цѣли и назначеніе, и лишь ему одному свойственныя учрежденія и обычаи. Самодержавіе, православіе и народность вмѣстѣ образуютъ русскую самобытность. Политическая свобода губительна для русскаго народа, какъ равно и свободомыслящая философія.

Во имя этой самобытности тормозилось развитіе всего народа, въ особенности же наиболѣе многочисленнаго его слоя; крестьяне оставались въ рабствѣ; общество не допускалось къ контролю надъ чиновниками.

Согласно официальной теории, очень усердно распространявшейся в высших и средних кругах общества, среди которых реакция наиболее успевала, русский народ являлся самым счастливым, ибо „не знал“ социальной борьбы, подчинялся отеческой власти, думающей за него и охраняющей его от нравственной порчи; русский государственный строй представляется наилучшим, ибо вся административная машина безгранично послушна руке, ее направляющей, благодаря чему функционирует образцово.

Вопреки этой официальной теории, исповедуемой избранными судьбы и темными людьми, не знавшими иных отношений, кроме дворянско-чиновничьих, общественная жизнь на каждом шагу являла резкие диссонансы, выступавшие наиболее ярко в отношениях крепостнических, фабричных, а также в солдатской жизни. Поэтому царствование Николая I было ареной частых крестьянских, рабочих и военных бунтов. Эти бунты возникали стихийно, как социальные рефлексy, без сознательно-плансмерной подготовки, не будучи лишены однако определенных общественных стремлений; не доставало им только организованности и цельного социально-политического замысла. До этого времени и довольно долго послѣ него, вполне сознательное и координированное освободительное движение образовало для себя среди интеллигентных слоев народа в историческом потоке русской жизни — одно русло; стихийное же массовое движение среди народных слоев — другое...

Эти два течения стремились на встречу светлomu будущему независимо друг от друга, разделенные целью пропастью различий культурно-исторического и идейного развития. Только в позднейшее время оба течения слились в одно русло и образовали один бурлящий поток.

В первой половине царствования Николая I, в средних и высших кругах русского общества подпольного революционно-интеллектуального течения почти не существовало; за то в народной массе стихийное стремление к освобождению было весьма сильным. Но последнее, будучи не организованным и не имея в своей основе широкого социально-политического плана, не представляло

собой опасности для самодержавія. Однако, присмотримся къ этому вопросу поближе...

2.

Милюковъ приводитъ ¹⁾ слѣдующія статистическія данныя о происходившихъ въ царствованіе Николая I крестьянскихъ бунтахъ, въ число коихъ не входятъ нѣкоря незначительныя вспышки, подавленныя мѣстными властями.

Въ 1828 г.— 17	въ 1843 г.— 19
„ 1829 „ — 13	„ 1844 „ — 34
„ 1830 „ — 13	„ 1845 „ — 31
„ 1831 „ — 9	„ 1846 „ — 16
„ 1832 „ — 10	„ 1847 „ — 31
„ 1833 „ — 11	„ 1848 „ — 64
„ 1834 „ — 20	„ 1849 „ — 25
„ 1838 „ — 15	„ 1850 „ — 21
„ 1839 „ — 14	„ 1851 „ — 28
„ 1840 „ — 15	„ 1852 „ — 44
„ 1841 „ — 17	„ 1853 „ — 33
„ 1842 „ — 21	„ 1854 „ — 23

Всего, слѣдовательно, начиная съ 1828 по 1854 г. было 547 крестьянскихъ возмущеній. Эти данныя почерпнуты изъ архивовъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ перечисленныхъ массовыхъ выступленій, были еще и отдѣльныя вспышки недовольства среди крестьянъ, выражавшіяся въ террористическихъ актахъ, направленныхъ противъ помѣщиковъ, управителей и т. п. Въ періодъ 1835—1854 гг., согласно тому же источнику, было зарегистрировано 144 убійства и 75 покушеній на убійство.

Положеніе крестьянъ было по истинѣ ужаснымъ, помѣщики прибѣгали къ утонченной жестокости, какъ въ смыслѣ самыхъ орудій наказанія, такъ и способовъ примѣненія послѣднихъ. Время отъ времени среди народной массы возникали слухи о скоромъ дарованіи воли, и съ

¹⁾ Энциклопедическій словарь Брокгауза т. 32, статья Милюкова.

этими волнующими слухами власти боролись безъ всякаго успѣха. Еще 12 мая 1826 г. императоръ Николай I былъ вынужденъ манифестомъ опровергнуть распространявшіеся преимущественно въ казанской губерніи слухи объ уничтоженіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ крѣпостной зависимости и барщины, а также чиншевыхъ платежей, взыскиваемыхъ съ государственныхъ крестьянъ, жившихъ на казенныхъ земляхъ. Въ это же время на Украинѣ стали ходить вѣсти о появленіи сына извѣстнаго Гонты (народнаго вождя во время крестьянскихъ волненій на Украинѣ во второй половинѣ XVIII в.), который заставилъ помѣщиковъ выѣхать изъ своихъ имѣній, а землю отдать крестьянамъ. Въ тарашанскомъ уѣздѣ, кievской губ., крестьяне стали готовиться къ вооруженному мятежу. Возмущеніе ожидалось на Пасху, затѣмъ — въ Ѳомиинъ день.

3 апрѣля рядовой Семеновъ, возвращаясь въ полкъ изъ орловской губерніи, сталъ выдавать себя въ волнованныхъ селахъ за адъютанта государя и показывалъ крестьянамъ какую то бумагу, якобы царскій указъ, который предписываетъ хватать господъ и представлять въ столицу. Семенову повѣрили, и вскорѣ онъ сталъ во главѣ движенія и образовалъ изъ своихъ сторонниковъ отрядъ. Помѣщиковъ, управляющихъ и экономовъ, отличавшихся особенной жестокостью, онъ наказывалъ розгами, нѣкоторыхъ арестовалъ, какъ равно и офицеровъ, посланныхъ для поимки его. Къ нему стали льнуть казаки и переходили на его сторону. Наконецъ онъ былъ схваченъ и приговоренъ къ смертной казни. 150 крестьянъ были тогда частью сосланы на каторгу, частью наказаны кнутами.

Казнь Семенова и тяжкія кары, постигшія остальныхъ не остановили разъ начавшагося движенія. Въ одной мѣстности кievской губерніи волненія длились три года, затѣмъ постепенно переходили въ другія губерніи, напр.: костромскую, ярославскую, владимирскую, смоленскую, курскую, пермскую, псковскую и петербургскую.

Бунты происходили также во время эпидемій, какъ напр., извѣстный холерный бунтъ въ 1830 и 1831 гг. Въ Петербургѣ 22 іюня 1831 г. вспыхнулъ такой же бунтъ на Сѣнной площади. Огромная толпа крестьянъ и рабочаго люда, возмущенная тѣмъ, что полиція хватаетъ

и тащить въ холерные бараки, не только больныхъ, но и здоровыхъ, освободила нѣкоторыхъ, а изъ полицейскихъ многихъ избила. Генераль-губернаторъ выслалъ войска, жандармовъ и полицію. Толпа, сдѣлавъ попытку сопротивляться, разсѣялась. Пока все это происходило, Николай I не выѣзжалъ изъ Петергофа. Только на слѣдующій день Государь поѣхалъ на Сѣнную площадь въ экипажѣ и тутъ твердымъ громкимъ голосомъ крикнулъ толпѣ собравшихся:

— На колѣни!

Толпа стала на колѣни. Тогда Государь сказалъ:

— Это подлые полячишки васъ подбили!

Затѣмъ приказалъ арестовать нѣсколько человекъ въ крестьянскомъ платьѣ, показавшихся ему подозрительными ¹⁾.

Въ 1838 г. въ казанской и вятской губерніяхъ имѣли мѣсто, такъ называемые, картофельные бунты. Министерство внутреннихъ дѣлъ предписало, чтобы собранный съ полей картофель крестьяне свозили въ центральныя ямы при волости. Крестьяне, хотя и не охотно, но приказаніе исполнили; когда же слѣдующей весной имъ было приказано сѣять этотъ, успѣвшій промерзнуть картофель—они отказались подчиниться нелѣпому требованію. Власти сочли это за бунтъ и изъ Петербурга былъ командированъ специальный чиновникъ для разслѣдованія дѣла. Но съ крестьянами онъ обращался безтактно и кромѣ того бралъ взятки, которыми однако не всѣ пожелали откупаться. Это было новымъ проявленіемъ непослушанія. Дѣло дошло до столкновеній съ полиціей, затѣмъ прибыли казаки. Успокоеніе наступило послѣ жестокихъ расправъ и экзекуцій. Крестьянъ сѣкли, а многихъ сослали въ Сибирь.

Крестьянскія возстанія противъ помѣщиковъ почти всегда оканчивались вызовомъ на мѣста войскъ, залпами въ народъ, приговариваніемъ крестьянъ къ тѣлесному наказанію плетью, ссылкой въ Сибирь, зачастую смертной казнью зачинщиковъ.

Въ 1842 г. вспыхнулъ цѣлый рядъ крестьянскихъ бунтовъ въ костромской, пермской и черниговской губерніяхъ, усмирненныхъ войсками съ большою жестокостью.

---

¹⁾ Куклинъ. Матеріалы по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. Т. 1, стр. 263 и 264.

Въ одной пермской губерніи погибло подъ пулями 69 чело­вѣкъ. Въ слѣдующемъ году въ енисейской губ. возбу­товались 22.000 чел. Въ тамбовской губ. происходили возмущенія среди крестьянъ-сектантовъ, называемыхъ молоканами. Бунты среди молоканъ были вызваны непра­вильнымъ сборомъ податей и повинностей. Крестьяне, вооружившись самодѣльными пиками, встрѣтили ими полицію. Рота солдатъ, посланная въ помощь полиціи, отказалась повиноваться. Въ концѣ концовъ возмущеніе было все таки подавлено. Крупные размѣры приняло крестьянское движеніе въ 1848 г. въ рязанской губерніи, въ имѣніи кн. Голицына. Причиной здѣсь послужило то обстоятельство, что князь, которому крестьяне платили, вмѣсто натуральной барщины, оброкъ, желая увеличить свои доходы, снова ввелъ барщину. Крестьяне просили князя отмѣнить свое распоряженіе, но безъ успѣха. Тогда они отказались выходить на работу. Прибыли войска, подавили беспорядки и подвергли непокорныхъ суровой экзекуціи. Тюрмы были переполнены. Послѣ ухода войскъ, бунтъ однако возобновился: крестьяне наказали своихъ старостъ. Войска произвели усмиреніе съ еще большей жестокостью.

Въ томъ же году происходили крупныя столкновенія крестьянъ съ войсками въ витебской губерніи. Голодная масса, возбужденная слухами о якобы имѣющемъ скоро состояться освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, стала скопляться и вооружаться: изъ ралъ приспособлялись пики, собирались отовсюду ружья и порохъ, отли­вались пули. Толпы крестьянъ двинулись въ псковскую губернію, желая подойти къ самому Петербургу. Въ вели­колукскомъ уѣздѣ дѣло дошло до формальнаго боя между крестьянскимъ отрядомъ въ 500 чел. и полиціей. Крестьяне одержали верхъ, арестовали становаго и чуть не убили уѣзднаго исправника. Послѣ этой побѣды, увеличившійся отрядъ двинулся по направленію къ Петербургу; но не­далеко отъ дер. Бѣжанъ ему преградилъ дорогу исправ­никъ новоржевскаго уѣзда и, пустивъ въ дѣло хитрость, разбилъ отрядъ. Около 4000 крестьянъ понесли тяжелыя наказанія.

Въ 1848 г. бунтовъ было особенно много. Весьма вѣ­роятно, что въ крестьянскую среду проникли извѣстія о революціяхъ въ Западной Европѣ.

Мы здѣсь не имѣемъ возможности вдаваться въ описаніе всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ крестьянскихъ безпорядковъ, и приводя то, что было сказано выше, старались лишь дать о нихъ представленіе. Въ этомъ отношеніи любопытный матеріалъ собранъ В. Семеvскимъ въ книгѣ подъ заглавіемъ „Волненія крѣпостныхъ крестьянъ“.

Всѣ эти крестьянскія волненія не имѣли политическихъ цѣлей, они были направлены противъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Въ самодержавнаго государя крестьяне въ то время вѣрили, можно даже сказать—вѣрили почти какъ въ Бога.

Извѣстный бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ новгородской губерніи возникъ на почвѣ общаго недовольства солдатъ господствовавшими въ колоніяхъ порядками. Непосредственнымъ къ нему поводомъ послужили распоряженія начальства во время эпидеміи и слухи о поступкахъ его, врачей и фельдшеровъ съ больными; слухи эти усилились благодаря рабочимъ, высланнымъ изъ Петербурга, послѣ бунта на Сѣнной площади.

Волненія приняли крупные размѣры и охватили значительную часть военно-поселенцевъ. Погибло тогда 2 генерала, 6 полковниковъ и слишкомъ 100 офицеровъ и врачей. Даже личный пріѣздъ Государя Николая I и рѣчь его, съ которой онъ обратился къ взбунтовавшимся солдатамъ-поселенцамъ, ихъ не успокоили; среди послѣднихъ даже возникло сомнѣніе, настоящій ли государь предъ ними, или быть можетъ просто подставное лицо. Только съ большими усиліями удалось подавить мятежъ. 3272 чел., раздѣленные по степени виновности на пять категорій, понесли страшныя кары. 83 чел. наиболѣе виновные получили по 45 ударовъ плетью и были сосланы на каторгу, другіе были прогнаны сквозь строй, остальные получили по 4000 шпицрутеновъ или по 500 розогъ и затѣмъ отданы въ арестантскія роты или въ отдаленныя сибирскіе корпуса Слишкомъ 150 человекъ не выдержало экзекуціи и погибли тутъ же.

Слѣдуетъ замѣтить, что хотя послѣ вступленія на престолъ Николая I, Аракчеевъ и былъ устраненъ отъ командованія военными поселеніями, однако положеніе военно-поселенцевъ ничуть не улучшилось.

Военныя поселенія совершенно уничтожены лишь при Александрѣ II въ 1857 г.

3.

Въ царствованіе Николая I промышленность въ Россіи сдѣлала крупныя успѣхи. Возникли новыя большія фабрики, а наряду съ ними развивалась кустарная промышленность, конкурируя въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства съ фабричными издѣліями.

Туганъ-Барановскій въ своей любопытной, цитированной уже нами, книгѣ подтверждаетъ тотъ интересный фактъ, что въ Россіи, вопреки обычнымъ воззрѣніямъ, кустарная промышленность въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства развивалась въ прямой зависимости отъ увеличенія числа крупныхъ фабрикъ. Благодаря этимъ послѣднимъ сельское населеніе знакомилось съ техникой производства, а затѣмъ, позже, само стало производить ручнымъ способомъ тѣ же предметы, что и фабрики. Конечно, это могло имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя пользовались сравнительно несложными орудіями, и въ тотъ періодъ, когда технической прогрессъ не пошелъ такъ далеко, какъ нынѣ.

Въ Россіи давно уже существовали хлопчатобумажныя фабрики; во второй половинѣ XVIII в. крестьянское населеніе само стало выработывать бумажныя ткани и полотно. Со временемъ все большее число крестьянъ занялись этой отраслюю производства и достигли въ ней весьма совершенныхъ результатовъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно издѣлій изъ дерева и пр. Крупныя фабрики имѣли, стало быть, опаснаго конкурента въ кустарномъ производствѣ, которое впоследствии даже привело къ упадку фабричную промышленность. Въ то же время ручное, кустарное производство постоянно разрасталось, но это не значитъ, что мелкіе кустари были независимы въ условіяхъ труда и сбыта. Напротивъ, они всецѣло зависѣли отъ капиталистовъ, которымъ они сбывали свой товаръ и отъ которыхъ иногда получали сырой матеріаль.

Эта зависимость мелкаго производства отъ крупнаго не могла разумѣется быть постоянной; дальнѣйшее развитіе техники, примѣненіе сильныхъ машинныхъ двигателей, развивающихъ колоссальную энергію, конечно дали перевѣсъ крупному фабричному производству.

Въ Россіи имѣлъ мѣсто также кустарный промыселъ

который возникъ значительно ранѣе крупной промышленности и независимо отъ нея. При разсмотрѣніи вопроса о положеніи кустарнаго производства въ Россіи, слѣдуетъ принимать во вниманіе эта два рода кустарной промышленности, различныхъ характера и происхожденія.

Развитіе крупной промышленности вызвало опасенія въ высшихъ административныхъ сферахъ. Приведемъ примѣръ. Московскій генераль-губернаторъ гр. Закревскій въ рапортѣ своемъ указывалъ на необходимость запрещенія въ первопрестольной столицѣ строить новыя фабрики.

Закревскій очень боялся увеличенія числа рабочихъ въ Москвѣ, полагая, что многочисленная рабочая масса можетъ легко превратиться въ значительную революціонную силу. Съ этимъ былъ вполне согласенъ императоръ Николай I. Министръ финансовъ Канкринъ былъ иного мнѣнія. Онъ полагалъ, что русскій фабричный пролетаріатъ—иного типа, чѣмъ западно-европейскій, и сохранивъ связь съ деревней, не представляется поэтому особенно революціоннымъ.

Московскіе фабриканты были крайне испуганы предложеніемъ Закревскаго и старались всѣми силами при содѣйствіи Канкринна провалить этотъ проектъ, что имъ и удалось вполне. Правда, въ 1849 г. былъ изданъ законъ, затруднявшій до извѣстной степени открытіе въ Москвѣ новыхъ фабрикъ, но онъ такъ и остался мертвой буквой.

Рабочія волненія на фабрикахъ въ царствованіе Николая I происходили постоянно. Описывать ихъ мы не станемъ, ибо всѣ они походили другъ на друга. Въ числѣ причинъ ихъ возникновенія упомянемъ о грубомъ обращеніи съ рабочими, низкой заработной платѣ и т. п. Иногда на нѣкоторыхъ фабрикахъ волненія длились въ теченіе весьма долгаго времени. Пролетаріатъ обнаруживалъ въ своихъ протестахъ большую энергію. Наиболѣе крупные беспорядки возникали среди рабочихъ изъ крестьянъ—„поссесіонныхъ“, которые особенно добивались воли. По мѣрѣ дальнѣйшихъ успѣховъ техники и вмѣстѣ съ увеличеніемъ спроса, становилось очевиднымъ, что свободный рабочій работаетъ продуктивнѣе крепостного. Въ 1840 г. былъ изданъ законъ, по которому „поссесіонные“ рабочіе могли получить свободу и быть

приписанными въ государственные крестьяне, или въ мѣщане. Но право освобожденія этихъ рабочихъ отъ крѣпостной зависимости вручалось фабрикантамъ. Послѣдніе воспользовались этимъ правомъ и число „посесіонныхъ“ рабочихъ быстро уменьшалось; вскорѣ они совсѣмъ исчезли изъ фабричнаго обихода.

Размѣръ заработной платы въ николаевскую эпоху былъ довольно высокъ, что слѣдуетъ приписать сильному развитію крупной фабричной промышленности и кустарнаго производства, которое, давая крестьянамъ заработокъ на мѣстѣ, удерживало ихъ отъ поисковъ работы въ городахъ, на фабрикахъ. Предложеніе свободныхъ рабочихъ рукъ было достаточно велико для того, чтобы постепенно замѣнить собой крѣпостной фабричный трудъ, но оно было велико однако не настолько, чтобы замѣтно понизить размѣръ заработной платы.

Сравнительно хорошей заработокъ русскихъ рабочихъ поражалъ иностранцевъ, жившихъ въ Россіи.

Отношеніе властей къ рабочимъ зависѣло отъ того, стоятъ ли эти власти ближе къ дворянству, или—къ буржуазіи. Пояснимъ это примѣромъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, генераль-губернаторы и губернаторы были ближе къ землевладѣльческимъ кругамъ и обнаруживали склонность къ нѣкоторымъ мелкимъ уступкамъ въ пользу фабричныхъ рабочихъ, ибо это не отражалось на экономическихъ интересахъ дворянства. Министерство же финансовъ, напротивъ, всегда противилось оказанію какихъ либо льготъ рабочимъ и всякимъ ограниченіямъ фабрикантовъ по отношенію къ первымъ.

Несмотря на постоянныя жалобы рабочихъ на фабрикантовъ и наоборотъ, правительство не спѣшило съ нормировкой отношеній между трудомъ и капиталомъ. Лишь въ 1835 г. былъ сдѣланъ первый шагъ въ этомъ отношеніи, благодаря московскому генераль-губернатору кн. Голицыну, который относился для того времени довольно справедливо къ жалобамъ рабочихъ.

Кн. Голицынъ выработалъ проектъ правилъ, регламентирующихъ отношенія между рабочими и фабрикантами. Согласно этому проекту фабриканты обязаны официально объявлять во всеобщее свѣдѣніе условія работъ на ихъ фабрикахъ, записывать въ особыя книги договоры, заключаемые съ рабочими и всѣ расчеты съ ними; въ

случаѣ неисполненія фабрикантами принятыхъ ими на себя обязательствъ, полиція вправѣ вмѣшаться и сама произвести съ рабочими расчетъ на основаніи показаній послѣднихъ.

Задуманная княземъ Голицынымъ мѣра очень не понравилась фабрикантамъ, поэтому разсматривавшее проектъ московское отдѣленіе Ремесленнаго Совѣта высказалось противъ него; то же учрежденіе въ Петербургѣ также жестоко раскритиковало проектъ.

По предложенію министра финансовъ, Ремесленный Совѣтъ исправилъ проектъ Голицына соотвѣтственно требованіямъ фабрикантовъ и въ этой новой редакціи проектъ получилъ силу закона.

Этотъ первый актъ русскаго фабричнаго законодательства цѣликомъ отдаетъ рабочихъ на произволъ капиталистовъ-владѣльцевъ промышленныхъ предприятий. Правда, фабриканты были обязаны объявлять свои условія съ рабочими, вести съ ними расчеты, однако—безъ заключенія письменныхъ договоровъ; фабрикантъ, недовольный рабочимъ, вправѣ всегда удалить его до срока, только предупредивъ за двѣ недѣли; рабочій же не вправѣ былъ оставить работу ранѣ условленнаго срока.

Этотъ законъ первоначально распространялся лишь на обѣ столицы, позже—на большинство губерній фабричнаго района. Въ 1845 г. послѣ крупныхъ рабочихъ волненій въ одной изъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ подъ Москвой,—волненій, обнаружившихъ вопіющую эксплоатацію дѣтскаго труда, былъ изданъ законъ, запрещающій на фабрикахъ ночной трудъ дѣтей моложе 12-ти лѣтняго возраста. Однако этотъ законъ остался лишь на бумагѣ. Онъ не устанавливалъ отвѣтственности за его нарушеніе и не учреждалъ надзора за его исполненіемъ. Удивительно также, что этотъ законъ не вошелъ въ Сводъ Законовъ Россійской Имперіи ¹⁾.

Дальнѣйшихъ успѣховъ русское фабричное законодательство временъ Николая I не сдѣлало.

4.

Въ періодъ 1825—1855 гг. въ Россіи замѣтно усили-

---

¹⁾ Туганъ-Барановскій. Русская фабрика, стран. 169—176.

лось умственное движеніе, встрѣчавшее однако на своемъ пути колоссальныя преграды. Правительство запрещало высказывать въ печати или съ кафедръ сужденія о его политикѣ, и вообще выражать вольнодумныя мысли. Но оно не могло помѣшать выраженію социально-политическихъ взглядовъ—въ формѣ отвлеченныхъ философскихъ или историческихъ трактатовъ.

Русскіе университеты при императорѣ Николаѣ I поднялись на болѣе высокій уровень научной постановки дѣла просвѣщенія, чѣмъ это было прежде, несмотря на отвращеніе самого монарха къ чистой и независимой наукѣ. Причины этого страннаго на первый взглядъ факта заключались въ слѣдующемъ: во первыхъ—правительство, хотя и опасалось вліянія научныхъ теченій на общество, однако не мѣшало вліянію германскихъ университетовъ на отечественныя, ибо современная той эпохѣ нѣмецкая специализированная наука, не заключавшая въ себѣ такихъ явно революціонныхъ ученій, какъ французская конца XVIII в., не вызывала опасеній въ правительственныхъ сферахъ; философія Гегеля въ официальной интерпретаціи представлялась теоріей ультра-консервативной, опровергающей революціонныя тенденціи.

Во вторыхъ—появленіе цѣлаго ряда молодыхъ русскихъ ученыхъ въ различныхъ областяхъ знанія, получившихъ образованіе въ Германіи, съ согласія и при поддержкѣ русскаго правительства, дало возможность замѣстить профессорскія кафедры.

Ясную, революціонную философію XVIII в. замѣнила туманная, запутанная нѣмецкая метафизика первыхъ десятилѣтій XIX в. Эта философія наряду съ недостатками имѣла извѣстныя достоинства: она была умственной гимнастикой, а нѣкоторыя философскія системы заключали въ себѣ настоящія сокровища. Система Гегеля была первымъ выработаннымъ въ крупномъ масштабѣ эволюціоннымъ міропониманіемъ, приложимымъ ко всѣмъ областямъ явленій.

Эти умственныя стремленія должны были оказать громадное вліяніе на образованную часть русскаго общества. Будучи лишена возможности разбирать политическо-соціальныя вопросы непосредственно, интеллигенція дѣлала это при помощи метафизики; не имѣя возможности писать обо всемъ этомъ ясно, она писала о томъ

же, пользуясь терминами, почерпнутыми изъ философіи. Такой языкъ былъ труденъ для пониманія цензоровъ, поэтому, несмотря на многочисленность ихъ и бдительность, они не могли вполне помѣшать русской интеллигенціи высказывать освободительныя идеи въ различныхъ сферахъ мысли и практики. Утопическій социализмъ, развившійся преимущественно во Франціи, въ извѣстномъ смыслѣ лишенный политической окраски, чающий освобожденія человѣчества не черезъ революцію, но путемъ нравственнаго и умственнаго возрожденія и при содѣйствіи сильныхъ міра сего, также незамѣтно проникалъ въ Россію и производилъ свое дѣйствіе.

Историческія изысканія въ прошломъ русскаго народа, при помощи заимствованныхъ съ Запада методовъ, дали крупные результаты и вызвали все умственное движеніе того времени.

Все это, вмѣстѣ съ небывалымъ расцвѣтомъ русской литературы въ лицѣ Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др., создало богатую различными идеями и эстетическими теоріями умственную атмосферу. На такомъ фонѣ возникли новыя соціально-политическія теченія, которыя хотя и не создали широкаго и цѣльнаго политическаго движенія, или обширнаго политическаго заговора, все же были несомнѣнно крайне важнымъ явленіемъ въ русской жизни, ибо стали отправной точкой соціально-политическихъ стремленій, обнаружившихся съ большою силою позже.

Въ настоящемъ трудѣ, посвященномъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, отнюдь не—описанію преемственности умственныхъ теченій въ русскомъ обществѣ, мы этими теченіями будемъ заниматься лишь постольку, поскольку это необходимо для пониманія позднѣйшаго соціально-политическаго движенія.

VII.

Соціальныя и политическія теченія въ царствованіе Николая I.

1.

Какъ мы уже видѣли, соціально-политическое движеніе въ Россіи въ эпоху Александра I было поднято людьми изъ аристократическо-дворянско-офицерской среды, какъ слѣдствіе ближайшаго соприкосновенія ея съ жизнью Западной Европы и въ связи съ тѣмъ, что члены этого круга общества почти всѣ получили солидное образованіе. Неудачное выступленіе декабристовъ и послѣдовавшія за нимъ репрессіи изъяли изъ этой части общества людей обширнаго кругозора и возвышенныхъ цѣлей. Остальные были разсѣяны по Россіи, запуганы, а можетъ быть даже утратили вѣру въ возможность осуществити когда-либо свои идеалы.

Реакція, которая послѣ вѣнскаго конгресса, стала царить во всей Европѣ, повліяла и на Россію; прервалось также непосредственное соприкосновеніе съ Западомъ офицеровъ русской арміи. Отдѣльные представители аристократіи и высшаго дворянства пребывали за границей только въ качествѣ частныхъ лицъ или туристовъ и, слѣдовательно, западно-европейская политическо-общественная жизнь уже не могла непосредственно и, такъ сказать, стихійно вліять сразу на большое количество русскихъ интеллигентовъ.

Русская аристократія и дворянство, какъ сословіе, не представляли собой въ обычныхъ условіяхъ благоприятной почвы для расцвѣта революціонныхъ идей. То, что либерально-демократическое движеніе создалъ высшій кругъ русскаго общества объясняется особыми условіями, о которыхъ мы говорили выше.

При Николаѣ I положеніе вещей измѣнилось. Государь сразу высказался противъ всего, что хотъ въ легкой сте-

пени напоминало о либерализмѣ; стало быть заранѣе исключалась мысль направить правительство на путь политическо-соціальныхъ реформъ.

Поднять новое революціонное либерально-демократическое движеніе могли лишь тѣ, кто заранѣе былъ готовъ къ борьбѣ на жизнь или смерть съ правленіемъ Николая I. Нужно было ждать появленія такихъ людей, образованія такой общественной группы, которая могла бы ихъ дать. Поэтому то до самого 1848 г. не было въ Россіи революціонныхъ организацій. Существовали только кружки молодежи, а впослѣдствіи кружки зрѣлыхъ интеллигентовъ, но безъ опредѣленной организаціи и прочной связи между членами. Кружки эти были представителями различныхъ соціально-политическихъ теорій и философскихъ направленій.

Въ 40-хъ годахъ XIX в. особенную роль въ умственной и общественной жизни русской интеллигенціи сыграли три кружка молодежи: одинъ, руководимый Герценомъ и отчасти его другомъ, Огаревымъ, второй—Станкевича и третій—братьевъ Кирѣевскихъ.

Одной изъ наиболѣе выдающихся личностей XIX в. былъ Александръ Герценъ. Его публицистическая дѣятельность создала эпоху въ исторіи развитія русскаго общества. Полную характеристику этого замѣчательнаго человѣка мы дадимъ позже, послѣ того, какъ кончимъ очеркъ политическо-общественнаго движенія въ Россіи въ 1857—1870 гг.; теперь же мы остановимся лишь на его взглядахъ и дѣятельности въ эпоху императора Николая I. Герценъ, одаренный живымъ и впечатлительнымъ умомъ, питалъ особенное влеченіе къ соціально-политическимъ проблемамъ. Декабрьскія событія въ Петербургѣ произвели на него, тогда еще 13-ти лѣтняго мальчика (Герценъ род. въ 1812 г.), сильное впечатлѣніе, и впослѣдствіи, когда онъ уже былъ юношей и вполне понималъ ихъ значеніе, стали отправной точкой его мышленія и политическо-общественныхъ стремленій. Традиціи декабристовъ, идеи Великой Французской Революціи, наконецъ современныя утопическія теоріи французскихъ соціалистовъ, въ особенности Сень-Симона, легли въ основу міровоззрѣнія Герцена.

Нѣмецкая метафизика вначалѣ не привлекала его; конкретно мыслящій умъ Герцена былъ занятъ преиму-

шественно вопросами коллективной жизни вообще, русской общественной—въ частности. Ему, радикальному демократу, стремящемуся къ кореннымъ реформамъ въ социальныхъ отношеніяхъ, деспотизмъ былъ ненавистенъ. Онъ любилъ народъ и искренно страдалъ, видя въ Россіи полный расцвѣтъ крѣпостного права; поэтому мысль его была ближайшимъ образомъ занята крестьянскимъ вопросомъ и установленіемъ политической свободы въ Россіи. Вначалѣ онъ не имѣлъ ясныхъ опредѣленныхъ задачъ относительно социальной реорганизации современнаго ему общества; однако, слѣдуя за Сень-Симономъ, Герценъ придавалъ большое значеніе экономической сторонѣ реформъ. Поэтому онъ даже выражалъ удовольствіе, что въ Россіи не было уничтожено крѣпостное право въ царствованіе Александра I по той системѣ, какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, т. е. съ одновременнымъ лишеніемъ крестьянъ права пользованія помѣщичьей землей. Герценъ полагалъ, что такая реформа не принесла бы народу пользы, ибо толкнула бы крестьянскую массу въ бездну нищеты.

Отношеніе Герцена къ русскому оффиціальному націонализму было враждебнымъ. Онъ любилъ русскій народъ, поражался его выносливости, вѣрилъ въ его жизнеспособность и желалъ слѣлать ему доступными лучшіе плоды западно-европейской цивилизации; хотя вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ, что въ русскомъ народѣ коренятся особыя самобытныя культурно-соціальныя начала.

Въ религіозно-философскомъ отношеніи Герценъ былъ свободомыслящимъ и совершенно эмансипировался отъ власти теологическаго міропониманія.

Разумѣется, міровоззрѣніе Герцена вырабатывалось постепенно и подвергалось частичнымъ исправленіямъ. Взгляды великаго русскаго дѣятеля и писателя окончательно установились непосредственно до и послѣ революціи 1848 г. Остановимся еще на нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ и дѣятельности Герцена тотчасъ послѣ годовъ его студенчества, когда возникли и стали развиваться упомянутые нами выше кружки молодежи.

Горячо отдаваясь наукѣ и полагая, что она сыграетъ крупную роль въ жизни личности и общества, Герценъ въ своихъ публицистическихъ работахъ справедливо дока-

зывалъ необходимость сближенія науки съ жизнью, ополчался противъ научнаго педантизма и призывалъ къ конкретному реализму. Тогда это было крайне важно, ибо подавляющее большинство образованной молодежи, изъ среды которой должны были выйти позднѣйшіе русскіе дѣятели на различныхъ поприщахъ, находилось подъ сильнымъ вліяніемъ идеалистической нѣмецкой философіи, которая хотя и расширяла умственные горизонты и упражняла умственные способности, но приучала смотрѣть на практическую сторону индивидуальной и коллективной жизни нѣсколько свысока, относясь къ дѣйствительности слишкомъ отвлеченно и носясь въ облакахъ, откуда нельзя было замѣтить многихъ даже крупныхъ явленій.

Не смотря на всю неприглядность современной Герцену русской дѣйствительности, онъ вѣрилъ, что настанетъ время, когда крестьянская масса открыто выступитъ во имя земли и воли.

Большія надежды онъ возлагалъ на великорусскую общину, точнѣе говоря—на общинное землевладѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже тогда видѣлъ его недостатки, какъ напр., деспотизмъ патріархальности въ крестьянскихъ отношеніяхъ; Герценъ, однако, полагалъ, что община можетъ быть и будетъ исходной точкой для новой общественной жизни, на основахъ всеобщей солидарности, т. е. социализма. Какой это будетъ социализмъ—Герценъ не говорилъ опредѣленно, ни во время своего пребыванія въ Россіи, — тогда это въ виду цензурныхъ условій было невозможно, — ни за границей,—когда они его уже не стѣсняли.

Отмѣтимъ здѣсь, что позже, на чужбинѣ, вслѣдствіе разочарованія во многихъ отношеніяхъ общественно-политической жизнью на Западѣ, Герценъ сталъ склоннымъ къ идеализаціи общиннаго землевладѣнія въ Россіи, что было замѣтно особенно въ письмахъ его къ Бакунину, придерживавшемуся другихъ взглядовъ.

Въ теченіе своей публицистической дѣятельности Герценъ затронулъ множество вопросовъ теоретическаго и практическаго значенія, смѣло боролся противъ всякаго рода предрасудковъ, призывая къ гуманности и наукѣ; въ цѣломъ рядѣ статей онъ специально доказывалъ все огромное для жизни значеніе естествознанія.

Переживаемую имъ эпоху Герценъ считалъ переходной между эпохой традиціонныхъ воззрѣній, державшихся на

старыхъ вѣрованіяхъ и предрасудкахъ и—вѣкомъ научнаго міропониманія, основаннаго на непосредственныхъ выводахъ науки. Въ этомъ переходномъ характерѣ современной Герцену эпохи заключался, по его мнѣнію, источникъ многихъ противорѣчій, причиняющихъ людямъ страданія.

Мысль Герцена была всегда занята социальными вопросами, которые онъ выдвигалъ на первый планъ; отъ личности Герценъ не требовалъ аскетизма, отреченія отъ личнаго и семейнаго счастья, но общество и семья были для него двумя полюсами, антитезами, выходъ изъ которыхъ возможенъ лишь въ высшемъ синтезѣ, чрезъ расширеніе своего „я“, раскрытіе души всему человѣческому, наслажденіе чужими радостями и страданіе страданіями современниковъ.

Какъ уже было отмѣчено, интересъ Герцена былъ первоначально направленъ прежде всего къ социально-политическимъ проблемамъ. При общеніи съ молодежью Герценъ постоянно встрѣчался съ аргументаціей, заимствованной изъ нѣмецкой идеалистической философіи. Это обстоятельство побудило его заняться ею, въ особенности системой Гегеля. Познакомившись съ теоріями великаго нѣмецкаго мыслителя, Герценъ принялъ нѣкоторыя изъ нихъ, въ частности—діалектической методъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно опредѣленно перешелъ на сторону не консервативной, а радикальной интерпретаціи основныхъ принциповъ гегелевской системы. Герцена сильно увлекъ гегелевскій эволюционизмъ, и въ силу именно этого онъ далекъ былъ отъ признанія дѣйствительнаго—разумнаго только потому, что оно—дѣйствительно.

Герценъ писалъ статьи различнаго характера, какъ публицистическія, такъ и научныя, и по общественнымъ вопросамъ, былъ даже авторомъ повѣсти. Въ настоящемъ трудѣ, посвященномъ нами специально революціонному движенію, невозможно всесторонне разсмотрѣть и подвергнуть критикѣ его обширную дѣятельность. Поэтому мы въ силу необходимости должны ограничиться лишь заявленіемъ, что великая роль Герцена состояла прежде всего въ томъ, что онъ будилъ мысль, затѣмъ—въ серьезной и смѣлой критикѣ различнѣйшихъ проблемъ, борьбѣ съ рутиной, въ служеніи и пропагандѣ социальной справедливости и свободомыслія. Герценъ писалъ живо и убѣди-

тельно, прекраснымъ языкомъ. Онъ не создалъ цѣльной, законченной философской системы, но затронулъ множество вопросовъ, разрѣшая ихъ въ одномъ и томъ же смыслѣ. Многіе изъ принадлежащихъ ему взглядовъ, теперь уже вошедшихъ въ общій обиходъ, тогда, въ концѣ первой половины XIX в., не были еще достояніемъ общества, особенно въ Россіи.

Преслѣдованій правительства не избѣжалъ и Герценъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ находился въ ссылкѣ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. Герценъ не былъ уличенъ въ какихъ либо революціонныхъ замыслахъ, но ему были поставлены въ вину сношенія съ людьми, которые въ обществѣ высказывали мнѣнія и пѣли пѣсни, неуважительнаго по отношенію къ властямъ содержанія. Послѣ годовъ ссылки Герценъ, подчиняясь волѣ отца, былъ нѣкоторое время чиновникомъ, но послѣ его смерти, получивъ крупное наслѣдство, бросилъ государственную службу, которая не соответствовала его стремленіямъ, и въ началѣ 1847 г. уѣхалъ за границу, откуда ему уже не суждено было вернуться въ Россію. Изъ заграницы онъ писалъ полныя огня и интересныхъ наблюдений корреспонденціи объ общественно-политической жизни Западной Европы.

Герценъ былъ свидѣтелемъ великихъ историческихъ событій. На его глазахъ происходило движеніе въ Италіи и революція 1848 г. во Франціи,—которая произвела на него потрясающее впечатлѣніе, въ особенности іюльскіе беспорядки и кровавая расправа съ пролетаріатомъ. Эта великая историческая драма придавала пессимистическую окраску его воззрѣніямъ на западно-европейскую цивилизацію и ближайшее прошлое западныхъ народовъ. Тогда то именно перемѣна въ нѣкоторыхъ взглядахъ Герцена сблизила его съ славянофилами, съ которыми онъ боролся и о которыхъ мы будемъ говорить въ свое время. Однако и послѣ 1848 г. между Герценомъ и славянофилами лежала цѣлая пропасть.

Каковы же были общественно-политическія воззрѣнія Герцена послѣ 1848 г.? Общій фонъ ихъ остался прежнимъ, измѣнилось лишь отношеніе Герцена къ западнымъ обществамъ и взглядъ на нѣкоторыя стороны русской жизни. Наконецъ, измѣнилась его революціонная идеологія, вѣрнѣе—она начала улетучиваться.

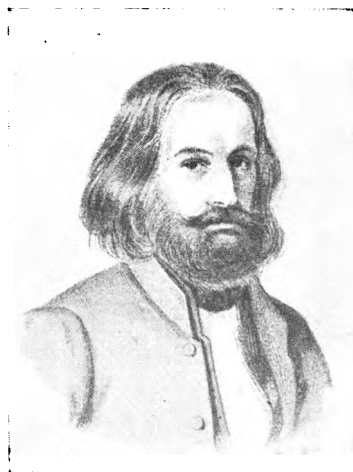
Николай Алексѣевичъ
ПАНОВЪ.

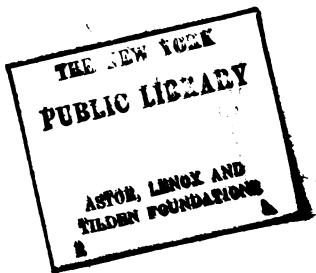
Михаиль Александровичъ
фонъ-ВИЗИНЪ.

Флксѣй Петровичъ
ЮШНЕВСКІЙ.

Александръ Викторовичъ
ПОДЖЮ.

Вмѣстѣ съ впечатлительной, капризной, аристократической натурой Герценъ обладалъ и живымъ, наблюдательнымъ умомъ; слабая сторона Герцена—это отсутствіе въ его сужденіяхъ уравновѣшенности, склонность къ преувеличеніямъ и недостаточность исторической перспективы.

Злоупотребленія крупной буржуазіи, находившейся у власти во время іюльской монархіи во Франціи, жестокость этой буржуазіи въ іюньскіе дни 1848 г. и поведеніе во время государственнаго переворота Людовика-Наполеона, позднѣйшаго императора Наполеона III—повлияли на Герцена въ томъ смыслѣ, что онъ сталъ недоцѣнивать „буржуазную“ свободу въ конституціонныхъ государствахъ его времени и утверждать, что она служитъ только имущимъ классамъ. Эти взгляды, распространенныя среди нѣкоторыхъ друзей Герцена,—напр. проф. Грановскаго,—которые не безъ основанія считали выпады Герцена противъ западнаго конституціонализма—не тактичными и при тогдашнихъ условіяхъ—вредными. На эти упреки Герценъ отвѣчалъ, что на зло нужно указывать вездѣ, гдѣ бы оно ни укрывалось. Это, разумѣется,—правильно, но все же необходимо принимать во вниманіе, что извѣстные житейскіе факты, какъ и учрежденія и т. п., имѣютъ положительныя и отрицательныя стороны, и что въ сужденіяхъ о нихъ слѣдуетъ заботиться о нѣкоторомъ равновѣсіи. Сужденіямъ Герцена не доставало именно этой уравновѣшенности. Острымъ умомъ онъ схватывалъ всѣ отвратительныя стороны буржуазнаго строя, но вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣчалъ, что даже рабочій классъ при немъ пользуется извѣстными благами по сравненію съ тѣмъ, что было прежде,—и что, стало быть, указывая на недостатки этого строя и необходимость въ немъ измѣненій, все же слѣдуетъ признать за нимъ цѣнность фактора историческаго развитія.

Человѣкъ съ утонченными чувствами и эстетъ, Герценъ питалъ отвращеніе къ буржуазному филистерству и отчасти потому отнесся съ пренебреженіемъ къ западно-европейскому конституціонализму.

Изъ этого пренебреженія Герценъ не слѣлалъ однако благоприятныхъ для русскаго самодержавія выводовъ,—абсолютизмъ былъ ему глубоко ненавистенъ. Герценъ

желалъ сразу чего то высшаго и отъ русской дѣйствительности и отъ западнаго буржуазнаго строя. Онъ не понималъ и не желалъ понимать, что Россія, имѣя передъ собой великое будущее, должна пройти фазу ненавистныхъ буржуазныхъ порядковъ.

Пребываніе на чужбинѣ, тоска по родинѣ сдѣлали Герцена склоннымъ къ идеализаціи нѣкоторыхъ сторонъ русской жизни. Онъ, напр., сильно вѣрилъ въ то, что русскій народъ болѣе, чѣмъ какой-либо изъ западныхъ, обладаетъ условіями, необходимыми для полного расцвѣта индивидуализма личности. Западные народы, даже при наличности у нихъ политической свободы, находятся въ рамкахъ классовыхъ и сословныхъ учреждений, окрашенныхъ и даже пропитанныхъ буржуазнымъ филистерствомъ. На Западѣ люди обладаютъ весьма сильно развитымъ чувствомъ личности, но это чувство недостаточно опредѣленно и выпукло, притомъ оно извращено историческими традиціями, старыми и новыми. Голосъ крови, пролитой въ революціяхъ западными народами, и вліяніе ихъ историческаго прошлаго дѣйствуютъ постоянно: личность на каждомъ шагѣ связана воспоминаніями. Нѣтъ жизненной проблемы, которая когда-либо не была бы рѣшена, всѣ явленія опредѣлены въ какой либо общепризнанной системѣ. Завоеванія западно-европейской цивилизаціи когда то представляли прогрессъ, теперь (во времена Герцена) они своего рода духовныя цѣпи.

Иное—въ Россіи. Здѣсь часть народа во главѣ съ Петромъ Великимъ рѣшительно порвала съ прошлымъ, обнаруживая этимъ могучую способность отрицанія, несогласія съ освященными вѣками формами жизни; другая же часть, хотя и приняла реформы Петра, подчиняется власти и исполняетъ ея обязательныя предписанія, но имъ не до вѣрять.

Герценъ зналъ, что въ современной ему Россіи чело-вѣческое достоинство цѣнится не высоко, что въ семьѣ и государствѣ царитъ деспотизмъ, но полагалъ, что для свободнаго развитія индивидуальности—это препятствія скорѣе внѣшнія, чѣмъ внутреннія,—которыя возможно устранить. Герценъ напалъ на славянофиловъ за ихъ пренебреженіе къ личности и желаніе сохранить моральное вліяніе старыхъ формъ жизни и традиціонныхъ обычаевъ.

Иазишне останавливаться надъ иллюзіей Герцена отно-

сительно условий развитія индивидуализма въ Россіи. Онъ проглядѣлъ тотъ несомнѣнный фактъ, что и здѣсь традиціи не были слабѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ,—напротивъ, даже сильнѣе, ибо традиціи древней Руси цѣльнѣе и проще. Не подлежитъ также сомнѣнію, что русскіе государственные порядки имѣли не только внѣшнее вліяніе на населеніе, но и производили длительный моральный эффектъ на народное сознаніе.

Несомнѣнно, что русскій народъ имѣетъ великое будущее; вѣрно также и то, что освободительное движеніе въ Россіи отмѣчено широтою стремленій и обширностью практическихъ задачъ; но это объясняется тѣмъ, что на историческое поприще Россія выступила позже западныхъ народовъ, что она могла воспользоваться наличнымъ опытомъ Запада. Однако русское освободительное движеніе жило и живетъ его идеями, примѣненными къ мѣстной дѣйствительности.

Герценъ вѣрилъ, что въ грядущемъ социальномъ переворотѣ въ Европѣ Россія будетъ идти впереди, что общинное землепользованіе облегчитъ Россіи введеніе новаго строя, устранить неизбежность капиталистическаго періода съ буржуазнымъ правленіемъ. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что этотъ взглядъ Герцена пріобрѣлъ въ 1860—85 гг. и даже позже многочисленныхъ сторонниковъ и сталъ исходнымъ пунктомъ различныхъ программъ.

Въ извѣстномъ письмѣ къ Мишлэ Герценъ сводитъ упомянутые выше взгляды свои въ гармоническое цѣлое, въ единую теорію, и утверждаетъ, что Россія никогда не будетъ „juste milieu“¹⁾; русскіе быть можетъ требуютъ слишкомъ многого и не получаютъ ничего, но они не теряютъ надежды...

Наряду съ общиннымъ землевладѣніемъ, Герценъ предназначалъ еще одной силѣ, именно—литературѣ крупную роль въ процессѣ возрожденія русскаго народа. Въ упомянутомъ письмѣ онъ говоритъ, что послѣ вступленія на престолъ императора Николая I русская литература, несмотря на колоссальныя препятствія и постоянныя

---

1) —«въ положеніи безпристрастнаго, наиболѣе справедливаго».
Прим. переводч.

преслѣдованія, исполняетъ свою миссію особеннымъ образомъ; въ ней, русской литературѣ, мы видимъ трагическое напряженіе совѣсти, жестокое отрицаніе, горькую иронию, мучительное самоуглубленіе. Русскій человѣкъ, брошенный въ угнетающую обстановку, обладая яснымъ взглядомъ на вещи и здравой логикой, быстро освобождается отъ ига вѣрованій и обычаевъ своихъ предковъ.

Въ возрѣніи Герцена на общинное землевладѣніе и литературу, какъ на два фактора, на двѣ силы, при помощи которыхъ русскій народъ разрѣшить должнымъ образомъ великую социальную проблему и станетъ во главѣ социальнаго движенія во всемъ цивилизованномъ мірѣ, легко усмотрѣть первообразъ позднѣйшей теоріи Герцена, по которой воспитанная на русской литературѣ интеллигенція одержитъ верхъ надъ консервативными элементами и правительствомъ и, опираясь на общественныя наклонности русскаго мужика, выражающіяся въ общинномъ землепользованіи, установитъ новый социальный строй.

Этотъ послѣдній понимался Герценомъ въ широкомъ смыслѣ; онъ долженъ былъ наступить послѣ переворота не только въ общественно-политическихъ отношеніяхъ, но также и въ отношеніяхъ семейныхъ и во взглядахъ религіозныхъ, нравственныхъ и вообще въ сферѣ психологической. Точнѣе грядущаго социальнаго строя Герценъ не формулировалъ; даже болѣе—онъ полагалъ, что цѣликомъ онъ никогда не осуществится и только постепенно будетъ проникать во всѣ области общественной и личной жизни.

Герценъ думалъ, что социализмъ, достигнувъ полноты своего развитія, приведетъ къ крайностямъ, безсмыслицѣ; тогда изъ среды революціоннаго меньшинства въ обществѣ раздастся новый могучій голосъ отрицанія; и тогда социализмъ займетъ то положеніе, которое занимаетъ нынѣ консерватизмъ, возгорится новая ожесточенная борьба, которая приведетъ къ новой побѣдѣ революціи. Что будетъ результатомъ этой новой революціи — Герценъ не говорить.

Не подлежитъ сомнѣнію, что взгляды этого великаго публициста и дѣятеля очень широки, подчасъ—утонченны, но нѣтъ основаній утверждать, подобно изслѣдователямъ:

нѣмецкому Шперберу ¹⁾ и русскому — Гершензону ²⁾, что воззрѣнія Маркса, Лассаля и Родбертуса имѣютъ преимущественно социально-политическій характеръ, а Герцена — социально-философскій, и что пониманіе социализма у Герцена было болѣе радикально и всесторонне, чѣмъ у нихъ.

Такое утвержденіе, особенно по отношенію къ Марксу, ошибочно. Въ системѣ послѣдняго философскій элементъ играетъ большую роль, — образуя цѣльную и послѣдовательно развитую теорію, каковой у Герцена не было. Но въ свою очередь справедливо замѣчаніе, что отправной точкой всей теоріи Маркса служитъ экономическо-соціальная теза, а уголь зрѣнія Герцена — философско-соціальныи.

Послѣ кровавыхъ іюньскихъ дней 1848 г., Герценъ писалъ: *Vive la mort!* ³⁾ и призывалъ революцію разрушить буржуазный строй. Но затѣмъ онъ разочаровался въ насильственной революціи, какъ формѣ соціального движенія. Правда, онъ не утверждалъ, что въ будущемъ она никогда не приведетъ къ цѣли, и не оправдываетъ своего существованія, но въ поискахъ путей къ осуществленію своихъ идеаловъ Герценъ ставилъ революцію на послѣдній планъ. Этому взгляду онъ остался вѣренъ и въ позднѣйшее время, когда въ началѣ царствованія императора Александра II находился на зенитѣ своего вліянія и популярности. Отрицательно относился Герценъ въ особенности къ чисто политическимъ революціямъ.

Иногда изъ подъ пера Герцена выходили сужденія, не имѣющія ничего общаго съ его основными взглядами, напр., утвержденіе, что если бы люди, вмѣсто того, чтобы спасти міръ и человѣчество, стремились къ спасенію и освобожденію самихъ себѣ, то этимъ самимъ они сдѣлали бы очень много для спасенія міра и освобожденія личности.

Это уже религиозное морализированіе въ стилѣ Толстого. Разумѣется, если бы всѣ могли спастись и освободиться — было бы хорошо, но вѣдь люди живутъ въ условіяхъ общественности и въ рамкахъ общественныхъ учреждений, которыя имѣютъ свою логику и про-

1) Otto v. Sperber. Die socialpolitischen Ideen Alexander Hecen, стр. 142—143.

2) Гершензонъ. Соціально-политическіе взгляды Герцена, стр. 6 и 7.

3) Да здравствуетъ смерть!

Прим. переводч.

изводить на людей известное давление, о значительности которого Герценъ самъ не разъ говорилъ. Желаяшимъ освободиться, необходимо устранить эти внѣшнія препятствія, что требуетъ коллективной политической дѣятельности—дѣятельности социально-политической. Объ этомъ забывалъ Герценъ, когда его впечатлительная натура возмущалась ошибками въ какой либо собирательной дѣятельности. Тогда онъ становился пророкомъ-моралистомъ и центръ тяжести причинъ переносилъ съ коллективной жизни на глубину индивидуального сознания.

Въ міровоззрѣніи Герцена можно найти много такихъ противорѣчій, вытекающихъ изъ личнаго настроенія подѣ влияніемъ переживаемыхъ событій.

Идеализація Герценомъ „русской души“ и противопоставленіе ея западноевропейской было результатомъ не только разочарованія въ буржуазномъ строѣ на Западѣ и тоски по родинѣ, но и того, что Герценъ въ своемъ отечествѣ вращался въ избранномъ обществѣ, состоявшемъ изъ незаурядныхъ людей крупнаго ума, сердца и таланта, и главнымъ образомъ этихъ людей онъ считалъ представителями самого народа; все отрицательное онъ относилъ на счетъ официальной Россіи; тогда какъ въ общественной жизни Запада, его учрежденіяхъ и великой социальной борьбѣ онъ видѣлъ не только официальную политику и правительственную политику, но жизнь самого народа. Между тѣмъ официальная Россія поддерживалась огромнымъ большинствомъ сознательныхъ элементовъ народа, и даже стонущая подѣ игомъ крѣпостной зависимости народная масса по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была солидарна съ правительствомъ.

Чѣмъ отдаленнѣе находился Герценъ отъ русской дѣйствительности, тѣмъ слабѣе сознавалъ ея отвратительность. Въслѣдствіе цензурныхъ условий взгляды свои Герценъ долженъ былъ въ Россіи высказывать осторожно. Однако, его понимали, онъ пользовался громаднымъ влияніемъ на прогрессивный авангардъ русской интеллигенціи и нѣсколько въ меньшей степени на широкіе круги читающей публики. Только въ началѣ царствованія императора Александра II влияніе Герцена распространилось на обширные слои общества.

Герценъ и его друзья не имѣли намѣренія основы-

вать тайныя организаци заговорщиковъ, съ цѣлью активной дѣятельности противъ правительства и для проведенія въ жизнь собственныхъ идеаловъ, но старался лишь вызвать крупное умственное и общественное движеніе. Должно быть онъ полагалъ, что со временемъ, подъ вліяніемъ умственного роста народа и вслѣдствіе игнорированія его нуждъ, возникнетъ великое освободительное движеніе, которое въ той или иной формѣ создастъ желательныя перемѣны.

2.

Въ дальнѣйшемъ намъ слѣдуетъ остановиться на характеристикѣ и воззрѣніяхъ другого выдающагося писателя, дѣятельность котораго относится къ николаевской эпохѣ, а именно—В. Г. Бѣлинскаго. Мы не станемъ однако разсматривать его литературно-критической дѣятельности, поскольку это не входитъ въ кругъ нашихъ задачъ. Остановимся лишь на его важнѣйшихъ мысляхъ.

В. Г. Бѣлинскій начинаетъ собою въ русской литературѣ рядъ блестящихъ критиковъ, которые одновременно съ эстетической оцѣнкой и изслѣдованіемъ литературы, распространяютъ въ своихъ произведеніяхъ новыя философскія, социальныя и политическія идеи и являются воспитателями своего общества. Дѣйствительно, въ эпоху, когда нельзя было писать прямо и открыто о великихъ задачахъ общественной жизни и традиционныхъ воззрѣніяхъ, лишь въ литературно-художественной и философской критикѣ возможно было съ различными оговорками высказывать новыя мысли, въ сущности разрушающія устарѣвшее, отжившее міровоззрѣніе. Такъ было при Николаѣ I, въ меньшей степени—при императорахъ Александрѣ II и III, почти до послѣдняго времени. Разумѣется, періодъ 1825—1855 гг. былъ наиболѣе тяжелымъ для литературы и періодической печати.

Слѣдовательно, роль литературныхъ критиковъ въ Россіи была исключительной. Бѣлинскій, какъ никто изъ его преемниковъ, соединялъ въ себѣ блестящія способности художественнаго критика, писателя и публициста-мыслителя. Закончить систематическое высшее образова-

ніе, вслѣдствіе столкновенія съ университетскимъ начальствомъ и отсутствія средствъ, онъ не могъ. Тѣмъ не менѣе онъ и самъ много работалъ надъ самообразованіемъ, и многимъ обязанъ группировавшимся въ кружокъ молодого и талантливаго Станкевича своимъ очень интеллигентнымъ сверстникамъ, которые, принадлежа къ состоятельному классу, знали иностранные языки, выписывали изъ-заграницы книги и вообще имѣли возможность даже въ тѣ тяжелыя времена внимательно слѣдить за умственнымъ движеніемъ на Западѣ.

Кромѣ самого Станкевича, и другіе современники оказывали вліяніе на Бѣлинскаго, и прежде всего—тогда еще молодой, впоследствии извѣстный анархистъ Михаилъ Бакунинъ; позже—Герценъ, который, какъ мы уже знаемъ, принадлежалъ къ другому кружку.

Хотя Бѣлинскій находился подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ друзей-современниковъ, однако онъ, несмотря на крайне неблагоприятныя условія своего развитія, представляетъ собою самостоятельно выработанную выдающуюся личность съ собственными взглядами не только въ области эстетики. Въ свою очередь Бѣлинскій пользовался въ свое время громаднымъ вліяніемъ: его статьи читались всюду и вызывали горячій обмѣнъ мыслей.

Ходъ умственнаго развитія Бѣлинскаго—крайне поучителенъ и въ нѣкоторыхъ фазахъ даже типиченъ для значительной части интеллигентнаго общества въ Россіи того времени. Поэтому мы нѣсколько остановимся на немъ.

Бѣлинскій происходилъ изъ бѣдной чиновничьей семьи; запойное пьянство отца отразилось на здоровьи сына,—Бѣлинскій былъ слабый, хрупкій и умеръ рано отъ чахотки. Это была страстная натура энтузіаста и вмѣстѣ съ тѣмъ ясный послѣдовательный умъ.

Въ противоположность кружку Герцена, имѣвшему рельефно выраженный социально-политическій характеръ, кружокъ Станкевича, къ которому принадлежалъ и гдѣ развивался Бѣлинскій, занимался преимущественно философско-нравственными вопросами. Члены этого кружка думали прежде всего о внутреннемъ самоусовершенствованіи и постоянно анализировали свои чувства. Правда, и социально-политическіе вопросы не были для нихъ без-

различны, но они, по крайней мѣрѣ въ первое время, играли второстепенную роль.

Молодежь эта, возвышенно настроенная, ненавидѣла насиліе во всѣхъ его формахъ и тяготѣла къ поэзіи и вообще искусству. Ее занимала нѣмецкая философія — Станкевичъ ознакомилъ товарищей съ системой Гегеля.

Бѣлинскій развивался сначала среди традицій радикальнаго свободомыслія и по отношенію къ современнымъ ему общественно-политическимъ условіямъ въ Россіи былъ настроенъ враждебно. Но въ то же время чувствовалъ, — какъ позже самъ признавался — все свое безсиліе, считалъ себя нулемъ. Заинтересовала его — жизнь, литература стала его страстью, въ наукѣ онъ искалъ разъясненія мучительныхъ загадокъ жизни и міра. Богъ, безсмертіе души, челоуѣкъ, добро и зло — вотъ вопросы, на которые онъ искалъ отвѣта — въ философіи. Послѣдняя первоначально примирила его отчасти съ окружающими общественно-политическими условіями, не потому, разумѣется, что онъ счелъ ихъ совершенными, но вслѣдствіе того, что онъ сталъ смотрѣть на нихъ съ такихъ высотъ философскаго отвлеченія, на которыхъ челоуѣкъ утрачиваетъ способность воспринимать впечатлѣнія отъ мелкихъ явленій практической жизни.

Метафизика и эстетика удаляли Бѣлинскаго отъ дѣйствительности. Нѣкоторое время проводникомъ въ области философской мысли былъ для Бѣлинскаго — Фихте. Отъ его вліянія освободило Бѣлинскаго лишь столкновение съ живой дѣйствительностью на почвѣ несчастной любви къ сестрѣ своего друга Бакунина ¹⁾. Тутъ онъ убѣдился, насколько внѣшнія условія жизни приспособляютъ къ себѣ самую психику личности, насколько крайній индивидуализмъ въ сужденіяхъ о вещахъ и людяхъ бываетъ одностороннимъ и несправедливымъ. Однако освобожденіе отъ вліянія Фихте нисколько не означало освобожденія отъ нѣмецкой метафизики вообще; напротивъ, только теперь Бѣлинскій сталъ серьезнѣе ею заниматься, ознакомившись съ системой Гегеля.

Это было время безраздѣльнаго господства этого мыслителя надъ умами. Нынѣ трудно себѣ представить на-

¹⁾ Милоковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи, стр. 81—116.

сколько сильно было въ цѣлой Европѣ и Россіи вліяніе Гегеля во всѣхъ областяхъ мысли. Молодежь комментировала каждый параграфъ важнѣйшихъ сочиненій учителя, выписывала изъ заграницы всѣ сочиненія и брошюры, могущія служить комментаріями къ его произведеніямъ. Друзья ссорились изъ за различнаго пониманія его взглядовъ. Всѣ мысли, даже относящіяся къ личнымъ чувствамъ и повседневному дѣламъ, старались выражать гегелевской терминологіей.

По существу философія Гегеля была эволюціонной и даже революціонной, ибо указывала на постоянное преобразование явленій, при томъ—въ радикальной формѣ (отъ утвержденія къ утвержденію). Въ полное противорѣчіе съ общимъ духомъ своей системы Гегель представлялъ ее абсолютной истиной. Поэтому правъ Бельтовъ,¹⁾ говоря: если абсолютная истина найдена, то цѣль мірового духа—самопознаніе—достигнуто и движеніе его впередъ лишено всякаго смысла. Эта непослѣдовательность породила другую—привела Гегеля къ соціально-политическому консерватизму. Ибо согласно его системѣ всякая философія является идеальнымъ выраженіемъ своего времени—говоритъ Бельтовъ; если, слѣдовательно, Гегелю удалось найти абсолютную истину, то это значитъ, что онъ жилъ въ эпоху, въ которой господствовалъ „абсолютный соціальный порядокъ, служащій объективнымъ этой эпохи выраженіемъ“. Но такъ какъ абсолютная истина не можетъ пережить самое себя, устарѣть, то всякія стремленія къ перемѣнамъ въ соціальномъ строѣ представляются дерзкими по отношенію къ міровому духу. Вслѣдствіе этого Гегель дѣйствительно сталъ защитникомъ политическаго строя, существовавшаго въ современной ему Пруссіи. Огромное большинство приверженцевъ теоріи Гегеля, въ особенности въ Германіи, придерживалось также и его консервативныхъ взглядовъ; только позже возникло лѣвое крыло гегельянцевъ, которое развило и переработало всю систему учителя, отвергнувъ начала абсолютныя и замѣнивъ ее идеалистическую ос-

---

¹⁾ Бельтовъ. За двадцать лѣтъ, стр. 176.

См. также интересную статью того же автора въ его «Критикѣ нашихъ критиковъ», стр.202—228, а также брошюру Энгельса о Фейербахѣ.

нову — материалистической. Наибольше выдающимися представителями левых гегельянцев были Маркс и Энгельс.

Кроме эволюционно-революционных принципов, в системе Гегеля имели место и другие положительные, особенно — в области толкования социальных явлений. Например, сведение их к одному общему корню, через указание, что различные проявления разных сторон коллективной жизни должны исходить из факта первичного и основного. Для Гегеля этой отправной точкой был „национальный дух“, для марксистов — производительная сила. Вообще Гегель хотел социальные явления тесно связать между собою, обнаружить их неизбежность и правильность.

Наряду с этими положительными качествами его системы, заключалось в ней и много отрицательных. Оставляя в стороне самую идеалистическую основу его философии, исходящей из понятия о развитии мирового духа, и процессу этого развития подчиняющей весь реальный мир, — манипулирование различными понятиями у Гегеля зачастую необосновано, тискивание явлений в диалектические формулы ¹⁾ не только бесплодно, но и вредно, ибо создавало путы для мысли и шаблоны для мышления.

Одно из основных утверждений Гегеля, а именно — что мышление и бытие тождественны — крайне фантастично и исчезает тотчас, как его коснется больше или меньше материалистическое толкование; ибо принимая творчество за основу явлений духовной жизни и, стало быть, идеологии, нельзя согласиться, что все концепции ума тождественны с бытием, т. е. другими словами — что они существуют в действительности.

Что касается революционности гегелевской диалектики, то мы полагаем, что между эволюцией и революцией не существует никакой пропасти и что это можно доказать на почве наблюдений и опыта.

Интересно развитие этой мысли у знаменитого Реклю в его „Evolution et revolution“ ²⁾.

---

1) Мы здесь имеем в виду искусственное подведение фактов в процесс доказательства под понятия тезиса, антитезиса и синтеза.

2) В рус. переводѣ эта брошюра издана под заглавіемъ «Эво-

Извѣстная формула Гегеля: „все существующее—разумно“ порождала много недоразумѣній. Самъ Гегель придаетъ ей иное значеніе въ своей „Логикѣ“, чѣмъ въ „Философіи права“. Въ первой онъ различаетъ дѣйствительное отъ существующаго. Дѣйствительное выше существующаго, которое можетъ быть случайнымъ. Дѣйствительное—необходимо, въ томъ смыслѣ, что возникаетъ не изъ случайнаго столкновенія различныхъ причинныхъ рядовъ, но—изъ всего того, что ему предшествовало. Въ „Философіи—же права“ Гегель признаетъ, что и въ дѣйствительности то, что существуетъ—разумно.

Мысль эта ошибочна, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ толкованіи, ибо даже то, что является результатомъ долгаго историческаго назрѣванія и не зависитъ отъ случайныхъ совпаденій, не является благодаря лишь этому—разумнымъ. Оно можетъ быть признано разумнымъ—и такъ обыкновенно бываетъ—болѣе или менѣе значительными соціальными группами въ тотъ моментъ времени и въ томъ мѣстѣ пространства, гдѣ оно существуетъ.

Мы нѣсколько остановились на этой популярной гегелевской формулѣ потому, что именно она стала исходной точкой для цѣлаго періода умственной жизни Бѣлинскаго. На нѣкоторое время она его успокоила, примирила съ настоящимъ и породила надежды на будущее. Положеніе вещей въ Россіи того времени казалось Бѣлинскому не столь удручающимъ, какъ прежде.

Этотъ взглядъ Бѣлинскаго сдѣлался предметомъ споровъ въ кружкѣ его друзей, споровъ очень ожесточенныхъ. Будучи послѣдовательнымъ, Бѣлинскій соглашался и со всѣми выводами однажды принятой теоріи. Однако, дебаты съ друзьями, менѣе чѣмъ онъ послѣдовательными, постепенно выяснили для него многое и несомнѣнно повліяли въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія имъ своихъ взглядовъ.

Гегелевская философія углубила мышленіе Бѣлинскаго и гармонировала съ его исканіями основныхъ первопричинъ въ соціальныхъ явленіяхъ; наконецъ, она дала ему

люція, революція и идеалы анархизма», изд-во «Вега», 1906 г.

Примѣчаніе переводч.

методъ эволюціоннаго пониманія явленій и указала на необходимость считаться съ непреложностью социальныхъ законовъ.

Изъ гегельянства Бѣлинскій впалъ въ утопическій социализмъ, наиболѣе отвѣчавшій его гуманнымъ чувствамъ и открывшій новые для него горизонты. Это случилось уже въ 50-хъ годахъ.

Жалость къ униженнымъ и оскорбленнымъ, вообще къ несчастнымъ, и защита ихъ интересовъ ярко выступали въ его литературно-критическихъ статьяхъ, имѣвшихъ благодаря этому крупное воспитательное значеніе. Но Бѣлинскій не идеализировалъ трудящіеся классы и былъ далекъ отъ сладкаго и безплоднаго сентиментализма.

Переходъ Бѣлинскаго отъ гегельянства къ утопическому социализму совершился главнымъ образомъ потому, что Бѣлинскій не могъ вполнѣ примириться съ подчиненіемъ реальныхъ человѣческихъ интересовъ фантастическому „мировому духу“, который свое непрерывное развитіе покупалъ цѣною разнаго рода историческихъ катаклизмовъ. Свой протестъ противъ мирового духа Бѣлинскій формулировалъ въ извѣстномъ письмѣ къ Боткину.

Сдѣлавшись социалистомъ въ тогдашнемъ значеніи слова, Бѣлинскій однако не успокоился; его все еще мучили различныя сомнѣнія и снова онъ почувствовалъ собственное безсиліе передъ существующимъ порядкомъ вещей, какъ было и въ началѣ его дѣятельности. Отвлеченный идеалъ не удовлетворялъ его. Въ своихъ воззрѣніяхъ на западно-европейскія политическо-общественныя дѣла Бѣлинскій стоялъ на почвѣ интересовъ трудящихся классовъ, однако эти интересы понимались имъ подчасъ неправильно; напр. онъ полагалъ, что французскій пролетаріатъ совершилъ въ 1830 г. ошибку, принимая во время іюльской революціи участіе въ борьбѣ исключительно политическо-конституціонной, ничего не дававшей французскому рабочему. Но чувствуя и высказывая горячую симпатію къ трудящимся классамъ, Бѣлинскій не былъ причастенъ къ культу русскаго мужика, ибо давалъ себѣ полный отчетъ о состояніи его въ то время.

Задумываясь надъ ходомъ русской исторіи, Бѣлинскій пришелъ къ выводу, что въ ней движеніе къ прогрессу

начиналось не снизу, но сверху. Это справедливо — до временъ Екатерины II. Но уже въ ея царствованіе общественное движеніе опередило иниціативу правительства; при Александрѣ I правительство снова какъ будто становилось во главѣ прогрессивнаго движенія, но эта иллюзія однако скоро разсѣялась.

Въ 1847 г. въ Россіи ходили слухи, что Николай I намѣренъ уничтожить крѣпостное право. Бѣлинскій началъ растить надежду на осуществленіе реформы и полагалъ, что не слѣдуетъ обществу раздражать правительство радикализмомъ. Одно время, — правда, недолго, онъ даже находилъ желательнымъ появленіе царя-реформатора, ненавидящаго существующій порядокъ вещей и смѣло вступающаго на путь реформъ.

Въ теченіе всей своей дѣятельности Бѣлинскій былъ западникомъ, т. е. желалъ, чтобы Россія усвоила плоды западно-европейской цивилизаціи. Такъ же, какъ Герценъ до 1848 г., Бѣлинскій ставилъ ее высоко и энергично выступалъ противъ славянофиловъ. Его полемика съ ними разясняла широкимъ кругамъ русской интеллигенціи ошибочность принциповъ славянофильства.

Однако, не видя выхода изъ тяжелой русской дѣйствительности въ данный моментъ, Бѣлинскій вѣрилъ, что русскій народъ имѣетъ великую будущность. Подобно другимъ представителямъ западничества, Бѣлинскій полагалъ, что русскій народъ, не имѣя положительныхъ традицій, какъ равно, не будучи связанъ никакими нравственными путями, неразрывными съ его прошлымъ, — съ меньшимъ трудомъ создастъ въ будущемъ совершенно новую цивилизацію, которая во всемъ будетъ отвѣчать потребностямъ всесторонне развитыхъ людей. Даже убожество въ то время русской литературы казалось Бѣлинскому положительнымъ явленіемъ — вѣдь тѣмъ легче ей расцвѣсти въ будущемъ. Дѣйствительно, уже при Николаѣ I этотъ расцвѣтъ начался.

Кромѣ такихъ великановъ русской литературы, какъ Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ, появилась цѣлая плеяда молодыхъ, которые впоследствии также стали мировыми извѣстностями; достаточно упомянуть Тургенева, Гончарова и др.

Высокая художественность, реализмъ и жизненная свѣжесть характеризовали эту новую литературу; не-

мудрено, что она сыграла крупную роль въ процессѣ развитія русскаго общества въ то время. Даже писатели, какъ напр. Гоголь, которые не были приверженцами радикальныхъ, или либеральныхъ идей, своими полными жизненной правды и обнажавшими всю неприглядность тяжелой и печальной русской дѣйствительности произведеніями способствовали пробужденію въ обществѣ критицизма.

Въ новой русской литературѣ заслуги Бѣлинскаго громадны. Онъ умѣлъ угадывать таланты и помогать самимъ писателямъ найти пути, которыми они должны слѣдовать. Критическія статьи Бѣлинскаго служили не только проводникомъ въ русской литературѣ для читающихъ круговъ, но давали много цѣнныхъ указаній самимъ писателямъ.

На закатѣ жизни Бѣлинскій еще разъ подвергъ пересмотру свое міросозерцаніе и переработалъ взгляды. Въ 1847 г. онъ порвалъ съ тогдашнимъ социализмомъ, которому по его мнѣнію недоставало исторической перспективы. Онъ полагалъ, что совершилъ бы ошибку въ политическо-соціальномъ отношеніи, если бы сталъ высказываться безусловно противъ буржуазіи. Въ письмѣ къ своему другу Боткину, Бѣлинскій откровенно заявлялъ, что грядущее Франціи находится въ рукахъ буржуазіи и что роль послѣдней въ дальнѣйшемъ станетъ еще крупнѣе, тогда какъ роль народныхъ массъ будетъ пассивной. Что касается Россіи, то онъ полагалъ, что она въ общественно-политическомъ отношеніи тогда сможетъ успѣшно развиваться, когда русское дворянство превратится въ буржуазію...

Этой мысли Бѣлинскій не успѣлъ развить въ статьяхъ и выразилъ ее откровенно въ своей корреспонденціи. Къ концу своей дѣятельности онъ стоялъ, слѣдовательно, на той почвѣ отношенія къ буржуазіи и социализму, что — на Западѣ, а тѣмъ болѣе въ Россіи буржуазія является полезной силой, а ея роль прогрессивна, мечты же о непосредственномъ переходѣ къ социализму — химера.

Онъ умеръ въ 1848 году.

Бѣлинскій былъ натурой страстной, склонной къ крайностямъ; потому то уже къ концу жизни, признавъ переходъ черезъ фазу буржуазнаго строя, не только неизбѣжнымъ, но и желательнымъ, онъ сталъ со-

вершенно игноривать народныя массы, какъ активную силу въ исторіи. Достойно вниманія и похвалы то истинно реалистическое положеніе, какое онъ занялъ въ вопросѣ о буржуазіи, а стало быть, и капитализмѣ. Въ томъ или иномъ отношеніи Бѣлинскій могъ ошибаться, но онъ созналъ великую истину, что въ социальномъ развитіи существуетъ извѣстнаго рода неизбѣжность, пониманіе коей и принятіе ея въ расчетъ необходимо и для интеллектуальныхъ вождей народа и для людей дѣла.

Если бы Бѣлинскій жилъ дольше, то несомнѣнно, что взгляды его постепенно были бы сильнѣе аргументированы, обоснованы и приведены въ большее соотвѣтствіе съ положеніемъ тогдашняго социализма. ¹⁾

Нельзя обойти молчаніемъ еще одного представителя западничества, заслуженнаго дѣятеля, который въ значительной степени способствовалъ развитію въ Россіи либеральныхъ понятій и прогрессивныхъ стремленій, а именно—историка, профессора московскаго университета Т. В. Грановскаго. Его живыя, занимательныя, высокой научной цѣнности лекціи привлекали множество слушателей. Грановскій много работалъ, и хотя не оставилъ послѣ себя ни капитальныхъ сочиненій, ни монографическихъ изслѣдованій, однако его заслуги, какъ профессора исторіи очень велики. Все, что касалось его науки, онъ разслѣдовалъ и изучилъ въ совершенствѣ и былъ, какъ говоритъ Карѣевъ, первымъ изъ русскихъ профессоровъ, которые излагаютъ всеобщую исторію не въ видѣ механическаго соединенія исторій отдѣльныхъ народовъ, но какъ цѣлое, какъ единый по существу и характеру своему процессъ. Онъ былъ знатокомъ нѣмецкой идеалистической философіи и часто, хотя и невольно, вдохновлялся ею. Въ историческомъ процессѣ онъ искалъ прежде всего борьбы различныхъ понятій и міровоззрѣній и понималъ таковую въ идеалистическомъ смыслѣ.

У Грановскаго не было цѣльнаго и законченнаго философско-соціального міроопредѣленія. Но личность его можно характеризовать, какъ полную гуманности и свободолюбія, далекую отъ крайностей радикализма и социализма. Западно-европейскую культуру онъ ставилъ

¹⁾ Интересная и серьезная брошюра о социально-политическихъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго написана Плехановымъ, подъ загл.: «В. Г. Бѣлинскій».

чрезвычайно высоко. Вліяніе его въ свое время было велико и плодотворно. Будя умы, онъ заронялъ въ нихъ благодѣтельный ферментъ и настраивалъ возвышенно слушателей; съ особенной любовью онъ разбиралъ средніе вѣка и эпохи великихъ переломовъ. Лекціи Грановскаго были въ высшей степени художественны — они изобиловали драматическими иллюстраціями и были обвѣяны поэзіей. Къ концу своей дѣятельности онъ сталъ держаться принципа, что исторія должна стремиться къ возможно большей точности и пользоваться методами естественныхъ наукъ. Въ этомъ направленіи самъ онъ сдѣлать ничего не успѣлъ.

Своими лекціями и историческими работами Грановскій возбуждалъ любовь къ свободѣ и ненависть къ рабству. Къ христіанству онъ относился съ энтузіазмомъ.

3.

Въ сторонѣ отъ кружковъ, о которыхъ мы говорили выше, стоялъ П. Чаадаевъ, сочиненія котораго были крупнымъ событіемъ въ умственномъ развитіи общества и вызвали большое броженіе. Въ Россіи никто до него, а можетъ быть и послѣ него, не смотрѣлъ такъ скептически и отрицательно на прошлое, настоящее, и отчасти будущее русскаго народа.

Чаадаевъ принадлежалъ къ тому же поколѣнію, что и декабристы, и такъ же, какъ и они непосредственно столкнулся съ западно-европейской цивилизаціей. Онъ не обладалъ политическимъ темпераментомъ и этому то обстоятельству слѣдуетъ приписать, что онъ не принадлежалъ къ числу заговорщиковъ въ царствованіе Александра I, хотя съ ними его связывали личныя отношенія. Философско-нравственныя и религіозныя проблемы привлекали его наиболѣе. Съ высоты философскаго умозрѣнія онъ и разсматривалъ соціально-политическіе и національные вопросы. Онъ не былъ плодовитымъ писателемъ, какъ равно не спеціализировался въ какомъ либо одномъ направленіи. Литературное наслѣдіе послѣ него крайне не велико: нѣсколько писемъ философскаго содержания и неоконченныхъ статей.

Новъ этихъ произведеніяхъ заключалось однако цѣльное,

опредѣленное возрѣніе на развитіе русскаго народа, возрѣніе совершенно самобытное.

Извѣстное философское письмо Чаадаева, вызвавшее иѣблую бурю, было напечатано въ журналѣ „Телескопъ“ въ 1836 году. Приведемъ въ сокращеніи заключающіяся въ этомъ письмѣ важнѣйшія мысли.

Ростъ и развитіе Россіи происходили между Востокомъ и Западомъ; русскій народъ однако не усвоилъ основательно ни восточной, ни западной культуры, оставаясь обособленнымъ. Ни одной мысли не вложилъ онъ въ сокровищницу человѣчества и ничѣмъ не содѣйствовалъ его совершенствованію; напротивъ, даже извратилъ то, что могло этому совершенствованію способствовать. Русскій народъ не принималъ участія въ великихъ мировыхъ событіяхъ и былъ чуждъ всему, что дала новымъ поколѣніямъ религія. Въ то время, какъ западные народы непрерывно двигались по пути, указанному Христомъ, лишь русскій народъ впередъ не подвинулся.

Народы Запада воспитывались въ принципахъ долга, закона, истины и порядка, которые развиваются изъ событий, содѣйствовавшихъ образованію обществъ, и являются ихъ необходимой основой. Эти принципы составляютъ атмосферу Запада, они—больше, чѣмъ его исторія, больше, чѣмъ европейская психологія, — они составляютъ его физиологію. Русскимъ же не достаетъ основательности, методичности, логики. Наилучшія идеи становятся въ ихъ умахъ, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ способности обобщенія и послѣдовательности—призраками и застываютъ въ ходѣ развитія. Въ Россіи человѣкъ теряетъ, не находя возможности соединиться ни съ тѣмъ, что предшествовало, ни съ тѣмъ, что грядетъ и приближается; онъ въ Россіи лишень почвы, на которую бы могъ твердо и смѣло стать. Даже во взорѣ русскаго человѣка Чаадаевъ видитъ что-то неопредѣленное, холодное, какъ вообще у народовъ, стоящихъ на низшемъ уровнѣ историческаго развитія.

Правда, иностранцы признаютъ за русскими—продолжаетъ Чаадаевъ—извѣстныя качества, а именно—мужество, особенно въ представителяхъ низшихъ классовъ, но не замѣчаютъ того, что та же причина, которая вызываетъ въ нихъ мужество, лишаетъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ постоянства и основательности. Игнорированіе внѣшней и физической опасности совмѣщается у русскихъ съ без-

различіемъ къ добру и злу, правдѣ и лжи—словомъ парализуетъ всѣ тѣ побужденія, которыя толкаютъ людей на путь самосовершенствованія.

Въ прошломъ европейскихъ народовъ есть факты и традиціи великихъ дѣяній, могучихъ страстей, напряженной жизни. У русскихъ этого нѣтъ; ничего изъ прошлаго не можетъ приковать къ себѣ ихъ вниманія и фантазіи, возбудить, возвысить, вдохновить. Русскій народъ первоначально былъ въ состояніи варварства и потому погрязъ въ предразсудкахъ, затѣмъ испыталъ тяжелое рабство и—больше ничего.

Развитіе его можетъ быть поучительнымъ—только въ видѣ иллюстраціи всевозможныхъ ошибокъ и неправильностей. Его духовная жизнь соединена съ византійскимъ государствомъ, омертвѣлымъ, деморализованнымъ и обособленнымъ отъ Европы; поэтому въ то время, какъ западные народы представляли собой и образуютъ нынѣ одну идейно-культурную, полную жизни и силъ семью, русскій народъ въ этомъ отношеніи совершенно одинокъ. Этимъ Чаадаевъ здѣсь косвенно даетъ понять, что великой культурной силой является католицизмъ, объединенный могущественнымъ папствомъ.

Русскій народъ, какъ внѣбрачное дитя, лишентъ культурнаго наслѣдства и традицій. Даже въ крови его есть нѣчто, мѣшающее его развитію, поэтому весьма сомнительно, чтобы онъ когда либо сталъ великимъ и цивилизованнымъ.

Какъ мы теперь видимъ, пессимизмъ Чаадаева дошелъ до границъ, дальше которыхъ идти невозможно.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ письмомъ на интеллигентные слои русскаго общества, было ошеломляющимъ; подавляющее большинство осудило автора и хотѣло какъ можно сильнѣе дать ему это почувствовать. Однако мимо этихъ мыслей пройти нельзя было, поэтому, какъ свидѣтельствуютъ современники, письмо обсуждалась около двухъ мѣсяцевъ непрерывно.

Журналъ, напечатавшій на своихъ страницахъ письмо Чаадаева, былъ закрытъ, авторъ признанъ невмѣняемымъ и независимо отъ этого подвергнутъ аресту.

Содержаніе другихъ писемъ и статей Чаадаева мы здѣсь не приводимъ, ибо они не представляютъ собою ничего особенно замѣчательнаго. Замѣтимъ только, что

позже онъ нѣсколько видоизмѣнилъ свой пессимистическій взглядъ на русскій народъ, — но только въ частностяхъ.

Воззрѣнія этого публициста были масломъ на огонь, которымъ горѣли западники, и стали отправной точкой для различныхъ взглядовъ въ этомъ теченіи русской мысли.

Вопреки выводамъ Чаадаева, Россія въ послѣдніе 50 лѣтъ сдѣлала огромные шаги впередъ въ различныхъ направленіяхъ; ея литература—одна изъ наиболѣе блестящихъ въ Европѣ; точно также въ сферѣ научной дѣятельности Россія имѣетъ перворазрядныхъ ученыхъ.

Въ 40-хъ годахъ XIX в. мысли Чаадаева, поскольку они относились къ прошлому и настоящему русскаго народа, не могутъ однако быть признаны совершенно лишненными основанія. Дѣйствительно, русскій народъ жилъ вдали отъ большой дороги исторіи и міровой борьбы, его прошлое—монотонно и въ общемъ лишено великихъ моментовъ, западная цивилизація лишь едва его коснулась. Безспорно мѣткимъ также является мнѣніе Чаадаева, что принятіе православія изъ Византіи было по своимъ послѣдствіямъ отрицательнымъ явленіемъ, ибо отдаляло Россію отъ Западной Европы и предвосхищало отсутствіе въ дальнѣйшемъ ея развитіи живой, возвышающей борьбы между независимой церковью и государствомъ, борьбы, которая сыграла огромную роль въ процессѣ освобожденія общества отъ гнета государства. Этотъ дуализмъ власти, свѣтской и духовной, послужилъ важнымъ факторомъ въ соціально-политической эволюціи на Западѣ, какъ это справедливо подмѣчено было Огюстомъ Контомъ.

Ошибка Чаадаева заключалась въ томъ, что центр тяжести соціальнаго существованія онъ помѣщалъ въ религіи и въ идеяхъ, а не въ самой практической жизни, которая базируется на экономическихъ отношеніяхъ. Именно экономическія отношенія, вслѣдствіе отсталости Россіи въ этомъ смыслѣ, создавали изъ нея въ теченіе долгаго времени обособленный и особый міръ.

Но мы уже видѣли, что неизбежная потребности государства толкнули Россію на путь постепеннаго преобразования своего хозяйства — путь насажденія промышленности, и заставили русскихъ заимствовать науку и технику съ Запада. Дальнѣйшее развитіе экономическихъ усло-

вій естественно и необходимо вовлекло Россію въ вихрь міровой эволюціи и этимъ самымъ подрывало тѣ основы, на почвѣ которыхъ развивалась нравственно-бытовая и умственная сторона жизни народа въ его древней одеждѣ. Новыя экономическія условія постепенно переродили и психику русскаго народа.

Изъ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію различныхъ направленій соціально-политической мысли въ Россіи въ эпоху Николая I, намъ еще остается остановиться на стремленіяхъ русскихъ славянофиловъ. Они создали цѣлое ученіе, которое въ теченіе извѣстнаго времени пользовалось въ русскомъ обществѣ большимъ вліяніемъ и пережитки котораго еще теперь можно встрѣтить въ консервативныхъ кругахъ Россіи.

Ученіе славянофиловъ исходило изъ извѣстнаго положенія Гегеля, что міровая исторія является выраженіемъ развитія мірового духа. Народы, выступая одинъ вслѣдъ за другимъ на арену исторіи, представляютъ собою все болѣе и болѣе полное и совершенное воплощеніе развивающейся міровой мысли. Нѣмцы, по мнѣнію Гегеля, воплощаютъ собой наиболѣе полно эту мысль; славянъ же онъ считалъ неспособными внести въ сокровищницу культурнаго достоянія человѣчества новыя творческія зачатки. Славянофилы, беря точкой отправленія собственную теорію Гегеля, пришли къ совершенно обратному выводу, что Россіи и всему славянству выпала великая и почетная миссія совершеннаго воплощенія мірового духа; другимъ народамъ назначена лишь подготовительная роль. Западная цивилизація развивала лишь одну сторону духа: разумно-логическую; миссія же Россіи состоитъ въ гармоническомъ развитіи всѣхъ сторонъ духовной жизни и прежде всего—чувства. Въ русской жизни олицетвореніемъ преобладанія этого духовнаго элемента въ идеальной религіозной сферѣ является православіе, въ сферѣ же соціально-матеріальныхъ отношеній—общинное землевладѣніе. Эти два начала доминируютъ въ русской жизни и приводятъ къ выводамъ большой важности.

Православіе, въ противоположность католицизму, заключая въ себѣ христіанское ученіе въ чистомъ видѣ, ввело въ жизнь русскаго народа неочѣвидные моральные и культурные факторы. Православная церковь не вступала въ борьбу за власть съ государствомъ, благодаря

чему внутренняя сторона религіи пользовалась въ ней большимъ значеніемъ, чѣмъ внѣшняя. Нѣкоторые писатели изъ славянофильскаго лагеря писали цѣнные богословскіе трактаты о превосходствѣ православія передъ католицизмомъ.

Разумѣется, мы не станемъ вмѣшиваться въ эти споры, они слишкомъ спеціальны и лишены значенія для развитія освободительнаго движенія.

Русская государственность, по мнѣнію славянофиловъ, возникла и изъ иного источника, чѣмъ западная: въ то время, какъ послѣдняя образовалась какъ слѣдствіе завоеванія однихъ народовъ другими, русская государственность сложилась мирнымъ путемъ — народъ добровольно призвалъ власть, чтобы она владѣла и правила имъ. Потому то на Западѣ между народомъ — и государствомъ и властью былъ и существуетъ антагонизмъ, котораго не было и нѣтъ въ Россіи. На Западѣ возникли строго отграниченные и постоянно борющіяся другъ съ другомъ сословія, а отношенія общества къ государству и власти сложились на почвѣ писаныхъ законовъ, которые были въ сущности выраженіемъ взаимнаго недоверія; въ Россіи же отношенія вѣча къ князю въ удѣльно-вѣчевой періодъ, а также соборовъ къ царямъ въ Московской Руси опирались на солидарность интересовъ и взаимное довѣріе, стало быть, — не регулировались писаннымъ закономъ; русскій народъ не признавалъ также на вѣчевыхъ собраніяхъ принципа большинства, но стремился къ рѣшенію дѣлъ съ общаго согласія. Онъ свободно высказывалъ свои желанія передъ властью, которая выслушивала таковыя и по мѣрѣ возможности удовлетворяла, не будучи принуждаема къ этому закономъ.

Исторія Россіи не знаетъ постоянной борьбы съ правительствомъ, но лишь — спорадическія выступленія противъ незаконныхъ государей; не знаетъ она также и словной борьбы.

Типичной чертой русскаго народа является подчиненіе личности общей волѣ, довольство небольшимъ, общественное согласіе. Черта эта непосредственно связана съ древнимъ институтомъ общиннаго землевладѣнія, который оберегаетъ Россію отъ нищеты массъ (пауперизма) и пролетаризаціи и отвѣчаетъ интересамъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ.

Беликорусская община воспитала русскій народъ и спасла его отъ паденія, нужды и нравственнаго рабства.

Россія до Петра Великаго была на лучшемъ пути развитія. Но этотъ монархъ, желая поднять свое государство до уровня другихъ европейскихъ государствъ, сталъ насильственно, противъ воли огромнаго большинства народа, преобразовывать его по западному образцу. Вслѣдствіе этого русскіе обычаи были въ самой основѣ подорваны, и чуждыя духу русскаго народа, западныя идеи стали проникать въ Россію; высшіе же круги и вся интеллигенція утратили духовно-нравственную связь съ народомъ.

Такое положеніе вещей принесло большой вредъ русскому народу—выбило его изъ колеи и извратило, вызвало раздвоеніе его духа. Русскій народъ долженъ сойти съ этого гибельнаго пути, вернуться къ древнимъ обычаямъ и развивать далѣе начала собственной родной культуры.

Западно-европейскія общества находятся въ состояніи разложенія, ихъ матеріальная раціоналистическая цивилизація постоянно страдала отъ соціальной борьбы, которая бичуетъ народы; вѣра исчезаетъ, вслѣдствіе чего разлагается и нравственность.

Чтобы возродиться, Западъ долженъ былъ бы привить себѣ славяно-русскіе зачатки и, по мнѣнію нѣкоторыхъ славянофиловъ—принять православіе.

Не существуетъ труда, въ которомъ было бы сформулировано цѣликомъ славянофильское ученіе. Полное понятіе о немъ даютъ только сочиненія его главныхъ представителей: братьевъ Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Хомякова, Валуева и другихъ.

Славянофильство вышло изъ кружка братьевъ Кирѣевскихъ въ 40-хъ годахъ XIX в. и особенно распространилось въ 50-хъ годахъ.

Въ частностяхъ взгляды отдѣльныхъ славянофиловъ—различны; одни, напр., идеализировали древнюю Русь до-московской эпохи, другіе—даже и московскій періодъ.

Къ официальному правительственному націонализму славянофилы относились несочувственно. Бюрократію они считали иноземной выдумкой—ничего ей однако не противопоставляя—и были противниками крѣпостнаго права и религіознаго гнета.

Взгляды свои они высказывали не всегда опредѣленно и ясно, какъ потому, что таковыя и вообще были довольно

туманны, такъ и вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій. Болѣе открыто они могли высказываться лишь при Александрѣ III.

Въ политическомъ отношеніи славянофилы стремились къ возрожденію Земскаго Собора, какъ совѣщательнаго при царѣ учрежденія, уничтоженію крѣпостного права, съ надѣленіемъ крестьянъ землей въ собственности, упраздненію цензуры и господству полной свободы совѣсти.

Программа славянофиловъ заключала въ себѣ, стало быть, и прогрессивныя для Россіи въ николаевскую эпоху требованія; но эти требованія находились въ противорѣчій съ приверженностью славянофиловъ къ старымъ, изжитымъ формамъ экономической, культурной и политической жизни. Соборъ съ функціями совѣщательнаго органа не былъ въ силахъ не только устранить произволъ въ государственномъ управленіи, но даже не имѣлъ возможности подорвать положеніе бюрократіи; великорусская община сохранялась лишь постольку, поскольку устарѣлый докапиталистическій ¹⁾ экономической строй Россіи давалъ ей мѣсто; наконецъ, православіе не могло быть факторомъ развитія умственной жизни страны. Въ сущности, слѣдовательно, славянофильскія теоріи исходили изъ совершенно реакціонныхъ положеній.

Предоставляя первостепенную роль въ жизни русскаго народа крестьянской массѣ, славянофилы направили интересъ въ ея сторону, дали толчокъ къ ея изученію.

Правительство относилось къ славянофиламъ благосклонно, за ихъ отрицательное отношеніе къ парламентаризму; но правительству не нравилась славянофильская критика бюрократіи, народничество, требованія религиозной свободы.

Каково же было отношеніе славянофиловъ къ славянскимъ народностямъ? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить кратко и вмѣстѣ съ тѣмъ полно. Взгляды славянофиловъ въ этомъ отношеніи, подвергались въ различное время различнымъ видоизмѣненіямъ и отдѣльные писатели славянофильскаго направленія не всегда были согласны между собою.

Въ общемъ славянофиловъ можно опредѣлить какъ

---

1) Къ этому предмету мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ.

патріотовъ и отчасти русскихъ націоналистовъ; симпатіи славянофиловъ распространялись лишь на нѣкоторые славянскіе народы. Объединеніе славянъ подъ гегемоніей Россіи было стремленіемъ всѣхъ славянофиловъ. Поляки были въ ихъ глазахъ прежде всего измѣнниками славянства, ибо они приняли католицизмъ и западную цивилизацію. Славянофилы не были, по крайней мѣрѣ вначалѣ, обрусителями; позже, однако, въ періодъ разложенія славянофильства, многіе изъ нихъ фактически сочувствовали правительственному націонализму.

Западническое и славянофильское теченія въ слѣдующія десятилѣтія проявлялись въ частныхъ революціонно-соціальныхъ стремленіяхъ, имѣвшихъ уже иныя цѣли, чѣмъ въ эпоху Николая I.

Русскія революціонныя партіи во второй половинѣ XIX и началѣ XX вв. расходились и нынѣ расходятся во взглядахъ на пути, которыми русскій народъ будетъ и долженъ слѣдовать. Одни полагали, что ходъ его развитія будетъ въ общемъ такимъ же, какъ и западныхъ народовъ; по мнѣнію другихъ—эволюціонный путь русскаго народа совершенно особый, вслѣдствіе специфическихъ особенностей экономическаго строя Россіи и, стало быть, ея соціальной структуры. Въ послѣднее время въ этомъ отношеніи различія во взглядахъ постепенно исчезаютъ, однако пока не исчезли. Подчасъ и тѣ и другія воззрѣнія извѣстнымъ образомъ переплетались между собою.

5.

Изъ сказаннаго выше становится очевиднымъ, что, не смотря на гнетущую реакцію въ эпоху Николая I, умственное движеніе не останавливалось и дѣлало большіе успѣхи, какъ въ высшихъ, такъ отчасти и въ среднихъ кругахъ русскаго общества.

Толчкомъ для этого движенія послужили стремленія соціальной и философской мысли на Западѣ, которыя столкнувшись на русской почвѣ съ мѣстной культурой и традиціей, подверглись видоизмѣненіямъ и дали начало новымъ умственнымъ и политическо-соціальнымъ теченіямъ чисто русскаго характера.

Останавливаясь на воззрѣніяхъ выдающихся русскихъ дѣятелей и на русской литературѣ того времени, мы здѣсь

находимъ уже тѣ черты, которыя постоянно и ярко выдѣлялись въ слѣдующія десятилѣтія и только въ послѣднее время стали исчезать, или видоизмѣнялись. Суть ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: признаніе крестьянской массы главнымъ факторомъ народной жизни, общинная форма землевладѣнія—важнѣйшая основа крестьянскаго быта и сильнѣйшій рычагъ его же развитія. опрошеніе личныхъ и общихъ стремленій съ цѣлью сліянія съ народомъ, а также игнорированіе вслѣдствіе этого такихъ культурно-политическихъ завоеваній, которыя непосредственно не даютъ осязательныхъ выгодъ, защита человѣческаго достоинства отъ покушеній съ какой бы то ни было стороны, борьба съ нравственнымъ лицемѣріемъ общества—лицемѣріемъ, накладывающимъ своего рода цѣпи на личность и, наконецъ, стремленіе къ освобожденію личности отъ этихъ цѣпей условности.

Между индивидуалистическими стремленіями и тяготѣніемъ къ мужику (вмѣстѣ съ пребываніемъ его въ общинѣ) существовалъ несомнѣнно такой же антагонизмъ, какой имѣетъ мѣсто между высокой утонченной культурой образованныхъ людей и примитивностью некультурныхъ массъ. Чтобы понять этотъ антагонизмъ, отражавшійся въ русской литературѣ и публицистикѣ, необходимо вникнуть въ тѣ культурно-соціальныя условія, въ которыхъ развивалось русское дворянство—творецъ русской литературы. Этотъ общественный слой въ культурномъ отношеніи раздѣлялся на дворянство—богатое, образованное, живущее въ центрахъ государственной и умственной жизни, и—отсталое, необразованное и живущее въ провинціи, въ качествѣ помѣщиковъ и мелкихъ чиновниковъ. Первое, представлявшее собою меньшинство, въ лицѣ своего молодого поколѣнія находилось въ значительной степени подъ вліяніемъ западной культуры, въ особенности же—европейской литературы; оно жило не только русской жизнью, но и жизнью Запада, его горемъ и радостями и сознавало весь ужасъ русской дѣйствительности. Переживая чутко и даже, можно сказать, лично гнѣтъ стараго порядка въ Россіи, оно глубже, чѣмъ аналогичныя общественныя группы гдѣ либо въ иной странѣ, понимало безысходность положенія крестьянъ. Отсюда возникла его симпатія къ мужику. Изъ того же, что этотъ мужикъ составляетъ огромное большинство народа,

выросло убѣжденіе, что жизнь будущей Россіи построятъ нашъ крестьянинъ.

Пропастъ, отдѣляющая идеаль отъ дѣйствительности, защиту человѣческой личности углубила до принципиальнаго вопроса для представителей русской литературы того времени, и дала начало индивидуалистическому теченію.

Такимъ образомъ, наряду съ сознательнымъ индивидуализмомъ мы видимъ тяготѣніе къ мужику и защитѣ его интересовъ, идеализацію великорусской общины. Славянофилы не могли примирить этотъ индивидуализмъ съ патріархальными началами, и потому славянофильскій индивидуализмъ, на практикѣ, былъ на заднемъ планѣ. Западники боролись подъ его знаменемъ, но однако не всегда были послѣдовательны. Непослѣдовательность эта замѣчается иногда у Герцена, который, будучи индивидуалистомъ, подчасъ даже крайнимъ, идеализировалъ русскую общину вмѣстѣ съ ея стѣсняющей и ограничивающей личностю обстановкой. Утонченный мыслитель, насквозь европеецъ, любящій науку и искусство, онъ готовъ былъ зачастую не придавать всему этому должнаго значенія и центръ тяжести въ процессѣ возрожденія Россіи переносить на форму жизни народной массы.

Въ позднѣйшіе періоды развитія русской литературы это стремленіе къ упрощенію жизни и развитыхъ культурныхъ вкусовъ проявлялось еще сильнѣе. Извѣстный авторъ „Опыта философіи русской литературы“ Андреевичъ въ общемъ правильно объясняетъ это явленіе. Русская интеллигенція того времени, относительно недавно—едва нѣсколькими поколѣніями—сталкивавшаяся непосредственно съ западной цивилизаціей, воспитывалась еще въ традиціяхъ земледѣльческо-патріархальной обстановки и, имѣя своимъ корнемъ преимущественно деревню, чувствовала въ извѣстные періоды жизни дѣйствіе вліянія этой сельской народной атмосферы.

Вліяніе это вырабатывало фѣя психику. По этой причинѣ даже тогда, когда русская интеллигенція освободилась интеллектуально отъ этого вліянія, сельская патріархально-народная атмосфера со своей первобытною привлекала ее къ себѣ, быть можетъ даже незосознательно.

Эта смѣсь началъ, почерпнутыхъ изъ высокой и утонченной культуры, съ элементами, происходившими изъ земледѣльческо-патріархальнаго быта, является въ теченіе

долгаго времени характернѣйшей чертой русской литературы и, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ,—русскихъ революціонныхъ стремленій.

Избранная часть русскаго дворянства, стоявшая во главѣ умственнаго движенія въ Россіи, не только не желала удерживать за собой своихъ привилегій, но даже стремилась къ уничтоженію ихъ, чувствовала какъ бы нравственную тяжесть, извѣстнаго рода стыдъ за пользование привилегированнымъ передъ народной массой положеніемъ. Это чувство отразилось въ литературѣ. То, что въ теченіе извѣстнаго времени дворянство стояло во главѣ прогрессивнаго движенія не представляетъ собою явленія небывалаго. Извѣстно, что часть французскаго дворянства и аристократіи присоединилась къ Великой Революціи, преслѣдовавшей не ея интересы. Хотя классовая борьба, возникающая на почвѣ экономической структуры, какъ результата дѣйствій производительныхъ силъ, играетъ рѣшающую роль въ развитіи политическо-соціальныхъ и культурныхъ отношеній, однако отдѣльныя группы какого либо класса могутъ по тѣмъ или инымъ побужденіямъ въ опредѣленный историческій моментъ присоединяться къ движеніямъ, преслѣдующимъ въ общемъ интересы другихъ классовъ. Не было примѣровъ, чтобы цѣлое сословіе или цѣлый соціальный классъ поступали вопреки своимъ коллективнымъ интересамъ. Однако отдѣльныя лица и группы не разъ поступали именно такимъ образомъ.

Впрочемъ въ николаевскую эпоху любовь къ народу у прогрессивной и радикальной части русскаго дворянства не была столь сильной, чтобы начать ради его интересовъ рѣшительную революціонную борьбу съ существующимъ порядкомъ вещей. На такія дѣйствія могли быть способны только единичныя лица.

Среди дѣятелей-публицистовъ николаевской эпохи извѣстный критикъ Бѣлинскій принадлежалъ уже къ иному кругу, чѣмъ остальные дѣятели той эпохи. Онъ былъ первымъ вѣстникомъ выступленія на арену русской жизни такъ наз. „разночинцевъ“, т. е. людей не принадлежавшихъ къ высшимъ, дворянско-аристократическимъ кругамъ, но происходившихъ изъ различныхъ низшихъ и среднихъ слоевъ общества, въ общемъ малосостоятельныхъ, либо бѣдныхъ. Разночинцы стали въ позднѣйшій

періодъ играть крупную роль въ общественной жизни и литературѣ.

Русское дворянство при Николаѣ I, какъ сословіе, политическаго значенія не имѣло. Небольшой прогрессивно-радикальный сколокъ его не могъ выступать отъ его имени, но идеями своими возвѣщаль приближеніе новаго строя общественной жизни. Представители этого прогрессивнаго дворянства не пользовались въ государствѣ такимъ вліяніемъ и не занимали такихъ служебныхъ постовъ, какъ декабристы при Александрѣ I. Не могли они мечтать о томъ, чтобы открытымъ выступленіемъ или путемъ заговора вызвать государственный переворотъ и захватить власть въ свои руки, или чтобы привлечь на свою сторону большинство дворянства, которое, подъ вліяніемъ событій въ Россіи и за границей, тогда уже не держалось пассивно, но было настроено сознательно въ реакціонномъ духѣ. Русское общество, какъ и всякое иное, постепенно съ ходомъ развитія дифференціровалось.

Кромѣ описанныхъ выше умственныхъ и социальнополитическихъ теченій, въ Россіи въ эпоху Николая I имѣли мѣсто еще и такія политическо-общественныя теченія, которыя пытались выйти на путь непосредственно практической. Эти послѣднія, хотя и слабыя, были однако крупнымъ явленіемъ и какъ таковое заслуживаютъ изученія.

6.

Какъ уже было сказано, дѣло декабристовъ произвело на общество сильное впечатлѣніе. Герцень, напр., будучи мальчикомъ, уже поклялся отомстить правительству. Чуткую молодежь процессъ декабристовъ побуждалъ къ занятіямъ социально-политическими вопросами. Недовольные элементы удерживались отъ устройства новыхъ заговоровъ правительственными репрессіями. Не хватало зрѣлыхъ и опытныхъ дѣятелей; частью они находились въ тюрьмахъ, въ Сибири, частью скрывались въ Европейской Россіи и держались отъ всего вдали, чтобы не обнаружить своего мѣстопробыванія. Непосредственнаго вліянія заграничныхъ заговорщиковъ на недовольные элементы въ Россіи не было. Образование новыхъ организацій представляло большія трудности. Потому они и не возникали. Но броженіе несомнѣнно не исчезало.

Интереснымъ доводомъ въ пользу этой мысли служить образованіе и судьба кружка бр. Критскихъ, возникшаго въ 1827 г. въ Москвѣ, имѣвшаго политическо-революціонный характеръ и не успѣвшаго развить въ полной мѣрѣ своей дѣятельности, ибо его члены вскорѣ были схвачены и понесли тяжелыя кары. Этотъ кружокъ не представлялъ собой политическо-революціонной организаціи въ точномъ смыслѣ слова, и состоялъ изъ учащейся молодежи и молодыхъ чиновниковъ; лица эти, будучи знакомыми другъ съ другомъ, такъ сказать, разряжали накопившуюся ненависть къ самодержавному строю и жажду конституціонныхъ порядковъ—въ бесѣдахъ и разсужденіяхъ о положеніи вещей въ Россіи.

Члены этого кружка, судя по нѣкоторымъ ихъ дѣйствіямъ послѣ вступленія на престолъ императора Николая I, не питали никакихъ иллюзій на счетъ его склонности къ реформамъ и считали его главной помѣхой для осуществленія политической свободы.

Мысль о царевубійствѣ мелькнула въ ихъ головахъ, какъ и у декабристовъ, и такіе же, какъ и у нихъ велись разговоры. Наконецъ, остановились на мысли объ убійствѣ императора Николая I черезъ 10 лѣтъ. Пока же они пытались расширить свои связи въ обществѣ и пріобрѣсти какъ можно больше сторонниковъ.

22 августа 1827 г., въ годовщину коронаціи императора Николая I, они намѣревались выпустить прокламацію, въ которой была бы выражена мысль о необходимости введенія въ Россіи конституціи.

Прежде однако, чѣмъ этотъ день наступилъ, о существованіи кружка былъ сдѣланъ доносъ, вслѣдствіе неосторожности одного изъ членовъ, который, познакомившись въ Кремлѣ съ двумя офицерами, тутъ-же разсказалъ имъ о кружкѣ и его намѣреніяхъ. Офицеры донесли объ этомъ властямъ, а тѣ тотчасъ же арестовали нѣсколькихъ важнѣйшихъ членовъ. Московскій военный генераль-губернаторъ, кн. Голицынъ, назначилъ слѣдственную комиссію, энергично взявшуюся за дѣло. Изъ арестованныхъ нѣкоторые тутъ же на слѣдствіи во многомъ признались и дали обширныя показанія, другіе первоначально вели себя очень сдержанно, но подъ конецъ, видя сколь огромный уличающій матеріалъ добытъ слѣдствіемъ, также сознались во всемъ.

Главными членами кружка были: братья Петръ, Михаилъ и Василій Критскіе, Лушниковъ, Поповъ и Тюринъ—все очень молодые люди; самымъ солиднымъ изъ нихъ былъ Петръ Критскій. Другіе, посредственные члены принимали участіе только въ невинныхъ разговорахъ, и либо не знали о важнѣйшихъ намѣреніяхъ кружка, либо удерживали болѣе дѣятельныхъ отъ приведенія въ дѣйствіе опасныхъ плановъ.

Въ концѣ 1827 г. Николай I рѣшилъ безъ всякаго суда судьбу подсудимыхъ. Часть ихъ была выпущена на свободу въ виду отсутствія противъ нихъ какихъ либо уликъ, кромѣ той, что эти молодые люди критиковали русскій государственный строй, не выражая однако намѣренія произвести политическій переворотъ; другіе были переведены на службу въ отдаленныя мѣста Европейской Россіи. Около шести главныхъ участниковъ кружка: Лушниковъ и Петръ Критскій были приговорены къ заключенію въ Схерсгольмскую крѣпость, Василій и Михаилъ Критскіе—въ Соловецкій монастырь, Поповъ и Тюринъ—въ Шлиссельбургъ. Вскорѣ Попова и Василія Критскаго перевели одного на мѣсто другого. Солдатъ Франкъ Кушнерюкъ, который былъ распропагандированъ Лушниковымъ и измѣнилъ присягѣ, приговоренъ къ 4000 ударовъ и ссылкѣ въ крѣпостныя работы въ Бобруйскѣ.

Отъ родныхъ приговоренныхъ вначалѣ скрывали ихъ судьбу. Черезъ нѣкоторое время иные изъ послѣднихъ умерли, судьба другихъ была постепенно облегчена и они получили свободу.

Никто изъ нихъ на арену политической дѣятельности вторично не выступалъ.

Члены кружка Критскихъ принадлежали къ среднимъ и низшимъ кругамъ общества. Постигшая ихъ кара была, какъ мы видимъ, очень тяжелой, тѣмъ болѣе, что они собственно никакого преступленія не успѣли совершить ¹⁾.

Болѣе яркимъ примѣромъ правительственнаго произвола и жестокости служить дѣло бывшаго крѣпостного, Олейничука. Это—лишь до послѣдняго времени совершенно неизвѣстное, о судьбѣ котораго мы узнаемъ изъ описанія,

1) О дѣлѣ кружка Критскихъ см. статью М. Лемке (по источникамъ), напечатанную въ „Быломъ“ за 1906 г., кн. VI, стр. 41—59.

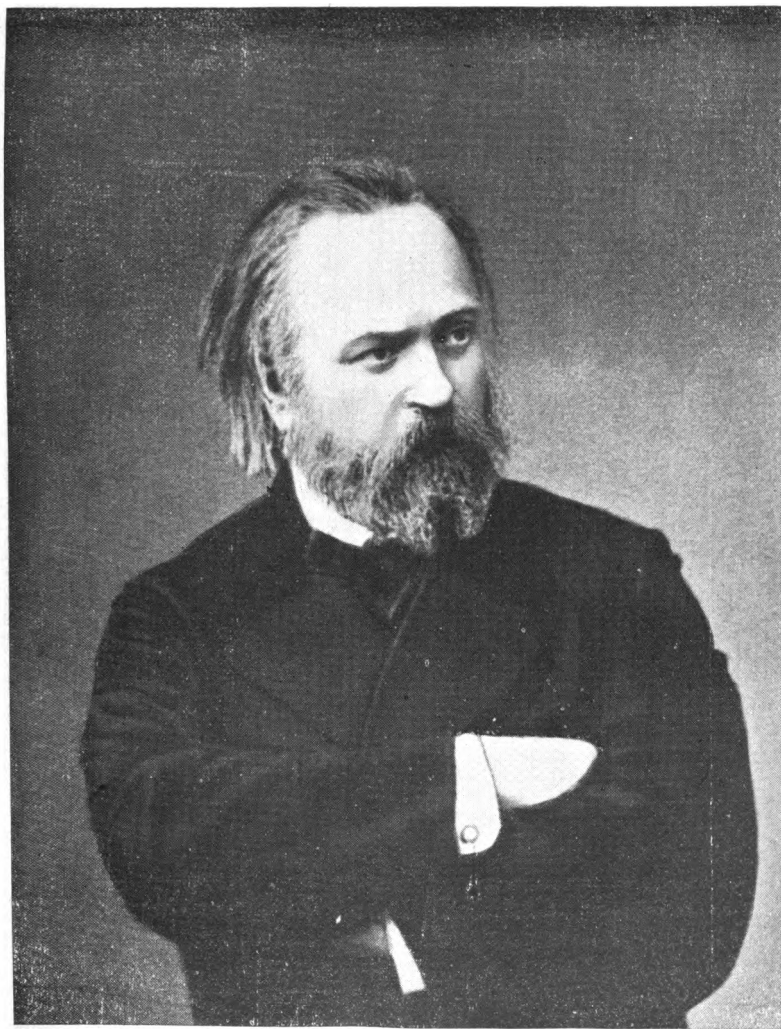
принадлежащаго перу Шеголева ¹⁾ и основаннаго на архивныхъ документахъ.

Семень Олейничукъ род. въ 1792 г. въ винницкомъ уѣздѣ, подольской губ. и былъ сыномъ крѣпостнаго, принадлежавшаго помѣщику Собѣщанскому. Уже съ дѣтства онъ сознавалъ весь ужасъ безправности сословія, къ которому онъ имѣлъ несчастье принадлежать. Въ 1808 г. онъ былъ отданъ, безъ вѣдома помѣщика, въ гимназію, въ которой обучался въ теченіе 6 лѣтъ. Помѣщикъ, лишившись такимъ образомъ своего крѣпостнаго, рѣшилъ сдать его въ солдаты. Но Олейничукъ, получилъ отъ дворянина Сѣрочинскаго паспортъ и бѣжалъ. Желая примѣниться къ новой роли, онъ принялъ католицизмъ. Однако, метаморфоза, которая малорусскаго крестьянина преобразила, — хотя лишь внѣшнимъ образомъ, — въ польскаго шляхтича и католика, не только не удовлетворяла его, но вызывала въ немъ укору совѣсти.

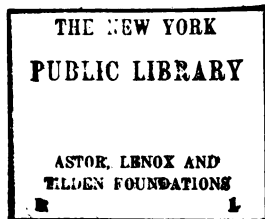
Олейничукъ состоялъ въ качествѣ учителя при различныхъ костелахъ и католическихъ монастыряхъ въ западныхъ губерніяхъ, а затѣмъ сдѣлался даже католическимъ клирикомъ; однако въ 1833 г. онъ вернулся въ лоно православія. Въ 1839 г. тоска по роднымъ людямъ и мѣстамъ заставила его вернуться домой и отдать себя на усмотрѣніе своего помѣщика; тогда Олейничука арестовали и отдали подъ судъ. Но Собѣщанскій не требовалъ осужденія своего крѣпостнаго и потому Олейничукъ въ 1839 г. былъ признанъ невмѣняемымъ и освобожденъ. Два года спустя онъ получилъ отъ помѣщика формальную отпускную на волю. Будучи уже вольнымъ, Олейничукъ принялъ поѣздку по Россіи, побывалъ въ различныхъ мѣстахъ, не исключая и столицъ; одно время онъ думалъ о поступленіи въ какой либо православный монастырь, но убѣдился, что сдѣлать это въ виду своего прошлаго не легко.

Во всю свою жизнь Олейничукъ питалъ глубокое отвращеніе и ненависть къ крѣпостному праву, не любилъ также поляковъ и евреевъ, считая ихъ угнетателями малорусскаго народа; съ ранняго дѣтства, видя тяжелую крестьянскую долю, онъ рѣшилъ собрать въ одно цѣлое непосредственно наблюденные матеріалы о крѣпостномъ

1) „Былое“, 1906, IV, стр. 107—125.

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

быть и вместе с критическими замечаниями издать по этому вопросу специальную книгу. Олейничукъ не желалъ основаться въ Кіевѣ, полагая, что работать тамъ надъ своимъ сочиненіемъ не безопасно, поэтому онъ отыскалъ для себя тихій уголокъ въ Николаевской Слободѣ за Днѣпромъ. Однако, жизнь въ уединеніи и занятія по ночамъ какимъ то невѣдомымъ письменнымъ трудомъ возбудили подозрѣнія и на Олейничука былъ сдѣланъ доносъ. Въ 1849 г. къ нему нагрянули съ обыскомъ, а самого арестовали. Кіевскій, подольскій и волынскій генераль-губернаторъ— Бибиковъ, бывшій заговорщикъ временъ декабристовъ, поручилъ одному изъ состоящихъ при немъ чиновниковъ просмотрѣть рукописей Олейничука. Въ нихъ кромѣ описанія тяжелаго положенія сельскаго люда, было и страстное порицаніе крѣпостного права. Однако нельзя было найти никакихъ нападокъ на самодержавіе, напротивъ, въ рукописномъ сочиненіи Олейничука совершенно ясно выступала приверженность автора къ монархическимъ основамъ, безъ всякихъ конституціонныхъ ожиданій. Но это его не спасло. Бибиковъ въ рапортѣ къ шефу жандармовъ предлагалъ сослать Олейничука въ одну изъ наиболѣе отдаленныхъ губерній; въ свою очередь шефъ жандармовъ въ рапортѣ императору Николаю I предлагалъ еще болѣе тяжелую кару—заключить Олейничука въ Соловецкій монастырь. Николая I и это не удовлетворило—онъ приговорилъ его къ заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости. Олейничукъ умеръ тамъ въ 1857 г.

Такимъ образомъ, безъ всякаго суда, былъ загубленъ человекъ только за то, что въ сочиненіи, которое даже не увидѣло свѣта, онъ порицалъ крѣпостное право. Такая кара была, какъ справедливо замѣчаетъ Щеголевъ, неслыханной даже въ тѣ времена. Объяснить этотъ фактъ можно лишь чувствомъ страха, объявшаго Николая I и его правительство послѣ революціи 1848 г. въ Западной Европѣ.

7.

Во второй половинѣ 50-хъ гг. возникла первая украинская тайная организація, съ національно-политическими цѣлями.

Въ ходѣ историческаго развитія племя малороссовъ переживало инныя судьбы, чѣмъ великорусское племя. Въ X в. оно создало обширное, хотя и недостаточно сплоченное государство и собственную цивилизацію, развивавшуюся подъ влияніемъ Византіи; но политическая эволюція этого государства была задержана и даже совершенно остановлена нашествіемъ дикихъ кочевниковъ, а также постоянными междоусобицами русскихъ князей. Татарскіе наѣзды раззорили кievскую Русь, которая позже перешла къ Литвѣ, такъ же какъ западная Русь—къ Польшѣ. Послѣ соединенія Польши съ Литвой, почти вся Русь вошла въ составъ Польскаго государства.

Малорусское племя, уже образовавшее у себя сословія, проявляло въ первое время весьма мало устойчивости передъ влияніемъ польской государственности и культуры, и высшіе круги малорусскаго общества стали быстро полонизироваться.

Национальная самобытность малороссовъ по отношенію къ Польшѣ выражалась прежде всего въ религіи и языкѣ.

Умственное движеніе въ Европѣ въ XVI в., сильнымъ эхомъ отразившееся въ Польшѣ, послужило также толчкомъ къ возникновенію въ той части Руси, которая принадлежала Польшѣ,—богословско-политической литературы, процвѣтавшей въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. Национальное малорусское движеніе шло изъ Кіева, Львова и другихъ городовъ, гдѣ образовались при разныхъ церквахъ религіозныя братства, съ національной окраской. Эти братства совмѣстно съ низшимъ духовенствомъ развивали успѣшную дѣятельность въ національномъ направленіи; высшее же духовенство подчинилось польскому влиянію.

Унія въ концѣ XVI в. вызвала расколъ въ украинскомъ религіозно-національномъ движеніи. Принявшіе унію быстро полонизировались, оставшіеся въ православіи сохранили дольше свою самобытность. Национальная украинская культура дѣлала успѣхи въ предѣлахъ Польскаго государства, не смотря на то, что польскія власти примѣняли, особенно вначалѣ, по отношенію къ украинскому народу нѣкоторыя ограниченія. Культура эта проникла затѣмъ въ Московское государство и имѣла для него въ свое время большое значеніе.

Украинское національное движеніе, сосредотачиваясь въ городахъ, нашло союзника въ казачествѣ. По недостатку мѣста мы не можемъ останавливаться на происхожденіи и развитіи послѣдняго; отмѣтимъ лишь, что возникло оно на фонѣ соціальныхъ отношеній къ Польшѣ и собирало вокругъ себя и объединяло элементы, недовольные существующимъ порядкомъ вещей, преимущественно крестьянъ, затѣмъ городскихъ выходцевъ, — рѣже — мелкое дворянство. Казачество состояло изъ различныхъ элементовъ, но преобладали въ немъ однако украинскіе.

Польская шляхта боролась съ казачествомъ — прежде всего какъ съ явленіемъ соціальнымъ, національный же антагонизмъ игралъ здѣсь роль второстепенную.

Среди этой борьбы, долженъ былъ со временемъ естественнымъ путемъ образоваться союзъ между казачествомъ, церковными братствами и крѣпостными крестьянами на Украинѣ — противъ шляхты и властей Польскаго государства, въ которомъ господствовала та же шляхта. Для Польши въ результатѣ этой борьбы съ казачествомъ явилась потеря большей части Украйны, доставшейся Московскому государству. Только западная Русь осталась въ составѣ Польскаго государства.

Перейдя подъ властную руку Московскаго царя, Украина выиграла не много: автономіи не получила, централизмъ лишалъ ее даже той независимости, какой она пользовалась ранѣе, крѣпостное право расширилось.

Въ концѣ XVII и въ XVIII вв. малорусское національно-культурное движеніе замѣтно ослабѣло, какъ вслѣдствіе казацкихъ войнъ, такъ и потому, что послѣ отпаденія Кіева съ частью Украйны отъ Польши порвалась въ значительной степени связь между очагами малорусскаго движенія, находившимися теперь и въ Польшѣ и — въ Московскомъ государствѣ.

Въ границахъ Польши чувство національной самобытности среди украинцевъ было сильнѣе, чѣмъ въ московской Украинѣ. Здѣсь и сельскій людъ, а отчасти и мелкіе мѣщане говорили на малороссійскомъ языкѣ; лишь средніе и высшіе круги, продолжая все же сохранять любовь къ родному языку, почти имъ не пользовались.

Національное чувство у этихъ круговъ поддерживалось жившими въ народѣ традиціями былой независи-

мости, непосредственнымъ тяготѣніемъ къ казачеству, привязанностью къ мѣстнымъ обычаямъ и сознаниемъ того факта, что население Украины есть особый народъ, непохожий на русскихъ, въ точномъ смыслѣ этого слова. Сельскій людъ инстинктивно чувствовалъ различія между своимъ украинцемъ и русскимъ, которому далъ кличку „кацапа“.

Паденіе Польскаго государства снова соединило малорусскія земли, хотя не вполнѣ, ибо часть ихъ находится подъ австрійскимъ владычествомъ.

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. появилось нѣсколько выдающихся литературныхъ произведеній на малороссійскомъ языкѣ, и этотъ фактъ для національнаго движенія имѣлъ огромное значеніе.

Началось собираніе украинскихъ народныхъ пѣсенъ и вообще этнографическихъ матеріаловъ, и этимъ національное движеніе вновь было поднято. Языкъ украинцевъ сталъ развиваться, обнаруживая много гибкости и способность выражать разнообразныя чувства и понятія.

Въ концѣ третьяго и четвертаго десятилѣтій украинское литературное движеніе усиливается. Тарасъ Шевченко сразу поднялъ украинскую литературу на большую высоту, открывая передъ ней обширныя перспективы. Однако во всемъ умственно-литературномъ движеніи принимала участіе лишь сравнительно небольшая горсть людей, а само движеніе не создало еще сильныхъ и широкихъ національныхъ стремленій къ цѣлямъ политическимъ. Къ этой задачѣ подошло лишь братство Кирилла и Меодія, основанное въ Кіевѣ.

Въ 1845 г. Шевченко, находясь на зенитѣ творчества, переѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ столкнулся съ историкомъ Николаемъ Костомаровымъ и съ этнографомъ, позже также выдающимся поэтомъ и историкомъ, Пантелеймономъ Кулишомъ ¹⁾. Эти три лица сгруппировали вокругъ себя кружокъ украинской молодежи и основали названное выше братство. Программа его была обширна и выражала слѣдующія требованія:

1) Объединеніе славянскихъ народовъ въ одно федеративное съ Россіей государство; каждый народъ долженъ образовать внутренне-независимую республику, съ отдѣльнымъ сеймомъ и собственными должностными ли-

¹⁾ Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 414.

цами; кромѣ своихъ сеймовъ и чиновниковъ въ отдѣльныхъ областяхъ государства, вся федерація должна имѣть центральный парламентъ и общаго главу государства. Правители въ каждой изъ соединенныхъ республикъ и глава всего государства должны быть выборными, на определенное число лѣтъ.

2) Въ сказанную федерацію должны войти слѣдующія племена: малорусское (или южно-русское), великорусское (или сѣверно-русское), бѣлорусское, польское, чешское со словенскимъ, иллиро-сербское, болгарское и лужицкое.

3) Каждое изъ этихъ племенъ должно пользоваться своимъ особымъ народнымъ строемъ; всякія привилегіи имущественныя или сословныя должны быть уничтожены, и введены всеобщее равенство и свобода.

4) Законодательство, собственность и просвѣщеніе у всѣхъ славянъ должны быть основаны на христіанскомъ ученіи.

Программа эта не опредѣляетъ подробно и точно системы политическаго самоуправленія отдѣльныхъ федерализованныхъ частей государства. Послѣдній параграфъ программы также не ясенъ ¹⁾.

Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи братство предоставляло своимъ членамъ свободу, надѣясь, что недоразумѣнія и мелкія различія христіанскихъ церквей могутъ быть устранены.

Братство стремилось не только къ уничтоженію всѣхъ видовъ социальнаго рабства, но и вообще—всякаго господства однихъ классовъ общества надъ другими, а также—къ всеобщему распространенію грамотности.

По словамъ Костомарова ²⁾, братство ставило своей задачей: введеніе всеобщаго обязательнаго обученія, уничтоженіе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Тактика Кирилло-Меѳодіевскаго братства была умѣренной, оно не желало насильственной революціи и старалось убѣдить общество въ необходимости осуществленія выработанной имъ программы. Поэтому братство предлагало вліять на

---

¹⁾ Данныя о программѣ и тактикѣ братства мы черпаемъ изъ его устава и критическихъ замѣчаній, помѣщенныхъ въ «Быломъ» за 1906 г., кн. II, стр. 66—68.

²⁾ Его автобіографія—мѣсто, приведенное у Куклина въ его «Матеріалахъ по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи», стр. 281 и 282.

окружающихъ чрезъ посредство литературы и вербовки членовъ, на дѣтей—путемъ воспитанія. Покровителями братства были приняты св.св. Кирилль и Меодій.

Уставъ его отвергаетъ іезуитское правило—цѣлью оправдывать средства, и обязываетъ своихъ членовъ сохранять свою дѣятельность въ тайнѣ, помогать другъ другу и отдавать свои силы работѣ на пользу братства. Костомаровъ утверждаетъ, что братство должно было стремиться къ тому, чтобы склонить различные народы къ принятію въ богослуженіи славянскаго языка; русскій же языкъ могъ служить только для посредничества между иноязычными народами.

Такимъ образомъ, Россія, вмѣстѣ съ присоединенными къ ней территоріями иныхъ славянскихъ народовъ, образовала бы родъ Соединенныхъ Штатовъ. Кіевъ долженъ быть столицей всей федераціи, не входя однако въ составъ ни одной изъ ея территорій. Войско сохраняется для защиты государства, но въ небольшомъ количествѣ; въ проектѣ намѣчалась всеобщая милиція.

Слѣдовательно, въ этихъ планахъ мы видимъ федеративныя и демократическія стремленія на фонѣ социалистическаго толкованія христіанства.

Украинцы, составляющіе крупную часть населенія Россіи, выступаютъ въ ходѣ освободительнаго движенія, въ общемъ непрерывно, какъ защитники и приверженцы федералистическихъ стремленій. Это вполне понятно. Украинскій или малорусскій народъ въ цѣломъ, если угодно, не имѣлъ и теперь еще не имѣетъ (въ предѣлахъ Россіи) особенно сильнаго чувства національной обособленности отъ Россіи, и если даже такое чувство со временемъ выработается, то слишкомъ много нитей связываетъ украинцевъ съ нею, чтобы они могли стремиться къ созданію собственной, совершенно независимой государственности; но съ другой стороны не желаютъ они и не могутъ мириться съ всероссійскимъ централизмомъ и въ достаточной степени обладаютъ чувствомъ самобытности, чтобы добиваться децентрализаціи вплоть до федерализма. Это обстоятельство дѣлаетъ крайне цѣннымъ участіе украинцевъ въ стремленіяхъ къ преобразованію россійскаго государства на новыхъ началахъ.

Кирилло - Меодіевское братство существовало очень недолго.

Вслѣдствіе доноса, въ мартѣ 1847 г. начались аресты. Послѣ окончанія слѣдствія, Костомарову, высланному въ Саратовъ, было запрещено заниматься литературной дѣятельностью; Шевченко отданъ былъ въ солдаты, — протымъ рядовымъ въ Оренбургъ. На другихъ были наложены различныя кары, изъ коихъ наиболѣе тяжкая выпала на долю Гулака, просидѣвшаго въ Шлиссельбургской крѣпости 3¹/₂ года и затѣмъ высланнаго въ мѣста отдаленныя.

Украинское движеніе возникло естественнымъ путемъ и должно было постепенно развиваться и усиливаться; происхождение его то же, что и другихъ аналогичныхъ національныхъ движеній. Постепенно, вмѣстѣ съ демократизаціей общества, такъ называемые низшіе круги населенія начинаютъ играть болѣе крупную роль, ихъ языкъ получаетъ болѣе значеніе, возникаетъ литература, искусство и т. п. Сообразно съ этимъ вырастаютъ новыя культурныя, автономическо-политическія и другія требованія.

Въ эпоху Николая I въ Россіи народныя массы не имѣли никакого значенія въ государствѣ, а украинское движеніе, поднятое интеллигенціей, не нашло въ то время поддержки въ массахъ. Однако это было лишь вопросомъ времени. Въ началѣ XX в. возникли украинскія радикальныя и социалистическія организаціи, о которыхъ рѣчь впереди; точку опоры они нашли въ массахъ и стали выразителями ихъ нуждъ.

Кирилло-Меѳодіевское братство было первымъ вѣстникомъ грядущаго соціально-политическаго украинскаго движенія.

8.

Наиболѣе выдающимся проявленіемъ общественно-политическаго броженія въ Россіи николаевской эпохи были несомнѣнно кружки интеллигенціи, группировавшіеся въ 1845—49 гг. около Буташевича-Петрашевскаго, Кашкина, Дебу, Момбелли и др.

Кружки эти, не представляя собой политическихъ организацій въ точномъ смыслѣ слова, все же объединяли людей, близкихъ другъ другу по соціально-политическимъ

воззрѣніямъ. Хотя между членами этихъ кружковъ и существовали подчасъ различія во взглядахъ, однако они вырабатывали такыя подтѣ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же теченій, возникшихъ и развивавшихся на Западѣ.

Утопическій социализмъ вообще, фурьеризмъ въ особенности, былъ для нихъ основной умственной и социальнополитической тезой. Въ кружкахъ этихъ думали о коренномъ реформированіи социальныхъ отношеній, организациі небольшихъ связанныхъ взаимной симпатіей человѣческихъ группъ (фаланстерій), о свободной, спокойной и прекрасной жизни внѣ всякаго принужденія и о гармоническомъ развитіи всѣхъ способностей человѣческой натуры.

Въ религіозномъ отношеніи большинство членовъ было невѣрующимъ и лишь нѣкоторые изъ нихъ сохранили живое религіозное чувство.

Современная форма брака не удовлетворяла русскихъ фурьеристовъ, которые находили въ этомъ институтѣ много недостатковъ и полагали, что онъ обыкновенно приспособляется къ постороннимъ соображеніямъ, неимѣющимъ ничего общаго съ чувствомъ любви между мужчиной и женщиной; бракъ есть прежде всего связь экономическая, отнюдь не основанная на чувствѣ любви¹⁾. Можно смѣло предположить, что русскіе фурьеристы были сторонниками свободной любви.

Въ кружкахъ состояли лица различныхъ политическихъ убѣжденій; члены болѣе радикально настроенные были республиканцами, другіе удовлетворялись конституціонной монархіей, считая ее переходной ступенью къ республикѣ; находились также и такіе, которые относились съ пренебреженіемъ и даже враждебно къ конституціонализму, видя въ немъ основанный на системѣ ценза парламентаризмъ. По мнѣнію Петрашевскаго, государства должны быть основаны на почвѣ національности и составлять другъ съ другомъ федераціи. Но идеаломъ членовъ этихъ кружковъ, какъ было сказано выше, было не государство, но мелкія человѣческія группы въ духѣ Фурье.

---

1) Такой взглядъ мы находимъ въ Словарѣ иностранныхъ словъ, изданномъ Петрашевскимъ подъ псевдонимомъ; въ этомъ коллективномъ трудѣ принимали участіе лица родственныхъ съ нимъ воззрѣній. Книга эта, хотя и была разрѣшена цензурой, но затѣмъ конфискована.

Различные кружки тяготѣли къ различнымъ вопросамъ: въ однихъ интересовались социальными проблемами, въ другихъ—вообще политическо—общественными, въ третьихъ—занимались вопросами литературы.

Наиболѣе извѣстный и посѣщаемый кружокъ Петрашевскаго былъ одной изъ достопримѣчательностей Петербурга. На пятничныхъ собраніяхъ, привлекавшихъ иногда до 50 лицъ, велись бесѣды на различнѣйшія темы: политическія, общественныя, культурно-бытовыя,—какъ съ общей точки зрѣнія, такъ и по отношенію къ условіямъ русской жизни.

Въ кружкѣ Кашкина занимались изслѣдованіемъ великихъ социальных системъ западно-европейскихъ мыслителей. Кружокъ этотъ былъ хотя и менѣе извѣстенъ, чѣмъ Петрашевскаго, но болѣе сплоченъ и сосредоточенъ на умственной работѣ.

Въ результатъ дѣятельности тѣхъ и другихъ кружковъ возникло серьезное умственное движеніе; читались выписываемыя изъ заграницы книги о самыхъ опасныхъ съ точки зрѣнія правительства вопросахъ, которые популяризировались въ столицѣ и даже въ провинціи. Въ то время въ Петербургѣ отражались почти всѣ теченія, имѣвшія мѣсто во Франціи; идеи Прудона, Кабе, не говоря уже о Фурье, были не только извѣстны, но и обсуждались въ подробностяхъ.

По свѣдѣніямъ правительства, въ жизни описываемыхъ кружковъ принимали участіе 232 лица. Извѣстно, что они имѣли сношенія съ Ревелемъ, Ростовомъ, Казанью и Сибирью.

Лица эти стремились прежде всего къ уничтоженію крѣпостного права, введенію гласнаго суда и упраздненію цензуры; большинство добивалось повидимому и политической свободы, вначалѣ хотя бы въ весьма ограниченной формѣ.

Въ то время они не желали устраивать заговора, или крупной политической партіи, но ограничивались лишь тѣмъ, что подняли умственное движеніе, расширяли свое образованіе въ области социальныхъ свѣдѣній и вліяли на общественное мнѣніе.

Однако несомнѣнно, что эти кружки, если бы они существовали долѣе, взялись бы и за революціонную дѣятельность; на нѣкоторыхъ собраніяхъ, какъ это позже

потвердила слѣдственная комиссія, обсуждались даже способы поднятія бунтовъ среди народныхъ массъ и войскъ.

Нѣкоторые члены, особенно энергичный Спѣшневъ, рвались къ дѣлу и хотѣли уже приняться за какія либо серьезныя дѣйствія, съ цѣлью увлечь за собой массы. Григорьевъ написалъ рассказъ для солдатскаго и народнаго чтенія, подъ заглавіемъ „Солдатская бесѣда“, въ которой въ ясной и доступной формѣ изображалъ варварскіе поступки господъ съ крѣпостными, безразличное отношеніе къ такимъ фактамъ властей, тягость военной службы и т. п. Произведеніе это еще не было въ печати, но очевидно предназначалось для пропаганды. Спѣшневъ намѣренъ былъ устроить тайную типографію—объ этомъ свидѣтельствуютъ найденныя противъ него улики.

Члены кружковъ принадлежали къ среднему сословію и были преимущественно литераторами, чиновниками средней руки, учителями и т. п. Петрашевскій служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; въ числѣ членовъ находился Достоевскій, позже извѣстный писатель, который уже успѣлъ заявить себя нѣсколькими мелкими произведениями. Послѣдній не принадлежалъ къ крайнимъ, былъ религіознымъ человѣкомъ и не преклонялся передъ ученіемъ Фурье, какъ другіе.

Каково же было отношеніе этихъ кружковъ къ представителямъ, точнѣе—вождямъ современныхъ умственныхъ и социальнo-политическихъ теченій въ русской литературѣ и публицистикѣ?

На этотъ вопросъ въ данное время еще нельзя отвѣтить вполне удовлетворительно, вслѣдствіе отсутствія достаточныхъ данныхъ; не подлежитъ однако сомнѣнію, что Бѣлинскій имѣлъ среди членовъ описываемыхъ кружковъ много поклонниковъ и что извѣстное письмо его къ Гоголю, въ которомъ онъ упрекалъ этого писателя въ идеализации официальной Россіи и всѣхъ ея ужасовъ, имѣло на нихъ огромное вліяніе. Это позже было константировано слѣдственной комиссіей. Разумѣется, съ восторгомъ читались и комментировались статьи Герцена въ нелегальныхъ журналахъ.

Повидимому только смерть Бѣлинскаго, отъѣздъ за границу Бакунина, Герцена и Огарева помѣшали лицамъ, группировавшимся вокругъ Петрашевскаго, Кашкина, Дебу

и другихъ, войти съ этими писателями и дѣятелями въ личныя, близкія и постоянныя сношенія. Однако несомнѣнно, что дѣятельность кружковъ вызвана была тѣми же причинами, которыя выработали взгляды этихъ писателей¹⁾.

Славянофилы не пользовались ихъ симпатіями, хотя позже нѣкоторые члены сблизились съ ними, какъ напр., писатель Данилевскій, в послѣдствіи обосновавшій славянофильство на новой почвѣ.

Правительству уже въ мартѣ 1848 г. стало извѣстно о существованіи кружковъ. Подозрѣніе было вызвано рефератомъ по крестьянскому вопросу, написаннымъ Петрашевскимъ и розданнымъ присутствовавшимъ на собраніи петербургскаго дворянства, къ которому принадлежалъ самъ авторъ. Начальникъ III-го Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи и министръ внутреннихъ дѣлъ, каждый въ отдѣльности сдѣлали распоряженіе слѣдить за Петрашевскимъ; позже всѣмъ дѣломъ занялось исключительно министерство внутреннихъ дѣлъ въ лицѣ Липранди. Послѣдній поручилъ Антонелли какимъ нибудь путемъ втереться въ кружки, что тотъ и исполнилъ. Въ теченіе 13 мѣсяцевъ правительство слѣдило за участниками кружковъ, наконецъ оно рѣшило завершить дѣло. Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля 1849 г. главные дѣятели кружковъ были арестованы. Сначала правительство полагало, что имѣетъ дѣло съ готовящимся къ ближайшимъ дѣйствіямъ революціоннымъ заговоромъ; въ своей ошибкѣ оно убѣдилось позже. Дѣятельность арестованныхъ членовъ слѣдственная комиссія назвала „заговоромъ идей“, желая этимъ сказать, что здѣсь имѣло мѣсто не политическое покушеніе, но пропаганда извѣстныхъ воззрѣній. Императоръ Николай I крайне интересовался всѣмъ ходомъ дѣла, но на этотъ разъ личнаго участія въ слѣдствіи не принималъ. Судъ надъ арестованными былъ простой комедіей, судила ихъ правительственно-военная комиссія, состоявшая на половину изъ военныхъ генераловъ, въ другой части изъ сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ ген. Василія Перовскаго. 21 лицо было приговорено къ смертной казни, причемъ въ виду смягчающихъ вину обстоя-

---

1) Дѣятельность Бакунина достигла крупныхъ размѣровъ значительно позже, о чемъ будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ.

тельство приговоръ рѣшено представить на благоусмотрѣніе монарха. 22 декабря приговоренныхъ привели на Семеновскій плацъ для совершенія казни; они готовились умереть, но въ послѣднюю минуту пришло помилованіе. Смертная казнь замѣнена каторгой, при чемъ сроки каждому назначены въ зависимости отъ степени его участія въ дѣлѣ.

Вслѣдствіе манифеста императора Александра II въ 1856 г., Петрашевскому каторга замѣнена ссылкой на поселеніе; эта „милость“ не удовлетворяла Петрашевскаго, онъ требовалъ пересмотра дѣла, веденнаго по его мнѣнію неправильно и даже незаконно, но разумѣется требованіе это не было исполнено. Въ числѣ осужденныхъ находился и Достоевскій, убѣжденія котораго позже приняли реакціонное направленіе съ оттѣнкомъ націоналистическо-славянофильскимъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей кружковъ Ахшарумовъ, написавшій интересныя и цѣнныя воспоминанія ¹⁾, дожилъ до глубокой старости; живъ онъ еще и теперь. Врачъ по профессіи, онъ является авторомъ многочисленныхъ специальныхъ трудовъ по медицинѣ и гигиенѣ. Мы не имѣемъ возможности остановиться на судьбѣ остальныхъ осужденныхъ дѣятелей этихъ кружковъ, впрочемъ о многихъ не сохранилось никакихъ извѣстій ²⁾.

9.

Мы видимъ, что въ Россіи, даже въ періодъ наибольшаго гнета—въ николаевскую эпоху—общественно-политическая мысль развивалась, что въ немногочисленныхъ образованныхъ кругахъ интеллигенціи изъ средняго сословія, отчасти и высшаго слоя общества новѣйшія умственныя и социальна-политическія теченія находили приверженцевъ и борцовъ. Именно въ это время развился и окончательно сформулировался правительственный націонализмъ—славянофильство.

Возникаетъ вопросъ: почему въ этотъ періодъ не образовалась либеральная партія, равно далекая какъ отъ консерватизма, такъ и радикализма?

1) „Изъ моихъ воспоминаній. 1849—1851 гг.“ Спб., 1905.

2) Объ этихъ кружкахъ цѣнныя подробности находимъ въ статьяхъ Семейскаго, напечатанныхъ въ сборникѣ „На славномъ посту“ и въ предисловіи къ воспоминаніямъ Ахшарумова.

Отвѣта слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, въ томъ обстоятельствѣ, что въ николаевской Россіи третье сословіе—мѣщанство—не играло политической роли. Объяснимся.

Населеніе русскихъ городовъ было относительно незначительнымъ; въ Россіи никогда среда эта не создавала сплоченныхъ и сильныхъ корпорацій, какъ это имѣло мѣсто на Западѣ. Слабое развитіе производительныхъ силъ въ минувшіе вѣка не вызвало къ жизни могущественныхъ экономическихъ центровъ съ многочисленнымъ и разнороднымъ ремесленнымъ людомъ. Развитіе государственности,—какъ справедливо замѣчаетъ Милюковъ въ своей цѣнной работѣ „Очерки по исторіи русской культуры“,—двигалось быстро, чѣмъ социальная эволюція; по этой то причинѣ носитель усиливавшейся государственности—правительство всецѣло подчинило себѣ различныя социальныя группы, лишая ихъ политической самостоятельности и значенія.

Русское мѣщанство, воспитывавшееся въ иной, чѣмъ на Западѣ, политическо-общественной атмосферѣ, разсѣянное по громадной территоріи въ огромномъ государствѣ, не представляло собой въ то время значительнаго политическаго фактора. Новая европейская культура проникала почти исключительно въ одни дворянскіе круги; купечество также было совершенно ей чуждо—вплоть до второй половины XIX вѣка. Умственное развитіе этой части русскаго общества находилось на весьма низкой ступени и, не имѣя никакихъ широкихъ цѣлей и задачъ, не могла она въ данный моментъ самостоятельно создать собственную идеологію. Какъ политическая сила, третье сословіе въ Россіи того времени находилось, стало быть, въ стадіи образованія.

Большинство дворянства было консервативно; та же его часть, которая отрѣшилась отъ своихъ сословныхъ воззрѣній, шла значительно дальше умѣреннаго либерализма. Она не могла присоединиться къ буржуазной идеологіи, ибо таковой въ Россіи еще не существовало. Поэтому, подъ влияніемъ Запада, она создала радикальную идеологію, отвѣчавшую интересамъ широкихъ народныхъ массъ. Въ нихъ она полагала силу народа, и ощущала чувство стыда за то, что пользовалась крѣпостнымъ трудомъ; сквозь призму поэзіи она видѣла въ пахарѣ, трудящемся на лонѣ природы, идеальное начало, котораго,

по ея мнѣнію, не было въ отсталомъ, стяжающемъ и грубомъ русскомъ купцѣ, хотя въ немъ и дремала стихійная энергія и коренились задатки будущаго развитія. Само дворянство вышло изъ деревни, неудивительно, что его тянуло къ деревнѣ и землѣ,—какъ говоритъ Андреевичъ.

Это отсутствіе сильной либеральной партіи, въ точномъ смыслѣ слова, давало себя чувствовать и позже, въ теченіе долгаго времени, затрудняло и отдаляло ликвидацію самодержавія, ибо непосредственный переходъ къ радикализму былъ невозможенъ.

Николаевская система въ теченіе многихъ лѣтъ торжествовала побѣду; но въ трагическую для Россіи минуту, въ крымскую кампанію, она въ полной мѣрѣ обнаружила все свое ничтожество.

Привыкшій къ самодержавному правленію въ собственномъ государствѣ, Николай I пожелалъ вмѣшаться въ дѣла и другихъ государствъ. Въ концѣ концовъ онъ создалъ себѣ вездѣ враговъ; даже отъ Австріи, которую спасъ въ 1849 г., онъ позже не видѣлъ благодарности. Россія очутилась въ полной изолированности. Вся передовая Европа ее ненавидѣла. Крымская война была для Россіи серьезнымъ бѣдствіемъ. И снова, послѣ проигранной войны съ Турціей, Австріей, Франціей и Пьемонтомъ, какъ прежде при Петрѣ Великомъ, а затѣмъ при Екатеринѣ II,—интересы русскаго государства, необходимость его усиленія и приспособленія къ борьбѣ съ ближними и дальними сосѣдями, толкнули Россію на путь сближенія съ Европой, путь преобразованій и реформъ.

VII.

Начало періода реформъ при императорѣ Александрѣ II.

Русское правительство начинало войну въ убѣжденіи, что Россія выйдетъ изъ нея побѣдителемъ; это убѣжденіе раздѣлялось значительной частью общества. Однако постепенно фактически обнаружилось, что Россія къ серьезной войнѣ готова не была; въ различныхъ отрасляхъ государственной администраціи царили неслыханные безпорядки, гражданскими и военными чиновниками были люди неразвитые, безъ соотвѣтственной подготовки и образованія; какъ результатъ ихъ низкаго нравственнаго уровня, обнаружались различныя злоупотребленія, особенно—казнокрадство. Выносливость и храбрость русскаго солдата и нѣкоторой части офицеровъ не могли возмѣстить отсутствія порядка, честности, выдержки и умѣлаго руководства, какъ на полѣ сраженія, такъ и въ тылу арміи.

Правительство, опасаясь революціонныхъ дѣйствій на національной почвѣ въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, какъ прямого слѣдствія репрессій Николая I, не желало отзываться оттуда войскъ для отправки на мѣсто военныхъ дѣйствій. Отношеніе Австріи къ Россіи, несмотря на помощь, оказанную ей въ 1849 г., было двусмысленнымъ, почти враждебнымъ; даже на Пруссію Николай I не могъ вполнѣ рассчитывать. Эти обстоятельства мѣшали Россіи сосредоточить на полѣ военныхъ дѣйствій всѣ свои силы.

Къ этимъ затрудненіямъ прибавились еще помѣхи соціального характера. Крестьянскія волненія въ различныхъ мѣстахъ государства приняли въ 1854—55 гг. крупныя размѣры. Перепуганное дворянство боялось поголов-

ной рѣзни; поэтому многіе помѣщики были готовы отказаться отъ крѣпостного права, лишь бы наступило умиротвореніе.

Наиболѣе страшнымъ было возможное вторженіе въ русскіе предѣлы непріятельскихъ войскъ, къ которымъ могли присоединиться арміи государствъ, не принимавшихъ еще участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; вѣдь появленіе непріятельскихъ отрядовъ въ странѣ придавало бы крестьянамъ смѣлости для всякаго рода насилій и сдѣлало бы возможнымъ массовое крестьянское возстаніе.

Наиболѣе просвѣщенная и передовая часть русскаго общества съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ событій, понимая, что тотъ или иной поворотъ дѣла будетъ имѣть рѣшающее значеніе для внутренней политики правительства. Дѣйствительно, даже Николай I, незадолго до своей кончины, какъ будто начиналъ сознавать, что пораженія его войскъ все болѣе колеблютъ крѣпость его правленія; поэтому постепенно, по мѣрѣ ухудшенія дѣлъ на войнѣ, дѣйствія правительства по отношенію къ обществу становились менѣе суровыми.

Съ началомъ войны интересъ общества къ политикѣ сталъ быстро возрастать. Появилась новая публицистическая рукописная литература, переходившая изъ рукъ въ руки и вызывавшая оживленный обмѣнъ мыслей.

Русскій историкъ и публицистъ Погодинъ, консерваторъ и патріотъ въ оффиціальномъ стилѣ, писалъ письма и изслѣдованія, предназначенныя собственно для Государя, съ цѣлью обратить его вниманіе на различныя отрицательныя стороны внѣшней и внутренней политики правительства. Въ этихъ письмахъ, стоя на почвѣ началъ самодержавія, Погодинъ съ большой смѣлостью нападалъ на всевозможныя злоупотребленія русской бюрократіи, отсутствіе у нея государственнаго смысла, рутину и прочіе, такъ сказать, органическіе недостатки русскаго чиновника. Николай I относился къ этимъ указаніямъ благосклонно, достаивалъ автора вниманіемъ и во многомъ соглашался съ нимъ, ставя лишь на видъ, что Погодинъ, наблюдая факты исключительно снизу, не можетъ составить себѣ всесторонняго представленія о томъ, что происходитъ на верху.

Николай I умеръ неожиданно, въ февралѣ 1855 г., послѣ непродолжительной болѣзни. Въ консервативныхъ

кругахъ эта смерть произвела большое и тревожное впечатлѣніе, ибо тамъ ясно сознавали, что этой смертью завершается цѣлая эпоха, за которой надвигается новая, иная эра. Въ столь тяжелую для Россіи минуту уходитъ изъ міра монархъ, который желѣзной рукой твердо направлялъ самодержавную политику. Что будетъ впереди— неизвѣстно. Все же, весьма многіе изъ высшихъ сферъ, особенно въ Москвѣ, встрѣтили извѣстіе о смерти Николая I съ полнымъ безразличіемъ; нѣкоторые даже, нескрывая радости, привѣтствовали наступленіе конца его правленію. Къ послѣднимъ принадлежалъ Герценъ.

Русскіе либералы смотрѣли на непріятныя для національнаго самолюбія Россіи военныя неудачи, какъ на удары, въ конечномъ результатѣ для жизни русскаго общества весьма полезные, ибо въ нихъ кроется возможность перемѣны въ правительственной системѣ и обнаруживается полная неизбѣжность реформъ.

Какъ тяжелы были времена крымской кампаніи для императорской семьи свидѣлствуютъ слова супруги Николая I императрицы Александрѣ Феодоровнѣ, обращенныя къ оплакивавшей его дочери Маріи Николаевнѣ: „Не плачь, Богъ прибралъ его, чтобы избавить отъ страшныхъ бѣдъ“.

Новый государь, Александръ II, сознавалъ необходимость крупныхъ реформъ и уже рѣшилъ приступить къ проведенію ихъ въ жизнь. Получивъ серьезное образованіе и воспитаніе, въ которомъ первая роль принадлежитъ поэту Жуковскому, Александръ II въ умственномъ отношеніи стоялъ выше многихъ другихъ царствующихъ особъ.

Однако онъ не былъ созданъ для роли реформатора, и консервативный духъ среды, въ которой онъ долженъ былъ жить, оказалъ въ полной мѣрѣ свое губительное вліяніе. Въ качествѣ наслѣдника престола, онъ до послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая I слылъ противникомъ крестьянской реформы; революція 1848 г. еще болѣе утвердила его въ консервативныхъ убѣжденіяхъ; лишь страшная военная катастрофа Россіи, обнажившая сразу всѣ язвы старого строя, открыла ему глаза и толкнула на путь реформъ.

И дѣйствительно, Александръ II провелъ не одну реформу, но на горе свое и народа, постоянно колебался—

вслѣдъ за шагомъ впередъ онъ начиналъ двигаться вспяты. Тяготѣніе и привязанность къ самодержавію были слишкомъ велики и потому проектируя реформы, всегда неискренно—никогда по собственному побужденію, онъ не былъ намѣренъ устранить основную причину всѣхъ дурныхъ сторонъ русской государственной жизни.

Какъ справедливо замѣтилъ Кропоткинъ,—въ немъ постоянно боролись два челоѣка: одинъ, желающій устранить зло, реформировать, другой—не желавшій дѣлать съ кѣмъ бы то ни было свою власть.

Кромѣ того, среди ближайшихъ изъ его окружающихъ, особенно въ первое время не хватало передовыхъ государственныхъ людей съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ. Только братъ Государя, вел. кн. Константинъ отличался способностями и желалъ серьезныхъ реформъ, не нарушающихъ однако основъ существующаго государственнаго строя. Сторонницей реформа была и супруга Александра II, а также вел. кн. Елена Павловна. Остальные члены императорской фамиліи высказывались противъ всякихъ перемѣнъ. То же слѣдуетъ сказать о министрахъ и другихъ государственныхъ сановникахъ.

При вступленіи на престолъ, Александръ II не возвѣщалъ никакихъ реформъ. Это было сдѣлано лишь манифестомъ къ народу, послѣ заключенія мира, закончившаго крымскую войну. О степени необходимости реформъ, какъ ее понималъ Государь, свидѣтельствуютъ его слова, обращенныя къ московскимъ дворянамъ: „Лучше уничтожить крѣпостное право сверху, путемъ законной власти правительства, чѣмъ ждать, пока оно будетъ уничтожено снизу самимъ народомъ“.

Наконецъ рѣшено было приступить къ крестьянской реформѣ, о чемъ было возвѣщено народу манифестами. Первые шаги правительства оказались весьма неопредѣленными—не существовало выработаннаго, яснаго плана дѣйствій. Александръ II не желалъ дѣйствовать слишкомъ рѣшительно и выжидалъ, чтобы само дворянство потребовало упомянутой реформы. Однако дворянство съ этимъ не спѣшило. Лишь спустя нѣкоторое время, убѣдившись, что перемѣны въ существующемъ порядкѣ вещей неизбежны, и видя явное желаніе Государя, дворянство наконецъ обратилось съ отвѣтственными запросами къ пра-

вительству, выказывая этимъ готовность заняться дѣломъ переустройства крестьянъ. Эти обращенія дворянства не поступали одновременно изъ всего государства; ранѣе всѣхъ выступило литовское дворянство, виленской, ковенской и гродненской губерній, за нимъ откликнулись другія.

Необходимость крестьянской реформы была очевидна для всѣхъ, вопросъ заключался лишь въ томъ, въ какую форму она должна вылиться? Но именно здѣсь выступили яркія различія между разными группами русскаго дворянства, различія, обусловленныя главнымъ образомъ матеріальными соображеніями. Въ густо населенныхъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ не существовало фабричной промышленности, стоимость помѣщичьихъ имѣній опредѣлялась только землей, ея количествомъ; какъ утверждаютъ русскіе экономисты, — при другихъ равныхъ условіяхъ, земельныя имѣнія безъ крѣпостныхъ были цѣннѣе, чѣмъ съ крѣпостными, содержаніе которыхъ обходилось дорого; дворянство склонялось къ уничтоженію крѣпостного права, отъ котораго имѣло мало пользы, но все же съ сохраненіемъ за собой земли.

Въ свою очередь, въ малоурожайныхъ губерніяхъ, но съ фабричной промышленностью, гдѣ помѣщики извлекали прибыль не столь изъ эксплуатаціи самой земли, сколь изъ труда своихъ крѣпостныхъ, которые, оставляя деревню ради постороннихъ заработковъ, платили господамъ оброкъ, помѣщики требовали крупнаго вознагражденія за освобожденіе ихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и охотно соглашались на надѣленіе свободныхъ крестьянъ землею. Это надѣленіе повидимому обусловливалось также вознагражденіемъ, ибо въ интересахъ помѣщиковъ было прикрѣпить освобожденныхъ крестьянъ къ мѣсту и обезпечить для себя дешевыя рабочія руки.

Такимъ образомъ, въ разныхъ мѣстахъ Россіи дворянство склонялось къ проведенію крестьянской реформы въ томъ направленіи, которое наиболѣе отвѣчало его интересамъ.

Мы не станемъ описывать всѣ этапы этой реформы, сопровождавшей ее борьбы и роли въ этомъ историческомъ событіи различныхъ факторовъ. Все это — внѣ рамокъ нашей задачи. Крестьянской реформой мы займемся лишь постольку, поскольку ея вліяніе сказалось на революціонномъ движеніи.

Правительство рѣшилось въ концѣ концовъ освободить крестьянъ, безъ вознагражденія помѣщиковъ, надѣлать освобожденныхъ крестьянъ въ наслѣдственное пользованіе землей, которую они могли по желанію пріобрѣсти въ собственность, и сохранить общинное землевладѣніе тамъ, гдѣ оно существовало. Въ свою очередь крестьяне, получивъ землю, были обязаны вносить въ казну выкупные платежи. Фактически, послѣ освобожденія, крестьяне получили значительно меньше земли, чѣмъ имѣли таковой въ своемъ пользованіи при крѣпостномъ правѣ. Выкупные платежи были весьма значительны, и хотя крѣпостное право принципиально было уничтожено безъ вознагражденія помѣщиковъ, однако въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они имѣли выгоды отъ своихъ крѣпостныхъ, послѣдніе должны были въ замаскированной формѣ оплачивать свою свободу, внося за полученную землю больше, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ стоила.

Въ волостномъ самоуправленіи, которое получили крестьяне, дворянство не имѣло участія, но это самоуправленіе было подчинено строгому надзору и произволу бюрократіи.

Выраженіемъ всей этой реформы былъ манифестъ 19 февраля 1861 г.

Посмотримъ теперь, каково было отношеніе либерально-демократическихъ и радикальныхъ элементовъ къ императору Александру II и первымъ его шагамъ въ дѣлѣ крестьянской реформы.

Послѣ смерти императора Николая I Герценъ сталъ издавать въ Лондонѣ журналъ „Полярная Звѣзда“, въ которомъ онъ подвергалъ блестящей критикѣ современныя русскія условія; въ 1857 г. онъ предпринялъ кромѣ того и другое періодическое изданіе, меньшее по формату, но чаще выходящее, подъ заглавіемъ „Колоколъ“. Въ сжатыхъ и сильно написанныхъ статьяхъ онъ бичевалъ бюрократію и разоблачалъ ея злоупотребленія.

Первоначально программа Герцена и его друга Огарева представлялась весьма умѣренной—она не требовала еще перемѣны формы правленія, т. е. сверженія самодержавія и введенія конституціоннаго строя, но лишь:

1) уничтоженія крѣпостнаго права, надѣленія крестьянъ въ собственность землей, которую они до сихъ поръ обрабатывали, но которая принадлежала помѣщикамъ,

вознагражденія послѣднихъ изъ государственныхъ средствъ, сохраненія общиннаго землевладѣнія;

2) упраздненія цензуры, полной свободы печати;

3) освобожденія податнаго сословія отъ тѣлесныхъ наказаній.

Герценъ и Огаревъ вскорѣ прибавили еще требованія: реформы суда, а именно гласности въ немъ и введенія института присяжныхъ, затѣмъ общиннаго и мѣстнаго самоуправленія, вмѣстѣ съ реорганизаціей администраціи, которая должна быть выборной.

На императора Александра II они возлагали большія надежды и ждали отъ него реформъ, главнымъ образомъ освобожденія крестьянъ и преобразованія земельныхъ отношеній. Мы уже знаемъ, что Герценъ послѣ 1848 г. въ высокой степени разочаровался политическо-соціальными условіями, господствовавшими на Западѣ, поэтому онъ не увлекался конституціоннымъ строемъ, тѣмъ болѣе, что надѣялся на то, что сильная рука Александра II легко проведетъ важнѣйшія реформы. Въ этомъ и кроется объясненіе факта, что въ журналѣ Герцена первое время замѣчалось безразличіе къ формѣ правленія въ Россіи. Иногда Герценъ въ статьяхъ обращался прямо къ Государю съ совѣтами, упреками и критикой дѣйствій правительства. Въ настоящее время трудно понять упованія Герцена на силу вліянія его статей на русское правительство—и его предположеніе, что Александръ II будетъ склоненъ слѣдовать въ политикѣ за его совѣтами.

Характеръ журналовъ Герцена и Огарева былъ прежде всего обличающій. Здѣсь огромный вѣсъ придавали представленію на судъ общественнаго мнѣнія злоупотребленій бюрократіи. Статьи свои Герценъ облекалъ въ прекрасную форму, придавая ей иногда острый и ядовито-ироническій тонъ, но въ общемъ пользовался вполне парламентарными приѣмами.

Указъ императора Александра II, обѣщавшій крестьянскія реформы, еще болѣе утвердилъ Герцена въ его оптимистическихъ ожиданіяхъ.

„Полярная Звѣзда“ и „Колоколь“ проникали въ Россію въ значительномъ количествѣ; они находили доступъ даже въ Зимній дворецъ и читались самимъ императоромъ Александромъ II, государыней и лицами изъ придворныхъ и министерскихъ сферъ; подчасъ, въ отдѣльныхъ слу-

чаяхъ, когда „Колоколь“ обсуждалъ конкретныя злоупотребленія и приводилъ въ подтвержденіе соотвѣтственные факты, этотъ нелегальный журналъ оказывалъ даже непосредственное практическое воздѣйствіе.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Герценъ сдвинулъ съ мѣста средніе и высшіе слои русскаго общества, вызвалъ въ широкихъ кругахъ критическое отношеніе къ бюрократіи и повліялъ на введеніе нѣкоторыхъ преобразованій въ ея системѣ. Слабой стороной его публицистической дѣятельности было непониманіе, по крайней мѣрѣ въ ближайшій моментъ, того, что всѣ пороки русской бюрократіи тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ самодержавнымъ режимомъ, и что великія социальныя реформы требуютъ собирательной энергіи различныхъ социальныхъ группъ, главнымъ образомъ—низовъ. Правда, онъ призывалъ общество къ труду, выходу изъ инертнаго и апатичнаго состоянія, но этому призыву не могъ придать конкретныхъ формъ, ибо самъ не выработалъ представленія, какого рода дѣйствія должны быть начаты различными элементами русскаго общества. Въ сущности, главная надежда возлагалась имъ на императора Александра II и горсть просвѣщенныхъ, имѣющихъ вліяніе на общество и правительство людей.

Не одинъ Герценъ былъ настроенъ энтузіастически по отношенію къ Александру II въ первые годы его царствованія; слѣдуетъ сказать то же и о Николаѣ Чернышевскомъ, котораго, какъ публициста, экономиста, критика и писателя, справедливо считали вождемъ русскихъ радикаловъ.

Когда императоръ Александръ II приступилъ къ реформамъ, то Чернышевскій въ „Современникѣ“ первые шаги молодого монарха возвеличилъ до важнѣйшаго событія цѣлой эпохи, сравнилъ Александра II съ Петромъ Великимъ¹⁾ и писалъ: „Благодать, обѣщанная миротворцамъ

¹⁾ Личность Петра В., который при помощи своей колоссальной энергіи старался ввести западно-европейскую внѣшнюю культуру въ Россіи и увлечь ее въ вихрь всемірно-исторической жизни, оставила яркій слѣдъ въ воображеніи русской интеллигенціи. О новомъ Петрѣ В. мечталъ Бѣлинскій; Герценъ надѣялся, что Александръ II свершитъ столь же великія дѣла; того же мнѣнія былъ и Чернышевскій. Большинство хотѣло вѣрить, что инициативу реформъ въ Россіи возьметъ на себя политическая сила, наиболѣе въ ней могущественная. Чернышевскій въ своихъ ожиданіяхъ скоро разочаровался и отказался отъ этого заблужденія.

и милостивымъ, увѣнчаетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ ни одинъ изъ европейскихъ монарховъ,—великимъ счастьемъ самому начать и исполнить освобожденіе своихъ подданныхъ“.

Чудныя ожиданія, вѣра въ прекрасное и великое будущее русскаго народа охватили русское общество въ началѣ царствованія Александра II. Мысль о томъ, что десятки миллионовъ людей, избѣжавъ кровавой революціи, получаютъ землю и волю, что самъ государь сочувствуетъ реформаторскому движенію и, устраняя различные вредные пережитки прошлаго, обращается съ довѣріемъ къ обществу—послѣ подозрительнаго и жестокаго отношенія къ нему Николая I—окрыляла почти безграничныя надежды. Казалось, что Россія вскорѣ совершенно покончитъ со своимъ недавнимъ прошлымъ, что не существуетъ такихъ препятствій, которыхъ она не могла бы устранить по пути къ прогрессу. Общество въ своей наиболѣе просвѣщенной части думало, что оно призвано монархомъ къ коренной перестройкѣ экономическо-соціального быта и правово-административной организаціи государства. Въ этомъ убѣжденіи оно со страстнымъ порывомъ бросилось къ свѣту знаній—наукѣ, ища въ ней указаній и руководства для работы надъ возрожденіемъ народа и отечества. Литература и публицистика оживились въ небывалой степени, спросъ на научныя книги чрезвычайно возросъ, появилось множество популярныхъ переводныхъ, отчасти и оригинальныхъ сочиненій, явилось стремленіе усвоить себѣ сразу послѣдніе выводы науки...

Самыя смѣлыя, наиболѣе радикальныя воззрѣнія въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ и публицистикѣ на Западѣ находили тотчасъ же приверженцевъ въ Россіи. Передовая часть русскаго общества, критически настроенная по отношенію къ существующему режиму, мысленно смѣло заглядывала въ будущее и не боялась новыхъ вѣяній.

О характерѣ ученыхъ, имѣвшихъ въ то время наибольшій успѣхъ среди либеральныхъ и радикальныхъ круговъ, скажемъ въ дальнѣйшемъ; здѣсь же мы должны охарактеризовать общее настроеніе русскаго общества въ описываемый періодъ.

За исключеніемъ совершенно отсталыхъ или стійко-апатичныхъ, стоявшихъ вдали отъ дѣятельной жизни,

общественныхъ группъ—всѣ лагери, радикальные, умѣренно-либеральные и даже славянофильскіе, въ тотъ моментъ, подъ вліяніемъ убѣжденія въ необходимости основныхъ реформъ, съ энтузіазмомъ принялись за умственную работу, даже за своего рода агитацію, съ цѣлью всесторонняго разслѣдованія нуждъ народа и государства, а также отысканія средствъ къ ихъ устраненію. На нѣкоторое время прекратились даже взаимныя нападки изъ враждебныхъ лагерей—Чернышевскій указывалъ на нѣкоторыя заслуги славянофиловъ, эти послѣдніе хвалили не разъ западниковъ.

Чернышевскій обращалъ всеобщее вниманіе на то, что ближайшія реформы, въ частности—крестьянская, до такой степени важны, что всѣ просвѣщенные люди, желающіе блага народу, должны, несмотря на различія во взглядахъ относительно дальнѣйшихъ цѣлей, прійти въ данный моментъ къ соглашенію и сосредоточить общія силы на рѣшеніи наиболѣе спѣшныхъ социально-экономическихъ, культурныхъ, правовыхъ и другихъ задачъ.

Обратимся теперь къ дворянству и посмотримъ, въ какой мѣрѣ общія стремленія къ реформамъ отразились на его взглядахъ, а также—какъ повліяла на него крестьянская реформа.

Читателю уже извѣстно, что среди дворянства даже въ эпоху реакціи образовалась горсть людей, придерживавшихся передовыхъ либерально-демократическихъ и даже радикальныхъ убѣжденій. Но въ общемъ при Николаѣ I не было въ этой средѣ широкаго политическо-конституціоннаго движенія.

Тотъ фактъ, что правительство приступило къ крестьянской реформѣ, тѣснымъ образомъ связанной съ матеріальными интересами и политическимъ значеніемъ дворянства, не могъ не оказать на него извѣстнаго вліянія.

Дѣйствительно, оно стало серьезнѣе интересоваться экономическо-финансовыми и даже политическими вопросами. Пока правительство предоставляло дворянамъ-помѣщикамъ полную свободу, они пользовались крѣпостной зависимостью крестьянъ по своему усмотрѣнію и въ большинствѣ относились безразлично къ задачамъ политическаго характера вообще и правово-государственнымъ въ частности. Теперь же, когда выяснилось, что рѣшать кре-

стьянскій вопросъ будетъ бюрократія, что она можетъ выработать новую административную организацію деревни и общины, когда выдвинулся цѣлый рядъ требующихъ того или иного рѣшенія задачъ, близкихъ интересамъ дворянства, — оно стало сильнѣе проникаться мыслью, что въ проведеніи всѣхъ этихъ перемѣнъ въ государствѣ оно должно принимать дѣятельное, а не пассивное участіе, что его голосъ долженъ выражать нѣчто большее, чѣмъ мнѣніе экспертовъ, которое во вниманіе можетъ быть принято, но не является обязательнымъ. Такой поворотъ въ образѣ мыслей дворянства естественно долженъ былъ привести къ тому, что оно рано или поздно, съ роковой неизбѣжностью пожелаетъ ограничить права бюрократіи, а этимъ самымъ и самодержавіе, на могущество котораго она опиралась.

Такъ случилось и на самомъ дѣлѣ. Мало по малу на собраніяхъ дворянъ разныхъ губерній, въ резолюціяхъ и обращеніяхъ ихъ къ престолу обнаружались конституціонныя стремленія. Первые шаги дворянства въ этомъ направленіи не отличались особенной смѣлостью, но постепенно становились все болѣе и болѣе увѣренными; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ дворянство предъявило строго опредѣленныя требованія, выраженныя съ большимъ тактомъ, мужествомъ и силой.

Такимъ образомъ, среди аристократіи и дворянства возрождались при новой обстановкѣ конституціонныя стремленія декабристовъ.

Вообще, вернушіеся изъ ссылки декабристы, а также члены кружковъ Петрашевскаго и другихъ, оказывали въ той или иной формѣ благотѣльное вліяніе на подготовку крестьянской реформы. Напр., декабристъ кн. Е. Оболенскій подсказывалъ весьма цѣнныя мысли своему другу Ростовцеву¹⁾, руководившему подготовительными работами по освобожденію крестьянъ.

Нѣкоторые петрашевцы играли весьма замѣтную роль либо въ дворянскихъ собраніяхъ, либо въ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ, гдѣ шла эта подготовительная работа.

---

¹⁾ Это тотъ Ростовцевъ, который предупредилъ Николая I о существованіи заговора 14 декабря и убѣждалъ отречься отъ престола. Когда Оболенскій вернулся изъ ссылки, Ростовцевъ чувствовалъ себя обязаннымъ повидаться съ нимъ и оправдать свое поведеніе и дѣятельность.

Вернемся къ конституціонному движенію среди дворянства.

Какъ уже было сказано, первые политическіе шаги его не отличались смѣлостью. Размѣры его требованій обуславливались ходомъ самого дѣла. Такимъ путемъ, наиболѣе популярной стала мысль о созывѣ общеимперскаго дворянскаго съѣзда, на которомъ были бы рассмотрѣны труды подготовлявшей реформу редакціонной комисіи. Среди другихъ повторяются слѣдующія требованія:

- 1) судъ гласный и равный для всѣхъ,
- 2) отдѣленіе судебной власти отъ административной и полицейской,
- 3) введеніе самоуправляющихся хозяйственныхъ учреждений въ уѣздахъ и губерніяхъ,
- 4) свободное обсужденіе въ печати общественныхъ, экономическихъ и культурныхъ нуждъ.

Болѣе прогрессивная и смѣлая часть дворянства, разумѣется, думала о конституціи, но взглядовъ своихъ въ то время открыто не высказывала.

Наиболѣе передовое тверское дворянство, во главѣ со своимъ предводителемъ Унковскимъ, требовало надѣленія крестьянъ землею, выкупленной у помѣщиковъ за государственнй счетъ; оно противилось тому, чтобы между настоящимъ положеніемъ и будущимъ, когда крестьяне станутъ уже свободными, вводить какой либо переходной періодъ, и желало скорѣйшей ликвидаціи стараго порядка. По отношенію къ правительству оно сохраняло вполнѣ независимый тонъ, который весьма не понравился правительству и привелъ къ тому, что Унковскій, старый петрашевецъ Европеусъ и Головачевъ были высланы административнымъ порядкомъ въ Пермь. Распоряженіе это оправдывали тѣмъ, что присутствіе названныхъ лицъ вызываетъ броженіе умовъ въ тверской губерніи. Высылка этихъ общественныхъ дѣятелей вызвала вполнѣ понятное всеобщее негодованіе.

Къ дальнѣйшему развитію либеральнаго движенія среди дворянства мы еще вернемся въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же при разсмотрѣніи его начала, необходимо замѣтить, что въ движеніи принимали участіе элементы неоднородные, а именно—съ одной стороны аристократія и богатое дворянство, съ другой—дворянство средней состоятельности и бѣдное. Дворяне изъ первой категоріи,

раздраженные реформой крестьянского быта, вѣрнѣе, — формой этого преобразованія, устраненіемъ дворянства отъ серьезнаго участія въ немъ и произволомъ бюрократіи, думали о скорѣйшемъ ограниченіи власти государя въ пользу преимущественно, если не исключительно, крупныхъ помѣщиковъ. Законченныхъ конституціонныхъ проектовъ у нихъ не было; извѣстны однако ихъ общія тенденціи — они ненавидѣли бюрократію, съ которой лично не имѣли ничего общаго.

Вторая категорія къ аристократіи и богатому дворянству относилась недружелюбно и отвергала всякую мысль о передачѣ правленія въ ихъ руки, но съ аристократіей дворянство малаго достатка было связано матеріально, ибо не имѣло возможности прожить собственными средствами. Часть этого дворянства также желала конституціоннаго строя, но болѣе дѣмократическаго, чѣмъ тотъ, котораго добивались аристократія и крупные помѣщики-дворяне. Другая часть того же малоимущаго дворянства, не стремясь въ то время къ введенію конституціи, довольствовалась либеральными и демократическими реформами въ границахъ самодержавія; ее удовлетворяютъ болѣе или менѣе демократическій просвѣщенный абсолютизмъ.

Вообще же, какъ аристократія вмѣстѣ съ богатымъ дворянствомъ, такъ и захудалые и средней состоятельности дворяне одинаково боялись народнаго движенія снизу. Вслѣдствіе этого ни одна изъ сказанныхъ группъ не могла думать о томъ, чтобы дать сигналъ къ борьбѣ за конституціонный строй. Мѣщанство стояло въ сторонѣ, и въ идейную и непосредственную борьбу втянулось лишь постепенно. Поэтому движеніе среди либеральнаго дворянства, не имѣя достаточно собственныхъ силъ, не могло также рассчитывать на помощь извнѣ. По этой же причинѣ оно не добилось отъ правительства конституціонныхъ уступокъ, но все же въ значительной степени содѣйствовало при Александрѣ II дальнѣйшимъ реформамъ, о которыхъ мы скажемъ впоследствии¹⁾. Русское обще-

---

1) Изъ многихъ сочиненій, относящихся къ характеристикѣ этого періода, упомянемъ лишь слѣдующіе труды: Джаншіева и Головачева — по эпохѣ реформъ, Татищева — о личности Александра II и статьи Корнилова — въ частности по крестьянскому вопросу, въ книгѣ подъ загл. „Крестьянскій строй“, и наконецъ неизвѣстнаго автора — „Общественныя движенія при Александрѣ II“.

ство въ періодъ 1855—61 гг. много пережило: социальныя отношенія въ значительной мѣрѣ измѣнились, сословныя перегородки ослабѣли, проснулись въ различныхъ слояхъ общества новыя и упорныя стремленія, экономическая жизнь получила благоприятную почву, на которой стала развиваться быстрѣе и всестороннѣе, чѣмъ прежде.

VIII.

Новыя умственныя и общественно-политическія теченія. Возникновеніе революціоннаго движенія.

1.

Съ конца XVIII в. умственное движеніе на Западѣ въ сильной степени отражалось въ Россіи.

Идеалистическая философія, высшимъ выраженіемъ которой была система Гегеля, постепенно теряла подъ собою почву. На смѣну явился матеріалистическій монизмъ Фейербаха, затѣмъ вульгарный матеріализмъ Фохта, Малешо и позитивизмъ различныхъ оттѣнковъ. Новое направленіе европейской мысли утвердилось особенно благодаря великимъ открытіямъ въ области естественно-историческихъ наукъ, которыя въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг. XIX столѣтія столь щедро обогатили человѣческія знанія.

Это новое міровоззрѣніе на Западѣ быстро проникло въ Россію, заняло мѣсто гегельянства, влило новыя силы въ науку, литературу и публицистику и распространялось тѣмъ легче, что оно для широкаго круга интеллигенціи являлось болѣе доступнымъ, чѣмъ туманныя построенія нѣмецкой идеалистической философіи.

Умственное движеніе въ Россіи въ періодъ 1857—1870 гг. напоминаетъ собою интеллектуальныя стремленія во Франціи наканунѣ Великой Революціи, хотя и не лишено своеобразныхъ оттѣнковъ. Присмотримся къ нему ближе. Основныя черты его слѣдующія: реализмъ, рациона-

лизмъ, утилитаризмъ, культъ жизни и воли. Реализмъ проявлялся въ отрицаніи всякихъ метафизическихъ построеній, углубленіи въ задачи жизни, какъ соціальной, такъ индивидуальной; это теченіе стало господствовать даже въ эстетикѣ; красота это жизнь—утверждалъ Чернышевскій. Реализмъ находился въ тѣсной связи съ рационализмомъ; критическая мысль, освободившись отъ различныхъ теологическихъ, метафизическихъ и моральныхъ оболочекъ, проникала въ самую глубину чувствъ, желаній и мышленія личности, стараясь все понять и взвѣсить, съ тѣмъ, чтобы необоснованное—отбросить, а разумное—обосновать. Реалисты и рационалисты не останавливались передъ наиболѣе радикальными умозаключеніями, не придавали никакой цѣнности традиціямъ, желали свою внутреннюю и внѣшнюю жизнь строить соотвѣтственно указаніямъ утилитаризма, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Современное молодое поколѣніе, вышедшее наконецъ изъ густого мрака реакціи и невѣжества, узрѣвшее торжество мысли и знанія и принимавшее участіе въ устраненіи вѣкового института рабства (крѣпостного права), питало безбрежную вѣру въ прогрессъ и счастье человѣчества; въ этомъ поколѣннн жило убѣжденіе, что русскій народъ—это *tabula rasa*, чистая доска, на которой легко написать все, что является послѣднимъ словомъ науки и общественности.

Сознаніе того факта, что русскій народъ, который прозябалъ и несъ тяжелый крестъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, нынѣ вступаетъ въ свѣтлую эру общественныхъ преобразованій, создавало возвышенное и радостное настроеніе и глубокой подъемъ въ обществѣ. Попираемая и грубо останавливаемая въ своемъ развитіи жизнь стала предметомъ всеобщаго культа. Все—для жизни, все—для счастья личности и общества. Ничего нѣтъ выше жизни. Разумѣется, жизнью называлась реальная, земная жизнь, въ которой нераздѣльно и гармонически сливалось духовное и тѣлесное бытіе человѣка. Это преклоненіе предъ жизнью было столь сильнымъ, столь глубокимъ, что примиряло даже со смертью, какъ неизбѣжнымъ завершеніемъ человѣческаго существованія. Видя возможность счастья и всесторонняго напряженія земной, полной содержанія и дѣятельности, жизни, о лучшей никто и не мечталъ. Умы современниковъ были такъ про-

питаны реализмомъ, что никто не интересовался вопросомъ о загробномъ существованіи.

Хотѣлось жить полной жизнью, но не вызывала отчаянія и неминуемость смерти. Конечно, мысль объ ограниченности предѣловъ личнаго существованія—тяжела, но она скрашивалась сознаниемъ, что индивидовъ переживутъ общества и что человекъ со всей дѣятельностью своей есть частица великой вѣчной природы. Проницательные англійскіе мыслители, опирающіе свои выводы прежде всего на фактахъ, были любимыми учителями современной русской интеллигенціи. Спенсеръ, Дарвинъ, Д. С. Милль, Бокль и др. читались запоемъ, система Конта пользовалась огромнымъ успѣхомъ. Успѣхъ сочиненій этихъ мыслителей не указываетъ однако на то, что русское образованное общество слѣпо слѣдовало за ними. Теоріи упомянутыхъ европейскихъ ученыхъ служили лишь отправной точкой въ разсужденіяхъ русскихъ писателей и публицистовъ, которые вполнѣ самостоятельно перерабатывали заимствованныя идеи и примѣняли ихъ къ нуждамъ русской жизни и русскаго общества.

Молодая, прогрессивная русская интеллигенція рвалась къ жизни и стремилась къ тому, чтобы русскій народъ поскорѣ покончилъ съ пережитками прошлаго. И потому то изъ ея рядовъ раздавались призывы къ труду и энергій; вѣря въ великое значеніе науки, она полагала, что достаточно познать идеалъ и ведущіе къ нему пути, чтобы тотчасъ же его осуществить. Вопросъ только въ томъ, чтобы пожелать и сдѣлать усиліе. Такимъ образомъ создавался культъ воли.

Эти идеи и взгляды, почерпнутые изъ жизни Запада, приняли на фонѣ русскихъ условій своеобразную окраску, особенно потому, что приверженцами ихъ явились новыя общественныя группы, только теперь выступающія на историческую арену...

Каковы же были эти новыя группы?

Въ эпоху Николая I цвѣтъ русской интеллигенціи составляли элементы дворянства. Люди низшаго круга лишь въ видѣ исключенія могли основательно проникнуться выводами умственного движенія на Западѣ.

Литература и повременная печать были правительствомъ стѣснены до крайности, и хотя русскіе писатели научились обманывать бдительность цензуры и встрѣчали

въ читателяхъ чуткое пониманіе, однако неизбѣжныя недомолвки естественно отражались на той духовной пищѣ, которую они предлагали образованной части общества. Впрочемъ умственное движеніе 50-хъ годовъ XIX в. могло окончательно захватить широкіе круги интеллигенціи только спустя нѣсколько лѣтъ.

Новая эра, начавшаяся вступленіемъ на престолъ Александра II, сама по себѣ облегчала распространеніе умственного движенія на широкіе круги общества. Само правительство, потерпѣвъ въ крымскую кампанію поражение не только въ области военнаго дѣла, почувствовало необходимость заняться просвѣщеніемъ народа, и съ этой цѣлью облегчило доступъ въ университеты и вообще въ высшія учебныя заведенія, вслѣдствіе чего число студентовъ сильно возросло. Цензура присмирѣла. Полученіе книгъ изъ заграницы не встрѣчало уже столько препятствій, какъ прежде. Правительству нужно было для проведенія въ жизнь начатыхъ реформъ подготовить многочисленныхъ и образованныхъ чиновниковъ, поэтому, въ особенности вначалѣ, оно дѣлало все, чтобы привлечь на государственную службу людей съ высшимъ образованіемъ. Это обстоятельство побудило многихъ родителей изъ недворянской среды отдавать сыновей въ высшія учебныя заведенія.

Одно дворянство уже не было въ состояніи обслуживать нужды правительства; съ другой стороны развитіе экономической жизни оживило мѣщанскій классъ.

Новыя вѣянія проникли въ семинаріи и духовныя училища; значительная часть учившейся тамъ молодежи предпочла идти на иное, недуховное поприще и искать куска хлѣба либо на государственной службѣ, либо въ дѣятельности свободныхъ профессій. Словомъ на арену общественной жизни выступили теперь разночинцы. Психологія этихъ людей, воспитанныхъ совершенно въ иной, чѣмъ дворянство, атмосферѣ, съ иными привычками и вкусами, должна была сказаться и на формѣ ихъ мысленія и на характерѣ ихъ поступковъ. Соображеніе это не слѣдуетъ терять изъ виду при изслѣдованіи и оцѣнкѣ социально-политическаго движенія 1860—70 гг.

Радикалы временъ Николая I придерживались крайнихъ взглядовъ и всей душой презирали существующій въ Россіи порядокъ вещей, но быть его кровными врагами не

могли; въ борьбѣ съ нимъ они все же были связаны личными отношеніями, привычками и т. д.

Эта радикально-прогрессивная часть русскаго дворянства очутилась въ весьма тяжеломъ положеніи: стремясь къ отдаленнымъ идеаламъ, она ни въ чемъ не находила поддержки и сознавала, что является на отечественной почвѣ экзотическимъ, чужеземнымъ растеніемъ. Не было въ ней глубокой вѣры въ близкое торжество прогресса и осуществленіе собственныхъ идеаловъ. Отсюда ея печальное, меланхолическое настроеніе. Люди это были мягкіе, очень впечатлительные, эстетически утонченные. Ихъ политическо-соціальныя идеалы въ значительной степени были результатомъ эстетическихъ чувствъ и утонченныхъ вкусовъ и отнюдь не вытекали изъ ихъ соціального положенія. Они прониклись этими идеалами скорѣе противъ своихъ сословныхъ интересовъ, изъ чувства симпатіи къ страдающимъ¹⁾ и вслѣдствіе подчасъ исключительныхъ обстоятельствъ. Въ виду всего сказаннаго, такихъ людей нашлась всего небольшая горсть.

Иначе обстояло съ соціальными группами, изъ которыхъ вышелъ разночинецъ, — т. е. заброшеннымъ общественнымъ слоємъ, находившимся подъ тройнымъ гнетомъ правительства, аристократіи и богатаго дворянства. Освободительныя идеи, какъ либеральныя, такъ и радикальныя, имѣли для него реальное, жизненное, практическое значеніе. Современную ему дѣйствительность онъ ненавидѣлъ не только разсудкомъ, но прежде всего чувствомъ; къ высшей бюрократіи и дворянству онъ настроенъ былъ крайне недружелюбно. Разночинецъ не могъ считать себя, какъ русскіе прогрессисты изъ дворянъ, наноснымъ элементомъ въ средѣ роднаго народа. Правда, по отношенію къ народнымъ массамъ и разночинцы представляли немногочисленную группу, но какъ бы то ни было имѣли большее значеніе и не безъ основанія считали себя ближе стоящими къ народу. Отсюда довѣріе разночинца къ собственнымъ силамъ, ощущеніе твердой почвы подъ ногами. Напередъ можно было сказать, что въ борьбѣ съ существующимъ режимомъ, разночинецъ будетъ стремителенъ и энергиченъ и его требованія будутъ крайними.

¹⁾ Причины этой симпатіи мы пытались опредѣлить въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Радикаль-дворянинъ былъ воспитанъ, вѣжливъ, мягокъ; разночинецъ — неэстетиченъ, подчасъ даже грубъ; первый — колебался, второй былъ рѣшителенъ. Противоположность эта обнаружилась въ новомъ революціонномъ движеніи, которое началось въ 1861 г.

2.

Наиболѣе выдающимся представителемъ умственного и социальна-политическаго движенія того времени является безспорно Ник. Чернышевскій. Его воззрѣнія оказали огромное и длительное вліяніе на радикальный лагерь русскаго общества. Глубокій и точный умъ, всестороннее образованіе, трудолюбіе, энергія и выносливость вполнѣ характеризуютъ этого замѣчательнаго человѣка и дѣятеля. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ касался различнѣйшихъ философскихъ, экономическихъ, общественныхъ, эстетическихъ и историческо-политическихъ вопросовъ. На какой либо одной области знаній онъ не могъ сосредоточиться, ибо онъ былъ прежде всего дѣятелемъ, можно сказать — воспитателемъ русскаго общества, и ему необходимо было вліять на него способомъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. По природѣ своего строгаго логическаго ума онъ былъ ученымъ крупнаго калибра и именно — въ области социальныхъ и философскихъ наукъ; писалъ онъ однако много и объ эстетикѣ и литературѣ, ибо эти вопросы наиболѣе интересовали современныхъ ему читателей и такимъ путемъ легче можно было передать имъ необходимыя свѣдѣнія и внушить здравыя понятія. Научно-литературное наслѣдство Чернышевскія оставилъ большое; теперь оно уже доступно для всѣхъ. Но такъ какъ въ настоящемъ трудѣ мы заняты главнымъ образомъ движеніемъ, а не отдѣльными личностями, то лишены возможности подробно разбирать сочиненія Чернышевскаго, какъ равно и анализировать его теоретическія воззрѣнія¹⁾. Постараемся дать лишь общую характеристику его, какъ писателя и дѣятеля, представить его, такъ сказать, интеллектуальную физиономію; это необходимо для пониманія революціоннаго

1) См. соч. Плеханова въ ежегодникѣ «Соціалдемократъ», гдѣ разобраны философскія, экономическія и литературныя воззрѣнія Чернышевскаго, хотя далеко не всѣ.

движенія въ 1860—70 г., на которое его личность и дѣятельность наложили яркую печать.

Н. Чернышевскій, род. въ Саратовѣ въ 1829 г. и происходилъ изъ духовнаго званія—онъ сынъ протоіеря. Отецъ его, самъ образованный человѣкъ, далъ сыну хорошее воспитаніе и основательное образованіе. Н. Чернышевскій учился сначала въ семинаріи, въ родномъ городѣ, а затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ 1850 г. окончилъ филологическій факультетъ. Нѣкоторое время онъ былъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, позже—въ саратовской гимназіи. Къ этому времени относится его женитьба. Въ провинціальной атмосферѣ небольшого города душно было человѣку, рвавшемуся къ научной работѣ и дѣятельности, и въ 1853 г. Чернышевскій снова въ Петербургѣ, гдѣ кромѣ учительства занимается переводами и научно-литературными рецензіями въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Позже онъ вошелъ въ составъ редакціи другого ежемѣсячнаго журнала „Современникъ“ и вскорѣ сталъ его главнымъ руководителемъ.

Чернышевскій легко могъ занять профессорскую кафедру, но не хотѣлъ себя въ чемъ то ни было связывать и предпочелъ посвятить свои силы публицистикѣ въ широкомъ смыслѣ слова. По его мнѣнію, въ Россіи въ то время ученый не долженъ уходить цѣликомъ въ свою специальность и отдаваться чистой и космополитической наукѣ, но направлять свои силы туда, гдѣ можно принести наиболѣе пользы родной странѣ, элементарнѣйшія нужды которой еще не удовлетворены. Очевидно, Чернышевскій прежде всего думалъ о пробужденіи умственной жизни общества, созданіи и распространеніи новаго міровоззрѣнія, которое было бы приспособлено къ нуждамъ отечества.

По своимъ философскимъ воззрѣніямъ Чернышевскій былъ приверженцемъ матеріализма Фейербаха. Согласно этой теоріи, человѣкъ есть существо цѣльное, духъ и тѣло составляютъ одно цѣлое—частицу природы, сверхъестественныхъ силъ не существуетъ, религія имѣетъ началомъ не Бога, но человѣческую психологію.

Однако Чернышевскій не былъ пассивнымъ поклонникомъ Фейербаха; ученіе послѣдняго служило для Чернышевскаго лишь точкой отправленія, основой его собственныхъ самостоятельныхъ теорій.

Онъ много писалъ по социально-экономическимъ вопросамъ. Замѣчательны его поясненія къ русскому изданію „Политической экономіи“ Д. С. Милля, а также трактаты объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи.

Чернышевскій — убѣжденный социалистъ въ прежнемъ значеніи слова, т. е. не марксистъ; онъ совершенно опредѣленно высказывался за социальный строй, основанный на коллективной собственности и изгонявшій мѣновую систему, — строй, въ которомъ бы социальное хозяйство велось по общему плану и въ соотвѣтствіи съ потребностями общества. Родоначальникомъ этого взгляда былъ Фурье.

На закатѣ дѣятельности, Чернышевскій свои социалистическія общественныя воззрѣнія слилъ съ политическими взглядами въ одно гармоническое и неразрывное цѣлое. Его нельзя назвать фурьеристомъ, ибо у Фурье политическій факторъ не игралъ почти никакой роли; Чернышевскій революціонеръ въ политическо-социальномъ смыслѣ; какъ таковому ему было ясно, что существующій строй нельзя измѣнить, такъ сказать, частными усиліями доброй воли, но лишь при помощи государственнаго механизма. Онъ совѣтовалъ устраивать производительныя кооперации, но въ то же время указывалъ на необходимость политической дѣятельности. Правда, къ этимъ убѣжденіямъ онъ пришелъ не сразу, но лишь въ послѣдніе годы передъ арестомъ, т. е. около половины 1862 г. Это извѣстно изъ литературы революціонныхъ организацій, съ которыми онъ несомнѣнно находился въ близкихъ отношеніяхъ, — изъ литературы, которую бытъ можетъ самъ онъ редактировалъ, зачастую даже писалъ. Сказанное мы подробнѣе обоснуемъ въ дальнѣйшемъ. Экономическимъ факторамъ въ общественномъ развитіи, Чернышевскій придавалъ большое значеніе; по временамъ однако казалось, что главнымъ двигателемъ онъ считаетъ умственное развитіе. Колоссальное значеніе классовой борьбы онъ выдвигалъ постоянно, и въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ обнаружилъ много творчества. Особенную цѣнность, — какъ справедливо отмѣчаетъ Плехановъ, — имѣетъ его блестящая критика противниковъ вмѣшательства государства въ сферу хозяйственно-общественныхъ отношеній. Но Чернышевскаго не столь занимало объясненіе механизма существующихъ экономическихъ

явленій, сколь указаніе возможности и пользы иного строя, основаннаго на иныхъ экономическихъ началахъ.

Экономическія теоріи Маркса въ то время были мало извѣстны въ Западной Европѣ, а въ Россіи быть можетъ и не знали о ихъ существованіи. Важнѣйшее сочиненіе Маркса, „Капиталъ“, тогда еще не существовало (1-й томъ вышелъ только въ 1867 г.). Но появились уже—„Коммунистическій манифестъ“, написанный совмѣстно съ Энгельсомъ, „Нищета философій“, направленная противъ Прудона, и „Матеріалы къ критикѣ политической экономіи“—сочиненія, незнакомыя Чернышевскому.

Въ уже цитированномъ нами сочиненіи, Плехановъ весьма подробно разобралъ воззрѣнія Чернышевскаго и указалъ на недочеты въ нихъ, съ точки зрѣнія нынѣшняго положенія науки. Слѣдуетъ однако замѣтить, что эти ошибки допускались и другими экономистами и что даже ошибаясь, Чернышевскій обнаруживалъ оригинальность мысли и былъ весьма близокъ къ правильному рѣшенію разсматриваемыхъ имъ задачъ.

Особенно важное значеніе для общественнаго развитія Россіи имѣли взгляды Чернышевскаго на общинное землевладѣніе, которые въ теченіе долгаго времени служили символомъ вѣры русскихъ революціонеровъ. Въ виду этого мы нѣсколько остановимся на этихъ взглядахъ.

Такъ же, какъ и Герценъ, Чернышевскій приписывалъ общинному землевладѣнію крупное значеніе, видя въ немъ зародышъ высшей формы грядущаго строя; онъ полагалъ, что оно вырабатываетъ въ народѣ тѣ понятія и привычки, которыя дѣлаютъ осуществленіе социалистическаго строя болѣе возможнымъ и легкимъ, чѣмъ при нераздѣльномъ господствѣ принципа частной собственности,—какъ въ правосознаніи народа, такъ и въ его обычаяхъ и инстинктахъ. Эта форма земельной собственности, по мнѣнію Чернышевскаго, ничуть не затрудняетъ проявленія личной инициативы и прекрасно уживается съ усовершенствованной обработкой земли и примѣненіемъ къ ней различныхъ техническихъ изобрѣтеній; доказательствомъ этому служитъ бытъ уральскихъ казаковъ, у которыхъ не только собственность, но и обработка основана на коллективныхъ началахъ.

Если даже необходимо, чтобы эволюція земельныхъ отношеній, вплоть до коммунизма, прошла черезъ стадію

господства частной собственности, то длительность этой фазы может быть, по мнѣнію Чернышевскаго, различной—занять многіе годы, либо весьма короткое время, иногда равняться нулю. Словомъ, Чернышевскій полагалъ, что Россія, пользуясь опытомъ Запада, можетъ со временемъ либо перейти непосредственно къ коммунизму, либо сократить до минимума періодъ господства частной собственности. Онъ боялся, чтобы массы, вслѣдствіе упроченія частной собственности, не были лишены земли.

Онъ ссылался на гегелевскую формулу, по которой послѣ тезиса слѣдуютъ антитезисъ и синтезъ. Тезисомъ онъ считалъ общинное землевладѣніе, антитезисомъ—частную собственность на землю, синтезомъ—коммунизмъ. Желалъ однако, чтобы антитезисъ не имѣлъ мѣста въ Россіи, чтобы его можно было миновать.

Разсматривая переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ коммунизму, можно было бы съ Чернышевскимъ согласиться; но центръ тяжести въ этомъ вопросѣ заключается въ степени разложенія, которому подвергалась эта форма земельной собственности подъ влияніемъ мѣнливой системы и начинающаго развиваться въ Россіи денежнаго хозяйства,—а именно: представляетъ ли собой крестьянское населеніе, пользующееся общиннымъ землевладѣніемъ,—одинъ сплоченный и солидарный социальный слой, или въ немъ имѣетъ мѣсто борющійся антагонизмъ между различными группами; наконецъ—существуютъ ли въ русскомъ народѣ социальныя силы, заинтересованныя въ томъ и достаточно мощныя, чтобы этотъ переходъ осуществить?

На этотъ вопросъ Чернышевскій не далъ отвѣта, отчасти потому, что въ то время по отношенію къ Россіи его дать было трудно, отчасти вслѣдствіе того, что по вопросу о способахъ преобразованія социальныхъ формъ не обладалъ еще столь ясными, скристаллизованными возрѣніями, какъ распространенныя теперь благодаря успѣхамъ науки.

Соглашаясь съ Герценомъ, что общинное землевладѣніе принесетъ огромную пользу народнымъ массамъ въ Россіи, Чернышевскій совершенно расходился съ нимъ во взглядѣ на значеніе этой формы въ жизни Западной Европы, ибо полагалъ, что въ моментъ социального переворота западнаго общества не будутъ нуждаться въ за-

имствованіи формы земельной собственности изъ Россіи, имѣя въ рукахъ достаточно средствъ, чтобы ввести коммунистическій строй на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ это могло бы быть у насъ.

Горячій сторонникъ западной цивилизаціи, Чернышевскій вѣрилъ въ ея жизненность и съ пренебреженіемъ отвергалъ теорію Герцена, согласно которой Западъ изжилъ и находится въ состояніи разложенія. Его трезвый и точный умъ далекъ былъ отъ столь фантастическихъ выводовъ.

Любя Россію и своихъ соотечественниковъ не менѣе, чѣмъ Герценъ, онъ ихъ не идеализировалъ, смотря на вещи весьма критически. Отсюда не слѣдуетъ, что Чернышевскій относился съ восторгомъ ко всѣмъ явленіямъ жизни на Западѣ; напротивъ, нѣкоторыя изъ нихъ вызывали въ немъ весьма пессимистическое настроеніе; о тогдашнемъ либерализмѣ онъ отзывался очень иронически. Первоначально Чернышевскій, въ возраженіяхъ противъ либерализма, заходилъ слишкомъ далеко, утверждая, что для истинныхъ демократовъ и собственно социалистовъ форма правленія почти безразлична, что исключительно политическія реформы не имѣютъ никакой цѣнности и что рабочей ими почти не пользуется. Однако позже его взглядъ на этотъ вопросъ измѣнился, и мы увидимъ, что въ революціонныхъ организаціяхъ и литературѣ, къ которымъ онъ безспорно былъ причастенъ, политическія требованія выдвигались съ такой же силой, какъ и экономическо-соціальныя. Поэтому Чернышевскій искренно привѣтствовалъ либеральное движеніе среди русскаго дворянства въ 1862 г. и утверждалъ, что если бы другія сословія имѣли возможность, то и они бы сообща высказались за конституціонный строй.

Вообще—слѣдуетъ замѣтить, что всегда дѣятельный умъ Чернышевскаго обладалъ большой впечатлительностью. Чернышевскій постоянно совершенствовалъ свои взгляды и провѣрялъ ихъ на фактахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы грубая рука правительства не вырвала его изъ общественной и культурной жизни и онъ не былъ сосланъ въ каторжныя работы, а затѣмъ въ отдаленный Виллюскъ на поселеніе, то этотъ выдающійся умъ, непрерывно развиваясь, обогатилъ бы не только русскую, но и мировую литературу трудами огромнаго значенія. Политическо-

соціальныя возарѣнія его, какъ на текущую жизнь, такъ и на отдаленное будущее Россіи и другихъ странъ, во многомъ бы измѣнились и сблизили бы его съ убѣжденіями, господствующими нынѣ въ социалистическомъ лагерѣ.

Какъ уже было сказано, Чернышевскій не былъ марксистомъ, и не только въ строго-экономическихъ, но и въ социологическихъ вопросахъ часто удалялся отъ автора „Капитала“. Въ трудящихся классахъ, которые Чернышевскій называлъ простонародіемъ, онъ не различалъ собственно рабочихъ отъ другихъ трудовых общественныхъ слоевъ, онъ не сознавалъ въ должной мѣрѣ великаго значенія пролетаріата, какъ носителя опредѣленныхъ идеаловъ. Безъ сомнѣнія, причину этого слѣдуетъ искать въ томъ фактѣ, что Чернышевскій жилъ въ Россіи, а не въ какомъ либо иномъ государствѣ съ высоко развитыми общественно-экономическими отношеніями. Но во всякомъ случаѣ, въ научныхъ и публицистическихъ произведеніяхъ своихъ онъ стоялъ на почвѣ главнымъ образомъ интересовъ эксплуатируемыхъ классовъ вообще, пролетаріата—въ частности.

Чернышевскій прекрасно понималъ зависимость личнаго сознанія и человѣческихъ поступковъ отъ внѣшней среды, поэтому онъ дѣлалъ удареніе главнымъ образомъ на измѣненіи внѣшнихъ отношеній. Будучи убѣжденнымъ приверженцемъ вмѣшательства организованныхъ соціальныхъ силъ въ лицѣ государства—въ дѣла народа, онъ далекъ былъ отъ анархизма Прудона, и скорѣе взглядамъ его и настроенію ближе бланкизмъ. Онъ любилъ народъ, въ широкомъ смыслѣ слова, но смотрѣлъ на него трезво, давая себѣ ясный отчетъ въ полной несознательности, отсталости и рутинности массъ, особенно крестьянскихъ. Поэтому онъ и полагалъ, что только реформы сверху, послѣ революціонныхъ дѣйствій снизу—въ формѣ ли заговора, либо массоваго движенія,—могутъ вывести русское общество изъ настоящаго положенія.

Совершенно опредѣленно этихъ взглядовъ онъ нигдѣ не выражалъ, и лишь изъ сопоставленія нѣкоторыхъ его мнѣній и дѣятельности со свидѣтельствами современниковъ мы можемъ опредѣлить политическую фізіономію этого выдающагося человѣка.

Чернышевскій въ полномъ смыслѣ слова былъ борецъ. Ему нравилась острая полемика и онъ охотно прибѣгалъ

къ ней для популяризаціи своихъ взглядовъ. Не обладая красотою легкаго и живого стила Герцена, онъ превосходилъ его широтой и глубиной взгляда, точною пониманіемъ и умѣніемъ исчерпать предметъ при помощи все-сторонняго освѣщенія такового. Герценъ могъ легче увлечь читателя, но Чернышевскій большому училъ его и прочнѣе убѣждалъ.

Между этими двумя дѣятелями, сыгравшими выдающуюся роль въ развитіи русскаго общества, существовали глубокія различія въ способностяхъ, привычкахъ, вкусахъ и дѣятельности.

Художникъ по натурѣ, Герценъ былъ крайне впечатлительный, мягкій, легко поддавался въ приѣмахъ политической тактики вліянію измѣнчивыхъ настроеній, былъ склоненъ къ поспѣшнымъ выводамъ и зачастую слишкомъ общимъ и рѣшительнымъ сужденіямъ въ сложныхъ вопросахъ. Чернышевскій, напротивъ, художественныхъ способностей или наклонностей не проявлялъ; даже создавая свою нашумѣвшую повѣсть „Что дѣлать?“, высказывался лишь послѣ детальнаго разбора вопроса, не давая увлечь себя чувству... Герценъ, имѣя опредѣленные идеалы, въ тактикѣ всегда избѣгалъ насильственныхъ и измѣнническихъ приѣмовъ борьбы, даже по отношенію къ коварному и рѣшительному врагу,—въ политикѣ онъ рыцарь-эстетъ. Напротивъ, неумолимый въ борьбѣ Чернышевскій былъ убѣжденъ, что въ политикѣ нужно иногда прибѣгать къ крайнимъ средствамъ и приѣмамъ тактики, которая съ точки зрѣнія отвлеченной нравственности можетъ имѣть и непривлекательныя стороны. Герценъ въ своемъ „Колоколѣ“ выступалъ прежде всего обличителемъ; обширной программы, охватывавшей всѣ стороны политической и социальной жизни у него не было, и вообще, отдаваясь настроенію минуты, программъ онъ не любилъ. Чернышевскій упрекалъ его въ безсистемности и былъ правъ, совѣтуя выдвинуть наконецъ широкую общественно-политическую программу,—конституціонную, или республиканскую либо социалистическую. Обличенія отдѣльныхъ представителей власти въ злоупотребленіяхъ, правда —полезно, даетъ возможность правительству избѣжать въ будущемъ повторенія ошибокъ и облегчаетъ контроль надъ дѣйствіями подчиненныхъ, но частичныя обличенія не подрываютъ самого режима, а именно этого слѣдовало добиваться.

Герцень, не вѣря въ программы, отвѣчалъ, что дѣло не въ нихъ, а въ практическомъ результатѣ, ибо жизнь не считается съ программами. Аргументъ, разумѣется, слабый, ибо въ понятие жизни входятъ и взгляды дѣйствующихъ людей, стало быть, и ихъ программы; послѣднія, общая требованія практики въ данный моментъ, организуютъ борьбу и служатъ для нея вѣхами.

Герцена коробили и раздражали рѣзкія, подчасъ безосновательныя нападки Чернышевскаго и Добролюбова въ „Современникѣ“ на личностей и направленія. Дѣйствительно, они нападали не только на консерваторовъ разныхъ оттѣнковъ, но и на свободомыслящихъ и оппозиционно настроенныхъ ровесниковъ Герцена и Огарева, занимавшихся, правда, одними благочестивыми пожеланіями. Это были, по выраженію руководителей „Современника“ — лишніе люди. Быть можетъ въ этихъ нападкахъ и заключалась доля преувеличенія, несправедливой оцѣнки заслугъ, несоотвѣтствія требованій съ возможностью ихъ исполненія. Но несомнѣнно, брошенные „Современникомъ“ упреки справедливы въ томъ отношеніи, что они не были людьми борьбы, не стали борцами. Герцень никогда вполнѣ не излѣчился отъ иллюзіи, что Россія можетъ быть кореннымъ образомъ перестроена безъ всякихъ потрясеній. „Колоколь“ повелъ атаку противъ „Современника“, и отношенія между Чернышевскимъ и Добролюбовымъ съ одной стороны, и Герценомъ и Огаревымъ съ другой — стали натянутыми. Позже лишь въ концѣ 1861 и началѣ 1862 гг. наступило между ними снова нѣкоторое сближеніе. Герцень все болѣе и болѣе разочаровывался въ „реформахъ сверху“ и сталъ иначе смотрѣть на начинающееся въ Россіи революціонное движеніе, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыя его развѣтвленія. Объ этомъ у насъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. Не имѣя въ рукахъ никакихъ доказательствъ, мы все же полагаемъ, что Герцень измѣнилъ свои взгляды, какъ въ польскомъ вопросѣ, такъ и на революцію въ Россіи — подъ вліяніемъ Бакунина, который, бѣжавъ въ 1861 г изъ Сибири, пріѣхалъ въ Лондонъ. Этотъ страстный революціонеръ конечно прекрасно понималъ неизбежность революціи снизу.

Характерно, что во второй половинѣ 70-хъ годовъ, когда связь Бакунина съ Герценомъ ослабѣла, послѣдній снова вернулся къ нѣкоторымъ изъ своихъ взглядовъ, и

хотя признавалъ со времени сближенія съ Чернышевскимъ и его кружкомъ, необходимость Земскаго Собора, однако по отношенію къ революціонному движенію былъ настроенъ либо враждебно, либо безразлично.

Въ національномъ вопросѣ Чернышевскій совершенно безпристрастенъ. По его мнѣнію, каждый народъ долженъ пользоваться правомъ распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрѣнію; поэтому онъ сочувствовалъ полякамъ и принципиально ничего не имѣлъ противъ отторженія Царства Польскаго отъ Россіи. Возникновеніе малорусской литературы онъ считалъ, въ противоположность Бѣлинскому, явленіемъ естественнымъ и желательнымъ. Терпимость и чувство справедливости у Чернышевскаго были столь развиты, что и за малороссами онъ признавалъ право на независимое политическое бытіе, между тѣмъ—русскіе по отношенію къ этой народности рѣдко держатся такого взгляда. Великороссы, по его мнѣнію, сами настолько многочисленны, что могутъ образовать могущественное государство, безъ всякаго союза съ другими, нынѣ подвластными Россіи, народами.

Герценъ въ этомъ отношеніи стоялъ на той же почвѣ, но къ концу жизни выражалъ сожалѣніе, что въ польскомъ вопросѣ зашелъ слишкомъ далеко; Чернышевскій же навсегда остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ.

Онъ превосходно ориентировался во внутреннемъ положеніи Россіи и понималъ чрезвычайныя трудности, которыя стоятъ на пути у желающихъ измѣнить социальный и политическій строй русскаго государства. Поэтому, не заражаясь оптимизмомъ, онъ предвидѣлъ суровую судьбу борцовъ за лучшую долю русскаго народа ¹⁾. Не смотря на это и на сильную привязанность къ научно-литературной работѣ и къ семьѣ, Чернышевскій послѣ глубокаго размышленія пришелъ къ заключенію, что онъ вмѣстѣ съ другими долженъ взяться непосредственно за революціонную дѣятельность, не считаясь съ опасностью, какая грозитъ самоотверженнымъ борцамъ за лучшее будущее, — если не ближайшее, то все же въ концѣ концовъ—осуществимое.

Есть что-то величавое и трогательное въ выступленіи

---

¹⁾ Этотъ вопросъ освѣщенъ Кудринимъ въ статьѣ «Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ», напечатанной въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1905 г.

Чернышевскаго на арену тяжелой политической борьбы, которую онъ началъ на нелегальной почвѣ, имѣя уже тридцать съ лишнимъ лѣтъ и пользуясь въ своемъ отечествѣ почетной извѣстностью.

Съ научно-литературной и публицистической дѣятельностью Чернышевскаго тѣсно связано имя и другого писателя—Николая Добролюбова, умершаго въ молодые годы, но оставившаго въ русской жизни неизгладимые слѣды своего огромнаго вліянія. Добролюбовъ, обладая сильно развитымъ эстетическимъ вкусомъ, горячимъ чувствомъ энтузіаста и крупнымъ литературнымъ талантомъ, былъ какъ бы дополненіемъ Чернышевскаго.

Бытовые, нравственные и общественные вопросы находили рѣшеніе въ художественной критикѣ Добролюбова, который именно этимъ вопросамъ придавалъ больше значенія, чѣмъ эстетической сторонѣ разбираемыхъ произведеній. Онъ всегда выступалъ какъ гуманистъ, защищая угнетаемыхъ, отстаивая право человѣческой личности на всестороннее развитіе и свободу.

Въ настоящее время намъ кажется непонятнымъ, чтобы такія элементарныя истины нуждались въ доказательствахъ или защитѣ. Однако это было необходимо при тогдашнихъ невыносимыхъ условіяхъ жизни, въ особенности для нѣкоторыхъ общественныхъ группъ, какъ на примѣръ—купеческой среды, мастерски изображенной Островскимъ.

Повышенный, вдохновенный тонъ статей Добролюбова дѣйствовалъ не только на умъ, но и на чувство.

Взгляды Чернышевскаго онъ раздѣлялъ вполне, но статьи социальна-политическаго характера онъ писалъ лишь въ послѣдніе годы жизни. Здѣсь, какъ и во всемъ, онъ увлекалъ талантомъ, наблюдательностью, живостью изображенія. Въ произведеніяхъ Добролюбова нельзя найти точной формулировки его воззрѣній на общество и политику, но обладая дарованіемъ сатирика, онъ блестяще высмѣивалъ отрицательныя стороны русской жизни.

Нѣкоторыя статьи Добролюбова превосходно схватывали и теченія и типы изъ жизни современной ему Россіи и объясняли ихъ происхожденіе. Достаточно вспомнить его разборъ произведеній Островскаго, подъ загл. „Темное дѣло“, или критику повѣсти Гончарова „Обломовъ“, наконецъ—Тургенева „Наканунъ“. Къ русской

интеллигенці Добролюбовъ относился скептически, убѣдившись въ отсутствіи у нея энергіи и послѣдовательности; въ свою очередь—народу онъ приписывалъ обладаніе могучей волей. Вообще народъ онъ идеализировалъ, въ противоположность Чернышевскому.

Для пониманія общественнаго развитія Россіи въ то время и психологіи различныхъ ея классовъ, знакомство съ произведеніями Добролюбова необходимо. Неумолимая смерть унесла этого человѣка въ расцвѣтъ силъ; онъ род. въ 1836 г., умеръ отъ чахотки въ 1861.

3.

Кромѣ рассмотрѣннаго нами выше радикально-прогрессивнаго направленія, котораго наиболѣе крайнимъ выраженіемъ былъ социализмъ, существовало еще другое, во многихъ отношеніяхъ близкое къ нему, извѣстное въ исторіи общественнаго развитія въ Россіи подъ названіемъ „нигилизмъ“.

Терминъ этотъ, можно смѣло сказать, обошелъ весь міръ, вызывая чаще всего изумленіе, граничащее съ перепугомъ. Нѣкоторые западно-европейскіе публицисты смѣшивали нигилизмъ съ анархизмомъ Бакунина, бомбами и прочими страшными средствами борьбы. Между тѣмъ это—прежде всего опредѣленное умственное теченіе, не имѣющее никакой тактики для борьбы, крайне индивидуалистическое, въ своихъ построеніяхъ ставящее цѣлью человѣческую личность и освобожденіе ея отъ власти различныхъ узъ общественной жизни. Нигилизмъ, по крайней мѣрѣ первоначально, направлялъ свое острое критическое жало прежде всего противъ тѣхъ связывающихъ личность путь, которыя она чувствовала наиболѣе сильно и часто, стало быть, противъ—религіи, патриархальныхъ семейныхъ отношеній, брака, какъ неразрывнаго союза, различныхъ предразсудковъ мышленія и быта, всякой туманности и романтики...

Отъ рассмотрѣннаго выше направленія нигилизмъ отличался тѣмъ, особенно вначалѣ, что не заботился о народной массѣ, какъ общественномъ слоѣ, не призывалъ къ коллективной дѣятельности съ цѣлью разрѣшенія социальныхъ проблемъ путемъ широкихъ общественныхъ

реформъ; нигилисты сочувствовали реформамъ, радовались имъ, но на первый планъ ставили развитіе личности, работу надъ собственнымъ самосовершенствованіемъ, призывали къ строенію личной жизни на научныхъ началахъ естествознанія, которое считалось панацеей отъ всѣхъ золъ въ индивидуальной и общественной жизни.

Зло, по мнѣнію нигилистовъ, есть прежде всего плодъ невѣжества; просвѣщенные коммерсанты должны въ собственныхъ интересахъ устраивать свои отношенія съ рабочими культурнымъ и выгоднымъ для послѣднихъ образомъ, ибо такимъ путемъ можно привлечь ихъ на свою сторону и ждать отъ нихъ интенсивной работы.

Соціальныя проблемы, по убѣжденію нигилистовъ, разрѣшаются не столь посредствомъ планомерно проведенныхъ общественныхъ реформъ, сколь путемъ разумно-эгоистическихъ стремленій множества отдѣльныхъ личностей.

Въ высоко-художественномъ изображеніи, типъ нигилиста данъ Тургеневымъ въ повѣсти „Отцы и дѣти“.

Въ русскомъ нигилизмѣ заключается многое отъ анархиста-индивидуалиста Штирнера. Разумѣется, тогда, въ условіяхъ русской дѣйствительности, нельзя было изъ принципа отрицать государства, какъ такового,—какъ училъ Штирнеръ; впрочемъ намъ и неизвѣстно, отрицали ли когда нибудь нигилисты вообще государство во всѣхъ его формахъ; напротивъ, можно предположить, что они къ факту государства относились скорѣе безразлично. Поэтому сходство взглядовъ русскихъ нигилистовъ съ философіей Штирнера коренится только въ основномъ принципѣ абсолютной свободы человѣческой личности и въ борьбѣ со всякаго рода моральными и интеллектуальными предрасудками.

Хронологически нигилизмъ представляетъ направленіе позднѣйшее, чѣмъ то ученіе, котораго носителями были Чернышевскій и Добролюбовъ.

Главнымъ представителемъ нигилизма въ русской литературѣ является Дмитрій Писаревъ, талантливый писатель, одаренный острымъ, аналитическимъ умомъ, быстро усваивавшимъ новѣйшіе выводы науки. Писалъ Писаревъ много—популяризировалъ естествознаніе и философію, отчасти соціологію и кромѣ того извѣстенъ, какъ литературный критикъ.

Соціально-политическими вопросами онъ сталъ заниматься позже.

Скабичевскій въ своей „Исторіи новѣйшей русской литературы“ сопоставляетъ нигилизмъ съ направлениемъ, представляемымъ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, и приходитъ къ заключенію, что оба эти направленія считаются основой человѣческихъ поступковъ эгоизма, но въ пониманіи нигилизма онъ является, такъ сказать, чувственнымъ, тогда какъ социализмъ понималъ его шире и благороднѣе. Скабичевскій различія эти въ пониманіи эгоизма объясняетъ тѣмъ, что дворянскіе элементы воспитывались въ атмосферѣ чувственности, и потому тяготѣли къ нигилизму, тогда какъ къ социализму влекло людей изъ другихъ общественныхъ классовъ.

Съ наличностью двойственного пониманія эгоизма мы согласны, но утвержденіе относительно склонности различныхъ общественныхъ круговъ къ этимъ теченіямъ—въ опредѣленномъ выше толкованіи, считаемъ ошибочнымъ.

Нѣкоторые взгляды самого Писарева можно еще объяснить влияніемъ дворянскихъ привычекъ; вообще же однако трудно указать причину болѣе значительнаго участія дворянскаго элемента въ рядахъ нигилистовъ, чѣмъ въ какихъ либо другихъ.

Быть можетъ дворянская атмосфера и создавала особая формы чувственного отношенія къ жизни, но чувственное отношеніе къ жизни мы вѣдь встрѣчаемъ и въ другихъ общественныхъ слояхъ.

Нигилизмъ былъ крайнимъ выраженіемъ всеобщаго тогда настроенія, а именно—горячей привязанности къ жизни и стремленія къ освобожденію ея отъ всякихъ стѣсненій и ограниченій.

Социализмъ Чернышевскаго и Добролюбова выражалъ стремленія тѣхъ соціальныхъ группъ, которыя на жизненномъ пути встрѣчали для своего развитія наибольшія препятствія въ существующихъ общественныхъ, экономическихъ, правовыхъ и политическихъ учрежденіяхъ; нигилизмъ же Писарева и Зайцева являлся выразителемъ эволюціонныхъ стремленій тѣхъ, которые пользовались относительно сносными условіями матеріальнаго и общественного существованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовали тяжесть веригъ морали, религіи, нравовъ и идей.

Эти два направленія часто сталкивались и сливались

въ тѣхъ случаяхъ, когда возгоралась борьба съ теологическими, метафизическими и иными авторитетами въ интеллектуально-нравственной жизни и бытѣ. Во всѣхъ прочихъ положеніяхъ они расходились; интеллектуальный анархизмъ нигилистовъ не интересовался трудящимися классами; социализмъ же того времени стоялъ на определенной почвѣ широкихъ интересовъ народныхъ массъ, сельскихъ и городскихъ.

Взгляды Писарева, по выходѣ его изъ тюрьмы, гдѣ онъ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ, начали постепенно видоизмѣняться—онъ сталъ горячо интересоваться обществомъ, какъ цѣлымъ, и его нуждами. Незадолго до смерти онъ подумывалъ о популяризаціи Маркса въ беллетристической формѣ и пришелъ къ убѣжденію, что честно и реально мыслящіе люди должны взяться прежде всего за то, чтобы накормить голодныхъ и одѣть нагихъ.

Такимъ образомъ нигилизмъ со временемъ слился съ социализмомъ въ лицѣ своихъ важнѣйшихъ представителей.

Нигилизмъ,—это зерно анархизма на русской почвѣ,—довольно скоро исчезъ изъ обращенія въ русской жизни, но безъ сомнѣнія произвелъ свое дѣйствіе. Какъ отрицаніе всякихъ авторитетовъ, общественныхъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ, онъ проложилъ дорогу и облегчилъ успѣхъ настоящему анархизму, который во главу угла ставилъ отрицаніе авторитета наиболѣе могущественнаго, вторгающагося во всѣ сферы общественной жизни, а именно—государства.

Анархизмъ, праздновавшій свой триумфъ въ Россіи въ періодъ 1870—79 гг., былъ не индивидуалистическимъ, но коллективистическимъ. Въ немъ, слѣдовательно, слились два умственныхъ теченія изъ предшествующей эпохи.

4.

Эти новыя умственныя, общественныя и культурныя вѣянія вошли въ плоть и кровь новаго поколѣнія русской интеллигенціи, которая знакомилась съ ними еще на школьной скамьѣ.

Изъ очаговъ умственной жизни ¹⁾ они распространялись дальше, производя глубокія измѣненія въ нравахъ и семейныхъ отношеніяхъ. Молодежь обоого пола становилась все болѣе независимой отъ родителей; свою жизнь она желала теперь устраивать по собственному усмотрѣнію. На почвѣ этихъ стремленій къ независимости и самостоятельности возникали между „отцами и дѣтьми“ рѣзкія столкновенія,—какъ свидѣтельствуяютъ современники. Причиной этихъ столкновеній служили не только различія въ общественно-политическихъ убѣжденіяхъ, но сплошь и рядомъ различное отношеніе къ условностямъ быта и нравовъ, къ вопросамъ морали и пониманія жизни.

Разрывъ брачныхъ узъ повторялся особенно часто, какъ вслѣдствіе несходства супруговъ въ убѣжденіяхъ, такъ и по эмоциональнымъ причинамъ. Жажда жизни, желаніе свободно отдаваться своимъ чувствамъ, особенно — любви, были столь сильны, что превозмогали всѣ препятствія. Впрочемъ замѣчалось стремленіе къ полной искренности во взаимныхъ отношеніяхъ.

Молодые, рвущіяся къ самостоятельной жизни, дѣвушки, желая освободиться отъ родительской власти, поддерживаемой закономъ, зачастую выходили замужъ фиктивно, т. е. съ исполненіемъ всѣхъ законныхъ формальностей, но фактически не становясь женами своихъ мужей, конечно—при обоюдномъ согласіи. Послѣ обряда вѣнчанія такіе супруги расходились и устраивали свою жизнь каждый по своему.

Всѣ подобныя явленія указывали на глубокія психологическія перемѣны въ русскомъ обществѣ, собственно говоря—въ средѣ интеллигенціи.

Создавалась крайне благоприятная почва для возникновенія широкаго революціоннаго движенія. Стоило лишь, чтобы руководящіе круги интеллигенціи отвернулись отъ правительства, разочаровались въ немъ,—и рушится плотьна накопившагося озлобленія.

Уже въ 1859 г. Чернышевскій былъ враждебно настроенъ по отношенію къ правительству, вслѣдствіе того, что крестьянская реформа намѣчалась не въ томъ масштабѣ, какъ этого желали революціонные элементы.

---

¹⁾ Университеты въ то время были переполнены, ибо начиная съ 1857 г. доступъ туда не былъ ограниченъ.

Послѣ самой реформы наступило полное разочарованіе. Правительство упрекали въ томъ, что крестьянамъ отведено недостаточно земли, что за нее они должны въ теченіе многихъ лѣтъ и дорого платить, наконецъ, что бюрократія притѣсняла только что освобожденную отъ крѣпостной зависимости народную массу.

Поведеніе правительства въ общемъ было колеблющимся; чуть ли не еженедѣльно бюрократія мѣняла фронтъ, и никогда ея отношеніе къ печати, высшей школѣ, народному просвѣщенію и т. п. не было прочно установившимся и опредѣленнымъ.

Такое отношеніе правительства къ обществу, съ воодушевленіемъ и огромнымъ запасомъ силъ рвущемся къ новой жизни, въ большинствѣ проникнутому крайне радикальными принципами, было опасно по своимъ послѣдствіямъ и роковымъ образомъ вело къ неизбѣжнымъ серьезнымъ столкновеніямъ.

Правительство теперь уже имѣло противъ себя элементы безусловно революціонные, вышедшіе изъ здоровыхъ нѣдръ общества, полные ненависти къ угнетателямъ.

Положеніе осложнилось еще польскимъ возстаніемъ.

Въ 1861 г. появились первыя революціонныя прокламаціи, заключавшія въ себѣ новую политическо-соціальную программу. Они начинаютъ собой цѣлую революціонную эпоху въ Россіи. Характерностью своей они заслуживаютъ изученія. Исходили они изъ кружка, первоначально не представлявшаго собой опредѣленной конспиративной организаціи.

Революціонное движеніе 1861—70 гг.

1.

Мы уже видѣли, что крестьянская реформа вызвала разочарованіе въ радикальныхъ кругахъ русскаго общества. Такъ же точно не удовлетворяла она и крестьянъ — они получили въ пользованіе меньше земли, чѣмъ имѣли ея ранѣе, должны были вносить въ пользу землевладѣльцевъ платежи, весьма чувствительные по своимъ размѣрамъ; былъ установленъ двухлѣтній переходной періодъ, въ теченіе котораго барщина оставалась въ силѣ; наконецъ, значительная часть крестьянской массы, а именно — дворовые, земли совершенно не получили. Государственные крестьяне, а также удѣльные, освобождены были лишь спустя нѣсколько лѣтъ.

Крестьянская масса волю представляла себѣ иначе; крестьяне думали, что земля, которая обрабатывалась ими на условіяхъ подневольнаго труда, тотчасъ же цѣликомъ и безвозмездно перейдетъ въ ихъ собственность. Нѣкоторые надѣялись даже на увеличенные по сравненію съ прежними надѣлы; наконецъ, иные ждали, что вся господская земля перейдетъ къ мужикамъ.

Нѣтъ, стало быть, ничего удивительнаго въ томъ, что манифестъ 19 февраля 1861 г. создалъ атмосферу разочарованности, тѣмъ болѣе, что правительствомъ не было, за ничтожными исключеніями, ничего сдѣлано съ цѣлью подготовить крестьянъ къ принятію реформы и, по осуществленіи таковой, разъяснить ее.

Проявленія недовольства не заставили себя долго ждать, крестьяне не хотѣли выходить на барщину къ помѣщикамъ и вообще относились съ недовѣріемъ къ толкованію манифеста мѣстными властями.

Положеніе освобожденныхъ крестьянъ ухудшалось и

тѣмъ, что они не могли воспользоваться правомъ выхода изъ деревни на заработки, ибо связанная круговой поручкой волость слѣдила, чтобы приписанные къ ней крестьяне исполняли обязательства по отношенію къ помѣщику. Стало быть, фактически они были какъ бы прикрѣплены къ землѣ.

Все это послужило поводомъ къ возникновенію многочисленныхъ крестьянскихъ волненій, которыя въ 1861 г. охватили 20 губерній. Для подавленія безпорядковъ правительство прибѣгло къ вооруженной силѣ и много крестьянъ было убито и ранено.

На фонѣ недоверія къ властямъ возникло въ казанской губерніи, въ 80 в. отъ Казани, броженіе среди крестьянъ, принявшее крупные размѣры. Въ д. Берднѣ кр. Антонъ Петровъ убѣдилъ окрестныхъ крестьянъ, что царскій манифестъ объ освобожденіи—не настоящій, и поддѣланъ чиновниками.

Власти встревожились и рѣшили Петрова арестовать. 10000 чел. крестьянъ отказались его выдать и встали на его защиту. Были вызваны войска въ количествѣ 1200 ч. съ двумя орудіями, изъ которыхъ ген. Апраксинъ въ безоружную, неорганизованную толпу приказалъ открыть огонь; 55 чел. крестьянъ было убито и 70 ранено. Петровъ былъ схваченъ и казненъ. Подобныя же волненія происходили въ губерніяхъ пензенской и воронежской.

Событія эти отозвались большой горечью въ обществѣ, особенно среди радикаловъ. Положеніе обострялось также тѣмъ обстоятельствомъ, что Александръ II уволилъ, по завершеніи крестьянской реформы, сочувствовавшего ей министра внутреннихъ дѣлъ Ланского и его помощника, монархиста-демократа, Милютина, а на мѣсто перваго назначилъ консерватора Валуева. Это было уступкой реакціоннымъ элементамъ.

Въ умахъ массъ началось глубокое броженіе. На ихъ глазахъ былъ разрушенъ вѣковой институтъ рабства. Новое свѣжее вѣяніе пошло по деревнямъ и мѣстечкамъ. Народу понемногу становилось ясно, что наступаютъ вѣдь новыя времена, неблагопріятныя для господъ.

Крупные русскіе писатели, какъ напр. Успенскій и Рѣшетниковъ, искусно изобразили ту психологическую перемѣну, которая произошла въ мужикѣ и бывшемъ

крѣпостномъ фабричномъ рабочемъ послѣ реформы 1861 г.

Броженіе среди народа, преимущественно въ деревняхъ, породило въ радикальномъ лагерѣ преувеличенныя надежды, по крайней мѣрѣ—въ той его части, которая склонна была предполагать, что наступаетъ канунъ великой крестьянской революціи. Люди такого калибра, какъ Чернышевскій, не питали повидимому подобныхъ иллюзій, но во всякомъ случаѣ были увѣрены, что массовое революционное движеніе будетъ исходить изъ деревни. Несмотря на то, что крестьяне волновались, однако вся ихъ вражда была направлена противъ помѣщиковъ и чиновниковъ, а не на старый режимъ, какъ форму правленія.

Крестьяне, убѣдившись, что не получаютъ желаемого, постепенно приспособлялись къ новымъ условіямъ и въ большинствѣ почувствовали нѣкоторое облегченіе; въ чисто экономическомъ отношеніи перемѣна въ общемъ можетъ быть не представляла особенныхъ выгодъ, ибо на меньшее, чѣмъ прежде, крестьянское хозяйство ложились теперь бѣльшія тяготы, и полицейско-административный гнетъ давалъ себя чувствовать сильнѣе, чѣмъ до освобожденія; все же дикій помѣщичій произволъ исчезъ изъ обихода и рѣдко случались какія либо значительныя злоупотребленія прежняго характера.

Впрочемъ, сильное вначалѣ недовольство крестьянъ, не могло быть должнымъ образомъ использовано, ибо крайне невѣжественное, совершенно неорганизованное крестьянство не имѣло никакой непосредственной связи съ революціонными элементами. Довѣрія къ интеллигенціи оно вообще не питало. Дѣло организаціи крестьянства въ тотъ моментъ встрѣчало непреодолимыя препятствія, какъ техническо-конспиративнаго, такъ и психологическаго свойства.

Даже нынѣ, не смотря на сравнительную сознательность крестьянъ въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ, это представляется дѣломъ неслыханной трудности.

2.

Въ средѣ радикальной интеллигенціи возбужденіе уси-

ливалось. Тѣ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ уповали на Александра II, нынѣ вслѣдствіе его политики колебаній были совершенно разочарованы. Въ особенности молодежи пришлось почувствовать въ университетской жизни всѣ отрицательныя стороны этой политики.

Уже въ началѣ царствованія Александра II умственное движеніе среди университетской молодежи замѣтно оживилось. Находящіяся въ нашемъ распоряженіи источники не даютъ въ достаточной мѣрѣ матеріала для полного воспроизведенія жизни современнаго студенчества и господствовавшихъ въ ихъ средѣ стремленій; тѣмъ не менѣе мы можемъ составить представленіе о желаніяхъ радикальной его части.

Добросовѣстный изслѣдователь Михаилъ Лемке, въ недавно напечатанной статьѣ подъ загл. „Молодость отца Митрофана“, ¹⁾ извлекъ изъ подъ спуда цѣнныя свѣдѣнія о движеніи среди университетской молодежи въ Харьковѣ и Кіевѣ въ теченіе періода отъ 1855 до 1860 гг.

Еще въ 1855 г. возникъ въ Харьковѣ кружокъ студентовъ, преобразовавшійся затѣмъ въ тайное политическое общество, съ цѣлью низверженія существующаго въ Россіи строя. Предметами обсуждения въ этой организаціи были: способы достиженія политическаго переворота, истребленія членовъ императорской фамилии и самого государя. Одинъ изъ членовъ, Завадскій, собирался ѣхать въ Петербургъ съ этимъ намѣреніемъ.

По вопросу о грядущей формѣ правленія не было въ организаціи единомыслія—одни стояли за конституціонную монархію, другіе отстаивали республику. Молодые революціонеры задумали широкую пропаганду среди народа. Завадскій даже сталъ писать популярную въ формѣ басни брошюру о вредѣ монархическаго строя.

Члены организаціи вскорѣ пришли къ убѣжденію, что политическую дѣятельность среди народной массы слѣдуетъ вести на фонѣ обще-культурной работы, начиная съ распространенія грамотности.

Хотя изъ нашихъ матеріаловъ нельзя сдѣлать вывода

---

¹⁾ „Былое“, январская книжка 1907 г.—Митрофанъ Даниловичъ Муравскій фигурировалъ позже въ извѣстномъ процессѣ 93-хъ. Статья эта основана на официальныхъ источникахъ-протоколахъ слѣдственной комиссіи 1862 г. по дѣлу о воскресныхъ школахъ, а также на документахъ 3-го Отдѣленія.

о соціальнихъ воззрѣніяхъ членовъ организаціи, однако не подлежитъ сомнѣнію, что они были—по крайней мѣрѣ демократами и желали уничтоженія крѣпостного права. Важнѣйшіе члены этой организаціи: Муравскій, Ефименко, Завадскій, Ивковъ, Левченко, Бекманъ, Португаловъ, Зеленскій, Раевскій и др.

Съ цѣлью замаскировать свою дѣятельность и устранить подозрѣнія, члены организаціи образовали при харьковскомъ университетѣ, съ разрѣшенія начальства, „Литературное общество“.

Въ 1858 г. въ сказанномъ университетѣ возникли беспорядки, не имѣвшіе политическаго характера, но повлекшіе за собой исключеніе нѣкоторыхъ студентовъ и переходъ ихъ въ Кіевъ. Такимъ образомъ организація расширила свое вліяніе и начала свою работу и въ древней столицѣ Руси. Здѣсь окончательно созрѣла мысль устройства воскресныхъ школъ, какъ рычага культурной работы и средства политической пропаганды. Во главѣ этихъ школъ сталъ проф. Павловъ, который являлся въ двойной роли—руководителя воскресныхъ школъ и инспектора ихъ со стороны университетскаго начальства.

1 февраля 1862 г. Муравскій въ Кіевѣ былъ арестованъ и позже сосланъ въ Бирскъ, оренбургской губерніи. Товарищей его постигла подобная же участь. Не знаемъ подробностей этого дѣла, но извѣстно, что оно не обнаружало всей дѣятельности Муравскаго и его товарищей; лишь въ 1862 г., вслѣдствіе обыска у Ник. Серно-Соловьевича, были найдены письма этихъ дѣятелей, что и послужило поводомъ къ новому процессу ¹⁾.

Факты эти изъ жизни студентовъ въ Харьковѣ и Кіевѣ весьма знаменательны. Нѣтъ данныхъ для утвержденія, что и въ другихъ городахъ въ то время существо-

---

¹⁾ Въ указанной нами выше статьѣ Лемке нѣкоторыя мѣста вызываютъ сомнѣнія: авторъ приводитъ отчетъ комиссіи сенатора Жданова въ 1862 г., подтверждающій существованіе харьковской организаціи, вслѣдствіе чего Муравскій былъ сосланъ въ Бирскъ («Былое», февр. 1907, стр. 192), стало быть, не ранѣе второй половины 1862 г. Между тѣмъ изъ приведенныхъ въ томъ же источникѣ писемъ Муравскаго видно, что онъ въ Бирскѣ находился уже въ 1860 и 1861 гг.—очевидно до комиссіи Жданова,—что былъ арестованъ въ Кіевѣ 1 февраля 1860 г. Въ 1862 г. онъ былъ вторично арестованъ. Отсюда—ссылка его въ Бирскъ не могла быть слѣдствіемъ отчета комиссіи Жданова.

вали явно политическія организаціи съ революціонными цѣлями; но несомнѣнно, что вообще среди молодежи господствовало политическое броженіе — образовывались кружки самообразованія, распространялись заграничные журналы Герцена, обсуждались вопросы, затрагиваемые легальной печатью радикальнаго оттѣнка, въ особенности „Современникомъ“. Въ общемъ кружки молодежи были довольно многочисленны. Одно время, когда правительство приступило къ рѣшенію крестьянскаго вопроса, оппозиціонно-революціонное броженіе приняло формы культурнаго и умственнаго движенія, при чемъ, сохранивъ идею, оставило мысль о насильственныхъ приѣмахъ борьбы; быть можетъ именно поэтому террористическіе планы харьковскаго кружка не были приведены въ исполненіе. Однако, когда послѣ крестьянской реформы, наступило разочарованіе въ радикальныхъ и даже либеральныхъ кругахъ общества, боевое настроеніе молодежи снова выступило наружу и приняло острую форму и широкіе размѣры, особенно — осенью 1861 г. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани начались студенческія волненія явно антиправительственнаго характера, вызванныя введеніемъ новаго университетскаго устава.

При вступленіи на престолъ Александра II университетская молодежь хотя и не получила легализаціи своихъ корпоративныхъ учрежденій, но фактически пользовалась ими до нѣкоторой степени и устраивала свои собранія, издавала университетскіе листки и т. п.; только послѣ проведенія крестьянской реформы, лѣтомъ 1861 г., зачатки „студенческихъ вольностей“ были уничтожены. Тотчасъ же послѣ каникулъ, между съѣхавшейся къ началу учебнаго года молодежью и властями начались столкновенія.

3.

1861 годъ является поворотнымъ пунктомъ во внутренней жизни русскаго общества, не только вслѣдствіе введенія крестьянской реформы, но и потому, что въ этомъ году впервые открыто выступили радикальные элементы общества; въ прокламаціяхъ они выставили точно сформулированныя соціально-политическія требованія, объявляли

революцію и призывали общество къ организованности и самостоятельнымъ дѣйствіямъ противъ правительства.

Въ іюлѣ 1861 г. появился въ Петербургѣ № 1-й революціонной газеты „Великоруссъ“, печатавшейся въ тайной типографіи. Въ томъ же мѣсяцѣ поэтъ Мих. Михайловъ привезъ изъ заграницы написанное Шелгуновымъ и отпечатанное въ типографіи Герцена крайне рѣзкой формы воззваніе „Къ молодому поколѣнію“.

Въ августѣ и сентябрѣ вышли два слѣдующихъ номера „Великорусса“. Эти три номера составляютъ вмѣстѣ одно гармоническое цѣлое и заключаютъ въ себѣ полную программу. Не приводимъ ихъ здѣсь, ибо въ послѣднее время они уже дважды перепечатывались ¹⁾, и остановимся лишь на выраженныхъ въ нихъ опредѣленныхъ требованіяхъ и важнѣйшихъ взглядахъ.

Въ № 1-мъ констатируется фактъ, что народная масса неудовлетворена крестьянской реформой, которая возложила на ея плечи тяжелое бремя, и свое недовольство выразила уже въ аграрныхъ волненіяхъ; затѣмъ, высказывается мысль, что и государственные крестьяне и вообще трудящійся народъ находится въ тяжелыхъ условіяхъ, которыя могутъ толкнуть его на революціонный путь.

Правительство, по словамъ „Великорусса“, не способно понять коренныхъ причинъ настоящаго движенія и ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Просвѣщенные классы должны дѣло реформъ въ Россіи взять въ свои руки, чтобы вывести народъ изъ невыносимыхъ условій. Если же образованная часть общества этого не сдѣлаетъ, то ей придется объ этомъ пожалѣть, ибо она сама можетъ стать жертвой террора, такъ какъ правительство не сумѣетъ разрѣшить вопросовъ, касающихся насущнѣйшихъ интересовъ народа и неизбежно примется за репрессіи. Самоустраненіе просвѣщенной части общества отъ рѣшенія этой задачи заставитъ патріотовъ непосредственно обратиться къ народу съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ на себя обузданіе правительства. Въ данное время однако — чи-

---

¹⁾ См. «Матеріалы къ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи», 2-ое приложеніе къ сочиненію «Государственные преступленія въ Россіи», Базилевскаго; статья Лемке подъ загл. «Процессъ великоруссцевъ» — «Былое» 1906, іюль, стран. 81—85.

таемъ далѣе—мы сдѣлаемъ попытку — не возьмутся ли образованные круги народа за исполненіе этой роли; быть можетъ они не откажутся отъ нея. Они въ дѣйствительности сильнѣе правительства и если бы ими были смѣло и рѣшительно выражены собственныя требованія, правительство должно было бы уступить. Къ интеллигенціи правительство не можетъ относиться такъ, какъ къ крестьянамъ, или полякамъ. Само общество выработаетъ для себя программу дѣйствій, и слѣдуетъ подождать его рѣшенія. Пока же „Великоруссъ“ добивается отвѣта на два вопроса:

1) необходимо ли, чтобы новый порядокъ вещей, въ которомъ заинтересованы всѣ, былъ основанъ на устраненіи произвола и установленія правового строя;

2) способна ли нынѣшняя династія отречься отъ самодержавія, т. е. собственного произвола—по совѣсти и рѣшительно?

Отъ отвѣта на эти вопросы будетъ зависѣть выборъ способа дѣйствій.

Въ № 2-омъ „Великорусса“ авторъ дѣлаетъ выводы, на основаніи отчетовъ членовъ распорядительнаго комитета, изъ распространенныхъ въ обществѣ взглядовъ на два выше приведенные вопроса, а также на реформы въ Россіи и отношеніе комитета къ полякамъ и малороссамъ, заселяющимъ югъ государства. Онъ выдвигаетъ требованіе конституціи, построенной на слѣдующихъ главнѣйшихъ основаніяхъ: разсмотрѣніе народными представителями государственнаго бюджета, отвѣтственность министровъ, введеніе суда присяжныхъ, свобода совѣсти и печати, общинное и окраинное самоуправленіе и кромѣ того уничтоженіе всѣхъ сословныхъ привилегій. Въ концѣ „Великоруссъ“ обращается съ вопросомъ, какимъ образомъ эти реформы могутъ быть достигнуты—сверху ли, путемъ дарованія конституціи государемъ, или чрезъ посредство свободнаго и свободно избраннаго собранія народныхъ представителей? И высказывается за послѣдній способъ, ибо въ первомъ случаѣ конституція заключала бы въ себѣ въ новой формѣ много старыхъ и вредныхъ пережитковъ.

Для выборовъ въ законодательное собраніе необходимы: свобода печати, предоставленіе лицамъ, пользующимся популярностью, возможности свободно устраивать въ каждой

губерніи избирательные комитеты, которымъ подчинялись бы во время выборовъ мѣстныя власти, наконецъ, выработанный облеченными довѣріемъ общества и имъ уполномоченными лицами избирательный законъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что „Великоруссъ“ требовалъ учредительнаго собранія, даже больше, ибо губернскимъ комитетамъ, образованнымъ изъ общественной среды, подчинялъ губернскія власти.

Относительно соціальной стороны мы здѣсь встрѣчаемъ требованіе передачи крестьянамъ всей до сихъ поръ обрабатываемой ими земли, уничтоженія выкупныхъ платежей и возложенія выкупа на счетъ государства. Огромное большинство крестьянъ желаетъ получить всю землю: изъ нихъ только часть удовлетворяется той землей, которую они сами обрабатывали до сего времени. Однако крестьяне успокоились бы, еслибы и эту землю имъ дали тотчасъ же.

Отношеніе „Великорусса“ къ польскому вопросу сводится къ слѣдующему: Россія должна отказаться отъ Польши, а также вообще отъ тѣхъ земель, въ которыхъ населеніе говоритъ на польскомъ языкѣ и гдѣ сильна приверженность къ униі; расходы по Царству Польскому обходятся русскому государству въ значительную сумму; къ доходамъ, поступающимъ изъ польскихъ губерній, необходимо прибавлять еще 40 мил. руб. изъ русской казны, а 200.000 чел. войска, стояшаго въ Царствѣ Польскомъ, стѣсняютъ Россію въ стратегическомъ отношеніи; поляки въ данное время (1861 г.) согласны освободить своихъ крестьянъ, и нѣтъ у нихъ внутреннихъ раздоровъ, поэтому они воспользуются первой возможностью для того, чтобы отторгнуться отъ Россіи; если же послѣдняя добровольно откажется отъ находящихся въ ея нынѣшнихъ границахъ польскихъ областей, то приобрѣтетъ въ лицѣ поляковъ искреннихъ друзей.

„Великоруссъ“ идетъ еще дальше; онъ признаетъ за населеніемъ южной Руси также право распорядиться своей судьбой, т. е. либо остаться при Россіи, либо изъ ея предѣловъ выдѣлиться. Великорусское племя достаточно могущественно для того, чтобы само по себѣ быть крупной политической силой, поэтому оно не нуждается въ искусственномъ расширеніи своей территории и присоединеніи другихъ народовъ.

Польскій вопросъ требуетъ немедленнаго рѣшенія, украинскій же еще терпитъ, но также долженъ быть рѣшенъ.

Третій и послѣдній номеръ „Великорусса“ посвященъ отношенію династіи къ реформамъ и вопросу объ обращеніи народа къ императору Александру II; во взглядахъ на первый вопросъ „Великоруссъ“ константируетъ разногласія; одни, вѣря разнымъ слухамъ, думаютъ, что династія—въ частности Александръ II—по доброй волѣ уничтожитъ безправіе и введетъ конституціонный строй; другіе же опираясь на факты, указываютъ на безправное положеніе печати, форму рѣшенія крестьянскаго вопроса, отношеніе Государя къ Польшѣ, — и думаютъ поэтому, что онъ убѣжденный врагъ конституціи. Въ отношеніи ближайшихъ приемовъ борьбы указывается также на различія въ существующихъ взглядахъ — нѣкоторые не видятъ препятствій къ сверженію династіи при данныхъ условіяхъ, когда различные слои общества въ силу разныхъ причинъ настроены по отношенію къ ней враждебно, и когда финансовое положеніе государства крайне осложнилось; другіе, наоборотъ, придерживаются противоположнаго мнѣнія, т. е. что хотя массы уже склонны къ подобному шагу, но къ нему еще не подготовлена значительная часть высшихъ круговъ.

Вслѣдствіе этихъ различій во взглядахъ друзей свободы, комитетъ, выразителемъ мнѣній котораго является „Великоруссъ“, совѣтуетъ прежде всего попытаться, не уступить ли по доброй волѣ династія. Подобная попытка не повредитъ дѣлу. Если Александръ II пойдетъ на уступки, и Россія дѣйствительно получитъ обширную, полную конституцію, то и для республиканской партіи ущербъ будетъ не великъ, ибо истинно конституціонная монархія разнится отъ республики немногимъ. Но комитетъ вмѣстѣ съ наиболѣе передовой частью общества полагаетъ, что династія не согласится на введеніе строго правовой государственной системы; однако комитетъ не станетъ мѣшать, напротивъ — совѣтуетъ патриотамъ помогать умѣреннымъ элементамъ добиваться конституціи на дѣлѣ. Если попытка будетъ неудачна, то сами факты убѣдятъ умѣренную часть общества въ неизбежности избрать иной путь. Нужно, стало быть, представить государю, подписанный наибольшимъ числомъ лицъ, адресъ — согласно прилагае-

тому тексту — съ требованіемъ реформъ. „Великоруссъ“ рекомендуетъ быть осторожными въ поступкахъ и воздерживаться отъ какихъ бы то ни было эксцессовъ, которые въ данное время могутъ принести только вредъ. Каждый въ кругу своихъ знакомыхъ можетъ пропагандировать мысль подачи адреса; такого рода совѣщанія по этому поводу не могутъ быть сочтены заговоромъ и подвергать участниковъ опасности, а полиціи не къ чему будетъ придратъся.

Движеніе это должно быть организованнымъ и начинаться извѣстной дисциплинѣ, руководство имъ должны взять на себя люди сильнаго ума и характера. Среди непосредственно практическихъ указаній необходимо придерживаться слѣдующаго: 1) всѣ дѣла должны устраиваться устно, чтобы не оставлять какихъ либо письменныхъ уликъ; 2) ни одинъ изъ дѣйствительныхъ членовъ не долженъ предпринимать ничего серьезнаго, безъ увѣдомленія комитета своего города.

Дѣйствующій нынѣ и издающій газету „Великоруссъ“ комитетъ войдетъ въ соглашеніе съ комитетами провинціальныхъ городовъ и когда наступитъ надобность, укажетъ имена своихъ членовъ; въ данное время это излишне.

Сборъ подписей на адресъ и избраніе депутаціи къ государю должны имѣть мѣсто лишь тогда, когда намѣреніе подачи адреса принципиально созрѣетъ, когда уже не будетъ сомнѣній, что этотъ актъ совершится торжественно и возымѣетъ силу, предъ которой правительство капитулируетъ.

Наконечъ „Великоруссъ“ заявляетъ, что онъ, организовавъ попытку подачи адреса, прекратитъ свое существованіе. Нужно убѣдиться, желаютъ ли образованные круги энергично потребовать реформъ. Если окажется, что—нѣтъ, то благомыслящіе люди и любящіе народъ патріоты будутъ вынуждены обратиться къ народнымъ массамъ и заговорить инымъ языкомъ, чѣмъ говорили до сихъ поръ. Ждать долго не приходится, ибо буря народнаго возстанія приближается и разразится по всей вѣроятности въ 1863 году. Задержать движеніе будетъ невозможно, всѣ усилія нужно сосредоточить лишь на томъ, чтобы дать ему наиболѣе цѣлесообразное для блага народа направленіе.

Предполагаемый текстъ адреса государю былъ кратокъ. Начинался онъ сжатой критикой крестьянской реформы, въ духѣ статей „Великорусса“, указывалъ далѣе на надежды сельскаго населенія, заключающіяся въ томъ, что всѣ возложенныя на него реформой! тяготы исчезнутъ въ 1863 г., и что лишь одно это удерживаетъ въ данное время массы отъ крестьянской революціи, которая непременно разразится черезъ два года, если не будетъ принято коренное реформированіе государства. Далѣе въ адресѣ говорится, что самодержавіе въ Россіи фактически не даетъ государю большой власти — бюрократическій формализмъ, обманъ, интрига сильнѣе абсолютизма, въ чемъ самъ государь могъ убѣдиться, будучи вынужденъ не разъ подчиняться волѣ окружающихъ и не имѣя возможности искоренить взяточничества и казнокрадства.

Адресъ заканчивается обращеніемъ къ Александру II, требующимъ созыва въ одной изъ столицъ Россіи представителей русскаго народа для выработки конституціи, а въ Варшавѣ же — депутатовъ отъ польскаго народа для рѣшенія судьбы Польши согласно волѣ ея населенія.

Эти три номера „Великорусса“ вмѣстѣ съ проектомъ адреса государю даютъ намъ точное представленіе не только о воззрѣніяхъ лицъ, издававшихъ газету, но также и о тактикѣ ихъ дѣйствій.

Въ сущности говоря, эти лица желали преобразовать Россію въ демократическую республику, и предоставляли Польшѣ и Малороссіи свободу выхода изъ союза съ Россіей; будущій строй предполагался децентралистическій съ широкимъ самоуправленіемъ областей и общинъ; по всей вѣроятности думали тогда и о націонализаціи земли и передачѣ ея въ руки трудового народа. Хотя великоруссы въ то время плохо вѣрили въ возможность уступокъ со стороны династіи, но готовы были помириться на конституціонной демократической и децентралистической монархіи, съ парламентарной отвѣтственностью правительства, съ сохраненіемъ частной собственности на землю, но въ то же время — съ предоставленіемъ крестьянамъ земли, обрабатывавшейся ими до освобожденія, и безъ всякаго съ ихъ стороны выкупа, который долженъ быть произведенъ за счетъ государства. Не подлежитъ сомнѣнію, что сгруппировавшіеся около „Великорусса“ желали предъ- явить и болѣе частныя требованія соціального свойства, но

тогда не дѣлали этого, полагая, что гораздо цѣлесообразнѣе выступить съ соответственными проектами въ учредительномъ собраніи, когда таковое будетъ создано.

Во всей дѣятельности издателей и редакторовъ „Великорусса“ видна большая осторожность, желаніе постепенно подготовить общество къ революціонному движенію, обнаружить необходимость и неизбѣжность такового, ибо другихъ средствъ преобразовать русское государство уже не представляется.

„Великоруссъ“ былъ совершенно свободенъ отъ декламаци и революціонной фразеологіи; во всѣхъ статьяхъ его выдержанъ серьезный и убѣдительный тонъ. Нѣтъ ни одной лишней фразы, все обдуманно до мельчайшихъ подробностей.

Великоруссы добивались того, что бы новое движеніе разлилось широко и захватило всѣ круги общества; они предпочитали скорѣе сдѣлать нѣкоторыя уступки въ ближайшихъ требованіяхъ, лишь бы имѣть прочную опору въ народѣ. Характерны также конспиративныя предостереженія „Великорусса“ относительно устраненія письменныхъ уликъ его дѣятельности.

Знаменательнымъ показателемъ чувства справедливости „Великорусса“ служить его отношеніе къ польскому и украинскому вопросамъ. Это чувство должно было быть очень велико, если при тактикѣ въ общемъ крайне осторожной, расчитанной на постепенное освоеніе русскаго общества съ нѣкоторыми взглядами—польскій вопросъ былъ поставленъ сразу совершенно опредѣленно и радикально.

Все это указываетъ на высокую степень политической зрѣлости лицъ, сгруппировавшихся около „Великорусса“, на ихъ проницательность, знаніе условій жизни, благородство и широту ихъ взглядовъ.

Такимъ образомъ уже въ первой половинѣ 1861 г. въ Россіи выдвигалось опредѣленное требованіе учредительнаго собранія и желаніе рѣшить вопросъ во всей его полнотѣ.

Взгляды, выраженные на страницахъ „Великорусса“, сближаются съ теоріей Пестеля, но являются болѣе широкими, ибо чужды націоналистическихъ и централистическихъ тенденцій.

Кто же говорилъ устами „Великорусса“? Не только

исчерпывающий, но даже просто достовѣрный отвѣтъ на это дать пока невозможно. Начатое правительствомъ слѣдствіе по поводу распространенія этой газеты обнаружилъ лишь, что въ дѣлѣ крупная роль принадлежитъ бывшему поручику гвардіи Влад. Обручеву, сосланному позже въ каторжныя работы на три года, а нынѣ генераль-маіору. На допросѣ онъ не пожелалъ назвать лицо, отъ котораго онъ получилъ экземпляръ „Великорусса“. Неоднократно упоминаемый нами изслѣдователь этой эпохи Мих. Лемке лично просилъ генерала разъяснить по возможности дѣло. Обручевъ отвѣтилъ, что въ виду занимаемаго имъ нынѣ служебнаго положенія онъ считаетъ всякія объясненія по дѣлу „Великорусса“ невозможными. Быть можетъ мы узнаемъ всю правду позже.

Въ настоящее время можно дѣлать лишь догадки. Что касается насъ, то мы не сомнѣваемся въ томъ, что иниціаторомъ, редакторомъ и руководителемъ „Великорусса“ былъ не кто иной, какъ Чернышевскій. Нѣкоторые изслѣдователи допускали уже подобное предположеніе, намъ же оно кажется не подлежащимъ сомнѣнію. Убѣжденіе наше основывается на слѣдующихъ доводахъ.

Во первыхъ, Обручевъ, по мнѣнію Пантелѣва, прекрасно освѣдомленнаго въ условіяхъ того времени, былъ любимцемъ Чернышевскаго ¹⁾, и хотя Лемке не нашелъ этому подтвержденія въ другихъ источникахъ, однако обстоятельство это не можетъ служить опроверженіемъ свидѣтельства Пантелѣва, вообще крайне осторожнаго въ своихъ догадкахъ.

Во вторыхъ, бывший много лѣтъ въ Сибири вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, Стахевичъ утверждаетъ ²⁾, что подмѣтилъ у него большую симпатію къ „Великоруссу“ и сходство Чернышевскаго не только во взглядахъ, но и въ способѣ выражаться и доказывать—съ этой революціонной газетой.

Того же мнѣнія держится и Пантелѣвъ ³⁾.

Въ третьихъ. Появленіе „Великорусса“ было вы-

1) Пантелѣвъ. Изъ воспоминаній прошлаго, стр. 235.

2) Каспійское Обозрѣніе, 1905 г., № 143. Цитируемъ по Лемке изъ его статьи въ „Быломъ“ за 1906 г., июль, стран. 92.

3) Изъ воспоминаній прошлаго, стран. 327, примѣчаніе

дающимъ событіемъ въ жизни русскаго общества; поэтому невозможно допустить, чтобы вождь русскаго радикализма Чернышевскій отнесся къ такому событію безразлично; онъ долженъ былъ либо вступить съ «Великоруссомъ» въ борьбу, либо поддерживать его; о полемикѣ Чернышевскаго съ „Великоруссомъ“ совершенно не можетъ быть рѣчи, остался бы наконецъ какой нибудь слѣдъ ея; мы знаемъ, при томъ, — о чемъ рѣчь впереди, — что воззваніе „Молодая Россія“ не понравилось Чернышевскому; слѣдуетъ, стало быть, допустить, что онъ одобрялъ направленіе „Великорусса“.

Дѣйствительно, развѣ вся тактика лицъ, группировавшихся около этой революціонной газеты, не напоминаетъ собой разсудительности и осторожности самого Чернышевскаго, который былъ превосходнымъ заговорщикомъ и прекрасно умѣлъ замѣтать слѣды своего участія въ разныхъ предпріятіяхъ. Наконецъ, легко можно найти подтвержденіе того, что было замѣчено уже Пантелѣевымъ и Стахевичемъ, а именно — сходство взглядовъ, формы выраженій и доказательствъ „Великорусса“ и — Чернышевскаго. Шишко въ своихъ дополненіяхъ къ „Исторіи революціоннаго движенія въ Россіи“¹⁾ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе, что трудно сомнѣваться въ участіи Добролюбова въ начинающемся революціонно-соціалистическомъ движеніи въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что участіе Чернышевскаго менѣе достовѣрно. Мы думаемъ иначе. Не подвергая сомнѣнію участія Добролюбова, предполагаемъ съ еще болѣе увѣренностью участіе Чернышевскаго, политическо-общественныя убѣжденія котораго по сравненію съ таковыми его молодого друга — и болѣе опредѣленны и подробнѣе формулированы.

Вообще можно смѣло сказать, что за участіе Чернышевскаго въ изданіи „Великорусса“ говоритъ все, противъ такового — ничего.

Есть основаніе предположить участіе въ этомъ предпріятіи также и братьевъ Ник. и Алекс. Серно-Соловьевичей, которые принадлежатъ къ наиболѣе выдающимся русскимъ революціоннымъ дѣятелямъ 1860—70 гг. Они близко стояли къ „Современнику“, руководимому, какъ

1) Стран. 37.

известно, Чернышевскимъ. Участіе братьевъ въ возникшей вскорѣ послѣ этого „Землѣ и Волѣ“ вполнѣ достоверно и подтверждено членами этой организаціи, какъ напр. Пантелѣевымъ, и другими доказательствами. Сама же „Земля и Воля“, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, является продолженіемъ и логическимъ слѣдствіемъ дѣятельности, начатой „Великоруссомъ“.

Бр. Серно-Соловьевичи происходили изъ довольно состоятельной семьи; ихъ близкіе родственники занимали вліятельное положеніе въ бюрократической іерархіи. Воспитывались они въ Царскосельскомъ лицее. Оба были людьми прекрасныхъ качествъ, энергичные, образованные, начитанные, въ особенности—въ общественныхъ наукахъ. Серно-Соловьевичами современники восхищались.

Въ началѣ царствованія Александра II, отъ него они ожидали многого и чтили его вполнѣ искренно, исповѣдуя въ тоже время радикальныя убѣжденія. Младшій братъ, по свидѣтельству современниковъ, обладалъ большими способностями и оказывалъ на старшаго сильное вліяніе. Послѣдній въ сношеніяхъ съ окружающими отличался особеннымъ рыцарствомъ. Благодаря связямъ, Ник. Серно-Соловьевичъ черезъ посредство родственника своего получилъ въ 1858 г. мѣсто чиновника въ главномъ комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ.

Вскорѣ онъ фактически убѣдился въ томъ, что различные вліятельные сановники противодѣйствуютъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Желая парализовать эти интриги, онъ рѣшилъ обратиться непосредственно къ императору Александру II съ докладной запиской, въ которой указываетъ на необходимость справедливаго проведенія реформы, будучи убѣжденъ, что достаточно довести до свѣдѣнія государя о дѣйствительныхъ нуждахъ народа, чтобы устранить интриги реакціонеровъ. Составивъ записку, онъ отправился въ Царское Село и, не ходатайствуя объ аудіенціи, просто пробрался въ паркъ и вручилъ лично Александру II свой докладъ, горячо прося государя прочесть его.

Государь принялъ и обѣщалъ прочесть.

Вскорѣ послѣ этого, Ник. Серно-Соловьевича призывалъ къ себѣ шефъ жандармовъ кн. Орловъ и, предварительно выбравивъ его мальчишкой, котораго императоръ Николай I за подобную дерзость велѣлъ бы спрятать

туда, гдѣ никто и костей бы его не нашель, объявилъ, что государь по своей безмѣрной милости повелѣлъ его пощѣловать.

Ник. Серно-Соловьевичъ все болѣе и болѣе разочаровывался въ политикѣ правительства, а крестьянская реформа объявленная въ манифестѣ 1861 года, своей половинчатостью вызвала въ немъ крайнее неудовольствіе. Онъ рѣшилъ подвергнуть реформу суровой критикѣ. Не желая, чтобы статья его была изуродована цензурой, онъ рѣшилъ издать за границей подъ своимъ именемъ брошюру. Намѣреніе это онъ привелъ въ исполненіе Брошюра имѣла заглавіе: „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса“. Авторъ жестоко раскритиковалъ реформы 1 февраля 1861 года, привелъ распространенные тогда въ радикальныхъ сферахъ возраженія и упреки и, не останавливаясь на этомъ, указалъ, что еще необходимо сдѣлать для крестьянъ.

А именно:

1) признать землю собственностью народа, изъ чего слѣдуетъ, что каждый гражданинъ имѣетъ право на получение участка земли; правительству указывалось на необходимость отчужденія изъ числа государственныхъ земель извѣстнаго количества для безземельныхъ крестьянъ, т. е. батраковъ и дворовыхъ.

2) Предоставить общинному управленію, т. е. земледѣльской общинѣ, право и полную возможность свободного развитія, безъ всякаго вмѣшательства бюрократіи.

3) Уничтожить выкупные платежи, отнеся выкупъ на счетъ казны.

На эти три пункта авторъ возлагалъ большія надежды. Оставленіе требованій этихъ безъ вниманія можетъ привести къ соціальной катастрофѣ. Въ предисловіи онъ говоритъ, что его брошюра написана въ умѣренномъ тонѣ, что авторъ не желаетъ разжигать страстей, и подписана настоящимъ именемъ потому, что пора уже перестать руководиться страхомъ. Въ брошюрѣ Серно-Соловьевича совершенно опредѣленно высказывается мысль, что въ Россіи ни одинъ жизненный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ, никакая реформа не можетъ быть проведена—при настоящихъ бюрократическо-канцелярскихъ порядкахъ.

Появленіе брошюры произвело сенсацію. Правительство рѣшило пока не преслѣдовать автора.

Крайне подвижные и живые бр. Серно-Соловьевичи принимали одновременно участіе и въ тайной революціонной работѣ и въ широкой общекультурной дѣятельности. Къ сожалѣнію, детали ихъ дѣятельности неизвѣстны и быть можетъ мы никогда не узнаемъ ихъ въ полной мѣрѣ.

Бр. Серно-Соловьевичи имѣли кружокъ людей, близкихъ какъ по убѣжденіямъ, такъ и по личнымъ вкусамъ, и эти лица несомнѣнно группировались около „Великорусса“— Изъ друзей Ник. Серно-Соловьевича можемъ назвать недавно умершаго А. Слѣпцова, который позже участвовалъ въ „Землѣ и Волѣ“.

Къ группѣ великоруссцевъ принадлежали также нѣкоторые офицеры, вышедшіе въ періодъ 1857—62 г. изъ двухъ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеній—Академіи Генеральнаго Штаба (въ типографіи этой Академіи печатался „Великоруссъ“) и Артиллерійской Академіи, и позже погибшіе преимущественно въ Царствѣ Польскомъ—до и послѣ возстанія, за сочувствіе польскому движенію.

Въ данное время нѣтъ возможности болѣе подробно говорить о лицахъ, имѣвшихъ отношеніе къ „Великоруссу“. Поставленная ими себѣ задача была весьма трудной—въ социально-политическомъ отношеніи они должны были лишь нащупывать почву. Широкая народная масса были еще крайне невѣжественны, и не только сельскія, но и въ городахъ; средніе и высшіе круги общества, хотя до извѣстной степени и были просвѣщенными, а часть городского населенія настроена весьма оппозиціонно, однако въ общемъ всѣ они политически мало выработаны и—что особенно важно—неорганизованы. Только у дворянъ имѣлись свои, признанныя правительствомъ корпорации, имѣющія право выражать пожеланія.

На вопросъ—каково же впечатлѣніе, произведенное „Великоруссомъ“—мы не можемъ дать вполне определеннаго отвѣта. Въ Петербургѣ и можетъ быть еще въ нѣсколькихъ крупныхъ городахъ газета разошлась и оказала извѣстное вліяніе; изъ свидѣтельствъ современниковъ намъ извѣстно, что молодежь читала ее и обсуждала; нѣкоторые изъ молодежи, по словамъ Пантелѣва,

считали выражаемая въ „Великоруссѣ“ требованія даже слишкомъ умѣренными.

Совѣтъ, данный „Великоруссомъ“, подать государю адресъ, какъ равно и другія его предложенія не были приведены въ исполненіе. Въ концѣ 1861 и началѣ 1862 г. политическое движеніе на собраніяхъ дворянъ,— какъ будетъ показано въ дальнѣйшемъ,— оживилось, но все же широкихъ размѣровъ не приняло и не сосредоточилось подъ какимъ либо однимъ девизомъ. Въ виду этого тѣ, что писали въ „Великоруссѣ“ и вдохновляли его, рѣшили идти намѣченнымъ путемъ далѣе и работать надъ поднятіемъ революціоннаго движенія снизу.

4.

Въ іюлѣ 1861 г. одновременно съ выходомъ № 1 „Великорусса“ появилось воззваніе „Къ молодому поколѣнію“.

Тонъ воззванія значительно болѣе рѣзокъ, чѣмъ „Великорусса“, и вообще оно имѣло ярко революціонную окраску. Тамъ мы находимъ критику крестьянской реформы, которая обманула народъ, рѣзкія слова, обращенныя къ самому Александру II за пренебреженіе къ народнымъ нуждамъ и лучшей части общества, выразившееся въ томъ, что императоръ дѣло реформъ поручилъ бюрократическимъ комиссіямъ, а также—напоминаніе истины, что не народъ—для правительства, а правительство—для народа.

Затѣмъ встрѣчаемъ нападки въ острой формѣ на династію; главой государства долженъ быть обыкновенный смертный, избираемый народомъ и получающій за свой трудъ вознагражденіе. Нынѣшнее правительство совершенно убѣдительно показало всю свою бездарность—имъ недовольны всѣ, кромѣ кучки чиновниковъ и придворныхъ; Александръ II еще могъ бы устранить катастрофу, добровольно вступивъ на путь дѣйствительныхъ реформъ, въ противномъ же случаѣ вспыхнетъ возстаніе—недовольные элементы поставятъ правительству крайнія требованія. Воззваніе обращается наконецъ къ молодому поколѣнію—силѣ и надеждѣ Россіи, и признаетъ въ немъ двигателя, призваннаго къ вели-

кому дѣлу возрожденія отечества, возлагаетъ на него обязанность открыть глаза народу и войску и указать имъ виновниковъ бѣдствій народныхъ; даетъ совѣтъ приняться за агитацію противъ самодержавія, какъ главнаго препятствія на пути благодѣтельныхъ реформъ. Далѣе обсуждаются пути, которыми должна слѣдовать Россія, и опровергается взглядъ, что она будетъ развиваться также, какъ другіе, западно-европейскіе народы; напротивъ, она пойдетъ своей собственной дорогой; указывается на огромное значеніе общиннаго землевладѣнія, которое дастъ Россіи возможность избѣжать пролетаризаціи массъ и аристократическаго строя, предлагается странный совѣтъ уничтожить мѣщанское сословіе посредствомъ надѣленія его земель. Россія въ своей эволюціи не связана консервативной традиціей, гнетущей другіе народы, она не боится революціи и не будетъ повторять у себя событій, происходившихъ въ Европѣ, но скажетъ новое слово, внесетъ въ жизнь общества особыя начала.

Исходной точкой грядущаго строя Россіи должна быть великорусская община; союзъ этихъ общинъ образуетъ собою государство. Обществу необходимо самоуправленіе; если имъ пользуются крестьяне, то почему лишать его другія сословія? Ошибочно утвержденіе, что общество до этого не доросло. Оно должно контролировать государственные расходы, пользоваться свободой движенія, избирать должностныхъ лицъ. Тайная и наружная полиція должны быть уничтожены, военныя силы уменьшены. Земля должна принадлежать всей странѣ, а не частнымъ лицамъ; всякій гражданинъ долженъ имѣть право пользоваться земельнымъ участкомъ и приписаться къ одной изъ существующихъ сельскихъ общинъ, либо вмѣстѣ съ другими образовать новую общину. Черезъ крупныя промежутки времени въ общинахъ долженъ происходить передѣлъ земли. Передача земли народу является столь важнымъ обстоятельствомъ, что ее слѣдовало бы произвести даже цѣною жизни ста тысячъ помѣщиковъ.

Необходимо искать поддержки въ народной массѣ, привлечь на свою сторону солдатъ, которымъ слѣдуетъ сократить срокъ службы до 3 или 5 лѣтъ, сдѣлать воинскую повинность всеобщей. Воззваніе оканчивается призывомъ къ организаціи кружковъ и поискамъ опытныхъ пропагандистовъ и агитаторовъ.

Текстъ этого воззванія, напечатаннаго мелкимъ шрифтомъ на 12-ти стран., приведенъ цѣликомъ въ V т. цитированнаго нами изданія Базилевскаго; оно же, съ выпускомъ особенно рѣзкихъ мѣстъ, цитируется Лемке въ его книгѣ „Политическіе процессы“.

Сопоставляя содержаніе этого воззванія съ содержаніемъ №№ „Великорусса“, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ между ними различій; требованіе націонализаціи земли теперь же, въ настоящее время, выставлено въ воззваніи совершенно опредѣленно,—въ „Великоруссѣ“ же оно не имѣетъ мѣста; политическія же требованія выражены не такъ ярко, какъ въ послѣднемъ, хотя вполнѣ очевидно, что воззваніе добивается конституціоннаго строя. Оно носитъ характеръ болѣе народнической, болѣе выпукло выдвигается въ немъ независимость развитія Россіи отъ другихъ государствъ, указывается на особую цѣнность въ процессѣ этого развитія—общиннаго землевладѣнія. «Великоруссѣ» также придавалъ большое значеніе общинѣ, но не противопоставлялъ Россію съ ея общиной—Европѣ, и во взглядѣ на развитіе родины не былъ столь одностороннимъ. Для разсматриваемаго нами воззванія характерно и то, что оно какъ бы прелюдугадываетъ исключительную и главенствующую роль массовой народной революціи въ дѣлѣ необходимыхъ государственныхъ преобразованій; оно не пытается обращаться къ образованнымъ классамъ и надежды возлагаетъ лишь на молодежь изъ разныхъ общественныхъ круговъ, которая подыметъ массы и войско.

Мы знаемъ изъ книги Пантелѣва, что авторомъ этого воззванія является Ник. Шелгуновъ.

Послѣдній съ женой, а также переводчикъ Гейне, Байрона и др., поэтъ, романистъ и защитникъ женскаго равноправія—Мих. Михайловъ уѣхали въ концѣ весны или въ началѣ лѣта 1861 г. за границу. Михайловъ посѣтилъ Герцена въ Лондонѣ, гдѣ и было отпечатано упомянутое воззваніе, которое Михайловъ привезъ въ Россію заклееннымъ въ сундукѣ.

Герценъ не совѣтовалъ печатать его. Участие здѣсь Михайлова было повидимому незначительно, ибо Пантелѣву говорилъ Шелгуновъ, что онъ—авторъ такового.

Михайловъ и Шелгуновъ были близкими къ бр. Серно-Соловьевичамъ и Чернышевскому, однако къ группѣ

великорусцевъ они не принадлежали. Вскорѣ по выходѣ „Великорусса“, Михайловъ помѣстилъ въ „Колоколѣ“ Герцена свои по этому поводу замѣчанія. Онъ радуется возникновенію революціоннаго органа въ столицѣ, такъ сказать на глазахъ полиціи, отмѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ пункты, въ которыхъ онъ расходится съ его сотрудниками.

Такимъ образомъ Михайловъ утверждаетъ, что „Великоруссъ“ долженъ былъ обращаться съ призывомъ не къ обществу, которое всегда трусливо, но къ революціонному меньшинству, народной массѣ и войску; слѣдовало не спрашивать, что предпринять, но сразу выступить съ опредѣленной программой; далѣе высказывается мысль, что выступленія 1825 г. и 1848 г. потерпѣли неудачу не потому, что тайныя революціонныя общества вообще безсильны въ дѣлѣ кореннаго измѣненія общественныхъ условій, но вслѣдствіе ошибочности самой ихъ основы, ибо тайныя общества эти опирались не на народъ, а на высшіе и образованные общественные круги, и дѣйствовали во имя отвлеченныхъ цѣлей и идеаловъ, не находившихъ отклика въ сознаніи массъ. Затѣмъ авторъ пытается показать, что въ Россіи условія для заговора благоприятны—огромная территория, облегчающая возможность избѣжать преслѣдованія и отсутствіе въ русскомъ характерѣ склонности къ шпіонству. Въ концѣ своихъ возраженій Михайловъ призываетъ къ агитаціи среди народа, сближенію съ войскомъ и раскольниками, предлагаетъ распространять нелегальныя изданія, выписывать ихъ также изъ заграницы, привлекать къ дѣлу способныхъ чиновниковъ, обеспечивая имъ иной источникъ средствъ къ существованію, устраивать коммерческія и промышленныя предпріятія, припасать денежныя и иныя средства. Авторъ спрашиваетъ, къ чему же мы наконецъ стремимся—къ конституціонному ли строю, или къ чему либо иному? Конституціонный строй, разумѣется, лучше самодержавія, ибо онъ открываетъ возможность широкой дѣятельности, и даетъ свободу печати и собраній, но конституціонный строй не можетъ служить нашей конечной цѣлью,—пусть за нее борется дворянство, которое вѣроятно все сполна къ нему стремится, и вообще тѣ, которымъ она нужна,—мы же добиваемся освобожденія крестьянъ, обезпеченія народной массѣ правъ на землю,

права самоустройства и самоуправления, свободного союза областей.

Въ данныхъ замѣчаніяхъ Михайлова легко усмотрѣть различія между взглядами его и его друзей съ одной стороны—и великорусцевъ съ другой. Изъ того мѣста, въ которомъ онъ говоритъ о неудачѣ въ 1825 г. и 1848 г. и защищаетъ тайныя общества, которыя вообще не подвергались открытой критикѣ „Великорусса“, — можно сдѣлать заключеніе, что великоруссы не желали ограничивать свою революціонную дѣятельность конспиративной работой, но хотѣли заняться широкой, на половину явной общественной дѣятельностью, что впрочемъ видно и изъ ихъ заявленій. Михайловъ отвергалъ мысль о пропагандѣ въ среднихъ и образованныхъ классахъ; все спасеніе онъ видѣлъ въ народѣ. Удивительна поэтому непослѣдовательность, съ которой онъ, признавая превосходство конституціоннаго строя предъ самодержавіемъ, высказывается въ томъ смыслѣ, что въ эту борьбу люди крайнихъ убѣжденій, думающіе о коренныхъ преобразованіяхъ общественнаго строя, не должны вмѣшиваться. Дѣйствительно, конституціонныя идеи были очень популярны среди дворянства, но, какъ мы уже видѣли, этотъ слой общества разбивался на два лагеря: аристократическій и либерально-демократическій. Первый стремился къ конституціонной олигархіи, второй желалъ предоставить участіе въ политической жизни широкимъ общественнымъ кругамъ.

Слѣдовало, стало быть ожидать, что Михайловъ осудитъ только олигархическія стремленія, на самомъ же дѣлѣ онъ пошелъ дальше и отнесся пренебрежительно вообще къ конституціонному движенію какъ таковому, что является грубой ошибкой, къ сожалѣнію, часто повторяющейся въ ходѣ развитія русскаго революціоннаго движенія.

Михайловъ высказался за свободный союзъ областей въ государствѣ и общественное самоуправленіе, желалъ, слѣдовательно, конституціоннаго федеративнаго строя; но онъ очевидно полагалъ, что осуществленіе его неразрывно связано съ реализаціей отдаленныхъ цѣлей социальныхъ преобразованій и не смотрѣлъ на достиженіе конституціонной формы правленія, какъ на этапъ въ процессѣ дальнѣйшаго развитія.

Характерно, что „Колоколь“, помѣщая на своихъ страницахъ замѣчанія Михайлова, заявляетъ, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ, считаетъ себя солидарнымъ съ авторомъ. Повидимому Герцену нравилось противопоставленіе развитія Россіи эволюціи Запада, а также то, что на первый планъ была поставлена земельная реформа, а не политическая. Однако съ другой стороны странно, что Герценъ соглашался съ предлагаемой Михайловымъ радикальной тактикой.

Разумѣется великоруссы, имѣя въ своихъ рядахъ Чернышевскаго, были не менѣе радикальны по своимъ убѣжденіямъ и революціонны въ тактикѣ, чѣмъ Михайловъ, но въ качествѣ болѣе подготовленныхъ политически, они считались съ дѣйствительностью и предлагали на первое время болѣе умѣренную программу, подчеркивая необходимость конституціоннаго строя, который надлежитъ выработать учредительному собранію.

5.

Какъ было сказано выше, правительство лѣтомъ 1861 г. издало новый реакціонный уставъ, въ корнѣ подрывавшій возможность самыхъ скромныхъ проявленій политической дѣятельности молодежи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отмѣнило распоряженіе объ освобожденіи недостаточныхъ студентовъ отъ платы и уволило тѣхъ изъ нихъ, которые не выдержали экзаменовъ.

Въ сентябрѣ начались въ университетѣ сходки и манифестаціи, появились воззванія студентовъ, которые не хотѣли примириться съ новымъ уставомъ. 23 сентября петербургскій университетъ по распоряженію начальства былъ закрытъ; два дня спустя студенты собрались около университетскаго зданія и двинулись толпой въ городъ. Шествіе, къ которому примкнули многіе изъ публики, имѣло импонирующій видъ. Депутація студентовъ отправилась къ попечителю учебнаго округа Филиппову, который принялъ депутатовъ и обѣщалъ пріѣхать въ университетъ для объясненій, что онъ и исполнилъ.

Происшествіе это повлекло за собой аресты среди студентовъ, вслѣдствіе чего состоялась новая многолюдная сходка 27 сентября, прерванная лишь прибытіемъ войскъ

Правительство отдало распоряженіе, чтобы студенты, которые желаютъ продолжать образованіе въ университетѣ, подали прошеніе и получили документы вмѣстѣ съ новыми правилами. Этому предложенію послѣдовало 550 дѣйствительныхъ студентовъ и слишкомъ 100 чел. вольнослушателей; остальные считались уволенными.

11 октября университетъ былъ снова открытъ, но уже на слѣдующій день въ университетскомъ зданіи собралось 183 чел. изъ числа уволенныхъ студентовъ. Явилась полиція, окружила ихъ, переписала и хотѣла арестовать, но въ это время изъ толпы товарищей стали раздаваться сочувственные возгласы, полицію стали тѣснить, началось побоище; пришлось вызвать войска, которыя избили студентовъ и 300 чел. арестовали. Часть арестованныхъ была помѣщена въ Петропавловскую крѣпость, остальные были увезены въ Кронштадтскій госпиталь.

Описываемое событіе, вызванное нетактичнымъ поведеніемъ властей, въ особенности министра народнаго просвѣщенія Путьгина и петербургскаго ген.-губернатора гр. Игнатьева, взволновало молодежь и значительную часть интеллигенціи, особенно въ С.-Петербургѣ. Въ другихъ университетскихъ городахъ, за исключеніемъ Дерпта, также возникли студенческія волненія, хотя и не принявшія столь крупныхъ, какъ въ столицѣ, размѣровъ и не повлекли за собой закрытія университетовъ.

Что вызвало репрессіи со стороны правительства и отмѣну прежнихъ традицій университетской жизни? Не случилось ничего особеннаго, что могло бы оправдать дѣйствія правительства. Повидимому оно испугалось нѣкотораго оживленія среди молодежи, проявлявшагося въ сходкахъ, рѣчахъ, рефератахъ, массовомъ участіи въ непрерывно умножавшихся воскресныхъ школахъ.

Вслѣдствіе всего этого пріѣздъ въ столицу Александра II, пребывавшаго въ это время на югѣ, былъ ускоренъ и дана была отставка министру народнаго просвѣщенія и петербургскому ген.-губернатору. На мѣсто перваго былъ назначенъ либераль Головинъ, пользовавшійся довѣріемъ вел. кн. Константина, а на второе—кн. Суворовъ, внукъ знаменитаго полководца, личный другъ Александра II, гуманный, добрый и довольно свободомыслящій человекъ. Для сохраненія престижа правительства назначенія эти состоялись не сразу; во всякомъ случаѣ прави-

тельство даю отбой. Оно приступило къ выработкѣ новыхъ университетскихъ правилъ, которыя послѣ долгой борьбы студентовъ за автономію высшей школы были опубликованы въ 1863 г. Предоставляя извѣстную свободу университетскимъ корпораціямъ, новыя правила и вообще имѣли довольно либеральный характеръ.

Возникновеніе студенческихъ волненій объяснялось нѣкоторыми какъ результатъ революціонныхъ вліяній извнѣ. Пантелѣевъ, который тогда былъ студентомъ и состоялъ въ руководящихъ кружкахъ молодежи, рѣшительно отрицаетъ это; руководившій студенческимъ движеніемъ комитетъ, не имѣлъ сношеній съ людьми, начавшими революціонную дѣятельность, только Шелгуновъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ одному изъ студентовъ-руководителей.

6 декабря 1861 г. изъ мѣстъ заключенія было выпущено 300 студентовъ, арестованныхъ въ прошломъ мѣсяцѣ. Петербургскій ген.-губернаторъ кн. Суворовъ исходатайствовалъ у правительства 5000 руб. пособія, для раздачи нуждающимся, степень нужды которыхъ опредѣлялъ студенческой комитетъ. Такъ какъ сумма оказалась весьма недостаточной, то само общество пришло студентамъ на помощь, жертвуя съ этой цѣлью кто сколько могъ.

Петербургскій университетъ былъ еще закрытъ. Возникла поэтому мысль образовать частныя высшіе курсы. Правительство дало на это свое согласіе, разрѣшая открыть такыя Костомарову и оставляя за собой лишь право утверждать профессоровъ. Лекціи на частныхъ курсахъ привлекли множество публики, молодежи, молодыхъ дѣвушекъ, и вообще дѣло подавало прекрасныя надежды.

Женщины впервые были допущены къ университетскимъ занятіямъ въ Петербургѣ въ 1859 г. и пользовались этимъ правомъ вплоть до университетской реформы 1863 г. Нѣкоторыя вслѣдствіе закрытія университета посѣщали въ 1862 и 1863 гг. Военно-медицинскую академію. Затѣмъ началась продолжающаяся и до сихъ поръ эмиграція русскихъ студентокъ за границу. Въ виду этого правительство сочло нужнымъ уже послѣ 1880 г. открыть въ Россіи оффиціальныя высшіе женскіе курсы.

Открытіе доступа женщинамъ въ университетъ имѣло глубокое значеніе. Молодежь обоого пола сближалась внѣ

лекцій и вслѣдствіе этого русскія женщины стали жить той же умственной и общественной жизнью, какой горѣла въ то время мужская часть общества. Обстоятельство это повліяло положительнымъ образомъ и на нравственность студентовъ, отвлекая ихъ отъ картъ и низменныхъ развлеченій. Еще за нѣсколько лѣтъ до описываемаго періода на частныхъ студенческихъ собраніяхъ бывали только проститутки,—какъ выразился Чернышевскій въ въ разговорѣ съ Пантелѣевымъ.

Частные курсы, пользуясь завиднымъ успѣхомъ, существовали лишь два мѣсяца,—отъ начала января 1862 г. до начала марта.

Поводомъ къ ихъ закрытію послужила высылка проф. Павлова за произнесенную имъ рѣчь ¹⁾ по поводу приближенія тысячелѣтія Россіи. Рѣчь эта, не носившая революціоннаго характера, но проникнутая либеральнымъ духомъ, была на просмотрѣ у властей еще до ея произнесенія; должно быть лекторъ измѣнилъ пунктуацію, вслѣдствіе чего содержаніе ея приобрѣло иной смыслъ. Эту версію мы повторяемъ за современниками, хотя намъ не совсѣмъ понятна возможность такого измѣненія въ смыслѣ.

Огромное большинство молодежи, вопреки желанію Костомарова, требовало прекращенія занятій въ видѣ демонстраціи по поводу высылки профессора; правительство со своей стороны опасаясь безпорядковъ на курсахъ, поспѣшило издать распоряженіе о прекращеніи на нихъ занятій и этимъ предупредило возможность всякихъ манифестацій.

Въ началѣ 1862 г. въ Петербургѣ возникъ клубъ шахматистовъ; основатели его собственно менѣе всего думали о шахматной игрѣ, имъ необходимо было имѣть мѣсто для конспиративныхъ собраній; въ этомъ „клубѣ“ бывали: Чернышевскій, Серно-Соловьевичъ и вообще люди радикальнаго образа мыслей.

Къ этому времени Ник. Серно-Соловьевичъ открылъ первую большую общественную библіотеку, въ которой находилось множество русскихъ книгъ и журналовъ и нѣкоторое количество таковыхъ, издаваемыхъ за границей. Новостью было также и то, что въ библіотекѣ работала жена извѣстнаго публициста—Энгельгардтъ.

¹⁾ Она напечатана въ книгѣ Богучарскаго, т. IV.

Воскресныя школы развивались непрерывно, культурная работа вообще дѣлала крупныя успѣхи.

6.

Въ началѣ того же 1862 г. возникла революціонная организація—„Земля и Воля“. Когда именно—точно установить крайне затруднительно, такъ какъ основали ее тѣ же лица, что группировались около „Великорусса“,—но во всякомъ случаѣ не позже іюля 1862 г.

Въ апрѣлѣ этого года появилось воззваніе подъ загл. „Земская Дума“, выражавшее тѣ же взгляды, за которые нѣкогда ратовалъ „Великоруссъ“, и требовавшее: надѣленія крестьянъ въ собственность всей землей, которой они пользовались до реформы 19 февраля 1861 г., созыва Земскаго Собора, съ цѣлью выработки новаго юридическаго кодекса—„Уложенія“ и установленія размѣра вознагражденія помѣщиковъ. Сказанное „Уложеніе“ очевидно должно было заключать въ себѣ также и основной законъ имперіи; слѣдовательно, Земскій Соборъ, созыва котораго требовало воззваніе, представлялъ бы собой на самомъ дѣлѣ Учредительное Собраніе. Воззваніе изложено кратко, не входитъ въ детали требуемыхъ реформъ и сообщаетъ, что недавно состоялся съѣздъ представителей провинціальныхъ кружковъ, который далъ возможность обсудить сообща программныя и тактическія вопросы и сдѣлать подсчетъ собственнымъ силамъ. Сообщается также, что срокомъ, до истеченія котораго пропаганда сторонниковъ новаго строя будетъ носить мирный характеръ, назначенъ день тысячелѣтія Россіи; воззваніе заканчивается обращеніемъ къ просвѣщеннымъ людямъ съ просьбой оставить правительство, уйти изъ рядовъ его приверженцевъ, ибо чѣмъ меньше людей будетъ на его сторонѣ, тѣмъ меньше падеть жертвъ при переходѣ къ новому порядку.

Насколько намъ извѣстно, болѣе подробныхъ свѣдѣній относительно упомянутаго воззванія въ литературѣ по исторіи русскаго революціоннаго движенія не существуетъ; неизвѣстно, стало быть, кто его выпустилъ. Въ виду же того, что въ немъ упоминается о съѣздѣ делегатовъ отдѣльныхъ кружковъ, слѣдуетъ заключить, что существовала цѣлая организація или ядро ея. Возникаетъ

поэтому предположеніе, не является ли воззваніе дѣломъ рукъ прежнихъ великоруссцевъ. Ибо невѣроятно, чтобы одновременно существовали двѣ политическія группы весьма близкихъ политическихъ воззрѣній, тождественныхъ въ главнѣйшихъ пунктахъ программы и дѣйствующихъ совершенно независимо другъ отъ друга. Ни до апрѣля 1862 г., ни позже, никто не слыхалъ о „Земской Думѣ“, но за то и до этого и послѣ имѣли мѣсто политическія группы съ такими же, какъ и у нея воззрѣніями.

Пантелѣевъ¹⁾, вступивъ въ 1862 г. въ члены „Земли и Воли“, предполагалъ, что основатели ея были тѣ же великоруссцы; теперь же онъ отнюдь этого не утверждаетъ, ибо не имѣетъ никакихъ доказательствъ въ пользу такого утвержденія. Мы же подтвержденіе нашего предположенія находимъ въ № 2 „Свободы“, органа „Земли и Воли“, въ изданіи котораго почтенный авторъ самъ принималъ участіе.

Въ сказанномъ номерѣ „Свободы“ по поводу выхода № 4 „Великорусса“ мы читаемъ:

„Члены бывшаго комитета „Великорусса“, превращившіе свое изданіе на № 3-мъ и соединившіеся съ организаціей „Земли и Воли“ во имя общей цѣли, считаютъ своимъ долгомъ объявить, что, листокъ выпущенный подъ названіемъ „Великоруссъ“, (рѣчь здѣсь о № 4-мъ) является поддѣлкой, что легко усмотрѣть какъ изъ формата, такъ и изъ содержанія“.

Хотя изъ воспоминаній Пантелѣева слѣдуетъ заключить, что въ моментъ выхода № 2-го „Свободы“ не было въ „Землѣ и Волѣ“ не только прежнихъ дѣятелей²⁾ изъ „Великорусса“, но даже ея собственныхъ членовъ первыхъ мѣсяцевъ ея существованія, за исключеніемъ развѣ „Господина въ пенснѣ“, котораго авторъ воспоминаній не называетъ,—однако у членовъ организаціи того періода должна была сохраниться увѣренность, что въ рядахъ прежней „Земли и Воли“ находились великоруссцы. Иначе трудно понять, почему бы „Свобода“ выступала съ такой рѣшительностью въ интересахъ членовъ бывшаго комитета „Великорусса“. Возможно, что организація перво-

1) Изъ воспоминаній прошлаго, стран. 257, примѣчаніе.

2) № 2 «Свободы» перепечатанъ въ «Быломъ», 1906 г., августъ.

начально не носила этого названія и только послѣ выхода воззванія отъ имени „Земской Думы“, рѣшилась назваться „Землей и Волей“.

Въ 1861 г. „Великоруссъ“ выступилъ съ инициативой широкаго политическо-общественнаго движенія и пытался вовлечь въ него образованные круги. Призывъ этотъ не имѣлъ успѣха. Правда, среди нѣкоторой части дворянства въ концѣ 1861 и 1862 гг. освободительное движеніе, являвшееся продолженіемъ прежняго, оживилось, какъ это мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, однако не достигло оно такихъ размѣровъ, какіе были необходимы для того, чтобы принудить правительство отречься отъ самодержавія.

Слѣдовало, стало быть, искать иныхъ путей. Но предварительно нужно было повидимому создать стройную конспиративную организацию, которая могла бы взяться за пропаганду въ духѣ принциповъ „Великорусса“ и революціонную агитацію среди сельскихъ массъ и молодежи. Такой именно организаціей является „Земля и Воля“.

Уже одно названіе выражало стремленія партіи: земля—народной массѣ, трудящейся на ней, воля—всему обществу или народу. Повидимому девизъ этотъ понимался въ духѣ „Великорусса“. Болѣе подробныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи у насъ не имѣется; количество изданій „Земли и Воли“, какъ мы послѣ увидимъ, крайне не велико,—нѣсколько номеровъ издаваемого ею листка и нѣсколько прокламацій; впрочемъ все это появилось во второмъ періодѣ существованія организаціи, т. е. въ второй половинѣ 1862 и въ 1863 гг. Силы организаціи также повидимому были слабы даже въ началѣ ея дѣятельности, когда въ ея рядахъ находились такія лица, какъ Чернышевскій и Серно-Соловьевичъ, имѣвшій большія связи.

О скудости силъ организаціи можно заключить изъ того, что она ничѣмъ своей дѣятельности не проявляла, вплоть до появленія № 1-го листка „Свободы“ въ концѣ лѣта 1862 г.; что столь серьезное дѣло, какъ необходимость завязать новыя сношенія и устраивать провинціальныя группы, поручалось юному Пантелѣеву, который только что вступилъ въ организацію (т. е. вскорѣ послѣ Пасхи 1862 г.), и не обладалъ минимальнымъ политическимъ опытомъ; наконецъ изъ того, что послѣ ареста

М. А. БАКУНИНЪ.

Чернышевскаго и Серно-Соловьевича 7 іюля 1862 г. все распалось, и молодые люди, какъ Пантелѣевъ, Утинъ и нѣсколько другихъ, должны были сами составлять комитетъ и начинать все сначала. Дальнѣйшая исторія этой организациі извѣстна намъ изъ описанія Пантелѣева, который тогда находился въ числѣ ея руководителей, состоялъ въ комитетѣ и можетъ дать вполне достовѣрныя свѣдѣнія о ея силахъ. Въ воспоминаніяхъ своихъ онъ утверждаетъ, что они въ то время были ничтожны.

Чѣмъ объяснить это?

Не тѣмъ—мы полагаемъ,—что организациа возникла недавно, ибо принадлежавшія къ ней лица уже въ 1861 г. взялись за дѣло объединенія радикальныхъ и революціонныхъ элементовъ, но и не тѣмъ также, что въ средѣ ея членовъ не было опытныхъ вождей, ибо къ таковымъ нельзя не причислить Чернышевскаго и Серно-Соловьевича.

Слѣдуетъ искать иныхъ причинъ слабости „Земли и Воли“. Въ то время въ русскомъ обществѣ требованія „Великорусса“ и „Земской Думы“ были весьма распространены; вѣдь даже прогрессивная часть дворянства желала конституціи и надѣленія крестьянъ всей землей, обработывавшейся ими до реформы.

Но хотя требованія эти и были популярны, однако не легко было найти для различныхъ общественныхъ группъ общую платформу борьбы за ихъ осуществленіе.

Дворяне пользовались своими особыми сословными собраниями, облегчавшими имъ возможность выражать свои требованія и являвшимися естественной формой группировки лицъ дворянскаго сословія. Дворянству не было нужды объединяться въ революціонныя организациі, не имѣвшія легальнаго поля дѣятельности; впрочемъ, дворянамъ трудно было находиться въ однихъ рядахъ съ людьми, которые кромѣ ближайшихъ вполне, опредѣленныхъ цѣлей, имѣли еще и менѣе ясныя, но болѣе радикальныя стремленія,—съ революціонерами, открыто выражавшими убѣжденіе, что въ случаѣ неуспѣха компромисса въ дѣлѣ достиженія общественно—политическихъ реформъ, необходимо будетъ использовать недовольство народныхъ массъ и организовать мощное и разрушительное движеніе снизу. Такимъ образомъ передовое дворян-

ство, какъ общественная группа, не могло вступить въ ряды тайной съ революціонной окраской организаціи.

Третье сословіе или торгово-промышленное мѣщанство, какъ политическій слой, только съ недавняго времени стало представлять собой сознательную политическую группу. Въ общемъ оно было поглощено мелкими будничными интересами и еще не теряло довѣрія къ правительству; судьбой крестьянъ оно особенно не интересовалось и не было, подобно дворянству, настроено враждебно къ правительству за бюрократическій способъ рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Городское и сельское населеніе вообще представляло собой еще темную массу, которая могла бунтовать противъ помѣщиковъ и фабрикантовъ въ отдѣльныхъ случаяхъ проявленія гнета и эксплуатаціи, но не сознавала необходимости въ коренномъ измѣненіи существующаго государственнаго строя.

Оставалась, стало быть, интеллигенція различныхъ видовъ, а именно—чиновники, офицеры, врачи, адвокаты, инженеры, учителя, литераторы и молодежь. Этотъ слой и поставлялъ революціоннымъ организаціямъ членовъ и просто сочувствующихъ. Въ то время однако число ихъ не могло быть велико. Чиновники дѣйствительно должны были держаться осторожно; впрочемъ подавляющее ихъ большинство было сторонниками существующаго порядка вещей; другія интеллигентныя группы, хотя въ общемъ и желали реформъ, однако не выработали цѣльныхъ политическихъ убѣжденій. Значительная часть тогдашнихъ литераторовъ изъ интеллигенціи полагала, что Россіи необходимы преобразованія, что нужно улучшить положеніе народной массы, поднять ее въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ, реформировать судопроизводство, дать мѣстное самоуправленіе, свободу печати,—но русскіе либералы не выражали въ то время явно конституціонныхъ стремленій, не требовали сверженія самодержавія.

Типичнымъ носителемъ такихъ взглядовъ былъ проф. Кавелинъ, не понимавшій, что отъ самодержавія нечего ожидать коренныхъ и прочныхъ реформъ, ибо оно по самой природѣ своей неотдѣлимо отъ произвола.

Представителемъ либеральнаго направленія въ духѣ англійскаго конституціонализма является Катковъ; онъ

не имѣлъ никакихъ радикальныхъ стремленій и ничѣмъ не подходилъ подѣ направленіе, представляемое Чернышевскимъ и его политическими друзьями.

Хотя значительная часть передовой и радикальной русской интеллигенціи разочаровалась въ Александрѣ II и его политикѣ, все же было еще много убѣжденныхъ, что постепенно само правительство продвинется впередъ по пути реформъ и введетъ со временемъ конституціонный строй,—поэтому они и не желали приступать къ революціоннымъ дѣйствіямъ.

Наиболѣе зрѣлые элементы среди русскаго образованнаго общества, жаждавшіе основныхъ общественно-политическихъ преобразованій, были разсѣяны по всему государству и устраивали отдѣльные кружки, не имѣвшіе постоянной между собою связи. Убѣдительнымъ подтвержденіемъ этого факта служитъ переписка русскихъ эмигрантовъ съ друзьями въ Россіи, попавшая при обыскахъ въ руки полиціи и недавно изданная М. Лемке.¹⁾

Эти разсѣянные всюду кружки обыкновенно знали о существованіи другъ друга, но входятъ между собою въ сношенія мѣшали имъ какъ внѣшнія обстоятельства, такъ и внутреннія причины. Сплошь и рядомъ огромно пространство раздѣляло людей родственныхъ или одинаковыхъ воззрѣній и затрудняло болѣе или менѣе постоянное соприкосновеніе между ними, ибо письма не могли замѣнить личныхъ сношеній; пути сообщенія при томъ были весьма несовершенны. Вслѣдствіе всего сказаннаго, каждый кружокъ жилъ своей особой внутренней жизнью и имѣлъ собственныхъ руководителей, пользовавшихся вліяніемъ и не склонныхъ дѣйствовать по чужой указкѣ.

Эмигранты, т. е. Герцень, Огаревъ, Бакунинъ и Келсьевъ, поддерживали связь съ различными отдѣльными лицами и кружками въ Россіи, присылали имъ свои изданія, получали отъ нихъ взамѣнъ свѣдѣнія и подчасъ пользовались ихъ услугами въ конспиративныхъ дѣлахъ. Но въ этихъ сношеніяхъ не было системы. То тутъ, то тамъ завязанныя уже сношенія прерывались.

---

¹⁾ М. Лемке. Дѣло о лицахъ, обвиненныхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами — «Былое» 1906, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь; а также два опубликованныхъ письма Герцена къ Серно-Соловьевичу — «Былое» 1906, январь. Въ этой корреспонденціи находится много подробностей, бросающихъ яркій свѣтъ на революціонное движеніе въ Россіи того времени.

Русскіе эмигранты вообще имѣли большое вліяніе на оппозиціонные и революціонные элементы въ Россіи, но это вліяніе было исключительно умственного и моральнаго свойства, не имѣло достаточно прочнаго и постояннаго характера и не было облечено въ форму опредѣленныхъ организаціонныхъ сношеній.

Объединить всѣхъ этихъ разсѣянныхъ по лицу земли русской дѣятелей и кружки могла лишь группа, которая бы пользовалась большимъ умственнымъ и моральнымъ авторитетомъ, была бы полна энергіи и отдавалась цѣликомъ дѣламъ организаціи. Въ Россіи лишь одинъ Чернышевскій обладалъ такимъ авторитетомъ въ радикальныхъ кругахъ. Но онъ не могъ разумѣется одинъ браться за все, тѣмъ болѣе, что имъ было принято рѣшеніе—какъ это видно изъ всѣхъ его поступковъ—быть крайне осторожнымъ, что конечно имѣло свои основанія.

Необходимы были техники революціи, а они еще едва начали вырабатываться. Ник. Серно-Соловьевичъ постепенно становится все болѣе извѣстнымъ и уважаемымъ дѣятелемъ; какъ въ идейномъ, такъ и техническомъ отношеніяхъ онъ много сдѣлалъ для организаціи; изъ упомянутой выше переписки видно, что работая на пользу организаціи, онъ подвергалъ себя часто опасности, а это порождало тревогу у его заграничныхъ друзей, которые высоко цѣнили его и умоляли, чтобы онъ избѣгалъ устраивать рискованныя предпріятія лично.

Революціонное движеніе, возобновившееся въ началѣ 1861г. проявляло себя не только выпускомъ воззваній, выражавшихъ взгляды отдѣльныхъ организацій, но и дѣйствіями лицъ, которыя въ зависимости отъ обстоятельствъ вели—въ предѣлахъ возможнаго—противоправительственную пропаганду и агитацію, ежеминутно подвергая себя опасности быть арестованными и понести тяжелую кару вплоть до смертной казни.

Въ настоящее время мы еще не имѣемъ возможности дать точныя свѣдѣнія о томъ, что успѣли сдѣлать отдѣльныя лица и кружки для роста политическаго самосознанія русскаго народа. Источники, находящіеся теперь въ нашемъ распоряженіи, даютъ намъ лишь нѣсколько примѣровъ этой разрозненной дѣятельности; но не подлежитъ сомнѣнію, что подобныхъ фактовъ было много. Собственно мы знаемъ лишь о тѣхъ случаяхъ, которые

въ свое время были сообщены правительству соглада-
таями, профессиональными и добровольными.

Въ 1862 г. военный судъ разсматривалъ дѣла о нѣ-
сколькихъ офицерахъ, состоявшихъ на службѣ въ раз-
ныхъ мѣстахъ государства и занимавшихся въ одиночку
противоправительственной, революціонной пропагандой въ
ближайшей къ нимъ средѣ.

Подполковникъ Красовскій раздавалъ войскамъ, назна-
ченнымъ для усмиренія взбунтовавшихся крестьянъ, про-
кламаціи, призывающія къ неисполненію распоряженій
начальства, если таковое прикажетъ стрѣлять въ народъ.
Подпоручикъ Григорьевъ настраивалъ солдатъ противъ
правительства и государя. Дьяконовъ, служившій во
флотѣ, и юнкеръ Травелеръ распространяли въ войскахъ
лондонскія изданія. Мы упомянули объ этихъ дѣлахъ, желая
лишь привести примѣръ дѣятельности въ революціонномъ
направленіи отдѣльныхъ лицъ. Работа этого рода среди
солдатъ и офицеровъ, т. е. въ сферѣ, гдѣ особенно сильна
бдительность правительства и сковываютъ правила
дисциплины, представляется неизмѣримо трудной. Она
могла быть обнаружена скорѣе и легче, чѣмъ подобная
же дѣятельность въ кругахъ интеллигенціи; мы поэтому
полагаемъ, что революціонныхъ работниковъ было много,
но о нихъ рѣшительно ничего неизвѣстно, ибо ихъ дѣя-
тельность была скрыта отъ глазъ правительства и никто
изъ близкихъ къ этому дѣлу лицъ не описалъ ея.

Въ началѣ 1862 г. по инициативѣ „Земли и Воли“,
а также эмигрантовъ, возникли попытки слить разроз-
ненные революціонныя силы въ одно цѣлое. На этотъ
вопросъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ упомянутая выше
переписка, опубликованная Лемке въ „Быломъ“.

Въ виду особенной важности содержащихся тамъ свѣ-
дѣній, мы остановимъ вниманіе читателя на нѣкоторыхъ
выдержкахъ изъ писемъ, тѣмъ болѣе, что они обрисовы-
ваютъ также отношеніе Герцена къ группамъ, дѣйстви-
вавшимъ въ Россіи.

Келсьевъ, занимавшійся усиленной доставкой въ Россію
нелегальной литературы, печатавшейся въ Лондонѣ, а
въ описываемое время—агитаціей среди раскольниковъ и
изготовленіемъ для нихъ различныхъ брошюръ и книгъ,
даетъ въ письмѣ къ своему знакомому Петровскому
инструкціи, какъ себя вести по отношенію къ существу-

шимъ въ Россіи политическимъ кружкамъ. А именно— Келсьевъ рекомендуетъ ему: полную освѣдомленность обо всемъ, что въ нихъ происходитъ, и постоянное наблюдение за ними, ибо такой всезнающій человекъ необходимъ. Каждый глава какого либо кружка будетъ такимъ образомъ имѣть возможность получать у него всѣ свѣдѣнія о происходящемъ по всей Россіи, благодаря чему никто не станетъ братья за дѣло, представляющееся уже излишнимъ ¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько существованіе такого освѣдомленнаго лица могло устранить возможность ошибокъ со стороны стоящихъ во главѣ отдѣльных кружковъ, мы на основаніи упомянутой инструкции приходимъ къ заключенію: 1) что въ то время существовали въ Россіи различные политическіе кружки, дѣйствовавшіе порознь, на свой рискъ и страхъ; 2) что эмигрантамъ было желательно собрать о нихъ подробныя свѣдѣнія, а также сблизиться съ ними посредствомъ лица, не принадлежавшаго къ ихъ составу, но имѣвшаго съ ними сношенія.

Этотъ же Келсьевъ въ письмѣ ²⁾ къ Ник. Серно-Соловьевичу сообщаетъ, что Герценъ и Огаревъ усиленно советуютъ, и что если впредь все пойдетъ какъ до сихъ поръ, то осенью они стануть во главѣ движенія. Далѣе говорится: когда центръ склеится, Герценъ и Огаревъ въ „Колоколѣ“ объявятъ, что они вступили въ него, а господинъ (повидимому Ник. Серно-Соловьевичъ) приметъ въ него всѣ кружки.

Изъ приведенныхъ писемъ легко усмотрѣть, что дѣятельность въ направленіи концентраціи революціонныхъ силъ въ Россіи велась повидимому при совмѣстныхъ усиліяхъ эмигрантовъ, съ Герценомъ во главѣ, и главныхъ дѣятелей въ самой Россіи, къ числу коихъ несомнѣнно принадлежитъ Ник. Серно-Соловьевичъ.

Во это время „Земля и Воля“ должна была уже существовать. Пантелѣевъ рассказываетъ ³⁾, что въ 1862 г. Утинъ пригласилъ его къ себѣ во время пасхальныхъ праздниковъ и познакомилъ со студентомъ Рымаренко и „господиномъ въ пенснѣ“, которые говорили ему о суще-

1) «Былое» 1896 г., сентябрь, стран. 161, письмо отъ іюня 1862 г.

2) Та же книжка «Былого», стран. 168 и 169.

3) Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго, стран. 257.

ствованіи „Земли и Воли“ и предложили вступить въ организацію. Отъ нихъ онъ узналъ, что организація находится въ первоначальной стадіи, что имѣется центральный комитетъ, что она построена на отдѣльныхъ группахъ по пяти лицъ въ каждой, что во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи образовано уже ядро партіи и что въ средѣ одного полка организація пользуется сильнымъ вліяніемъ и можетъ рассчитывать на его поддержку.

Утинъ и Пантелѣевъ обратились позже къ Чернышевскому за разъясненіями. О вступленіи своемъ въ организацію они умолчали, а говорили лишь о необходимости устройства студенческихъ кружковъ социалистическаго направленія и спросили про „господина въ пенснѣ“. Чернышевскій о послѣднемъ отозвался съ большою похвалой; пригласилъ ихъ работать, но въ общемъ былъ крайне сдержанъ.

Возникаетъ вопросъ, какую роль играла „Земля и Воля“ въ дѣлѣ сосредоточенія революціонныхъ силъ? Была ли она этимъ именно центромъ, около котораго должны были группироваться другіе кружки и въ который предполагали вступить эмигранты съ Герценомъ; или роль ея была не столь серьезной и организація представляла собой лишь одинъ изъ кружковъ, но нѣсколько больший, который долженъ былъ соединиться съ другими на равныхъ правахъ.

Мы можемъ дѣлать лишь предположенія на основаніи тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, какія имѣются о „Землѣ и Волѣ“, о ея современникахъ и обо всемъ положеніи, на фонѣ котораго развивалась политическая дѣятельность. Организацію „Земли и Воли“, имѣвшую уже вначалѣ въ своихъ рядахъ нѣсколько выдающихся лицъ и повидимому обширныя связи, нельзя ставить наряду съ обыкновеннымъ кружкомъ въ столицѣ или въ провинціи. По всей видимости эта организація должна была сыграть главную роль въ группировкѣ всѣхъ революціонныхъ силъ.

Читателю съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что Герценъ, не сходявшійся во взглядахъ съ Чернышевскимъ и его политическими друзьями, могъ въ то время думать о своемъ присоединеніи къ движенію, въ которомъ главную роль играетъ Чернышевскій. Дѣйствительно это было бы непонятно, если бы не то обстоя-

тельство, что самъ Герценъ до извѣстной степени измѣнилъ свои убѣжденія и счелъ необходимымъ выставить конституціонныя требованія. Конечно, и въ 1862 г. во взглядахъ этихъ дѣятелей не исчезли глубокія различія, особенно по отношенію къ тактикѣ, но они повидимому не мѣшали имъ дѣйствовать совмѣстно на почвѣ общей широкой политическо-общественной программы.

Въ письмѣ къ Ник. Серно-Соловьевичу Герценъ говоритъ ¹⁾, что считаетъ нужнымъ внушить обществу мысль о необходимости созыва Земскаго Собора, и выражаетъ готовность издавать въ Лондонѣ или Женевѣ совмѣстно съ Чернышевскимъ „Современникъ“, который послѣ извѣстныхъ пожаровъ—рѣчь о нихъ ниже—указомъ 19 июня 1862 г. былъ приостановленъ на 8 мѣс. Такимъ образомъ мы видимъ, что Герценъ въ концѣ первой половины 1862 г. сблизился съ Чернышевскимъ и его политическими единомышленниками, что желалъ совмѣстно съ ними даже издавать журналъ. Въ этой перемѣнѣ въ отношеніяхъ Герцена къ упомянутымъ дѣятелямъ рѣшающее значеніе по всей видимости имѣли два обстоятельства: недовольство Герцена политикой Александра II и репрессіи правительства по отношенію къ молодымъ, арестованнымъ въ 1861 г., Михайлову и Обручеву ²⁾,—и вліяніе Мих. Бакунина.

Бакунинъ ³⁾ въ 1848 и 1849 гг. сыгралъ выдающуюся роль въ Западній Европѣ, особенно въ Саксоніи и Богеміи; выданный Россіи, онъ начиная съ 1851 г. вплоть до 1854 г. сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, а съ 1854 г.

¹⁾ «Былое», 1906, январь, стран. 231.

Весьма характерна выражаемая довольно часто въ то время общественными дѣятелями нелюбовь къ Петербургу—это чувство замѣчаемо у Герцена, Зайчневскаго (одинъ изъ вождей извѣстнаго революціоннаго кружка въ Москвѣ) и у другихъ. Ник. Серно-Соловьевичъ, какъ мы увидимъ позже, совѣтовалъ перенести столицу въ Москву. Герценъ о Петербургѣ отзывался съ пренебреженіемъ и всѣ надежды возлагалъ на провинцію, на которую и Серно-Соловьевичъ совѣтуетъ обратить вниманіе. Того же мнѣнія держался и Келсеевъ въ своихъ письмахъ. Въ томъ же письмѣ Герценъ говоритъ, что соглашеніе между кружками будетъ всего труднѣе надъ Невой (т. е. въ Петербургѣ), вслѣдствіе крупныхъ разногласій среди стоящихъ во главѣ ихъ, что состояться оно можетъ скорѣе надъ рѣками Чернаго и Каспійскаго морей.

²⁾ О дѣлѣ ихъ мы нѣсколько словъ скажемъ позже.

³⁾ Родился въ 1814 г.

до 1859 г.—въ Шлиссельбургской крѣпости, послѣ чего былъ сосланъ въ Сибирь. Бѣжавъ оттуда, онъ въ 1862 г. прибылъ въ Лондонъ. Не смотря на все пережитое, Бакунинъ до послѣдней минуты не терялъ воодушевленія и энергіи и остался вѣренъ своимъ ярко революціоннымъ убѣжденіямъ ¹⁾. Поселившись въ Лондонѣ, онъ сталъ усиленно вліять въ революціонномъ духѣ на Герцена и Огарева. Кажется, что у Бакунина было гораздо болѣе шансовъ провести дѣло соглашенія съ современными дѣятелями въ Россіи, чѣмъ у Герцена, и что послѣдняго къ этому склонялъ именно Бакунинъ.

Попытка концентраціи революціонныхъ силъ въ Россіи, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, потерпѣла неудачу.

Отсутствіе какихъ бы то ни было непосредственныхъ источниковъ о дѣятельности „Земли и Воли“ въ первый періодъ ея существованія затрудняетъ выработку точнаго представленія о программѣ и тактикѣ этой партіи. Въ общемъ можно сказать, что она занимала по идеѣ и стремленіямъ позицію „Великорусса“.

Изъ воспоминаній Пантелѣева ²⁾ мы знаемъ, что цѣли партіи „Земли и Воли“ были слѣдующія: политическая свобода, преобразование Россіи на началахъ федерализма и надѣленіе крестьянъ землей, на которую они имѣютъ неопровержимое право, т. е.—должно быть—той, которая обрабатывалась ими до проведенія реформы.

Партія повидимому работала не только среди образованнаго общества, но и въ средѣ народа, который путемъ пропаганды и агитаціи предполагалось просвѣтить, организовать и поднять. „Земля и Воля“ стремилась не къ тому, чтобы время отъ времени вызывать крестьянскіе бунты, она желала поднять широкое и вполне организованное народное движеніе, которому было бы подъ силу помѣряться съ самодержавіемъ.

Въ число намѣреній партіи входило изданіе серьезнаго органа,— о чемъ свидѣтельствуютъ найденныя во время обыска у Н. Серно-Соловьевича рукописи статей ³⁾. Въ

¹⁾ О Бакунинѣ см. нашъ «Современный анархизмъ» въ рус. пер. (изд. «Луча»), а также изданную на рус. яз. отдѣльной брошюрой главу изъ этого сочиненія,—подъ загл. «М. А. Бакунинъ, его идеи и дѣятельность» (изд. О. С. Юдко).

²⁾ Изъ воспоминаній прошлога, стран. 255 и 266.

³⁾ Лемке въ «Быломъ» за 1906 г. въ сентябрьской книжкѣ перепечаталъ нѣкоторыя изъ нихъ; къ сожалѣнію авторъ не привелъ содержанія той статьи, гдѣ рѣчь идетъ о социализмѣ и коммунизмѣ.

его же бумагахъ найденъ былъ также проектъ русской конституціи, вмѣстѣ съ письмомъ къ Александру II, которое предполагалось ему вручить. Шагъ этотъ предпринимался какъ личное дѣло, отнюдь не какъ дѣйствие отъ имени партіи,—что подтверждается содержаниемъ этого письма, гдѣ авторъ ссылается на врученную въ 1858 г. Александру II докладную записку по крестьянскому вопросу.

Этотъ составленный Н. Серно-Соловьевичемъ проектъ конституціи не могъ быть неизвѣстенъ Чернышевскому и другимъ лицамъ, съ которыми онъ работалъ на политическомъ поприщѣ. Трудно также предположить, что бы сказанный проектъ не заключалъ въ себѣ требованій, согласованныхъ, по крайней мѣрѣ въ принципиальныхъ вопросахъ, съ убѣждениями творцовъ организациі „Земли и Воли“. По этой причинѣ онъ можетъ быть принятъ за выраженіе ея стремленій, и именно съ этой стороны составленный Серно-Соловьевичемъ проектъ конституціи, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Его значеніе для пониманія тенденцій общественно-политическаго движенія въ Россіи въ 1860—64 гг. таково же, какъ и значеніе подобныхъ же проектовъ Пестеля и Н. Муравьева для изученія стремленій декабристовъ.

По конституціи Серно-Соловьевича (§ 1) верховная власть въ Россіи принадлежитъ монарху — особѣ священной и неприкосновенной. Престолонаслѣдіе опредѣляется согласно уже существующимъ русскимъ законамъ. Сумма на содержаніе монарха и всей императорской семьи опредѣляется ежегодно самимъ императоромъ.

Верховная власть — по второму параграфу конституціи—есть высшая степень государственной власти, ей принадлежитъ власть: законодательная, судебная и исполнительная.

Согласно § 3-го принципы дѣятельности этихъ властей таковы: правда, милосердіе, добросовѣстное исполненіе законовъ, честность и уваженіе къ человѣческому достоинству.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что параграфы 1-й и 2-й, возвышая власть монарха надъ законодательной, судебной и исполнительной, ставятъ послѣднія въ зависимость отъ нея, благодаря чему она остается и впредь неограниченной. Однако, какъ увидимъ въ даль-

нѣйшемъ, это не такъ. Авторъ заботился здѣсь лишь о томъ, что бы конституція, которой онъ добивался для Россіи, была редактирована въ духѣ уваженія къ монархической власти.

§ 4-й поручаетъ законодательную власть для всего государства Народному Собранію, для губерній—Губернскимъ Собраніямъ. Однако фактически, какъ видно изъ § 13-го, законы санкціонируются монархомъ. Будетъ ли эта санкція простой формальностью, или для воспріятія закономъ силы она необходима—объ этомъ въ проектѣ ничего не говорится. Если она не является необходимой, то дѣйствительно законодательная власть принадлежала бы исключительно Народному Собранію, въ противномъ случаѣ—ему и монарху. Но какъ бы то нибыло Народное Собраніе ограничивало бы власть короны.

Народное Собраніе и Губернскія Собранія состояются изъ представителей дворянства, мѣщанъ и крестьянъ.

Дворянство каждой губерніи посылаетъ по три представителя, города — въ зависимости отъ числа жителей, въ отношеніи 1-го на 50,000. Сельскіе обыватели по одному на 100.000 жителей.

Губернскія Собранія образуются изъ 9 представителей каждаго уѣзда: по 3 депутата отъ дворянъ, мѣщанъ и крестьянъ.

Выборы въ Народное Собраніе—двухстепенные и производятся при посредствѣ Губернскихъ Собраній отъ каждаго сословія отдѣльно.

Въ проектѣ изложены спеціальныя инструкціи для выборовъ въ городахъ; для деревень—ихъ не имѣется.

Всѣ граждане государства принимаютъ участіи въ голосованіи.

Голосованіе—всеобщее, по сословіямъ, но не равное.

Отъ депутатовъ требуется: гражданское совершеннѣе, образовательный цензъ (отъ дворянъ — высшее образованіе, отъ мѣщанъ — среднее, отъ крестьянъ—низшее). ненахождение на государственной службѣ, непопеченность по суду.

Срокъ депутатскихъ полномочій трехлѣтній.

Въ началѣ сессіи Народное Собраніе избираетъ изъ своей среды двухъ кандидатовъ на должности предсѣдателя и вице-предсѣдателя и приступаетъ къ провѣркѣ

полномочій. Избраніе предсѣдателя и вице-предсѣдателя утверждаетъ монархъ.

Народное Собраніе выдѣляетъ изъ себя столько комиссій, сколько въ государствѣ министерствъ. Всѣ вопросы, предположенные къ обсужденію въ Народномъ Собраніи, разсматриваются предварительно въ комиссіяхъ. Законодательная инициатива принадлежитъ какъ монарху и министрамъ, такъ и народнымъ представителямъ, которые могутъ вносить законопроекты отъ собственнаго имени или отъ имени избравшихъ ихъ Губернскихъ Собраній.

Министры подаютъ голоса наравнѣ съ депутатами; дѣла рѣшаются по большинству голосовъ; въ случаѣ равенства таковыхъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Баллотировка можетъ быть открытой и закрытой, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшаетъ само Народное Собраніе.

Въ кругъ вѣдѣнія Народнаго Собранія входятъ:

- 1) введеніе новыхъ и упраздненіе старыхъ законовъ во всѣхъ отрасляхъ управленія и для всего государства;
- 2) разсмотрѣніе государственнаго бюджета;
- 3) разрѣшеніе займовъ и выпуска государственныхъ бумагъ и установленіе размѣровъ податнаго обложенія;
- 4) разсмотрѣніе исходящихъ отъ монарха дѣлъ внѣшней политики;
- 5) разсмотрѣніе ежегодныхъ министерскихъ отчетовъ;
- 6) разсмотрѣніе жалобъ на министровъ и другихъ высшихъ чиновъ государства и на Губернскія Собранія;
- 7) разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ, которыя будутъ предложены монархомъ;
- 8) разсмотрѣніе резолюцій предыдущаго Народнаго Собранія.

Засѣданія Народнаго Собранія — публичны, отчеты о нихъ печатаются.

• Монархъ пользуется правомъ въ любое время распустить Народное Собраніе, одновременно указавъ на срокъ новыхъ выборовъ.

Депутаты пользуются личной неприкосновенностью; только въ случаѣ совершенія депутатомъ уголовного преступленія и осужденія судомъ, депутатъ лишается своихъ полномочій до срока.

Народное Собраніе засѣдаетъ въ Москвѣ, куда переводится и столица государства.

Согласно § 14-го, въ Россійской имперіи должно быть нѣсколько Народныхъ Собраній: одно въ Москвѣ — для Европейской Россіи, второе въ Иркутскѣ — для Сибири, третье въ Варшавѣ — для Царства Польскаго, четвертое въ Тифлисѣ — для Кавказа, пятое въ Гельсингфорсѣ — для Финляндіи и шестое въ Ригѣ — для Прибалтійскаго края.

Такимъ образомъ въ § 4-мъ ошибочно опредѣлена законодательная компетенція Народнаго Собранія — для всего государства.

Такъ какъ въ проектѣ не упоминается объ отдѣльныхъ Народныхъ Собраніяхъ для Литвы и Малороссіи, то слѣдуетъ предположить, что эти области посылали бы своихъ представителей въ Народное Собраніе въ Москвѣ; но возможно, что авторъ проекта, ничего ни говоря о нихъ, полагалъ, что они сами въ будущемъ выскажутся либо за ближайшее единеніе съ коренной Россіей, либо — съ Царствомъ Польскимъ, или наконецъ потребуютъ отдѣльнаго для себя Народнаго Собранія.

Мы уже знаемъ, что участники „Великорусса“. позже — „Земли и Воли“, высказывались за независимость Польши, однако возникаетъ вопросъ, какъ примирить это съ проектомъ, который давалъ Царству Польскому отдѣльный законодательный органъ, но не отдѣльное, политически независимое государственное бытіе?

Мы думаемъ, что это противорѣчіе слѣдуетъ рѣшить такимъ образомъ:

Ник. Серно-Соловьевичъ писалъ свой проектъ для Александра II, поэтому долженъ былъ считаться съ обстоятельствами и не могъ предложить Государю добровольную передачу Царства Польскаго — полякамъ.

Чрезвычайно характерно и достойно особеннаго удивленія, что Серно-Соловьевичъ и повидимому и другіе современные ему дѣятели „Земли и Воли“ прекрасно понимали то обстоятельство, которое даже въ настоящее время для многихъ политиковъ изъ разныхъ лагерей еще неясно, а именно — что Россійская имперія состоитъ изъ слишкомъ разнородныхъ областей и поэтому одинъ общій для всѣхъ парламентъ не можетъ отправлять законодательныхъ функций надлежащимъ образомъ.

Слабая сторона проекта состоитъ въ томъ, что признавая надобность въ отдѣльныхъ парламентахъ для Финляндіи, Кавказа, Царства Польскаго, Прибалтійскаго

края и Сибири въ сферѣ ихъ внутреннихъ дѣлъ, онъ не создаетъ особаго парламентскаго учрежденія для за-вѣдыванія общегосударственными дѣлами. Именно въ этомъ центральномъ учрежденіи должны обсуждаться вопросы внѣшней политики государства, обороны страны, вопросы торговли и таможенныхъ ставокъ и нѣкоторые другіе.

Стоя на почвѣ принципа независимости государственныхъ учреждений отдѣльныхъ областей, входящихъ въ составъ Россіи, Н. Серно-Соловьевичъ былъ также сторонникомъ децентрализаціи даже въ коренной Россіи, о чемъ свидѣтельствуетъ учрежденіе предположенныхъ въ его проектѣ Губернскихъ Собраній. Не опредѣлилъ онъ лишь круга ихъ вѣдѣнія, предоставляя это опредѣленіе специальному закону.

Исполнительная власть должна находиться въ рукахъ министровъ для всего государства ¹⁾; губернаторовъ и губернскихъ собраній—для провинцій.

Министры назначаются монархомъ и дѣйствуютъ согласно инструкціямъ, даннымъ имъ Народнымъ Собраніемъ, каковому они и обязаны представлять отчетъ въ своей дѣятельности.

Каждый чиновникъ дѣйствуетъ согласно законамъ и отвѣтствененъ за свои дѣйствія.

Общественное спокойствіе и безопасность охраняетъ народная стража и полиція, избираемая мѣстнымъ населеніемъ. Дѣло правосудія находится въ рукахъ судовъ присяжныхъ, примѣняемыхъ какъ къ уголовнымъ, такъ и гражданскимъ дѣламъ. Кромѣ того въ каждой мѣстности населеніе выбираетъ изъ своей среды лицъ съ высшимъ образованіемъ — мировыхъ посредниковъ, къ которымъ могутъ обращаться тяжущіяся стороны. Рѣшенія мировыхъ посредниковъ для сторонъ обязательны. Жалобы на эти рѣшенія приносятся суду присяжныхъ, на рѣшенія послѣднихъ—губернскому суду, состоящему изъ лицъ, избранныхъ Губернскимъ Собраніемъ.

Высшей судебной инстанціей является Сенатъ, состоящій на половину изъ лицъ, избираемыхъ Народнымъ Собраніемъ, на другую же—назначаемыхъ короной.

Смертная казнь уничтожается безусловно, какъ равно

---

¹⁾ Собственно, части государства, имѣющія свои Народныя Собранія, должны бы имѣть и особыхъ министровъ.

и тѣлесныя наказанія, вмѣсто которыхъ налагается денежный штрафъ или арестъ. Монархъ можетъ уменьшить кару, наложенную Сенатомъ.

Всѣ граждане ¹⁾ государства, безъ различія пола, сословія и состоянія, равны предъ закономъ и судомъ.

Никто не можетъ быть лишенъ свободы иначе, какъ по судебному рѣшенію. Каждый русскій или водворившійся въ Россіи имѣетъ право на пользованіе четырьмя десятинами земли. Надѣленіе землей происходитъ на основаніи соглашенія заинтересованныхъ лицъ съ Министерствомъ Народнаго Благоденствія (§ 63).

Здѣсь слово «русскій» слѣдуетъ понимать въ смыслѣ государственномъ, а не національномъ, т. е. подразумевать подъ нимъ тѣхъ, что родились русскими гражданами.

Всѣ граждане государства имѣютъ право: свободно исповѣдывать свою вѣру и отправлять богослуженіе по ея обрядамъ, свободно высказывать въ печати свои убѣжденія.

Система рекрутскаго набора замѣняется вербовкой въ военную службу добровольцевъ, которые получаютъ денежное вознагражденіе. Въ случаѣ внѣшней опасности для государства граждане обязаны явиться по призыву, по возможности—съ оружіемъ въ рукахъ.

Временно-обязанные крестьяне становятся теперь же свободными и удерживаютъ въ своемъ пользованіи свои надѣлы (т. е. должно быть землю, которую они обрабатывали до реформы, ибо такой именно взглядъ, какъ мы знаемъ, былъ выраженъ Н. Серно-Соловьевичемъ по крестьянскому вопросу въ 1861 г.), подушная подать для временно-обязанныхъ крестьянъ опредѣляется въ такомъ же размѣрѣ, какъ повинности государственныхъ крестьянъ. Размѣръ вознагражденія помѣщиковъ устанавливаетъ Народное Собраніе.

Мы видимъ такимъ образомъ, что конституціонный проектъ Н. Серно-Соловьевича весьма опредѣленно ограничиваетъ власть монарха и ставитъ министровъ въ зависимость отъ парламента, предписывая имъ дѣйствовать согласно его инструкціямъ; въ реорганизаціи Россіи

---

¹⁾ Въ проектъ Серно-Соловьевича сказано «всѣ русскіе»; терминъ этотъ однако слѣдуетъ понимать въ смыслѣ гражданъ государства, а не лицъ, принадлежащихъ къ русской національности, ибо С.-С. не былъ ни націоналистомъ, ни централистомъ.

авторъ проекта держится принципа широкой децентрализации; отдѣльнымъ входящимъ въ составъ государства областямъ предоставляетъ правовую и государственную независимость, связывая ихъ съ Россіей лишь реальной уніей.

Нѣкоторое недоумѣніе можетъ вызвать въ излагаемомъ проектѣ выборная система, предоставляющая избирательныя права всѣмъ гражданамъ, но устанавливающая выборы по сословіямъ и этимъ путемъ дающая каждому изъ нихъ право представительства—въ различной формѣ.

Возникаетъ вопросъ, почему радикаль Н. Серно-Соловьевичъ не требовалъ всеобщаго и равнаго для всѣхъ гражданъ избирательнаго права?

Отвѣтъ на это можно по нашему мнѣнію дать въ томъ смыслѣ, что въ Россіи того времени выборы на основаніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права обезпечили бы въ Народномъ Собраніи огромное большинство крестьянамъ, которые въ вопросѣ о надѣленіи ихъ землей и вообще въ аграрномъ вопросѣ могли бы зайти слишкомъ далеко, а въ политическомъ отношеніи не были бы въ силахъ реформировать государства,—быть можетъ потому, что не по желали бы ограничить волю монарха.

Извѣстно, что Чернышевскій не идеализировалъ крестьянъ; поэтому близкіе ему люди, какъ Н. Серно-Соловьевичъ, могли повидимому опасаться, по крайней мѣрѣ вначалѣ, что русскій парламентъ, состоящій преимущественно изъ крестьянъ, не исполнитъ своей миссіи.

Изъ статьи Чернышевскаго, подъ загл. «Письмо безъ адреса», можно заключить, что авторъ сочувствовалъ либерально-демократическому движенію среди извѣстной части дворянства; не могъ онъ, стало быть, совершенно его игнорировать въ вопросѣ о преобразованіи Россіи въ конституціонное государство. По проекту Н. Серно-Соловьевичъ предоставляетъ дворянству посылать въ Народное Собраніе по три представителя отъ каждой губерніи.

Мы не станемъ подвергать весь этотъ проектъ подробной критикѣ съ точки зрѣнія современнаго состоянія государственнаго права, пользовавшаго долгой опытъ различныхъ государствъ, — эта точка зрѣнія разумѣется не могла быть извѣстна автору проекта.

Въ немъ легко указать нѣкоторыя неточности и промахи, какъ напр. отсутствіе упоминанія о томъ, что всѣ

распоряженія монарха должны быть скрѣплены подписью соотвѣтственнаго министра, что устанавливается свобода собраній и т. д.

Но намъ важенъ общій замыселъ проектированной Н. Серно-Соловьевичемъ конституціи.

Требованіе для каждаго гражданина права на 4 десятины земли указываетъ на то, что руководители «Земли и Воли», а прежде «Великорусса», въ возрѣніяхъ на аграрный вопросъ пошли въ сущности говоря дальше необходимости надѣлать крестьянъ полностью землей, обрабатывавшеюся ими до реформы 19 февраля 1861 г. Возможно, что не всѣ были согласны съ такой постановкой вопроса, но не желали выступить въ то время противъ требованія Н. Серно-Соловьевича.

Въ его проектѣ уже нѣтъ неприятно насъ въ настоящее время поражающихъ въ „Русской Правдѣ“ Пестеля—государственнаго централизма, опеки правительства надъ гражданами, желанія денационализировать другія народности.

Среди найденныхъ у Н. Серно-Соловьевича во время обыска бумагъ, находится черновикъ ¹⁾ статьи подъ загл. „Мысли вслухъ“. Авторъ прежде всего констатируетъ разложеніе стараго порядка въ Россіи, затѣмъ постепенно переходитъ къ вопросу о возможности выхода изъ тяжелаго положенія, въ которомъ находится Россія. Привилегированные и состоятельные классы бросаются во всѣ стороны, ища спасенія отъ приближающейся грозы; но встрѣчаютъ преграду въ неумолимой логикѣ исторіи; они слишкомъ долго признавали полезнымъ поддерживать систему, которой первое и послѣднее свойство—эксплуатація народа. Систематически и послѣдовательно они рыли пропасть между собой и народомъ. Наконецъ наступилъ моментъ, когда существующій порядокъ оказался и для нихъ вреднымъ, они желаютъ его измѣнить, но сами по себѣ безсильны.

Имъ бы хотѣлось опереться на силу, на народъ, но отъ него они отдѣлены пропастью, которую сами вырыли всѣмъ своимъ привилегированнымъ существованіемъ. Это—

---

¹⁾ Статья эта была предназначена для имѣвшей выходить газеты, на что указываетъ ея авторъ ссылкой на другую статью — «въ томъ же номерѣ нашей газеты» — «Былое» 1906, сентябрь. 192.

трагикомическое положеніе, но вполнѣ заслуженное и логически неизбѣжное.

Въ данное время,—говоритъ Н. Серно-Соловьевичъ,—привилегированные классы совершенно не могутъ рассчитывать на поддержку народа, хотя бы и тѣ и другой одинаково чувствовали на себѣ гнетъ правительства. Положеніе народа ужасно, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ будетъ оказывать помощь тѣмъ, которыхъ онъ ненавидитъ, которымъ не вѣритъ и съ которыми не имѣетъ ничего общаго. Поступая такъ, онъ будетъ правъ, ибо высшіе классы заботятся прежде всего о собственныхъ интересахъ. Они, правда, говорятъ: все для народа, но прибавляютъ: но не чрезъ народъ, забывая, что конецъ этого девиза является именно принципомъ системы, съ которой они хотятъ бороться. Народъ никогда не пойдетъ съ тѣмъ, кто не онъ, не изъ его среды. Тѣ, что искренно желаютъ работать для его блага должны себѣ сказать: все для народа и черезъ народъ.

Но можетъ быть подъ такимъ девизомъ не осуществимы частныя стремленія? Можетъ быть народъ потерялъ свою жизнеспособность и энергію и примирился съ судьбой? На это Н. Серно-Соловьевичъ отвѣчаетъ съ полной убѣжденностью отрицательно.

Начавшійся процессъ возрожденія,—говоритъ онъ дальше,—долженъ проникнуть во всѣ части организма—это непреложный законъ. Движеніе проникаетъ всюду; даже изъ наиболѣе неподвижныхъ слоевъ доходятъ къ намъ отзвуки новой жизни.

Народъ подчинился существующему режиму не потому, что не могъ создать лучшаго, но по той причинѣ, что прежде не сознавалъ собственной силы, а теперь ее ощущаетъ. Близокъ часъ... Наступитъ онъ неизбѣжно и облегчитъ развитіе мірскихъ началъ.

Какимъ образомъ это произойдетъ,—будетъ зависѣть отъ того, въ какой мѣрѣ лучшіе люди изъ привилегированныхъ классовъ признаютъ ничтожество своихъ преимуществъ, въ какой мѣрѣ сумѣютъ они соединить свои усилія, полюбить народъ и доказать это на дѣлѣ. Чѣмъ большая часть лицъ изъ этихъ классовъ пойметъ это, тѣмъ легче произойдетъ переходъ къ новому порядку вещей. Но,—заканчиваетъ авторъ,—исторія не ждетъ.

Статья эта служитъ цѣннымъ матеріаломъ для изу-

ченія взглядовъ не только Н. Серно-Соловьевича, но и другихъ основателей „Земли и Воли“ на современное имъ общественно-политическое положеніе Россіи и даетъ намъ также данныя относительно тактики этой организаціи.

Члены ея не питали наивной вѣры въ то, что одно обращеніе революціонеровъ къ народу привлечетъ послѣдній къ дѣлу совершенія въ Россіи политическаго переворота. Они понимали, что отборное меньшинство изъ привилегированныхъ круговъ должно будетъ поработать надъ развитіемъ самосознанія народа и вмѣстѣ съ нимъ, затѣмъ организоваться и, снискавъ довѣріе народныхъ массъ, вовлечь ихъ въ революціонную дѣятельность.

„Землѣ и Волѣ“ пришлось начать работу съ группировки подъ флагомъ единой программы лучшихъ элементовъ интеллигенціи и только затѣмъ съ этими организованными силами перейти къ работѣ среди народа.

Что это за работа, въ какомъ направленіи предполагалось развивать народное самосознаніе, какъ представляли себѣ революцію—обо всемъ этомъ мы можемъ составить понятіе по одному опубликованному въ свое время¹⁾ воззванію, написанному съ агитаціонной цѣлью въ 1861 г., т. е. въ періодъ формировація, или существованія уже группы „Великорусса“, стало быть, до образованія „Земли и Воли“,—воззванію, приписанному судомъ Чернышевскому на основаніи показаній измѣнника Всеволода Костомарова²⁾.

По вполнѣ понятнымъ причинамъ Чернышевскій во время слѣдствія и суда отрицалъ свое авторство въ этой прокламаціи, озаглавленной „Къ барскимъ крестьянамъ“. Лемке склоненъ допустить, что писалъ ее Чернышевскій. Дѣйствительно, способъ выражать мысль, а также убѣжденія—тождественны съ тѣмъ и другими Чернышевскаго.

Въ настоящее время затруднительно сказать, что помѣшало упомянутую прокламацію отпечатать: техническія, или тактическія соображенія.

Содержаніе ея крайне важно и потому мы должны на немъ нѣсколько остановиться.

Авторъ начинаетъ съ критики реформы 19 февраля

¹⁾ Въ настоящее время оно напечатано въ книгѣ Лемке «Политическіе процессы», стран. 336—346.

²⁾ Сынъ извѣстнаго историка Костомарова.

1861 г.,—обычной въ то время въ радикальной части общества; подробно останавливается на невыгодности для крестьянъ переходнаго въ теченіе двухъ лѣтъ (отъ 1861 1863 гг.) періода, въ который помѣщики могутъ имъ причинить бездна вреда.

Въ воззваніи говорится, что Государь стоитъ на сторонѣ помѣщиковъ, и отводится много мѣста разъясненію значенія политической свободы. Роль монарха въ конституціонныхъ государствахъ уподобляется здѣсь роли старости въ волости, и говорится въ нѣсколькихъ словахъ о республиканскомъ строѣ, со ссылками на Швейцарію и С.-А. Соединенные Штаты. Преимущество отдается республикѣ, хотя указывается на то, что и въ конституціонныхъ монархіяхъ, гдѣ дѣйствительно управляетъ народъ, возможно всестороннее развитіе жизни¹⁾. Указывается далѣе на необходимость справедливаго суда, равенства всѣхъ передъ закономъ и т. п.

О тактикѣ говорится слѣдующее: отдѣльнымъ деревнямъ или группамъ въ нихъ не слѣдуетъ поднимать бунтовъ, ибо отдѣльныя вспышки не принесутъ дѣлу никакой пользы; нужно, чтобы весь народъ былъ готовъ къ возстанію, ибо лишь всеобщимъ возстаніемъ можно добиться побѣды. О днѣ возстанія, когда къ этому дѣлу приблизится, будетъ объявлено.

Наконецъ, крестьяне призываются оказывать вліяніе на войска, ибо солдаты—преимущественно тѣ же крестьяне,—и имъ теперь очень тяжело, новый же порядокъ будетъ и для нихъ освобожденіемъ.

По недостатку мѣста мы не станемъ входить во всѣ подробности содержанія этой замѣчательной прокламаціи, замѣтимъ только, что способъ объясненія мужику конституціоннаго строя положительно превосходный, все разсужденіе ведется въ крайне доступной формѣ, совершенно понятной незатѣливому уму крестьянина.

Полагаемъ, что послѣ всего сказаннаго, общественно-политическое ученіе партіи „Земли и Воли“ достаточно выяснено.

Была ли эта организація или партія—соціалистической?

---

¹⁾ Это напоминаетъ аналогичную аргументацію «Великорусса», что служить лишнимъ доказательствомъ въ пользу предположенія, что авторомъ прокламаціи былъ Чернышевскій, или по крайней мѣрѣ съ ее редактировалъ.

Несомнѣнно—нѣтъ. Къ ней, правда, принадлежали и социалисты, какъ напр. самъ Чернышевскій, но какъ цѣло она не была социалистической, ибо чисто социалистическихъ требованій не выставляла,—въ чемъ конечно нельзя ее и упрекать. Дѣйствительно, Россія того времени не представляла собой почвы для чисто социалистической организациі. Фабричный пролетаріатъ былъ въ ней сравнительно весьма немногочислененъ и состоялъ если не преимущественно, то въ значительной степени изъ крестьянъ, не утратившихъ еще связи съ деревней; психика ихъ была лишь на половину пролетарской.

Реформа 19 февраля 1861 г. создала среди крестьянъ извѣстное броженіе, которое было преувеличено русской радикально-революціонной интеллигенціей того времени; она думала, что сейчасъ же послѣ реформы въ 1863 г. вспыхнетъ стихійная крестьянская революція на исключительно аграрной почвѣ; исходя изъ этой мысли, интеллигенція считала наиболѣе важнымъ дѣломъ революціонную дѣятельность въ деревнѣ.

Несомнѣнно, что и въ то время революціонная работа среди русскаго фабричнаго пролетаріата принесла бы огромную пользу, и если бы „Земля и Воля“ не понесла невознаградимой потери въ лицѣ арестованныхъ Чернышевскаго и Н. Серно-Соловьевича и развивалась бы постепенно, то можетъ быть начала дѣйствовать и среди рабочихъ; но въ 1862 г. она дѣлала лишь первые шаги и должна была считаться съ возможнымъ возстаніемъ крестьянъ.

„Земля и Воля“ является организацией радикальной и революціонной; какъ таковая она могла сыграть огромную роль и принести громадную пользу русскому народу вообще, крестьянамъ и рабочему классу—въ частности. Особенно важно то обстоятельство, что она придавала наибольшее значеніе дѣлу достиженія политической свободы.

„Земля и Воля“, имѣя во главѣ Чернышевскаго и Н. Серно-Соловьевича, могла бы со временемъ сгруппировать вокругъ себя всю революціонно настроенную русскую интеллигенцію и начать работу среди народа подъ знаменемъ политической свободы и демократическихъ реформъ, особенно—аграрной. Къ несчастью различныя обстоятельства, о которыхъ будетъ сказано ниже, сдѣлали невоз-

возможнымъ дальнѣйшее нормальное развитіе этой организаціи.

Пантелѣевъ вспоминаетъ, что вскорѣ послѣ его вступленія въ „Землю и Волю“, членъ послѣдней „господинъ въ пенснѣ“, какъ онъ его называетъ, вручивши ему 200 руб. на дорогу, предлагалъ поѣхать въ Москву, а затѣмъ въ другія мѣста по Волгѣ, съ цѣлью завязать организаціонныя сношенія и привлечь въ партію участниковъ; въ особенности важно было привлечь одинъ московскій кружокъ, въ главѣ котораго находились Зайчневскій и Аргиропуло.

7.

Освободительное движеніе, начавшееся послѣ вступленія на престолъ императора Александра II, постепенно охватило и московскихъ студентовъ, которые до этого предавались легкомысленной и разгульной жизни, учились и читали весьма немного. Однако первоначально движеніе это проявлялось лишь въ столкновеніяхъ съ полиціей и университетскими властями, носившихъ также задорно-легкомысленный характеръ; студенты дрались на улицѣ съ полицейскими и держались грубо-вызывающе по отношенію къ своему университетскому начальству. Мало по малу однако настроеніе молодежи становилось солиднѣе, серьезнѣе.

Въ 1859 г. возникаетъ студенческій кружокъ, интересующійся общественно-политическими вопросами; онъ устраиваетъ библіотеку и выпускаетъ рядъ литографированныхъ изданій запрещенныхъ авторовъ, какъ напр. Прудона и др. Въ 1861 г. онъ обладаетъ уже собственной тайной типографіей. Къ этому времени онъ преобразовывается изъ кружка самообразования въ соціально-революціонный. Послѣ опубликованія крестьянской реформы, онъ выпускаетъ воззваніе къ крестьянамъ, призывающее ихъ къ возстанію.

Наиболѣе выдающимися дѣтелями этого кружка были: Петръ Зайчневскій и Аргиропуло.

Члены, особенно Зайчневскій, исповѣдывали принципы соціализма, соединяя ихъ съ теоріей яacobинской революціонной тактики. Соціализмъ ихъ былъ разумѣется прежняго

типа, но во всякомъ случаѣ они вполне опредѣленно стремились къ социализаціи земли, фабрикъ и промышленныхъ предпріятій.

Въ упоминаемой нами біографіи Зайчневскаго, написанной на основаніи свѣдѣній нѣсколькихъ хорошо его знавшихъ лицъ, мы находимъ интересное сообщеніе¹⁾, что въ 1861 или 1862 г. онъ отправился въ качествѣ делегата отъ своего кружка на съѣздъ представителей кружковъ въ Петербургѣ²⁾.

Цѣлью съѣзда была совмѣстная выработка программы. Этотъ фактъ служить подтвержденіемъ выраженного нами выше предположенія, что въ началѣ 1862 г. были попытки объединить всѣ революціонныя кружки.

Насколько намъ извѣстно, о дѣятельности этого съѣзда не сохранилось больше никакихъ свѣдѣній.

Силы кружка Зайчневскаго и Аргиропуло обыкновенно опредѣляются, какъ незначительныя; мы—иного мнѣнія.

Желая разобратъ въ этомъ вопросѣ, слѣдуетъ принять во вниманіе тогдашнія условія дѣятельности революціонныхъ кружковъ въ Россіи; тѣ кружки, которые тогда можно было назвать крупными, при нынѣшнихъ условіяхъ были бы небольшими. Упомянутый кружокъ существовалъ нѣсколько лѣтъ, издавалъ различныя запрещенныя сочиненія, оказывалъ большое вліяніе на молодежь, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ; идеи, которыя онъ проповѣдывалъ, и взгляды на тактику, которой онъ придер-

---

¹⁾ Матеріалы по исторіи русскаго социально-революціоннаго движенія, X прилож. «Съ родины и на родину»—некрологъ о Петрѣ Зайчневскомъ, стран. 503—507. См. также Исторію революціоннаго движенія въ 60 гг., стран. 111 и 112.

Согласно показаній Андрущенко, въ 1850 г. въ Москвѣ возникъ студенческой кружокъ «Библиотека казанскихъ студентовъ»; въ 1861 г. изъ него выдѣлился другой, во главѣ котораго стали Зайчневскій и Аргиропуло.

²⁾ Въ біографіи Зайчневскаго читаемъ, что на этомъ съѣздѣ присутствовали поляки и каракозовцы, т. е. члены кружка Каракозова, который въ 1866 г. стрѣлялъ въ Петербургѣ въ Александра II. Извѣстіе это находится однако въ противорѣчій съ матеріаломъ, добытымъ слѣдственной комиссіей по дѣлу о покушеніи Каракозова. По показаніямъ нѣкоторыхъ изъ опрашиваемыхъ, кружокъ этотъ возникъ лишь въ 1863 г. Возможно, что они на слѣдствіи скрыли прежнее существованіе кружка, или же упоминаніе о каракозовцахъ на съѣздѣ слѣдуетъ понимать, какъ о членахъ позднѣйшаго кружка тогда еще не существовавшего, но изъ котораго именно вышелъ Каракозовъ и которое занималось своимъ дѣломъ независимо отъ другихъ кружковъ.

живался, получили распространение и имѣли значительное влияние на позднѣшніе кружки, работавшіе преимущественно также въ Москвѣ. Все это доказываетъ, что кружокъ Зайчневскаго не могъ не имѣть крупнаго значенія въ исторіи русскаго революціоннаго движенія.

Можетъ быть въ численномъ отношеніи онъ не представлялъ собой крупной величины, но дѣятельность его слѣдуетъ оцѣнивать не количествомъ работниковъ, но размѣромъ сдѣланной работы.

По мнѣнію Зайчневскаго, тайная руководящая организація должна слагаться изъ членовъ, единомышленныхъ даже въ частностяхъ, выдающихся по уму, предприимчивости и энергіи, и должна быть немногочисленной. На этомъ основаніи и можно допустить, что кружокъ былъ немногочисленнымъ. За нимъ несомнѣнно стояли большія группы молодежи, находящіяся съ нимъ въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ.

Въ половинѣ мая 1862 г. въ Москвѣ и Петербургѣ распространялась извѣстная прокламація, выпущенная кружкомъ Зайчневскаго и озаглавленная „Молодая Россія“.

Начинается она указаніемъ на то, что Россія вступила въ революціонный періодъ своего существованія и что общество раскололось на два враждебныхъ лагеря — народъ, котораго всѣ грабятъ, и кучку счастливыхъ и богатыхъ людей, во главѣ которыхъ стоить дворъ и царь. Прокламація рѣзко клеймитъ эти высшія сферы, не исключая и самого монарха. Далѣе она утверждаетъ, что среди дворянства образовалась либеральная оппозиція, возникшая вслѣдствіе недовольства крестьянской реформой, лишившей дворянство возможности пользоваться крѣпостнымъ крестьянскимъ трудомъ; но эта оппозиція, въ случаѣ народной революціи, обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ направляющейся противъ имущихъ классовъ, неизбежно перейдетъ на сторону правительства и станетъ подлѣ своего естественнаго представителя и вождя — государя. Это — царская партія. Оба лагеря борются между собой постоянно и подобная борьба обыкновенно оканчивается не въ пользу народа; но послѣдній будучи побѣжденъ, снова волнуется, выражая въ различныхъ формахъ свое недовольство. Борьба будетъ продолжаться дальше — до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ существующій

экономическій строй, въ которомъ немногочисленная кучка капиталистовъ, угнетая и убивая въ народѣ всѣ человѣческія чувства, рѣшаетъ его судьбу. Затѣмъ слѣдуютъ нападки на другія отрицательныя стороны современной жизни, а именно: на вѣру въ несуществующаго Бога, на деспотизмъ семьи, рабство женщины, на систему обмана, называемую торговлей и коммерціей. Единственный исходъ изъ этого мрачнаго настоящаго—въ неумолимой, кровавой, всеобщей революціи, которая, начиная съ фундамента, перестроитъ весь порядокъ жизни. Насильственный переворотъ не страшитъ авторовъ прокламаціи; они заявляютъ, что готовы этому дѣлу собственную жизнь принести въ жертву, лишь бы началась революція и разрушила до основанія весь перегнившій строй; можетъ быть падуть невинные, но революція во всякомъ случаѣ неизбежна и полезна для общества и народа. Всѣ чувствуютъ эту неизбежность переворота—и народная масса и высшіе круги.

Затѣмъ прокламація обращается къ царской партіи съ вопросомъ: думаетъ ли она, что порка мужиковъ, аресты, ссылки въ Сибирь и на каторгу, разстрѣлы и вообще репрессіи остановятъ революціонное движеніе? Всѣ эти средства въ данномъ случаѣ безцѣльны, они заставляютъ лишь сплачиваться революціонные элементы; за каждую же потерю въ рядахъ революціонеровъ имъ заплатитъ царская партія головами своихъ членовъ. Вождямъ этой партіи—царской семьѣ прокламація грозитъ полнымъ истребленіемъ.

Пусть усиливаютъ репрессіи,—тѣмъ сильнѣе и скорѣе наступитъ взрывъ.

По словамъ прокламаціи, все благопріятствуетъ революціи: и подымающаяся Польша съ Литвой, и финансовое положеніе Россіи и тотъ фактъ, что въ 1863 г., послѣ завершения переходнаго періода въ проведеніи крестьянской реформы крестьяне убѣдятся, что ихъ обманули; къ тому же ходятъ слухи о войнѣ, которая потребуетъ усиленнаго рекрутскаго набора и займовъ—все это доведетъ государство до банкротства. Вотъ тогда именно и вспыхнетъ революція. Но можетъ случиться.—говорится далѣе,—что крестьяне не встанутъ въ одно время вездѣ, а лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и черезъ различныя промежутки времени, что войско не успѣетъ присоеди-

ниться къ нимъ, а революціонныя партіи—прійти къ соглашенію, вслѣдствіе чего царская партія подавитъ движеніе; тогда революція возгорится черезъ нѣсколько лѣтъ снова и успѣшнѣе.

Событія однако захватили революціонеровъ неподготовленными. Центральный Революціонный Комитетъ въ полномъ собраніи своихъ членовъ 7 апрѣля рѣшилъ выпускать періодическое изданіе, которое разъясняло бы обществу защищаемые имъ принципы; въ этомъ органѣ предполагалось помѣщать отчеты о засѣданіяхъ Комитета, запросы къ провинціальнымъ комитетамъ и выяснять отношеніе революціонной партіи къ каждому крупному факту общественной или государственной жизни. Необходимость имѣть свой органъ обусловливалась еще тѣмъ, что до сихъ поръ никто не уяснилъ обществу значенія пропаганды.

Затѣмъ авторы прокламаціи, переходятъ къ разбору убѣжденій и тактики Герцена и „Великорусса“. За первымъ признается заслуга пробужденія въ Россіи общественнаго мнѣнія, но дѣлаются упреки въ умѣренности его исключительно либеральной программы, потерѣ вѣры въ революцію, увлеченіи иллюзіями по отношенію къ Александру II и т. п. Признавая взгляды „Великорусса“ устарѣвшими и не совпадающими со своими, авторы прокламаціи отдають вмѣстѣ съ тѣмъ дань уваженія его Редакціи, которая рѣшилась выражать въ самой Россіи протестъ противъ существующаго порядка вещей. „Великоруссъ“ пользовался въ обществѣ большимъ успѣхомъ, ибо отвѣчалъ его либеральнымъ стремленіямъ. „Великорусса“ читали, соглашались съ его взглядами, и—только. У революціонеровъ вызоветъ улыбку убѣжденіе „Великорусса“, что государь не рѣшится отдать приказъ стрѣлять въ представителей интеллигенціи и высшихъ и среднихъ круговъ ¹⁾).

Послѣ этой критики существующаго режима и направленій, господствующихъ въ Россіи до сихъ поръ, прокламація формулируетъ свои требованія такимъ образомъ:

Замѣна деспотической формы правленія республиканской. Россія должна быть преобразована изъ централист-

¹⁾ Въ одномъ изъ номеровъ «Великорусса» шла рѣчь о томъ, что правительство не посмѣетъ поступать съ русскимъ обществомъ такъ, какъ съ крестьянами и поляками.

ской самодержавной монархіи въ федеративную республику.

Каждая область въ лицѣ своего населенія высказывается за то—желаетъ ли она войти въ составъ российской федеративной республики, или не желаетъ; о томъ, какія губерніи и въ какія области должны входить рѣшаетъ также само населеніе; Польша и Литва должны образовать изъ себя совершенно независимое государство, ибо населеніе ихъ уже выражало свое нежеланіе входить въ составъ русскаго государства.

Каждая провинція составляется изъ свободныхъ общинъ, члены которыхъ пользуются равными правами.

Каждый гражданинъ обязанъ приписаться къ той или другой общинѣ; въ его пользованіе выдѣляется по распоряженію общины участокъ земли, отъ котораго онъ можетъ отказаться, или отдать его въ аренду. Гражданинъ свободенъ проживать и внѣ общины и заниматься какимъ ему угодно ремесломъ, при чемъ обязанъ вносить подати, назначенныя общиной.

Выдѣляемая гражданамъ земля отдается имъ не въ пожизненное владѣніе, но на извѣстное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ общинная земля подвергается передѣлу. Имѣнія помѣщиковъ до ихъ смерти составляютъ ихъ полную собственность, затѣмъ переходятъ въ распоряженіе общины.

Всѣ судебныя власти избираются народомъ, община имѣетъ право суда надъ своими членами во всѣхъ касающихся ея дѣлахъ.

Кромѣ Народнаго Собранія, избираемаго всѣмъ народомъ и засѣдающаго въ столицѣ, должны имѣть мѣсто еще и Областныя Собранія, избираемыя населеніемъ области.

Податная система организуется такъ, чтобы вся тяжесть налоговъ падала на богатыхъ гражданъ, а не на бѣдныхъ. Съ этой цѣлью Народное Собраніе опредѣляетъ общую сумму податей и раскладываетъ ее на области; послѣднія же слѣдующую съ ихъ часть налоговъ распределяютъ между общинами, а общины между своими членами.

Народное Собраніе рѣшаетъ вопросы внѣшней политики государства, разсматриваетъ законопроекты, назначаетъ областныхъ правителей, разрѣшаетъ недоразумѣнія между областями, слѣдитъ за исполненіемъ дѣйствующей

шихъ законовъ. Областныя Собранія занимаются дѣлами своихъ областей.

Авторы прокламаціи весьма неумѣло опредѣлили кругъ вѣдѣнія Народнаго Собранія и Областныхъ Собраній, предоставляя первому общее законодательствованіе, а послѣднимъ рѣшеніе областныхъ дѣлъ. Вѣдь къ категоріи областныхъ дѣлъ относятся также особо-издаваемые для областей законы. Такимъ образомъ остается неизвѣстнымъ, имѣлъ ли здѣсь мѣсто принципъ федераціи, или просто широкое самоуправленіе, при которомъ законодательство государства принадлежитъ только Народному Собранію. Мы склонны предположить, что авторы прокламаціи были федералистами въ точномъ смыслѣ слова, но основъ федеральнаго строя не умѣли надлежащимъ образомъ формулировать.

Далѣе въ прокламаціи говорится о необходимости устройства общественныхъ фабрикъ и передачи управленія въ нихъ выборнымъ лицамъ, которые были бы обязаны въ извѣстные сроки представлять отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ; затѣмъ—общественныхъ магазиновъ, изъ которыхъ производилась бы продажа товаровъ по цѣнѣ заготовленія, а не произвольной, какъ это дѣлается торговцами съ цѣлью наживы.

Дѣти воспитываются на общественный счетъ до окончанія ими образованія. Общество обязано содержать больныхъ и стариковъ, словомъ—всѣхъ неспособныхъ къ труду. Далѣе идетъ требованіе полной эмансипаціи женщины, надѣленіе ея всѣми гражданскими и политическими правами наравнѣ съ мужчинами, уничтоженія брака, какъ института въ высшей степени безнравственнаго и при равноправіи половъ невозможнаго.

Монастыри мужскіе и женскіе упраздняются, ибо это—убѣжища бездѣлья и разврата; монастырское же имущество и имущество всѣхъ церквей конфискуется въ пользу государства. Жалованье солдатамъ увеличивается, срокъ службы сокращается; войска по мѣрѣ возможности распускаются и замѣняются милиціей. Нелегкое дѣло осуществленія федеративнаго строя въ Россіи на первое время даже нежелательно; революціонная партія, которая послѣ побѣды революціи станетъ у власти, должна на нѣкоторое время сохранить существующую нынѣ политическую централизацию, отнюдь не административную,

чтобы при помощи ея по возможности быстро ввести новый общественный порядокъ. Партія переворота должна непременно взять власть въ свои руки, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Выборы въ Народное Собраніе должны происходить подъ давленіемъ новаго правительства, которое позаботится о томъ, чтобы въ составъ парламента не вошли приверженцы существующаго строя, поскольку они останутся въ живыхъ. Сколь вредные результаты даетъ невмѣшательство революціоннаго правительства въ ходъ выборовъ видно по опыту съ Собраніемъ 1848 г., погубившему республику и приведшему къ избранію Людовика Наполеона.

На кого же мы можемъ рассчитывать—спрашивается въ концѣ прокламаціи? На народъ, особенно—старобрядцевъ, на войско и главнымъ образомъ на молодежь. Послѣдняя уже въ данное время должна организовываться въ кружки и создавать тайныя организации, съ которыми Революціонный Комитетъ самъ войдетъ въ сношенія.

Въ прокламаціи выражается убѣжденіе, что часъ революціи близокъ. Тогда враги существующаго порядка кинутся на Зимній дворецъ, съ тѣмъ, чтобы истребить его обитателей.

Въ первое время съ лишеніемъ жизни членовъ императорской фамиліи все можетъ окончиться. Но если бы вся царская партія, какъ одинъ человекъ, стала защищать нынѣшній строй, то слѣдуетъ со всей энергіей ринуться въ борьбу съ нею, не щадя никого.

Таково содержаніе извѣстной прокламаціи, вызвавшей много опасеній, возмущенія и вообще произведшей сенсацію.

Въ содержаніи прокламаціи этой имѣются черты вполне социалистическія и подчеркивается фактъ, что классовая борьба въ обществѣ не прекратится, пока будетъ имѣть мѣсто монополія капитала, раздѣляющая народъ на собственниковъ и пролетаріевъ; необходима социализація фабрикъ и торгово-промышленныхъ заведеній. Но многое здѣсь недосказано, напр., мы не знаемъ, какъ должно вестись производство—подъ общественнымъ руководствомъ, или нѣтъ? Казалось бы, что—по заранѣе установленному плану, ибо управляющіе общественными фабриками обязываются представлять отчеты обществу. Не

говорится также о томъ, допустимы ли кромѣ этихъ фабрикъ, принадлежащихъ обществу, еще и частныя фабрики.

Соціальная система, зарисованная въ прокламаціи, не была законченнымъ социалистическимъ строемъ, но лишь приближеніемъ къ нему; имущественныя различія между гражданами еще были бы весьма значительны, что предполагается даже въ самой прокламаціи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь о налогахъ, ибо тамъ говорится, чтобы налоговое бремя ложилось не на бѣдныхъ, а на богатыхъ. Наряду съ общественнымъ хозяйствомъ, которое должно охватить широкое поле въ предполагаемомъ строѣ, имѣло бы повидимому мѣсто и частное хозяйство.

Авторы прокламаціи стоятъ на почвѣ исключительно республиканскихъ принциповъ и требуютъ непосредственного осуществленія своей программы, отвергая такимъ образомъ необходимость въ переходномъ періодѣ.

Терроръ признавался нужнымъ, но повидимому лишь послѣ взрыва революціи.

Отрицательная сторона этого воззванія состоитъ въ томъ, что оно считаетъ всѣ политическія партіи, за исключеніемъ своего кружка, всѣ соціальныя группы, кромѣ народныхъ массъ и революціонеровъ,—одной консервативной массой, и кромѣ того возводитъ деспотизмъ революціоннаго правительства въ нѣчто постоянное, почти въ догматъ.

Прокламація вызвала въ русскомъ обществѣ панику и положительно всеобщее недовольство, за исключеніемъ радикальнѣйшей части молодежи: консерваторы были возмущены всѣмъ ея содержаніемъ, особенно тѣмъ мѣстомъ, гдѣ шла рѣчь о династии, религии, семьѣ; либеральные элементы были задѣты тѣмъ, что ихъ ставятъ наравнѣ съ ретроgrадами, а также рѣзкостью тона прокламаціи; наконецъ, лица, настроенныя даже искренно революціонно и желавшія не только низверженія существующаго политическаго строя, но и коренныхъ социальныхъ переменъ, были недовольны нетактичнымъ способомъ толкованія ихъ взглядовъ, могущимъ породить въ обществѣ реакцію противъ преобразовательныхъ стремленій.

Какъ уже извѣстно, Пантелѣевъ поѣхалъ въ Москву съ цѣлью завязать знакомства и сношенія съ кружкомъ Зайчневскаго. Послѣдній вмѣстѣ со своимъ товарищемъ

уже былъ арестованъ. Оба сидѣли въ различныхъ тюрьмахъ, однако доступъ къ нимъ не былъ затрудненъ. Зайчневскій показалъ Пантелѣву прокламацію „Молодая Россія“ и крайне возбужденный говорилъ, что слѣдуетъ теперь же начать революціонныя дѣйствія. Аргиропуло лежалъ опасно боленъ и вскорѣ послѣ этого умеръ. Изъ данной поѣздки не удалось Пантелѣву извлечь никакой пользы для „Земли и Воли“, такъ какъ онъ не добылъ никакихъ указаній относительно лицъ, которыя могли бы для сказанной организаціи быть полезными. Зайчневскій сказалъ ему между прочимъ, что кто то изъ ихъ кружка ѣдетъ подѣламъ организаціи въ Петербургъ.

Изъ того факта, что Зайчневскій и Аргиропуло не указали Пантелѣву на существованіе у нихъ какихъ либо связей или знакомствъ въ Москвѣ или въ провинціи, онъ сдѣлалъ выводъ, что ихъ кружокъ состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ и теперь разсѣянъ. Возможно, что оба названные дѣятеля, не опредѣливъ еще своихъ отношеній къ „Землѣ и Волѣ“, сознательно не желали облегчать ея агенту вербовку въ нее членовъ.

Послѣ тюремнаго заключенія Зайчневскій былъ сланъ въ каторжныя работы—за агитацію въ имѣніи своего отца¹⁾ и подстрекальство крестьянъ къ бунту; Аргиропуло арестованъ за печатаніе запрещенныхъ сочиненій.

Зайчневскій представляетъ собой оригинальную и во всѣхъ отношеніяхъ выдающуюся личность, огромнаго революціоннаго темперамента, непоколебимыхъ убѣжденій, способную пожертвовать всѣмъ ради общаго дѣла. Знатокъ исторіи различныхъ революціонныхъ движеній и прекрасный ораторъ, онъ писалъ однако довольно слабыя

¹⁾ Въ этомъ отношеніи существуютъ разныя мнѣнія: въ цитированной выше біографіи Зайчневскаго не сказано, за что онъ былъ арестованъ, но только, что дѣло его окончилось бы благополучно, если бы онъ не произнесъ на судѣ крайне революціонной рѣчи; въ Воспоминаніяхъ же Пантелѣва говорится, что Зайчневскій былъ осужденъ за подстрекальство крестьянъ въ имѣніи его отца къ бунту; наконецъ Муравскій въ замѣткѣ отъ 1877 г. изъ тюрьмы въ Петербургѣ о современной ему каторгѣ, называетъ среди каторжанъ Зайчневскаго, осужденнаго за принадлежность къ дѣлу московской тайной типографіи, по всей вѣроятности той, которая печатала запрещенныя сочиненія. См. «Былое», издававшееся за границей подъ редакціей Бурцева, № 3, стран. 63.

политическія статьи. Вернувшись въ 1872 г. изъ Сибири, онъ спустя нѣсколько лѣтъ былъ снова арестованъ и административнымъ порядкомъ сосланъ. Возвратился изъ этой ссылки онъ лишь во времена „Народной Воли“. Въ 90-хъ гг. его опять, — въ третій разъ — ссылаютъ на нѣсколько лѣтъ въ Сибирь; умеръ онъ въ 1895 г. въ Смоленскѣ, находясь на службѣ въ земствѣ.

Биографы Зайчневскаго говорятъ, что онъ не имѣлъ ничего общаго съ направлениемъ „Набата“ Ткачева. Изъ крайне скудныхъ упоминаній о немъ въ печати, а также изъ сообщеній его личныхъ знакомыхъ мы приходимъ къ обратному заключенію. Сами читатели въ дальнѣйшемъ убѣдятся въ этомъ идейномъ родствѣ Зайчневскаго съ „Набатомъ“. Въ этомъ убѣжденіи насъ утверждаютъ кромѣ того слова биографіи, гдѣ говорится, что Зайчневскій высоко цѣнилъ „Народную Волю“ и былъ близокъ къ ней по убѣжденіямъ и программѣ, при чемъ указывалъ лишь на то, что практиковавшійся ея терроръ мѣшаетъ ея же работѣ. На этомъ пунктѣ онъ могъ расходиться и съ Ткачевымъ.

Выдающейся роли послѣ 1862 г. Зайчневскій не сыгралъ, въ какой либо крупной организаціи не принималъ участія, но для небольшого круга своихъ приверженцевъ былъ безусловнымъ авторитетомъ. Въ тяжелыя времена революціоннаго застоя при Александрѣ III старикъ Зайчневскій постоянно совѣтовалъ „организовываться“.

Въ собственныхъ политическихъ соображеніяхъ онъ немалое значеніе придавалъ случайнымъ обстоятельствамъ, главную роль въ революціонной дѣятельности по его мнѣнію обыкновенно играетъ небольшая группа хорошо организованныхъ революціонеровъ; на массы онъ смотрѣлъ, какъ на элементъ инертный, пассивный, но который въ рѣшительную минуту можно вовлечь въ революціонное выступленіе, лишь бы дѣйствовать въ его очевидныхъ интересахъ. Зайчневскій — типъ заговорщика стараго закала. Какъ человекъ, онъ былъ добрый, участливый и обаятельный въ обхожденіи.

Одинъ изъ членовъ кружка Зайчневскаго и Аргиропуло посѣтилъ въ Петербургѣ Чернышевскаго. Послѣдній принялъ гостя холодно и отказался взять отъ него для распространенія экземпляры „Молодой Россіи“.

Чернышевскій въ общемъ не могъ быть противникомъ

программы этого воззванія, вѣдь онъ самъ социалистъ, атеистъ, сторонникъ свободной любви, революціонеръ, не останавливающийся передъ рѣшительными средствами, убѣжденный федералистъ и республиканецъ. Но это дѣятель крупнаго калибра, считавшійся съ дѣйствительностью и понимавшій, что не одна общность цѣлей, но и согласованность въ тактическихъ приемахъ рѣшаетъ вопросъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ различныхъ политическихъ группъ. Между тѣмъ политика Зайчневскаго не совпадала съ таковой Чернышевскаго. Послѣдній, стремясь прежде всего къ политической свободѣ, не пренебрегалъ либерально-демократическими элементами, а равно не вѣрилъ въ ближайшую возможность народной политическо-соціальной революціи. Кромѣ того, Чернышевскій былъ вѣроятно обиженъ отзывомъ прокламаціи о „Великоруссѣ“.

Пантелѣевъ, вернувшись послѣ двухмѣсячнаго отсутствія въ Петербургъ, слышалъ отъ Утина, уже послѣ ареста Чернышевскаго, что онъ послѣ сожалѣлъ о сухости приема, оказаннаго имъ делегату кружка Зайчневскаго, членовъ котораго онъ этимъ оттолкнулъ,—не смотря на то, что они были довольно революціонны и энергичны, искренно преданы дѣлу, но лишь не въ мѣру экзальтированы. Желая исправить свой поступокъ, Чернышевскій носился съ мыслью выпустить прокламацію по поводу „Молодой Россіи“, подъ загл. „Къ нашимъ лучшимъ друзьямъ“. Но этому помѣшалъ арестъ.

Возможно, что Чернышевскій не выпустилъ своей прокламаціи потому, что нашелъ иной способъ столкнуться съ кружкомъ Зайчневскаго, называвшимся „Центральный Революціонный Комитетъ“, какъ значитса подъ текстомъ „Молодой Россіи“.

Лемке замѣчаетъ ¹⁾, что по словамъ одного изъ членовъ упомянутаго комитета, покойнаго Гольцъ-Миллера, обращеннымъ къ публицисту Южакову, Чернышевскій послалъ въ Москву выдающагося члена „Земли и Воли“, А. Слѣпцова, съ порученіемъ повліять на Центральный Революціонный Комитетъ, чтобы въ слѣдующемъ своемъ изданіи онъ постарался сгладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на общество воззваніемъ „Молодая Россія“. Въ настоящее время Южаковъ не помнить, съ какимъ

¹⁾ Лемке. Политическіе процессы, стран. 109.

успѣхомъ была эта миссія исполнена. Лемке думаетъ, что — удачно. о чемъ свидѣтельствуесть текстъ неотпечатанной еще прокламаціи ¹⁾, найденной среди рукописей во время обыска у студента Баллода.

Послѣдній на допросѣ объяснилъ, что будучи вызванъ анонимнымъ письмомъ на свиданіе въ общественный садъ, познакомился тамъ съ членами Центральнаго Революціоннаго Комитета, получилъ отъ нихъ текстъ прокламаціи „Молодая Россія“, съ требованіями которой не согласенъ, и послѣ нѣсколькихъ еще встрѣчъ, отпечатавъ по ихъ просьбѣ въ своей тайной типографіи найденную нынѣ прокламацію ²⁾.

Характерны подробности о Чернышевскомъ; они еще разъ убѣждаютъ, что въ современномъ революціонномъ движеніи онъ принималъ участіе непосредственное и руководящее. Ибо если по поводу прокламаціи чуждаго ему Центральнаго Революціоннаго Комитета, съ содержаніемъ которой въ извѣстныхъ пунктахъ не соглашался, онъ намѣревался самъ выпустить другую, а затѣмъ, измѣнивъ свой планъ, старался повліять на Комитетъ — посредствомъ близкаго къ себѣ человѣка, то это значитъ, что Чернышевскій входилъ даже въ частныя стороны революціоннаго движенія и былъ тѣмъ болѣе готовъ принимать участіе въ организаціи, выражавшей его собственные взгляды.

Вскорѣ же послѣ распространенія прокламаціи „Молодая Россія“ начались въ Петербургѣ крупныя пожары, о результатахъ которыхъ мы скажемъ позже. Общественное мнѣніе сочло это дѣломъ рукъ революціонеровъ, которые послѣ этой прокламаціи казались людьми страшными, готовыми на ужаснѣйшіе поступки. Центральный Революціонный Комитетъ въ прокламаціи, которую долженъ былъ отпечатать Баллодъ, протестовалъ противъ обвиненій въ томъ, что пожары дѣло рукъ революціонеровъ — они подобными средствами никогда бы не пользовались. Хотя „Молодая Россія“ выпущена нѣсколькими горячими людьми и грѣшила излишней яркостью выраженій, однако авторамъ воззванія никоимъ образомъ нельзя приписать желанія уничтожать достояніе неповинныхъ и бѣдныхъ людей. Революціонеры занимаются лишь подготовкой революціи, которая неизбежно вспых-

¹⁾ Тоже сичин., стран. 104—109.

²⁾ Приведена дословно въ томъ же его сочиненіи, стран. 110—112.

нетъ, готовятся къ борьбѣ въ рѣшительную минуту въ рядахъ народа.

По ихъ мнѣнію, за улучшеніе доли народа революція заплатитъ не столь ужъ дорогой цѣной. Затѣмъ прокламація порицаетъ общество за легкомысленныя сужденія и ставитъ на видъ, что это лишь развязываетъ руки правительству и что подобнаго отношенія слѣдуетъ въ будущемъ не повторять. Далѣе говорится, что одни революціонныя партіи не въ силахъ произвести переворотъ; таковыя вообще по силамъ только массамъ, какъ это доказали многочисленныя попытки парижскихъ республиканцевъ. Если бы дѣйствіе современной реакціи ограничивалось преслѣдованіемъ лишь либеральныхъ элементовъ, то это не привело бы къ особеннымъ послѣдствіямъ для праздной толпы, называемой образованнымъ обществомъ; но реакція отражается и на крестьянскомъ вопросѣ, и правительство окончательно обнаглѣетъ въ пренебреженіи къ народнымъ требованіямъ. Заканчивается прокламація заявленіемъ, что революціонеры покажутъ себя лишь тогда, когда станутъ въ ряды народа, открыто поднѣвшагося во имя человѣческихъ правъ.

Прокламація намѣренно не была подписана Центральнымъ Революционнымъ Комитетомъ для того, чтобы, — какъ предполагаетъ Лемке, — ее приняли исходящей отъ лицъ, постороннихъ Комитету.

Можно ли однако довѣрять показаніямъ Баллода — дѣйствительно ли найденная у него прокламація была составлена Комитетомъ съ цѣлью защиты и оправданія предъ общественнымъ мнѣніемъ? Въ этомъ бы не было ничего удивительнаго. Въ пользу такого предположенія говорило бы и вмѣшательство Чернышевскаго. Но со всѣми этими догадками находится въ противорѣчій содержаніе самой прокламаціи.

Для Центрального Революціоннаго Комитета должны были имѣть равно серьезное значеніе какъ защита организаци отъ брошенныхъ ей обвиненій и благопріятное отношеніе къ ней общества, такъ и вообще мнѣніе послѣдняго о солидности данной революціонной организаци. Между тѣмъ, осуществляя первую задачу, прокламація въ то же время представляетъ Комитетъ, какъ кучку горячихъ и экзальтированныхъ людей. Трудно допустить, чтобы Центральный Революціонный Комитетъ отзывался бы въ такой формѣ о самомъ себѣ.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ утверждѣніе, что перевороты совершаются не заговорщиками-революціонерами, но народомъ,—утверждѣніе, которое совершенно противорѣчить взглядамъ Зайчневскаго и его кружка, носившаго строго якобинскій характеръ. Такимъ образомъ можно почти съ увѣренностью утверждать, что прокламація исходила не отъ Центрального Революціоннаго Комитета.

Но въ такомъ случаѣ кто же могъ быть ея авторомъ? Трудно сказать. Быть можетъ—самъ Баллодъ, который, желая уменьшить свою отвѣтственность, сочинилъ фантастическую исторію встрѣчи, а можетъ быть—кто либо иной, фамилію коего Баллодъ не желалъ назвать; возможно также, что—Чернышевскій, который, по словамъ Утина, сказаннымъ Пантелѣву, намѣренъ былъ это сдѣлать, но подъ другимъ заглавіемъ. Въ пользу послѣдней догадки говоритъ то мѣсто въ концѣ прокламаціи, гдѣ сказано, что „мы“, т. е. революціонеры или авторы прокламаціи, откроемъ себя въ минуту революціоннаго выступленія. Очень схожее мѣсто можно найти въ одномъ изъ номеровъ „Великорусса“. Кромѣ сказаннаго, не встрѣчаемъ въ прокламаціи ничего, что дѣлало бы авторство Чернышевскаго въ данномъ случаѣ особенно правдоподобнымъ.

Кружокъ Зайчневскаго, изъ котораго составился Центр. Револ. Комитетъ, по всей вѣроятности распался послѣ ареста главныхъ его членовъ: Зайчневскаго, Аргиропуло, Гольцъ-Миллера; однако вскорѣ, какъ можно заключить изъ показаній Андрушенки и др. ¹⁾, кружокъ возродился въ нѣсколько иной формѣ и вошелъ въ сношенія съ „Землей и Волей“, что могло имѣть мѣсто въ концѣ 1862 г.

По поводу выпуска „Молодой Россіи“ Герценъ въ „Колоколѣ“ выразилъ удивленіе, что она перепугала и правительство и значительную часть общества, и указывалъ, что сторонники существующаго режима не имѣютъ основаній бояться того, что народъ пойдетъ за авторами этой прокламаціи; затѣмъ упрекнулъ ихъ въ томъ, что она вышла нерусской по духу и живьемъ заимствовала формулы Запада, но призналъ все же, что доходить до конечныхъ,

---

¹⁾ Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ гг., стр. 112 и слѣд.

исчерпывающих выводовъ изъ разъ принятыхъ положений,—какъ это имѣтъ мѣсто въ прокламаціи,—типичная черта русской мысли, несвязанной традиціей и смѣло ищущей новыхъ путей. Далѣе Герценъ заявляетъ, что не оскорбляется сужденіемъ о немъ, какъ о чловѣкѣ устарѣвшихъ принциповъ. Въ идеяхъ и тактикѣ авторовъ прокламаціи есть что то отъ Шиллера и Бабѣфа, молодость имѣтъ свои права—судить ее строго не слѣдуетъ. Статья заканчивается красивымъ и грустнымъ заключеніемъ, гдѣ говорится о безднѣ, отдѣляющей въ Россіи народъ отъ интеллигенціи.

Противъ авторовъ „Молодой Россіи“ высказался также и Бакунинъ въ брошюрѣ поль загл. „Народное Дѣло“, упрекая ихъ въ доктринерскомъ пренебреженіи къ народной массѣ, и легкомысленныхъ и безтактныхъ дѣйствіяхъ въ столь важномъ дѣлѣ, за которое они такъ искренно готовы пожертвовать жизнью ¹⁾.

По мнѣнію издававшего въ это время за границей „Свободное Слово“, эмигранта Блюммера, изложенная выше прокламація была актомъ полицейскаго творчества.

Нынѣ послѣ долгихъ лѣтъ непрекращающейся ожесточенной борьбы трудно понять причину паники, вызванной появленіемъ прокламаціи. Слѣдуетъ однако помнить, что въ Россіи того времени, не смотря на широкую распространенность среди молодого поколѣнія радикальныхъ политическихъ и общественныхъ взглядовъ, идея насильственнаго и кроваваго переворота и сопутствующаго ему террора въ общемъ была новой, даже для молодежи, не говоря уже объумѣренно-либеральныхъ и консервативныхъ кругахъ.

8.

Наряду съ усилившимся революціоннымъ движеніемъ развивалось среди извѣстной части дворянства либеральное движеніе. Последнее наиболѣе сильно проявилось въ тверской губерніи.

Крестыянская реформа вызвала къ жизни институтъ мировыхъ посредниковъ, на обязанности которыхъ лежало

¹⁾ Изданія Драгомановымъ «Письма Бакунина къ Герцену и Огареву», стран. 410 и 411.

регулированіе новыхъ отношеній въ деревнѣ. На эти должности шли люди преимущественно молодые и передовые. По служебнымъ дѣламъ время отъ времени происходили у нихъ уѣздные сѣзды; когда же возникала потребность въ совѣщаніи мировыхъ посредниковъ со всей губерніи, то съ разрѣшенія губернатора происходили частные губернскіе сѣзды, отнюдь не officialнаго характера. Если губернаторомъ бывалъ человѣкъ либеральный, то обыкновенно разрѣшалъ публикѣ присутствовать на этихъ сѣздахъ; такъ было въ Костромѣ, Твери и нѣсколькихъ другихъ городахъ. На подобныя совѣщанія затрагивались подчасъ крайне любопытные и важные вопросы.

12 декабря 1861 г. происходилъ въ Твери губернской сѣздъ мировыхъ посредниковъ. Послѣ двухнедѣльныхъ оживленныхъ дебатовъ, большинствомъ 41 противъ 8 головъ вынесена слѣдующая резолюція: реформа 19 февраля 1861 г. не отвѣчаетъ потребностямъ крестьянскаго населенія ни въ матеріальномъ отношеніи, ни въ смыслѣ личнаго освобожденія крестьянина, поэтому является необходимымъ установить для крестьянъ право выкупа; но для осуществленія такового нужно облегчить условія кредита, которыя однако не могутъ улучшиться безъ взаимнаго довѣрія между правительствомъ и обществомъ; если власти не пойдутъ на встрѣчу обществу въ этомъ дѣлѣ, то Россію ждутъ большія несчастія; правительственная политика, пытающаяся угодить обѣимъ враждебнымъ сторонамъ, уже этимъ самымъ становится ошибочной.

1 февраля открылось экстренное дворянское собраніе тверской губерніи, съ цѣлью разсмотрѣнія вопроса о земскомъ банкѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, узнавъ о предполагаемыхъ здѣсь политическихъ дебатахъ, послалъ на собраніе чиновника кн. Лобанова-Ростовскаго, съ порученіемъ прекратить въ самомъ началѣ обсужденіе политическихъ вопросовъ. Это однако ни къ чему не привело, и тверское дворянство занялось именно ими. Послѣ четырехнедѣльныхъ работъ, состоялось слѣдующее постановленіе: собственно въ кредитѣ нуждается само дворянство, но если бы выкупъ крестьянскихъ повинностей былъ принудительнымъ, дворянство обошлось бы безъ займовъ; надѣленіе крестьянъ землей въ собственность и выкупъ ихъ повинностей государствомъ — необходимы. Для

облегченія и усиленія съ этой цѣлью кредита необходимы слѣдующія реформы: 1) преобразование государственной финансовой системы въ томъ смыслѣ, чтобы она зависѣла отъ народа, а не отъ бюрократическаго произвола, 2) введеніе гласнаго и независимаго суда, 3) установленіе полной гласности во всемъ управленіи государствомъ, 4) устраненіе враждебности интересовъ разныхъ сословій. Дворянство, проникнутое стремленіемъ устранить сословный антагонизмъ и возможность упрековъ въ томъ, что оно является помѣхой въ дѣлѣ общаго блага,—объявляетъ во всеуслышаніе, что оно отказывается отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій и не считаетъ нарушеніемъ своихъ правъ принудительное отчужденіе помѣщичьей земли въ собственность пользующихся ею крестьянъ, при условіи вознагражденія помѣщиковъ за счетъ казны.

Осуществленіе всего этого не представляется возможнымъ — посредствомъ исключительно правительственныхъ мѣропріятій; даже не смотря на готовность правительства провести реформы, оно исполнить этого не въ силахъ. Либеральныя учрежденія, къ которымъ приведутъ эти реформы, могутъ возникнуть только по волѣ самаго народа, иначе они будутъ мертвой буквой; поэтому дворянство не требуетъ отъ правительства проведенія этихъ реформъ, но указываетъ путь ихъ осуществленія, а именно созывъ Собранія, избраннаго всѣмъ народомъ безъ различія сословій.

Въ этомъ духѣ дворянство составило кромѣ того адресъ на имя государя Александра II.

Требованія этой резолюціи, являющейся выраженіемъ взглядовъ наиболѣе передоваго дворянства, очень близки къ тѣмъ, которыя предъявлялись Чернышевскимъ въ его „Письмахъ безъ адреса“, въ то время написанныхъ, но отпечатанныхъ лишь спустя 11 лѣтъ, а также къ тѣмъ, которыя ставилъ на первомъ планѣ „Великоруссъ“.

Резолюція тверскаго дворянства въ 1862 г.—значительно смѣлѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ всѣ ей предшествовавшія, и является кульминаціонной точкой его стремленій въ описываемый періодъ.

На слѣдующій день послѣ закрытія собранія, т. е. 13 февраля собрались 13 мировыхъ посредниковъ, подъ предсѣдательствомъ Александра Бакунина, и составили протоколъ, въ которомъ въ сжатой формѣ повторя-

лись всѣ важнѣйшія требованія, предъявленныя дворянствомъ.

Правительство, которому трудно было придратъся къ резолюціи дворянскаго собранія, остававшагося въ рамкахъ закона, съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ стало преслѣдовать участниковъ собранія 13 февраля.

Всѣ они были арестованы присланнымъ въ Тверь ген. Анненковымъ, перевезены въ Петербургъ и заключены въ Петропавловскую крѣпость, а дѣло о нихъ передано въ Сенатъ. Послѣ пятимѣсячнаго заключенія, они были присуждены къ заключенію въ смирительный домъ на срокъ отъ 2-хъ лѣтъ, до 2-хъ лѣтъ и 4 мѣс. Благодаря заступничеству предъ Александромъ II кн. Суворова, они отъ отбытія наказанія были освобождены, хотя многіе изъ нихъ до самой смерти остались ограниченными въ нѣкоторыхъ правахъ.

Дворянство другихъ губерній со столь опредѣленно выраженными конституціонными требованіями не выступало, но несомнѣнно—либеральныя стремленія пользовались въ его средѣ замѣтнымъ успѣхомъ ¹⁾.

9.

Михайловъ и Обручевъ, какъ извѣстно, были арестованы. Первый ²⁾, вслѣдствіе тяготѣвшихъ на немъ обвиненій, связанныхъ съ показаніями Всеволода Костомарова, признался въ томъ, что провезъ изъ-за границы воззваніе, что первоначально отрицалъ. Не станемъ здѣсь входить въ подробности этого дѣла, описаннаго Лемке. отмѣтимъ только, что Михайловъ въ своихъ показаніяхъ никого не оговаривалъ и не компрометировалъ, и что онъ поддался увѣщанію—о чемъ позже жалѣлъ—подать прошеніе на имя монарха о помилованіи.

Рѣшеніемъ Сената онъ былъ приговоренъ къ 12½ годамъ каторжныхъ работъ и затѣмъ ссылкѣ въ Сибирь на вѣчное поселеніе. Императоръ Александръ II уменьшилъ наказаніе до 6 лѣтъ каторги, оставивъ вторую часть приговора въ силѣ.

¹⁾ Объ этомъ движеніи см. анонимнаго автора «Общественное движеніе при Александрѣ II», стран. 85—94 и Иорданскаго «Конституціонное движеніе 60-хъ годовъ», стран. 132—145.

²⁾ Арестованъ 14 сентября 1861 г.

14 декабря 1861 г. раннимъ утромъ Михайлову обрили голову и заковали его въ кандалы, затѣмъ привезли на площадь передъ Сытнымъ рынкомъ, гдѣ состоялась церемонія публичнаго объявленія приговора. На слѣдующій день Михайлова въ сопровожденіи двухъ жандармовъ отправили въ Сибирь. Въ пути власти обращались съ нимъ въ высшей степени мягко, населеніе же вездѣ встрѣчало его сердечно и дѣлало оваціи. Со времени вступленія на тронъ Александра II вплоть до 1862 г. это былъ первый политическій ссыльный. За предоставленіе Михайлову въ Тобольскѣ нѣкоторыхъ льготъ и облегченій со стороны мѣстныхъ властей, послѣднія вслѣдствіе доноса жандарма, были по повелѣнію раздраженнаго Александра II преданы суду; для нѣкоторыхъ чиновниковъ въ Тобольскѣ дѣло окончилось отрѣшеніемъ отъ должности, отставкой и прочими дисциплинарными взысканіями. Уволенъ былъ также губернаторъ.

Назначенный въ Нерчинскіе рудники, Михайловъ поселился въ Козаковскомъ рудникѣ, которымъ завѣдывалъ его братъ. Фактически онъ былъ освобожденъ отъ работъ. Объ этомъ узнали власти въ Петербургѣ, и начальникъ Нерчинскихъ рудниковъ полк. Дейчманъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности и разжалованъ въ солдаты.

Вскорѣ въ рудникъ прибыли супруги Шелгуновы съ намѣреніемъ облегчить Михайлову побѣгъ и ухажать вмѣстѣ съ нимъ за границу. Планъ однако не удался. Шелгуновъ былъ арестованъ по другому дѣлу, а Михайлова перевели въ другой рудникъ.

Узнавъ о судьбѣ полк. Дейчмана, Михайловъ въ отчаяніи 3 августа 1865 г. принялъ ціанистаго кали.

Иная судьба ожидала Обручева, арестованнаго 5 октября 1861 г. по дѣлу о распространеніи экземпляровъ „Великорусса“. Слѣдствію не удалось открыть именъ авторовъ этого изданія ¹⁾. Обручевъ отказался сообщить, отъ кого онъ получилъ экземпляры этого журнала. Имъ было подано на монаршее имя прошеніе о помилованіи, съ признаніемъ своего поведенія преступнымъ. Сенатъ приговорилъ его къ 5 годамъ каторжныхъ работъ и пожизненной ссылкѣ въ Сибирь. Государь уменьшилъ на-

---

¹⁾ Лемке. Процессъ великорусцевъ.

казаніе до 3 лѣтъ каторги, съ оставленіемъ въ силѣ срока ссылки. 31 мая на Мытной площади Обручеву публично объявили приговоръ. Это происходило послѣ извѣстныхъ пожаровъ въ Петербургѣ. Толпа, по свѣдѣтельству Пантелѣева, выражала дикія требованія, чтобы Обручевъ былъ обезглавленъ, либо позѣшенъ головой внизъ, либо по крайней мѣрѣ наказанъ кнутомъ за то, что посмѣлъ идти противъ царя.

Когда на осужденнаго надѣли арестантскій халатъ и безкозырку, которая сползла на лобъ и закрыла Обручеву глаза, толпой овладѣлъ дикій отвратительный хохотъ ¹⁾.

Обручевъ отбылъ наказаніе, снова поступилъ на государственную службу и нынѣ, какъ нами уже было упомянуто, состоитъ въ чинѣ генераль-маіора въ морскомъ министерствѣ.

10.

Крупную роль въ русскомъ революціонномъ движеніи въ началѣ 70-хъ гг. сыгралъ польскій вопросъ, и обойти его здѣсь нѣтъ возможности.

Разумѣется мы не станемъ на этихъ страницахъ изслѣдовать польское національное движеніе и ходъ его развитія, закончившагося возстаніемъ 1863 г. Мы остановимся лишь на русско-польскихъ отношеніяхъ въ описываемое время, а также на той позиціи, которую заняли русскіе революціонеры по отношенію къ польскимъ.

Послѣ ареста декабристовъ, между польскимъ и русскимъ обществами надолго прекратились отношенія, но отнюдь не частныя, а такъ сказать официальные, т. е. организационныя. Во время польскаго возстанія 1830 г. польскія партіи не знали съ кѣмъ вступить въ переговоры. Какъ извѣстно, послѣ неудачнаго декабрьскаго движенія настали въ Россіи времена мрачной и долгой реакціи, когда не могло быть мѣста не только явнымъ, но даже тайнымъ политическимъ партіямъ.

Отдѣльные представители польскаго народа, какъ напр. Мицкевичъ во время своего пребыванія въ Россіи,

---

¹⁾ Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго, стр. 235 и 236.

иногда даже цѣлые кружки польскаго общества въ столицахъ были знакомы и сталкивались съ нѣкоторой частью русскаго общества; но отношенія и связи эти носили чисто личный характеръ.

Польскіе заговорщики между 1831 и 1848 гг. совершенно не могли рассчитывать на поддержку въ Россіи. Разуѣется, русскіе радикалы того времени не одобряли политики правительства по отношенію къ полякамъ, но ни о какихъ дѣйствіяхъ въ ихъ пользу не могло быть рѣчи.

Когда Александръ II счелъ нужнымъ отступить до извѣстной степени отъ политики своего родителя, въ Россіи уже возникло умственное и общественно-политическое движеніе, а въ прежнихъ польскихъ земляхъ—движеніе національно-патріотическое, съ соціально-политической окраской.

Мы не имѣемъ возможности описывать различные моменты польскаго движенія и остановимся лишь на его характеристикѣ по сравненію съ русскимъ. Оба эти движенія только въ нѣкоторыхъ точкахъ приходили въ соприкосновеніе.

Русское движеніе, какъ мы видѣли, развивалось подъ вліяніемъ наиболѣе радикальныхъ въ то время умственныхъ, философскихъ и соціально-политическихъ теченій, шедшихъ изъ Запада, но успѣвшихъ уже получить яркую окраску русскихъ національныхъ особенностей. Оно стремилось создать новую Россію; отсутствіе же стѣсняющей исторической традиціи считалось обстоятельствомъ, значительно облегчающимъ ближайшее возрожденіе русской государственности на новыхъ началахъ. Это было реакціей по отношенію къ режиму Николая I, построенному на самодержавіи, православіи и русскомъ націонализмѣ. По этой то причинѣ въ движеніи отсутствовали националистскія тенденціи и потому то оно признавало стремленія другихъ завоеванныхъ Россіей народовъ къ свободѣ и независимому государственному бытію, мирясь въ принципѣ съ уменьшеніемъ границъ государства въ томъ убѣжденіи, что великое русское племя само по себѣ достаточно многочисленно и могущественно, чтобы не нуждаться въ насильственномъ присоединеніи другихъ народовъ и ихъ территорій.

Воспитывающее вліяніе позитивизма, матеріализма и

атеизма въ конечномъ результатѣ внесло въ русскую науку, искусство, литературу и жизнь глубокой реализмъ. Надѣленіе крестьянъ обрабатывавшеюся ими до того землею, въ дальнѣйшей перспективѣ—націоналізація земли, социализмъ Фурье, Луи Блана и Бланки, въ различныхъ комбинаціяхъ—все это было цѣлью наиболѣе радикальныхъ элементовъ революціоннаго движенія въ то время.

Польское движеніе было прежде всего національно-освободительнымъ, въ передовыхъ же кругахъ—и ярко демократическимъ. Поляки стремились къ возстановленію независимости своего государства, уничтоженію въ немъ сословности, освобожденію крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность, путемъ выкупа за счетъ страны. Движеніе имѣло также и тенденцію религіознаго отѣнка.

Подавляющее большинство польскихъ революціонеровъ того времени было воспитано на романтической польской литературѣ и отчасти на философскихъ сочиненіяхъ польскихъ писателей, какъ Либельтъ, Трентовскій, Цѣшковскій, которые по своему перерабатывали философію Гегеля, стараясь примирить ее съ религіей и вообще съ требованіями чувства. Политическія идеи польскіе дѣятели черпали изъ публицистическихъ произведеній поляковъ-эмигрантовъ періода 1832—1848 гг. По большей части это—литература революціонная и демократическая; въ ней прорывалась даже утопическо-соціалистическая струя, съ мистическимъ и мессіанистскимъ оттѣнкомъ, который однако вліяніемъ въ Польшѣ не пользовался.

Новѣйшія западно-европейскія научныя и философскія теченія въ то время не имѣли въ находящихъсь подъ владычествомъ Россіи польскихъ земляхъ приверженцевъ, и не только многочисленныхъ, но даже какихъ бы то ни было. Эти теченія тогда въ общемъ и не были тамъ извѣстны.

Радикальные круги русскаго общества имѣли совершенно отличную отъ польскаго духовную фізіономію. Конечно и тутъ, какъ и тамъ, встрѣчались исключенія, отступавшія отъ общаго типа.

Русскій радикализмъ по своимъ социальнымъ идеаламъ шелъ значительно дальше, чѣмъ радикализмъ польскій.

Значительная часть польскаго общества—дворянство или шляхта ¹⁾ издавна жила политической жизнью; въ послѣдніе же годы существованія польскаго королевства на широкую арену историческихъ событій выступило мѣщанство и вообще городское населеніе. Поэтому національно-революціонное движеніе въ Польшѣ развивалось среди болѣе благоприятныхъ условий и приняло несравненно большіе размѣры, чѣмъ возникшее въ то же время радикально-революціонное движеніе въ Россіи, гдѣ не существовало традицій полной политической жизни и лишь незначительная часть общества въ предыдущую эпоху имѣла широкія освободительныя и социальныя стремленія.

Итальянское движеніе 1859—1860 гг. вызывало энтузіазмъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи, особенно въ первой.

Оно оживляло надежды поляковъ. Конечно, если раздробленная на многочисленныя мелкія княжества Италія, при томъ въ части находившаяся подъ австрійскимъ владычествомъ, почти совершенно объединилась (за исключеніемъ Рима и Венеціи), то почему бы не возродиться цѣлой и единой Польшѣ? Но поляки забывали, что какъ бы то ни было большая часть Италіи представляла собой независимыя итальянскія государства, что одно изъ нихъ—Пьемонтъ—присоединилось къ національно-объединительному движенію, и въ его интересахъ, а быть можетъ и въ интересахъ савойской династіи, стало во главѣ объединительныхъ стремленій итальянцевъ; что война Франціи съ Австріей, имѣвшая столь благотѣльное вліяніе на ходъ дѣла итальянскаго объединенія, являлась для Франціи, на которую итальянцы не рассчитывали, менѣе тяжелой, чѣмъ возможная война Польши съ Россіей, и что наконецъ Польша должна была бы бороться не съ однимъ могущественнымъ государствомъ, какъ пришлось итальянцамъ, но съ тремя.

Весь укладъ психики поляковъ того времени, создавшійся подъ вліяніемъ событій послѣднихъ десятилѣтій, особенно у образованной части польскаго народа, дѣлалъ поляковъ склонными къ героическимъ порывамъ, само-

---

¹⁾ Говоримъ—значительная, ибо шляхта представляла нѣсколько менѣе 10% всего польскаго населенія.

пожертвованію и мученичеству, но отнюдь не къ серьезному политическому мышленію.

Нѣкоторые воспитывавшіеся и получившіе образованіе въ Россіи польскіе революціонеры сильно расчитывали на русское революціонное движеніе. Но какъ мы уже видѣли, оно находилось еще въ зародышевой формѣ и темпъ его развитія былъ медленнѣе польскаго національнаго движенія.

Все же польскій вопросъ живо интересовалъ русское общество; публицисты различныхъ политическихъ партій считали долгомъ высказаться по этому поводу опредѣленно. Читателю уже извѣстно, какую позицію въ польскомъ вопросѣ заняли „Великоруссъ“ и „Молодая Россія“, мы уже знаемъ взгляды на этотъ счетъ Чернышевскаго.

Даже люди умѣреннаго направленія, какъ славянофилы Аксаковъ и Самаринъ, высказывались въ благопріятномъ для поляковъ смыслѣ. Аксаковъ утверждалъ, что полякамъ въ границахъ Царства Польскаго слѣдуетъ дать полную политическую свободу и вывести изъ него русскія войска. Однако, когда на сѣздѣ въ Городлѣ 10 октября 1861 г. проявились совершенно опредѣленные стремленія польскихъ революціонеровъ къ отторженію отъ Россіи не только Царства Польскаго, но и Литвы съ Малороссіей и возстановленію польскаго государства въ границахъ 1772 г.,—Аксаковъ написалъ рѣзкую статью, въ которой остерегалъ поляковъ, что претензіи ихъ на литовско-русскія земли лишатъ ихъ симпатіи русскаго общества въ борьбѣ съ русскимъ правительствомъ. Подобныхъ же взглядовъ держался Самаринъ ¹⁾. Костомаровъ и его товарищи по „Основѣ“ стояли въ этомъ вопросѣ на томъ, что литовско-русскія провинціи должны сами рѣшить, къ какому государству они желаютъ примкнуть—польскому, или русскому.

Польскимъ вопросомъ долго и серьезно занимался Герценъ въ «Колоколѣ». Еще въ мартѣ 1861 г. въ статьѣ „Uivat Polonia“ ²⁾, онъ выражалъ радость по поводу по-

¹⁾ „Общественное движеніе при Александрѣ II“—анонимнаго автора, стран. 106.

²⁾ Пользуемся извлеченіемъ изъ статьи Герцена въ „Колоколѣ“, изданнымъ Тихомировымъ. «Колоколъ», Женева, 1887 г., страницы 272—278.

явившагося въ англійскомъ „Times“ извѣстія, что какой то русскій офицеръ не исполнилъ приказа своего начальника открыть огонь по безоружнымъ полякамъ и вышелъ изъ строя, солдаты же дали залпъ въ воздухъ. Въ этомъ фактѣ Герценъ усматриваетъ большой успѣхъ по сравненію съ 1831 и 1849 гг. Онъ хвалитъ поступокъ офицера и полагаетъ, что послѣдній спасалъ честь и достоинство Россіи.

Затѣмъ Герценъ, припоминая сказанное имъ когда то, рѣзко осуждаетъ захватъ Россіей Польши и считаетъ это позорной ошибкой русскаго правительства, какъ равно находитъ вообще дѣломъ безцѣльнымъ и непрочнымъ подобнаго рода захваты.

Возстановленіе государственной независимости Польши и возвратъ отнятыхъ у нея по раздѣламъ частей являются неотложнѣйшими вопросами настоящаго времени. Прекрасное начало въ этомъ направленіи сдѣлано, по мнѣнію Герцена, резолюціей Земледѣльческаго Общества (Towarzystwo Rolnicze), въ которомъ принимали участіе польскіе помѣщики,—требующей надѣленія крестьянъ обрабатываемой ими землей въ собственность. Далѣе Герценъ нападаетъ на русское правительство, упрекая его въ нѣмецкомъ происхожденіи; въ средѣ этого правительства одинъ только Александръ II—русскій; такое правительство не можетъ понять, что свободная Польша несравненно болѣе выгодна Россіи какъ союзникъ, чѣмъ какъ растерзанный, оскорбленный и ненавидящій Россію врагъ.

Въ № 96 отъ 10 апрѣля того же года мы находимъ опять статью Герцена, вызванную извѣстіемъ о пролитіи крови въ Варшавѣ. Онъ говоритъ, что на собраніи эмигрантовъ, среди которыхъ находились Мадзини, Л. Бланъ и другіе, онъ хотѣлъ поднять бокалъ въ честь Александра II за проведеніе имъ крестьянской реформы; но получивъ извѣстія изъ Варшавы о стрѣльбѣ въ народъ, онъ, Герценъ, оставилъ это намѣреніе. Александръ II вмѣсто того, чтобы стать во главѣ славянскаго движенія и возродить безъ пролитія крови Польшу, потерялъ ее, т. е. живую Польшу, которую теперь уже мертвой отдаетъ на растерзаніе своимъ войскамъ ¹⁾.

---

¹⁾ «Колоколь», стран. 280—282.

Какъ видно изъ № 103 „Колокола“ отъ 15 юля 1861 г., Герценъ получилъ отъ поляковъ-эмигрантовъ адресъ за 147 подписями, съ выраженіемъ дружбы и благодарности за то положеніе, которое Герценъ занялъ въ польскомъ вопросѣ; затѣмъ нѣсколько позже онъ получилъ адресъ отъ поляковъ изъ Алжира за 46 подписями. Въ статьѣ, откуда мы черпаемъ эти свѣдѣнія, Герценъ съ присущей ему скромностью старается личность свою отодвинуть на задній планъ и говорить лишь въ качествѣ случайнаго выразителя взглядовъ на польскій вопросъ извѣстной части русскаго общества.

Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Герценъ писалъ, что до пріѣзда Бакунина онъ держался въ польскомъ вопросѣ умѣренныхъ взглядовъ. Если бы не Бакунинъ, онъ, Герценъ, удовлетворился бы принципиальнымъ признаніемъ правъ поляковъ на независимое государственное бытіе въ границахъ Царства Польскаго, и не входилъ бы ни въ какія ближайшія сношенія съ польскими революціонерами, не содѣйствовалъ бы имъ.

Какъ уже сказано, Бакунинъ въ началѣ 1862 г. прибылъ въ Лондонъ. Славянскія дѣла вообще, польскій вопросъ въ особенности издавна въ сильной степени занимали его. Въ 1847 г. онъ произнесъ 29 ноября, т. е. въ годовщину польскаго возстанія 1830 г., свою извѣстную рѣчь, въ которой выразилъ горячую симпатію полякамъ и ихъ стремленіямъ ¹⁾. Въ 1848 г. онъ принималъ участіе въ извѣстномъ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ.

Уже тогда, какъ видно изъ статьи ²⁾, а также Воззванія къ славянамъ ³⁾, Бакунинъ составилъ для славянскихъ народовъ широкую политическо-соціальную программу, съ цѣлью объединенія славянъ въ Союзъ, который, представляя собой во внѣшней политикѣ одно цѣлое, въ то же время предоставлялъ бы каждому входящему въ него народу полную внутреннюю независимость. Бакунинъ уже тогда оцѣнилъ по достоинству политику русскаго правительства, какъ съ точки зрѣнія національной (русской), такъ и политической (освободительной). Въ проектѣ Союза славянскихъ народовъ Бакунинъ во главѣ

¹⁾ Рѣчь эта напечатана въ сочиненіяхъ М. А. Бакунина, изд. Драгоманова, стран. 352—363.

²⁾ Сочиненія Бакунина, стран. 364—368.

³⁾ Ibid., стран. 309—39.

его ставитъ Славянскій Совѣтъ. Каждый народъ, входящій въ составъ Союза, имѣетъ право ввести у себя любую форму правленія. Извѣстныя однако социальна-политическія основы обязательны для всѣхъ союзниковъ: сословныя привилегіи должны быть уничтожены и установлено полное равенство гражданъ предъ закономъ.

§ 2 проекта въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ требовалъ, чтобы всякій гражданинъ имѣлъ право на долю народнаго достоянія, ибо въ славянскихъ странахъ довольно мѣста для всѣхъ.

Послѣ побѣга Бакунина изъ Сибири, онъ тотчасъ же принялся за революціонныя дѣйствія.

Въ одномъ изъ писемъ съ дороги къ Герцену высказывается желаніе разбить Австрію и служить вообще славянскому дѣлу, въ особенности же польскому. Уже въ февралѣ 1862 г., стало быть, сейчасъ же послѣ побѣга, Бакунинъ издалъ брошюру, подъ заглавіемъ „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ“ ¹⁾, въ которой разсматриваются польскій вопросъ и славянскія дѣла. Тѣ же взгляды развиваетъ онъ и въ частномъ письмѣ ²⁾ писанномъ въ маѣ того же года къ одному изъ своихъ чешскихъ друзей. Это было дальнѣйшимъ развитіемъ его прежнихъ взглядовъ. Онъ пропагандировалъ объединеніе славянскихъ народовъ въ свободный союзъ, въ которомъ не было бы мѣста господству однихъ надъ другими и каждый народъ сохранялъ бы свою независимость и свободу. Въ борьбѣ за освобожденіе славянъ въ Австріи слѣдуетъ идти рука объ руку съ венграми противъ нѣмцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ склонить и ихъ къ прекращенію гнета надъ славянами и румынами; войти также въ соглашеніе съ итальянцами, имѣющими какъ народъ много достоинствъ. Бакунинъ справедливо указываетъ на то, что историческія права народовъ на различныя территоріи не должны имѣть значенія въ реальной политикѣ, которая основывается лишь на нынѣшнихъ, а не прошлыхъ условіяхъ ихъ существованія.

---

¹⁾ Въ изданіи «Колокола», 1862 г., затѣмъ перепечатана Ельпидинимъ въ 1888 г. На польскомъ яз. издана во Львовѣ Польскимъ Издательскимъ Товариществомъ (Polskie Towarzystwo Nakladowe) подъ загл. «Do Polski, Rosji i Słowian».

²⁾ Найдено оно Лемке въ архивахъ и напечатано въ «Быломъ», августъ 1906 г., стран. 255.

Россія должна быть раздѣлена, а народамъ. насильственно съ нею связаннымъ, слѣдуетъ образовать добровольный союзъ. Даже послѣ отпаденія Финляндіи, Прибалтійскаго края, Литвы, Бѣлой и Малой Руси, а также Польши, Россія останется могущественнымъ государствомъ, населеннымъ энергичнымъ, молодымъ и жизнеспособнымъ народомъ. Каждый изъ завоеванныхъ Россіей народовъ, какъ и всякій другой, имѣетъ право распорядиться своей судьбой, стало быть,—образовать особое государство, свободно входить въ союзы съ другими государствами и т. п.

Бакунинъ высказывался противъ муниципальной централизаціи, рекомендуя организацію снизу, отъ самоуправляющихся деревень до—уѣздовъ, областей и т. д.

Особенно настаиваетъ Бакунинъ на освобожденіи Польши, которому Россія не должна противождать даже въ собственныхъ интересахъ. Украина же вмѣстѣ съ восточной частью Галиціи со временемъ образуетъ самостоятельную государственную единицу, независимую ни отъ Польши, ни отъ Россіи. Поляки въ своихъ стремленіяхъ къ государственной независимости быть можетъ совершаютъ ошибку и будутъ требовать возстановленія своего государства въ историческихъ границахъ, т. е. съ Литвой и Малороссіей, но несправедливость этого требованія легко имъ объяснить; русскіе же не должны ихъ въ этомъ упрекать или—что еще хуже—осуждать. Исторія поляковъ хранитъ въ себѣ много прекраснаго и героическаго, нѣтъ, стало быть, ничего удивительнаго въ томъ, что они желаютъ возродить свое прошлое. Объясняя стремленія поляковъ любовью къ собственнымъ историческому прошлому и традиціямъ, Бакунинъ справедливо указывалъ, что вѣрность и преданность былому собственной исторіи влечетъ за собой недостаточную внимательность къ иногда наиболѣе живымъ интересамъ настоящаго и будущаго.

Если бы однако Литва и Малороссія высказались за добровольное присоединеніе къ Польшѣ, а не къ Россіи,—поскольку не пожелали бы образовать независимыя государства,—то противъ этого ничего нельзя ни возразить, ни предпринять.

Бакунинъ радостно привѣтствовалъ начало политическаго возрожденія поляковъ, выразившагося въ современномъ ему революціонномъ движеніи въ Польшѣ. Онъ полагалъ, что союзъ Россіи со свободной Польшей будетъ

болѣ искреннимъ и прочнымъ, чѣмъ насильственное пребываніе ея подъ властью русскаго деспотическаго правительства.

Наряду съ славянскимъ и польскимъ вопросами, Бакунинъ въ упомянутой брошюрѣ занимался будущимъ своего отечества, разбиралъ современное положеніе вещей и указывалъ путь, которымъ должна идти революціонная партія.

Всѣ взгляды Бакунина въ то время на народъ, на идеалъ соціальной жизни, тактику революціонныхъ дѣятелей—является формулированнымъ „народничествомъ“, широко распространеннымъ въ 1870—79 гг. Времена хожденія въ народъ и второй „Земли и Воли“ (1876—79 гг.), красочныя, полныя движенія и трагическія являются именно эпохой всеобщаго господства народничества.

Уже въ 1862 г. въ упомянутой брошюрѣ, а также и въ другой подъ заглавіемъ „Народное дѣло—Романовъ, Пугачовъ или Пестель“¹⁾ можно найти основанія позднѣйшихъ теорій Бакунина. Во взглядахъ его, относящихся къ 1861, 1862 и 1863 гг., на Россію, ея цивилизацію и русскихъ крестьянъ, замѣтно вліяніе Герцена, сочиненія котораго Бакунинъ читалъ въ ссылкѣ,—вліяніе тѣмъ большее, что по условіямъ тогдашней жизни своей онъ не могъ на практикѣ провѣрить воззрѣній своего друга.

Въ одномъ пунктѣ Бакунинъ значительно расходился съ Герценомъ, а именно—въ тактикѣ. Бакунинъ никогда не сомнѣвался въ революціи и ничего не ждалъ отъ реформъ сверху, со стороны Александра II, хотя вначалѣ признавалъ въ немъ добрыя намѣренія.

Отъ славянофильско-герценовскаго вліянія Бакунинъ освободился сравнительно очень скоро, почти въ нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе ближайшаго соприкосновенія съ западно-европейскими обществами и своей дѣятельности среди нихъ и для нихъ.

Чтобы не возвращаться въ дальнѣйшемъ къ взглядамъ Бакунина въ 1862 г. на задачи русскаго революціоннаго движенія, попытаемся дать имъ здѣсь краткую характеристику.

---

¹⁾ См. Сочиненія Бакунина, стр. 396—418.

Бакунинъ полагаетъ, что развитіе русской государственности, особенно отъ Петра Великаго, вліяло на народныя массы только внѣшнимъ образомъ; они имѣли собственное, выработанное вѣками міросозерцаніе и протестъ ихъ противъ официальной Россіи вылился въ формѣ раскольниковства, которое на самомъ дѣлѣ было скрытымъ недовольствомъ новыми общественно-политическими условіями. Русский народъ и до сихъ поръ ненавидитъ дворянство и бюрократію и тяготѣетъ къ общиннымъ, самоуправляющимся учрежденіямъ. Россію можно спасти только коренными реформами, проводимыми однако не по доктринерски, начиная съ учрежденія парламента и кончая организаціей деревни и общинъ, но наоборотъ, снизу, отъ общинъ и черезъ уѣздъ, губернію, область—къ цѣлому государству.

Кто же можетъ Россію спасти и вывести на новый путь?

Первоначально казалось, что задачу эту рѣшить Александръ II; онъ находился въ столь благоприятныхъ условіяхъ, какъ ни одинъ государь въ Россіи; онъ даже хотѣлъ что-то сдѣлать, но къ несчастью былъ въ столь сильной степени нѣмцемъ, что не могъ должнымъ образомъ почувствовать, въ чемъ нуждается Россія и—положилъ на бюрократію. Бюрократія и дворянство разумѣется не способны вывести Россію на вѣрную дорогу. Рѣшеніе этой великой задачи подъ силу лишь самому народу, при содѣйствіи преданныхъ ему, понимающихъ его нужды людей различныхъ сословій и профессій.

Русскому народу нужны земля и воля, т. е. станокъ для работы и полная возможность движенія—свобода. Народу это давно ясно; достаточно вспомнить имена Стеньки Разина, Пугачова и вообще фактъ постоянныхъ крестьянскихъ волненій.

Не только обрабатываемая крестьянами земля, принадлежавшая прежде помѣщикамъ, но вообще вся земля въ Россіи должна быть собственностью народа; владѣть ею на общинныхъ началахъ долженъ—онъ. Личное пользованіе землей должно быть ограничено извѣстнымъ срокомъ. Такимъ путемъ каждый гражданинъ могъ бы воспользоваться въ теченіе опредѣленнаго времени правомъ на извѣстную часть земли.

Русскому народу нужна безусловная свобода и полное самоуправление общинное, уѣздное, областное и государственное, которое совершенно устранило бы бюрократію ¹⁾. Такимъ образомъ строй Россіи приметъ характеръ федераціи.

Бакунинъ успокаиваетъ тѣхъ, которые боятся распаденія Россіи. Быть можетъ ни одинъ народъ въ мірѣ, за исключеніемъ французовъ, не чувствуетъ сильнѣе своего внутренняго единства, чѣмъ русскій. Именно это чувство національнаго единства сохранило бы нераздробляемость народа, который сознавалъ бы свою цѣльность еще сильнѣе, если бы не насильственная централизація и бюрократія. Впрочемъ самоуправленіе и автономія различныхъ частей государства вѣдали бы лишь внутреннія дѣла; политика же въ широкомъ смыслѣ слова находилась бы въ рукахъ всѣхъ областей въ совокупности, какъ цѣлаго.

Быть ли Россіи республикой, или монархіей—это рѣшить самъ народъ; аграрная реформа, состоящая въ томъ что вся земля перешла бы въ собственность всего народа, можетъ быть произведена посредствомъ выкупа, если бы на это согласилось дворянство, въ чемъ однако приходится сомнѣваться.

Александръ II могъ бы совершить въ Россіи великій переворотъ безъ всякаго пролитія крови, но онъ этого не желаетъ и при своей точкѣ зрѣнія на вещи—не сумѣетъ. Движеніе, стало быть, должно идти снизу, отъ народныхъ массъ.

Искренніе люди, желающіе работать для блага русскаго народа, должны прежде всего образовать широко развѣтвленныя партіи и собирать должныя средства для ближайшаго выступленія. Ничего нельзя сдѣлать безъ народа, а чтобы привлечь его къ дѣйствіямъ, необходимо съ нимъ сблизиться и изучить его. Нужно засыпать пропасть, отдѣляющую народъ отъ интеллигенціи, а это возможно лишь при сляніи дѣятелей общества съ народомъ. Они должны являться въ народъ, не въ качествѣ учителей, желающихъ навязать ему свои программы и идеалы. Вѣдь, кромѣ выводовъ естественно-историче-

---

¹⁾ Какимъ образомъ—Бакунинъ не говоритъ, предполагая должно быть, что обязанности государственныхъ чиновниковъ несли бы сами граждане по очереди.

скихъ и математическихъ наукъ, русская интеллигенція ничего не можетъ предложить народу, ничему его не можетъ научить; вѣдь наиболѣе радикальные элементы въ Россіи должны ко всѣмъ результатамъ западно-европейской жизни и цивилизаціи, кромѣ упомянутыхъ выше, отнестись совершенно отрицательно. Западъ никогда не привлекалъ русскихъ народныхъ массъ и, стало быть, интеллигенціи не придется бороться съ западными началами въ народныхъ воззрѣніяхъ.

Роль интеллигенціи по отношенію къ народу должна быть иной, чѣмъ роль учителя и воспитателя; интеллигенція должна помочь народу правильно понять и обобщить извѣстные ей факты и на основаніи опыта неудачно сложившейся западной жизни, которую она переживала, если не въ дѣйствительности, то мыслью и чувствомъ, предохранить русскій народъ отъ западныхъ ошибокъ. Такая роль интеллигенціи полезна народу, хотя и скромна по своимъ задачамъ. Все остальное долженъ совершить самъ народъ.

Мы здѣсь видимъ, слѣдовательно, основныя черты народничества, въ особенности—революціоннаго: признаніе принципа, что народъ самъ создаетъ свои идеалы, интеллигенція же и прочіе общественные слои не должны навязывать ему своихъ; далѣе—вѣру въ инстинктъ народный и его практической разумъ, которыхъ всегда достаточно для разрѣшенія сложныхъ социальныхъ проблемъ; и наконецъ взглядъ на центральную роль въ движеніи—крестьянства (Бакунинъ подъ словомъ „народъ“ вездѣ разумѣетъ крестьянство), ибо этотъ социальный слой собственными руками возведетъ зданіе новой социальной жизни.

Требованія и ожиданія, заключающіяся въ двухъ брошюрахъ Бакунина, общи всѣмъ оттѣнкамъ народничества, о которыхъ мы скажемъ ниже. Здѣсь много герценовскихъ мыслей. Однако, не вѣря въ какія бы то ни было реформы сверху, особенно исходящія отъ Александра II, и выдвигая сильнѣе, чѣмъ Герценъ, крестьянское движеніе, Бакунинъ придалъ своимъ взглядамъ еще болѣе народническій характеръ. Позже его народничество, утративъ характеръ исключительно крестьянскій и русскій, преобразилось въ коллективистическій анархизмъ абсолютно революціонной окраски.

Въ одной изъ своихъ брошюръ Бакунинъ спрашиваетъ, съ кѣмъ слѣдуетъ идти: съ Романовымъ, Пестелемъ, или Пугачовымъ? Наболѣе охотно онъ пошелъ бы съ первымъ, ибо онъ пользуется еще довѣріемъ народа и ему легче всего преобразовать Россію. Спасенія Россіи придется ждать однако не отъ Романова, Пестеля, или Пугачова, но—отъ Земскаго Собора. Подъ послѣднимъ Бакунинъ разумѣетъ не центральный парламентъ, проводящій реформы сверху, но учредительное собраніе, которое приведетъ въ движеніе всѣ общественныя силы въ Россіи и реформируетъ ее, беря исходной точкой деревню и общину, и кончая преобразованиемъ всего государства.

Бакунинъ совѣтовалъ не вмѣшиваться въ конституціонное движеніе, поднятое либералами.

Изъ всего сказаннаго ясно, насколько разнились между собой взгляды Бакунина и Чернышевскаго. Послѣдній, имѣя собственные широкіе социалистическіе идеалы, все же считался съ либеральнымъ движеніемъ; желая всестороннихъ политическихъ реформъ въ федералистическомъ духѣ, онъ понималъ также серьезное значеніе и конституціоннаго строя, упроченіе коего необходимо для дальнѣйшихъ социальныхъ реформъ. Бакунинъ же сливаетъ социальный переворотъ съ политическимъ. Въ этомъ пунктѣ онъ сближается съ „Молодой Россіей“; въ тактикѣ же и, такъ сказать, во всемъ объемѣ своихъ социальнo-политическихъ и культурныхъ взглядовъ расходится съ ней совершенно.

Члены этой группы были въ то время болѣе яркими революціонерами, чѣмъ Бакунинъ, державшійся тогда убѣжденія, что кровавый переворотъ иногда неизбеженъ, но самъ по себѣ представляетъ большое зло. Зайчневскій и его кружокъ—якобинцы и бланкисты—придавали большое значеніе государству, какъ социальному институту и орудію реформъ; федералисты изъ принципа, они все же признавали необходимость въ сильной центральной власти въ извѣстный періодъ времени, особенно во время революціи и непосредственно послѣ нея. Бакунинъ же относился съ пренебреженіемъ къ реформамъ, идущимъ сверху, не только отъ государей, но и отъ законодательныхъ учреждений. Центръ тяжести онъ помѣщалъ въ движеніи снизу. Дѣятели „Молодой Россіи“ не были народниками и не считали западно-европейской жизни „неудачной“, какъ выражался Бакунинъ.

Приведенные здѣсь взгляды Бакунина не объединили вокругъ себя въ описываемое время никакой замѣтной группы, которая стала бы за нихъ агитировать; въ то время эти взгляды оказывали вліяніе лишь на отдѣльныхъ лицъ, какъ въ высшей степени яркое выраженіе могучей индивидуальности, позже ставшей извѣстной всей Европѣ и сыгравшей огромную роль въ жизни различныхъ государствъ. Только въ 1870 г., вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, принципы Бакунина нашли широкое распространеніе въ Россіи.

11.

Въ маѣ 1862 г. въ различныхъ городахъ Россіи вспыхнула огромная полоса пожаровъ, причина которыхъ и до сихъ поръ остается еще невыясненной; однако они оказали страшное и роковое вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, въ частности—на революціонное движеніе и политику правительства.

Пожары бывали на Руси и прежде, въ городахъ, не исключая столицъ, но во второй половинѣ мая 1862 г. они приняли неслыханные размѣры. Въ Петербургѣ одинъ изъ такихъ пожаровъ истребилъ четырехугольное пространство приблизительно въ квадратную версту и серьезно угрожалъ правительственнымъ зданіямъ: государственнаго банка, министерства внутреннихъ дѣлъ и др.

Отъ пожаровъ пострадали также и провинціальныя города, особенно приволжскіе.

Правительство и большинство общества, пораженные этой одновременностью и повсемѣстностью пожаровъ, приписывали возникновеніе ихъ работѣ революціонеровъ, тѣмъ болѣе, что пожары начались вслѣдъ за появленіемъ воззванія „Молодой Россіи“, хотя и не призывавшаго къ поджогамъ, но составленнаго въ крайне революціонномъ тонѣ.

Кропоткинъ въ прекрасно написанныхъ, интересныхъ „Запискахъ революціонера“ выражаетъ увѣренность, что въ данномъ случаѣ поджигали неизвѣстныя лица. Но нѣкоторые современные дѣятели, какъ Зайчевскій, были почти убѣждены, что это дѣло рукъ революціонеровъ.

Пантелѣвъ же утверждаетъ, что это просто случайность, въ которой никого винить нельзя.

Открытое обвиненіе поляковъ и революціонеровъ въ повсемѣстныхъ поджогахъ публично бросилъ Катковъ. Нѣкоторые, отождествляя революціонеровъ со студентами, приписывали имъ учиненіе этого бѣдствія. Но послышались въ прессѣ и успокоительные голоса, даже изъ консервативнаго лагеря; въ защиту молодежи выступилъ напр. извѣстный авторъ учебниковъ исторіи, Илловайскій. Кропоткинъ рассказываетъ, что сенаторъ Ждановъ, которому было поручено веденіе слѣдствія по поводу пожаровъ въ Саратовѣ, пришелъ къ убѣжденію, что поджогами занимались мѣстные реакціонные элементы, съ цѣлью испугать правительство призракомъ революціи и заставить сойти съ пути реформъ и полного осуществленія манифеста 19 февраля 1861 г., что окончательно должно было завершиться въ 1863 г. По словамъ Кропоткина, упомянутый сенаторъ даже имѣлъ въ рукахъ доказательства участія реакціонныхъ элементовъ въ поджогахъ, но по дорогѣ въ Петербургъ внезапно умеръ, а документы, подтверждающіе фактъ, куда то исчезли.

Не придавая особеннаго значенія именно дѣлу о пожарахъ въ Саратовѣ, мы полагаемъ, что неправдоподобно предположеніе, будто реакціонеры рѣшили на поджогъ столицы, который могъ принести не только правительству, но и государству неисчислимый вредъ и убытки, не говоря уже о бѣдствіяхъ самихъ столичныхъ жителей. Нѣтъ также никакихъ данныхъ утверждать, что пожары эти были дѣломъ рукъ революціонной группы въ Россіи, тѣмъ болѣе, что въ то время никто изъ борящихся съ существующимъ порядкомъ вещей не признавалъ теорій, рекомендующихъ истребленіе городовъ.

Трудно также предположить, что здѣсь виноваты поляки. Въ маѣ 1862 г. возстаніе еще не начиналось и только подготавливалось; революціонеры, опасаясь преждевременнаго начала возстанія, откладывали его на позже. Поджогъ столицы не имѣлъ бы тогда никакого смысла для польскихъ революціонеровъ. Если бы пожары возникли во время возстанія, тогда еще можно было бы допустить, что, желая произвести въ рѣшительную минуту борьбы замѣшательство въ самой Россіи, вызвали ихъ поляки.

Такимъ образомъ мы полагаемъ, что не существуетъ никакихъ серьезныхъ поводовъ приписывать возникновение этихъ неслыханныхъ пожаровъ дѣйствіямъ русскихъ или польскихъ революціонеровъ.

Паника въ правительственныхъ сферахъ психологически легко объясняется, если имѣть въ виду политическія условія 1861—62 гг. Положеніе государства было дѣйствительно тяжелымъ: финансы находились въ полномъ разстройствѣ, крестьяне въ значительной степени были недовольны реформой 19 февраля, правительство, какъ и общество, ожидало массоваго крестьянскаго выступления въ 1863 г., проявлялись съ 1861 г. въ образованныхъ кругахъ общества рѣзко конституціонныя и революціонныя стремленія, положеніе въ Польшѣ становилось угрожающимъ и могло послужить поводомъ къ европейской войнѣ. Пожары стали какъ бы символомъ всеобщей революціи въ государствѣ.

Правительство обнаружило поразительную беспомощность и неумѣніе организовать даже наиболѣе элементарныя средства противъ пожаровъ.

Ошеломленность его не была однако пассивной и былъ изданъ цѣлый рядъ распоряженій. Учреждены военно-полевые суды за поджоги, приостановлено нѣсколько временныхъ изданій, въ томъ числѣ и „Современникъ“, руководимый Чернышевскимъ, и органъ нигилистовъ, „Русское Слово“, установленъ болѣе строгій надзоръ за печатью и типографіями, рѣшено наконецъ самымъ энергичнымъ образомъ преслѣдовать какія бы то ни было проявленія революціонной дѣятельности.

Насколько всеобщимъ было убѣжденіе въ участіи Чернышевскаго даже въ наиболѣе рѣзкихъ проявленіяхъ революціоннаго движенія, видно изъ того, что послѣ описываемыхъ пожаровъ въ Петербургѣ, Достоевскій, сдѣлавъ ему визитъ, просилъ употребить свое вліяніе для прекращенія ихъ.

Это якобы злоумышленное повсемѣстное и одновременное пользованіе огненной стихіей послужило причиной крутого поворота какъ въ политикѣ правительства, такъ и въ отношеніи широкихъ либерально и освободительно настроенныхъ общественныхъ круговъ къ революціонному движенію. Правительство стало усиленно подавлять малѣйшія проявленія общественной самодѣя-

тельности, либеральныя же сферы начали бояться революціонеровъ и избѣгать ихъ ¹⁾).

Насколько понятна паника правительства, настолько не поддается объясненію реакція по отношенію къ революціонному движенію—въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что передовые круги, соприкасаясь съ участниками этого движенія, должны были бы имѣть къ нему хоть столько довѣрія, чтобы относиться критически къ слухамъ о поджогахъ революціонеровъ.

Смятеніе въ либеральной части общества доказывало только, что оно само еще недостаточно сознательно.

Пантелѣевъ справедливо утверждаетъ, что еслибы петербургскимъ ген.-губернаторомъ былъ не мягкій и гуманный кн. Суворовъ, но кто либо иной, то паника, охватившая правительство и большинство общества послѣ пожаровъ, привела бы къ многочисленнымъ казнямъ невинныхъ людей, чего такъ добивались консерваторы—„для примѣра“.

12.

Въ средѣ русскихъ офицеровъ, служившихъ въ Царствѣ Польскомъ, какъ уже было нами отмѣчено, бродили революціонныя идеи. Нынѣ еще не представляется возможнымъ опредѣлить съ достовѣрностью силы и степень этого броженія, и потому мы по необходимости должны ограничиться описаніемъ случая, который до нѣкоторой степени освѣщаетъ положеніе. Имѣемъ въ виду дѣло Арнгольдта, Сливицкаго, Ростковскаго и Щура.

Въ Варшавѣ въ началѣ 1862 г., а можетъ быть и раньше, образовался изъ русскихъ и нѣсколькихъ поляковъ небольшой военный кружокъ, который рѣшилъ заняться политической пропагандой среди войскъ и создать организацію съ цѣлью борьбы съ существующимъ режимомъ. Этотъ кружокъ поддерживалъ сношенія съ выдающимися участниками польскаго революціоннаго движенія, Домбровскимъ и Сѣраковскимъ, а также несомнѣнно съ

¹⁾ Любопытный фактъ приводитъ Кропоткинъ въ своихъ «Запискахъ революціонера»; родственникъ его, находившійся на военной службѣ и читавшій вмѣстѣ съ товарищами постоянно «Современникъ», послѣ пожаровъ объявилъ, что больше не возьметъ его въ руки.

революціонными кругами въ Петербургѣ, о чемъ, кромѣ другихъ доказательствъ, свидѣтельствуютъ найденныя во время обыска у его членовъ №№ „Великорусса“. Мы знаемъ, что къ этому кружку принадлежали слѣдующія лица: поручики Иванъ Арнгольдтъ, Петръ Сливицкій, Каплинскій, офицеры—Потебня, Фенинъ, Новицкій, Кутузовъ, подпрапорщикъ Ростковскій и рядовой Щуръ.

Это было ядро предполагаемой военной организаціи, которая должна была охватить всѣ части стоявшихъ по близости войскъ. Началась пропаганда не только среди офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ. Для облегченія дѣла стали обучать въ учебной командѣ намѣченную группу рядовыхъ въ 75 человекъ изъ стрѣлковой бригады. Обучение должно было вестись по установленной программѣ. Завѣдующимъ учебной командой былъ назначенъ Арнгольдтъ, а ближайшими его помощниками—Петръ Сливицкій и Каплинскій. По свидѣтельству Ашенбреннера ¹⁾ пропаганда дала поразительные результаты. Солдаты горячо проникались идеями своихъ начальниковъ-революціонеровъ. Въ это время Арнгольдтъ и П. Сливицкій составили къ офицерамъ русской арміи воззваніе, въ которомъ призывали къ революціоннымъ дѣйствіямъ съ цѣлью ниспроверженія существующаго общественнаго и политическаго строя. Воззваніе было помѣщено въ „Колоколъ“. Но дѣятельность кружка прервалась вслѣдствіе доноса другого Сливицкаго, капитана, которому было многое извѣстно о поступкахъ брата и его товарищей. Прежде всего онъ доложилъ командиру стрѣлковаго баталіона, полковнику, котораго имени Ашенбреннеръ не называетъ, что онъ увѣдомитъ Намѣстника о существованіи военнаго заговора, во главѣ котораго находятся Арнгольдтъ, братъ его, П. Сливицкій, и Каплинскій. Пораженный этимъ извѣстіемъ полковникъ, желая спасти молодыхъ офицеровъ, просилъ и даже умолялъ капитана воздержаться отъ доноса, или по крайней мѣрѣ отложить подачу рапорта. Но тотъ остался непреклоненъ и пригрозилъ, что донесетъ начальству и о желаніи полковника удержать его отъ исполненія своего намѣренія. Заговоръ былъ такимъ образомъ открытъ, офицеры и ихъ помощники арестованы. Это произошло въ началѣ мая 1862 г. Открыть однако удалось не всѣхъ.

¹⁾ «Былое», 1907, апрѣль, стран. 17—20.

Извѣстіе объ арестѣ Арнгольдта, Петра Сливацкаго, Каплинскаго и другихъ и о заключеніи ихъ въ Варшавскую цитадель подѣйствовало на ихъ учениковъ-солдатъ столь сильно, что они ночью по собственной инициативѣ напали съ оружіемъ въ рукахъ на павильонъ, въ которомъ были заключены арестованные, разоружили стражу и освободили офицеровъ. Въ крѣпости была поднята тревога, со всѣхъ сторонъ подошли войска. Арнгольдтъ, П. Сливацкій и Каплинскій, не желая напраснаго пролитія крови, уговорили солдатъ уйти, простились съ ними и — остались.

Началось дѣло. Съ солдатами на допросѣ обращались безчеловѣчно, ихъ били, и все же они никого не выдали. Арнгольдтъ, П. Сливацкій и Ростковскій приговорены къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Приговоръ исполненъ 28 іюля въ Модлинской крѣпости, изъ опасенія чтобы среди войскъ Варшавской цитадели не вспыхнулъ бунтъ. Каплинскій присужденъ былъ къ 6 годамъ каторжныхъ работъ, Шуръ къ 100 ударамъ и 12 годамъ каторги. Другіе, а также солдаты, пытавшіеся освободить заключенныхъ, понесли менѣе тяжкую кару въ видѣ арестантскихъ ротъ.

Избѣжавшій ареста Потенбня принялъ на себя роль мстителя. За день передъ исполненіемъ приговора, 27 іюля въ Саксонскомъ саду онъ стрѣлялъ въ Намѣстника Лидерса и ранилъ его въ лицо. Не смотря на толпу гуляющихъ, среди которой находились и офицеры, Потенбня не былъ схваченъ.

Во время польскаго возстанія Потенбня и другой офицеръ изъ кружка Арнгольдта — Фенинъ вступили въ ряды возставшихъ поляковъ. Потенбня мужественно погибъ въ битвѣ подъ Песчаной скалой 4 марта 1863 г., Фенинъ позже бѣжалъ за границу, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ.

Доносчикъ Сливацкій въ награду за свой поступокъ просилъ перевода въ лейбъ-гвардіи стрѣлковый баталіонъ, что было бы большимъ повышеніемъ. Однако командиръ этого баталіона гр. Ш. и офицеры, узнавъ о поступкѣ Сливацкаго, объявили, что подадутъ въ отставку, если онъ будетъ переведенъ въ ихъ баталіонъ. При слѣдующей подобной-же попыткѣ Сливацкаго, другія гвардейскія части поступили совершенно такъ же.

Арестъ Арнгольдта съ товарищами подавилъ въ

самомъ зародышѣ военную революціонную организацію, доставившую правительству много тревожныхъ дней.

13.

Огромные повсемѣстные пожары не задержали революціоннаго движенія.

„Земля и Воля“ сгруппировывала вокругъ себя людей дѣла ¹⁾. Независимо отъ ея дѣятельности время отъ времени появлялись противоправительственныя воззванія, составленныя и выпущенныя отдѣльными лицами. Бакунинъ за границей сумѣлъ связать русское революціонное движеніе съ западно-европейскимъ.

Либеральныя сферы, какъ было отмѣчено выше, послѣ пожаровъ отшатнулись отъ революціоннаго движенія, и оно стало изолированнымъ. Общественное мнѣніе дифференціровалось.

Въ половинѣ іюня 1862 г., вслѣдствіе доноса былъ арестованъ студентъ петербургскаго университета Баллодъ, въ квартирѣ котораго найдены приспособленія для печатанія и различныя прокламаціи. Въ квартирѣ его отсутствовавшего сосѣда, Николая Жуковскаго, былъ также сдѣланъ обыскъ и захвачены бумаги. Слѣдствіе обнаружило, что Баллодъ имѣлъ небольшой типографскій станокъ, которымъ пользовался для печатанія противоправительственныхъ прокламацій — къ офицерамъ, и по поводу выступленія Шедо-Ферроти ²⁾ противъ Герцена. Въ первой, уже раньше распространенной, правительство обвинялось въ томъ, что, вступивъ однажды на путь реформъ, оно возвращается снова къ прежнему; указывалось на необходимость надѣленія крестьянъ землей, устраненія бюрократическаго гнета надъ обществомъ, уравненія сословій и предоставленія обществу возможности самодѣятельности; были также нападки непосредственно

¹⁾ Кажется, въ это именно время вступилъ въ нее Петръ Лавровъ, сыгравшій позже выдающуюся роль въ социалистическомъ движеніи.

²⁾ Это былъ агентъ русскаго правительства (министерства финансовъ—въ Бельгіи)—баронъ Фирксъ, рекомендованный Александру II вел. кн. Константиномъ. Издалъ онъ нѣсколько брошюръ противъ Герцена, упрекая его въ томъ, что онъ слишкомъ рѣзко нападалъ на правительство, и утверждая, что онъ много могъ бы сдѣлать, если бы сталъ болѣе умѣреннымъ и перемѣнилъ тонъ.

на Александра II. Баллодъ на допросѣ объяснилъ, что эту прокламацію онъ только перепечаталъ изъ „Колокола“. Вторая, написанная студентомъ Павломъ Мошковымъ, жившимъ за границей, защищала Герцена отъ упрековъ Шедо-Ферроти и доказывала, что эти упреки не въ силахъ поколебать довѣрія къ нему общества.

Найденная у Баллода въ рукописи третья прокламація также по поводу упрековъ Шедо-Ферроти исходила, по словамъ Баллода, отъ Писарева, вслѣдствіе чего и онъ былъ арестованъ.

Дѣло Баллода и др. не имѣло особеннаго значенія, но оно прекрасно характеризуетъ настроеніе интеллигентныхъ круговъ русскаго общества; уже не политическія группы, но отдѣльныя лица чувствовали потребность призывать общество къ борьбѣ съ правительствомъ, формулировкѣ политическо-соціальныхъ требованій и участіи въ рѣшеніи различныхъ вопросовъ текущей жизни. Студ. Баллодъ приговоренъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ; Государь уменьшилъ наказаніе до 7 лѣтъ каторги; Писаревъ былъ заключенъ въ тюрьму на 2 г. и 6 м.; его прошеніе о помилованіи оставлено безъ послѣдствій. Другіе подверглись менѣе значительнымъ наказаніямъ.

Пантелѣевъ описываетъ весьма характерную мелочь. Одинъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи, сенаторъ Ждановъ, оставшись съ глазу на глазъ съ Баллодомъ, показалъ ему въ № „Колокола“ открытое письмо его друга Жуковскаго, о своемъ счастливомъ бѣствѣ за границу при помощи польскихъ революціонеровъ, и просилъ вспомнить о немъ, Ждановъ, когда партія восторжествуетъ, ибо онъ человекъ старый и не можетъ для нея быть вреднымъ. Разговоръ этотъ въ достаточной мѣрѣ иллюстрируетъ фактъ, до чего лица изъ правительственныхъ сферъ были увѣрены въ близости революши.

14.

Въ концѣ іюня 1862 г. русская полиція получила отъ анонимаго доносчика, который очевидно втерся въ домъ Герцена, свѣдѣнія, что въ началѣ іюля вернется въ Россію Павелъ Ветошинъ и привезетъ письма къ разнымъ лицамъ отъ эмигрантовъ, сгруппировавшихся при

„Колоколъ“. Доносъ оказался вѣрнымъ. Ветошина арестовали и нашли при немъ много писемъ. Нѣсколько изъ нихъ были адресованы Николаю Серно-Соловьевичу отъ Герцена и Кельсьева. Въ одномъ упоминалось о Чернышевскомъ.

Ш-е отдѣленіе было внѣ себя отъ радости.

Чернышевскій, отправивъ семью въ Саратовъ, и самъ собирался туда же на продолжительное время, ибо „Современникъ“, какъ извѣстно, былъ пріостановленъ на 8 мѣс. Онъ рѣшилъ совершенно оставить петербургскую квартиру, продать мебель, лошадей и экипажи. Нужно замѣтить, что Чернышевскій много зарабатывая, жилъ большимъ домомъ на широкую ногу, какъ говорятъ — въ угоду свѣтскимъ привычкамъ своей жены. Уже съ конца 1861 г. правительство внимательно слѣдило за Чернышевскимъ; министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ 23 ноября того же года разослалъ губернаторамъ циркуляры ¹⁾ съ запрещеніемъ выдавать Чернышевскому заграничный паспортъ.

Стаховичъ, пробывшій 6 лѣтъ въ Сибири вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что задолго до ареста Чернышевскаго извѣстный польскій революціонеръ Сѣраковскій предупреждалъ его о грозящей ему опасности, послѣ своего разговора съ директоромъ канцеляріи военного министерства, ген. Кауфманомъ, когорый сказалъ, что по его мнѣнію Чернышевскій въ виду дурного вліянія на молодежь долженъ быть сосланъ.

Не задолго до ареста къ Чернышевскому явился адъютантъ петербургскаго ген.-губернатора кн. Суворова, съ совѣтомъ тотчасъ же уѣхать за-границу, ибо онъ можетъ быть арестованъ. Полный благородства Суворовъ обѣщалъ даже выхлопотать ему паспортъ. На вопросъ, чѣмъ объясняется эта заботливость князя, адъютантъ отвѣтилъ, что князь, какъ личный другъ государя, не желалъ бы, чтобы на него легла вина несправедливой ссылки лица, статьи котораго вѣдь прошли черезъ цензуру ²⁾.

¹⁾ Матеріалы по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ гг. Второе прилож. къ сборнику «Государственныхъ преступленій».

²⁾ См. ранѣе упомянутую статью въ «Закаспійскомъ обозрѣніи» за 1905 г.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ то горячее время, когда нужно было во чтобы то ни стало избѣжать острыхъ столкновѣній съ радикальной молодежью и либеральнымъ обществомъ и не пускать въ ходъ репрессій—Суворовъ совѣтовался съ Чернышевскимъ, увѣдомлялъ его о возможныхъ шагахъ правительства и просилъ вліять на возбужденные умы съ цѣлью успокоенія.

Крайне разсудительный, врагъ фразъ и безцѣльныхъ подчасъ демонстрацій, думавшій объ основательной подготовкѣ революціоннаго движенія, Чернышевскій могъ иногда въ полномъ согласіи со своими убѣжденіями склониться на сторону требованій Суворова.

Объ этихъ отношеніяхъ рассказывалъ Шелгунову самъ Суворовъ.

Не смотря на тревожныя предупрежденія, Чернышевскій не хотѣлъ уѣзжать изъ Россіи, рассчитывая должно быть на хорошо обставленную конспиративность своей дѣятельности, вслѣдствіе чего правительство не найдетъ противъ него уликъ; былъ онъ кромѣ того слишкомъ привязанъ къ начатому имъ великому дѣлу. Будучи передъ отъѣздомъ въ III-мъ Отдѣленіи по дѣлу съ какимъ-то офицеромъ, на котораго пришлось жаловаться за дерзкій поступокъ по отношенію къ женѣ, Чернышевскій спросилъ, не имѣютъ ли власти чего-либо противъ него и можетъ ли онъ уѣхать въ родной городъ. Не смотря на то, что ему былъ данъ успокоительный отвѣтъ, 7 іюля 1862 г. его арестовали и заключили въ Петропавловскую крѣпость. Въ тотъ же деиъ былъ арестованъ Николай Серно-Соловьевичъ.

Арестъ Чернышевскаго произвелъ на радикальные круги общества потрясающее впечатлѣніе; было ясно, что уже не скоро онъ получитъ свободу, что съ арены общественной дѣятельности сошелъ великій вождь, тонкій политикъ, человѣкъ съ огромнымъ вліяніемъ и замѣчательнымъ умомъ, весь преданный дѣлу.

Это было несчастьемъ для революціоннаго движенія въ Россіи, страшнымъ и непоправимымъ. Дѣйствительно, „Земля и Воля“, которая уже начала развиваться, стала теперь небольшой революціонной группой, лишенной обширныхъ связей и опытныхъ и вліятельныхъ руководителей и политиковъ.

Попытки сконцентрировать революціонныя силы въ

Россіи—о чемъ мы говорили ранѣе—не достигли цѣли. Это могъ сдѣлать только Чернышевскій, стоявшій на цѣлую голову выше всѣхъ современныхъ ему русскихъ дѣятелей.

Замѣнить его было некому.

15.

Вернувшись въ Петербургъ изъ поѣздки съ политическими цѣлями, въ общемъ неудачной, Пантелѣевъ не засталъ никого изъ знакомыхъ членовъ „Земли и Воли“, кромѣ Утина. Рымаренко былъ также арестованъ, „господинъ въ пенснѣ“ куда то исчезъ. Нужно было либо примириться съ распаденіемъ организациі, либо браться за дѣло заново. Посовѣтовавшись, Утинъ и Пантелѣевъ рѣшили распросить лицъ, которыхъ они подозрѣвали въ принадлежности къ „Землѣ и Волѣ“. Поэтому они обратились къ Елисѣеву и А. Энгельгардту. Результаты получились отрицательные, и спрошенные были недовольны даже самымъ разговоромъ.

Вслѣдствіе этого молодые люди вознамѣрились сгруппировать вокругъ себя хотя бы небольшой кружокъ, назвать его комитетомъ „Земли и Воли“ и работать далѣе надъ ея распространеніемъ.

Теперь не подлежитъ уже сомнѣнію, что упомянутый А. Энгельгардтъ принадлежалъ къ „Землѣ и Волѣ“, въ чемъ однако не признавался передъ молодыми ея членами. Не удалось имъ также привлечь къ организационной работѣ и говорившаго съ ними о неудавшемся сосредоточеніи всѣхъ революціонныхъ силъ, Петра Лаврова, ибо они его не подозрѣвали въ участіи въ прежней организациі. По всей вѣроятности еще много лицъ въ зрѣломъ возрастѣ, занимая солидное общественное положеніе, принадлежали къ „Землѣ и Волѣ“, но послѣ ареста Чернышевскаго и Ник. Серно-Соловьевича, устранились по различнымъ причинамъ отъ политической дѣятельности. На однихъ вліяло отсутствіе вождя, какимъ былъ Чернышевскій; другіе быть можетъ думали, что правительство находится на пути къ раскрытію всей организациі, и выжидали; нѣкоторые изъ болѣе раннихъ членовъ желали продолжать дѣятельность, но не имѣли возможности, по край-

ней мѣрѣ вначалѣ, (завязать сношенія съ Утинымъ и Пантелѣвымъ.

Присмотримся теперь къ новому комитету „Земли и Воли“ ближе. Въ составъ его входилъ державшійся русскихъ кружковъ молодой полякъ Александръ Жукъ. Въ студенческихъ волненяхъ въ концѣ 1861 г. онъ, по словамъ Пантелѣва, не сыгралъ никакой роли и лишь во время заключенія въ Петропавловской крѣпости выдѣлился умомъ, тактомъ и характеромъ. Михаилъ Гулевичъ, студентъ петербургскаго, ранѣе—харьковскаго университета, имѣлъ сношенія съ кружкомъ Бекмана, но случайно избѣжалъ ареста; въ студенческихъ волненіяхъ онъ, какъ и Жукъ, ничѣмъ особеннымъ себя не проявилъ и только выйдя изъ крѣпости сталъ замѣтенъ среди молодежи и интеллигенціи и пользовался большимъ вліяніемъ среди студентовъ-малороссовъ. „Господинъ á la Вирховъ“, фамиліи котораго Пантелѣвъ не называетъ, ничтожная личность, почему то однако считался другомъ Добролюбова и Чернышевскаго. Утинъ—человѣкъ довольно энергичный, живой, самолюбивый, но былъ склоненъ къ интригамъ и не обладалъ глубиной ни ума, ни чувства ¹⁾; происходилъ изъ богатой купеческой семьи. Нынѣ здравствующій авторъ цѣнныхъ воспоминаній—Пантелѣвъ, въ то время—какъ и Утинъ—юноша, былъ однако серьезнѣе его, сосредоточеннѣе, отличался глубиной и постоянствомъ чувства и имѣлъ принципы, которыми остался вѣренъ до старости.

Среди этихъ людей не было ни одного лица съ крупнымъ политическимъ умомъ, глубокими социологическими свѣдѣніями, одареннаго революціонной предприимчивостью и организаціонными способностями. Наиболѣе выдающимся былъ старшій всѣхъ годами, Пантелѣвъ; совершенная посредственность—„господинъ а la Вирховъ“.

Новый комитетъ рѣшилъ начать работу съ выпуска прокламаціи, съ цѣлью прежде всего подтвержденія факта, что организація „Земли и Воли“ не прекратила своего существованія, а также для выраженія порицанія тѣмъ общественнымъ кругамъ, которые вслѣдствіе преслову-

---

¹⁾ Это видно изъ того, какою онъ ничтожную роль игралъ позже среди эмигрантовъ передъ Бакунинымъ, составивъ на него отвратительный пасквиль.

тыхъ пожаровъ подчинились вліянію реакціонныхъ элементовъ.

Содержаніе прокламаціи составилъ Пантелѣевъ, написалъ ее Утинъ и каждый что нибудь отъ себя добавилъ. Заглавіе прокламаціи было слѣдующее: «Къ образованнымъ классамъ общества»¹⁾ и вышла она въ концѣ лѣта (по всей вѣроятности въ августѣ) 1862 г. Авторъ этой выдержанной въ очень серьезномъ тонѣ прокламаціи старался убѣдить образованные круги общества, что они, поддаваясь реакціонному настроенію, находятся на ложномъ пути, и указывалъ на коварную политику правительства. Пантелѣевъ утверждаетъ, что прокламація эта не произвела впечатлѣнія, но комитетъ и лица, имѣвшія съ нимъ сношенія, были очень довольны, что организациі удалось наконецъ проявить признаки жизни.

Прокламація была отпечатана въ тайной типографіи подъ Петербургомъ, на нанятой организацией дачѣ, въ которой поселились молодые супруги, рекомендованные комитету Пантелѣевымъ. Большой кружокъ Судакевича и Островскаго, называемый петербургской коммуной, имѣя черезъ Утина ближайшія сношенія съ „Землей и Волей“, доставилъ людей какъ для оборудованія типографіи, такъ и отпечатанія прокламаціи. Шрифтъ же и все необходимое предоставилъ молодой и популярный издатель, владѣлецъ типографіи О. Бакстъ.

Начало было слѣдано. Организациія могла издавать прокламаціи и вообще получила возможность воздѣйствовать печатнымъ путемъ на общество.

Послѣ выпуска прокламаціи, снова появился въ Петербургѣ извѣстный намъ „господинъ въ пенснѣ“. Онъ похвалилъ энергію молодыхъ товарищей, сообщилъ, что совершилъ большое путешествіе по Россіи съ агитационными цѣлями и основалъ различные кружки въ провинціи. Пантелѣевъ въ свою очередь утверждаетъ, что „господинъ въ пенснѣ“ въ различныхъ мѣстахъ быть можетъ и привлекъ какихъ нибудь нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ. Объ оставшихся на свободѣ членахъ прежней „Земли и Воли“, въ которой „господинъ въ пенснѣ“ участвовалъ съ самаго начала, онъ избѣгалъ всякихъ разговоровъ,

¹⁾ Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ. Второе приложение къ сборнику «Государственные преступленія въ Россіи», стран. 69—71.

хотя и поддерживалъ якобы съ ними отношенія. Пантелѣвъ же говорить, что онъ никогда не былъ въ состояннн оказать партіи какой либо значительной поддержкн, ни въ матеріальныхъ средствахъ, ни въ людяхъ.

„Господинъ въ пенснѣ“ пробовалъ занять командующее положеніе въ партіи, но Пантелѣвъ, Утинъ и другіе дали ему понять, что они ничуть не склонны считать его начальникомъ, и что онъ можетъ работать съ ними лишь на равныхъ правахъ. „Господинъ въ пенснѣ“ вполнѣ съ этимъ примирился. Усиленный этимъ лицомъ комитетъ рѣшилъ начать изданіе органа „Земли и Воли“. Газета должна была называться: „Свобода“. Вскорѣ вышелъ первый номеръ ¹⁾).

Текстъ его начинается утвержденіемъ, что единственный источникъ всѣхъ несчастій Россіи—самодержавіе и вытекающій изъ него деспотизмъ. Начиная въ верховъ—царя, и кончая послѣднимъ чиновникомъ, мы видимъ іерархію самодержцевъ. Правительственныя реформы половинчаты и совершенно недостаточны—мнимое рѣшеніе крестьянскаго вопроса лишало крестьянъ ихъ собственности—земли ²⁾, судебная реформа оставила въ неприкосновенности административный произволъ, подъ именемъ „мѣръ предупрежденія и пресѣченія“ ³⁾. Всѣ классы русскаго общества и народъ пожелали наконецъ свободной жизни. Царское правительство по самой природѣ своей неспособно удовлетворить этому желанію и никогда добровольно не отречется отъ вооруженнаго господства надъ жизнью и свободой подданныхъ. Поэтому такое правительство должно быть уничтожено. Кандалы деспотизма, глубоко впившіеся въ тѣло народа, должны быть сорваны. Стремленія въ этомъ направленіи уже проявились въ разныхъ мѣстахъ Россіи и припечатаны кровью борцовъ за свободу.

„Земля и Воля“ организовалась для борьбы съ существующимъ строемъ. Выходъ только одинъ—безпощадная борьба съ царскимъ правительствомъ.

Далѣе указывается на необходимость существованія противоправительственной революціонной организаціи,

¹⁾ Напечатанъ въ упоминавшейся выше книгѣ на стран. 89—92.

²⁾ Собственно слѣдовало сказать—части земли, а не земли вообще.

³⁾ Судебная реформа въ то время только подготавливалась.

тѣмъ болѣе, что взрывъ самой революціи неизбеженъ — угнетаемый и ограбленный народъ долженъ возстать. Народный Комитетъ ставитъ себѣ въ настоящее время цѣлью привлечь образованные круги общества къ работѣ на благо народа, которое есть ихъ благо. Общество призывается помочь великому дѣлу освобожденія Россіи отъ деспотизма, чему каждый можетъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать. Тѣ, что по семейнымъ обстоятельствамъ или въ виду занимаемаго общественнаго положенія не могутъ принять активнаго участія въ движеніи — могутъ и должны оказать ему хотя бы матеріальную поддержку. Для этой цѣли собираетъ пожертвованія „Колоколь“, въ Россіи же агенты „Земли и Воли“. Эта организація будетъ стремиться къ низверженію царскаго правительства и бороться за торжество интересовъ народа, что выразится прежде всего въ созывѣ Народнаго Собранія, которое само установитъ новый общественный строй свободной Россіи.

Тупость правительства довела народъ до отчаянія, которое можетъ прорваться въ насильственной формѣ; революція будетъ ужасна, если всѣ честные и способные люди изъ образованныхъ круговъ или большинство ихъ не станутъ на сторону народа.

Содержаніе № 1-го „Свободы“ воспроизводитъ мысли, выраженныя годомъ ранѣе въ „Великоруссѣ“. Но политическое положеніе въ Россіи инымъ было въ 1861 г., чѣмъ во второй половинѣ 1862 г. Въ то время общественно-политическія теченія были значительно менѣе дифференцірованы и можно было поэтому возлагать надежды на обширную либерально-демократическую дѣятельность просвѣщенныхъ круговъ. Теперь же большинство либеральныхъ элементовъ было неувѣрено въ себѣ и легко поддавалось консервативнымъ влияніямъ. Разумѣется, и въ 1862 г. мысль о союзѣ либерализма съ радикализмомъ признавалась цѣлесообразной, но это объединеніе не могло уже быть главной и основной формой всего движенія — необходимо было искать поддержки прежде всего снизу.

Только утвердившись въ этомъ смыслѣ, представится возможнымъ для достиженія ближайшихъ цѣлей войти въ союзъ съ либеральными элементами изъ образованныхъ классовъ.

По словамъ Пантелѣва, члены „Земли и Воли“ думали, правда, объ агитаціи среди народныхъ массъ, но никто изъ нихъ въ ближайшемъ будущемъ не видѣлъ возможности заняться этимъ лично. Агитація среди народа считалась необходимой, но взятыя за нее находили возможнымъ лишь позже. Впрочемъ, много еще нужно было сдѣлать и среди интеллигенціи.

№ 1-й „Свободы“ произвелъ повидимому благопріятное впечатлѣніе—популярность „Земли и Воли“ замѣтно возросла, читалась „Свобода“ нарасхватъ, на организацію охотно жертвовали средства.

Въ средѣ комитета вышли какія то недоразумѣнія, „господинъ à la Вирховъ“ устранился, его примѣру послѣдовалъ Жукъ, который впрочемъ скоро вернулся въ организацію.

Какими силами могла располагать „Земля и Воля“ къ концу 1862 г.?

Опредѣлить трудно. Пантелѣвъ утверждаетъ, что силы организаціи были велики. Несомнѣнно, что по сравненію съ грандіозностью цѣлей они были ничтожны. Но это ничуть не даетъ права судить о сферѣ ея вліянія.

Изъ показаній Андрущенко ¹⁾ вытекаетъ, что организація къ концу 1862 г. насчитывала въ своихъ рядахъ 300 производившихъ періодически взносы членовъ. Эта цифра представляется намъ весьма вѣроятной. Пантелѣвъ упоминаетъ о 20 лицахъ, преимущественно военныхъ, съ которыми онъ поддерживалъ сношенія по дѣламъ организаціи. Мы также знаемъ изъ его Воспоминаній, что кружокъ Судакевича и Островскаго въ Петербургѣ былъ довольно многочисленный. „Господинъ въ пенснѣ“, хотя и преувеличивалъ свои связи, все же несомнѣнно привлекъ въ организацію нѣкоторое число лицъ.

Скептически настроенный Пантелѣвъ все же утверждаетъ, что „Земля и Воля“ имѣла приверженцевъ и въ провинціи: Москвѣ, Саратовѣ и Нижнемъ - Новгородѣ, и еще въ нѣкоторыхъ городахъ, о которыхъ онъ не зналъ, или забылъ упомянуть.

Драгомановъ ²⁾ сомнѣвается, состояло ли въ „Землѣ и Во-

¹⁾ См. выше упомянутую книгу, стран. 113.

²⁾ Сочиненія Бакунина, стран. LXXXVIII.

лѣ "нѣсколько сотъ членовъ; на югѣ онъ встрѣтилъ только одного, который, пробывъ нѣкоторое время на Украинѣ, измѣнилъ свой взглядъ на польскій вопросъ. Можетъ быть въ южной Россіи дѣйствительно членовъ упомянутой организаціи не было, но подобное предположеніе не можетъ относиться къ сѣверной и центральной Россіи.

О существованіи „Земли и Воли“ было извѣстно во всей Россіи; можетъ быть силы организаціи даже преувеличивались обществомъ. Но сфера ея вліянія неограничивалась разумѣется количествомъ членовъ—ея прокламаціи и литература читались по меньшей мѣрѣ въ десять разъ большимъ числомъ лицъ.

Какова-же была эта организація и въ чемъ состояла ея дѣятельность? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно только въ общей формѣ.

Во главѣ организаціи находился Комитетъ, который, насколько можно нынѣ судить, постоянно пополнялся. Существовали сношенія съ кружками и отдѣльными лицами, но однако не были нормированы какимъ-либо организаціоннымъ уставомъ. Комитетъ предлагалъ исполнять различныя порученія, пользуясь только своимъ нравственнымъ вліяніемъ.

Изъ показаній по дѣлу Андрушенки мы знаемъ, что предполагалось выработать обширную программу для „Земли и Воли“, что однако не было осуществлено.

Сношенія съ провинціальными кружками не были особенно прочными. Нѣкоторыя указанія въ этомъ отношеніи мы можемъ почерпнуть изъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Москвѣ. Тамъ организовался кружокъ въ видѣ продолженія прежней „Библиотеки казанскихъ студентовъ“; личность Мосолова связывала этотъ кружокъ съ организаціей „Земля и Воля“. На собраніи 23 мая 1863 г. постановлено, что кружокъ не представляетъ собой одного цѣлага съ Петербургскимъ комитетомъ, т. е. съ организаціей „Земля и Воля“, но будетъ поддерживать съ комитетомъ постоянныя сношенія, разсылать выпускаемая послѣднимъ прокламаціи, отъ выпуска своихъ отказывается, какъ равно не станетъ пользоваться своей отдѣльной организаціонной печатью.

На этомъ собраніи Мосоловъ прочелъ программу. Какъ видно изъ показаній по дѣлу Андрушенки съ товарищами, программа эта шла значительно дальше требованій „Земли

и Воли“, выставляемыхъ ею въ своей литературѣ. Ибо программа Мосолова состояла въ слѣдующемъ: націонализація всей земли, отдача ея на опредѣленный срокъ въ пользованіе гражданамъ, уничтоженіе частной собственности ¹⁾ равноправіе женщинъ, система областного самоуправленія съ центральнымъ сеймомъ въ Петербургѣ или Москвѣ. ²⁾ Обвиняемый по дѣлу Андрушенки, Сулинъ показалъ, что Мосоловъ требовалъ установленія въ Россіи демократической республики ³⁾.

Связь московскаго кружка съ „Землей и Волей“ не была, стало быть, тѣсной. Его агентъ. Мосоловъ, былъ наиболѣе вліятельнымъ въ кружкѣ лицомъ и самъ велъ организаціонныя дѣла, позволяя себѣ толковать программу довольно распространительно.

Въ радикализмѣ московскаго кружка, проявившемся въ программѣ Мосолова, оригиналъ которой не дошелъ до насъ, видно вліяніе группы „Молодая Россія“, ибо „Земля и Воля“ не выдвигала всѣхъ требованій программы Мосолова.

Представляется весьма вѣроятнымъ, что подобные кружки существовали и въ другихъ городахъ Россіи.

Дѣятельность „Земли и Воли“ состояла главнымъ образомъ въ пропагандѣ своихъ убѣжденій среди интеллигенціи, прежде всего—учащейся молодежи и молодыхъ офицеровъ. Молодежь вырабатывалась въ кружкахъ самообразованія, читала особенно сочиненія европейскихъ матеріалистовъ и позитивистовъ, а также французскихъ социалистическихъ писателей, въ частности Прудона; обсуждала социально-политическія проблемы, относящіяся къ Россіи, польскому вопросу и т. п.

Современные члены „Земли и Воли“ думали, что революціонное крестьянское движеніе вспыхнетъ стихійнымъ образомъ въ ближайшемъ будущемъ; что задачей организаціи является умѣлое использование его въ цѣляхъ полнаго социальнаго и политическаго преобразования Россіи; что польское возстаніе, если не вспыхнетъ преждевременно, будетъ способствовать ниспроверженію существующаго въ Россіи строя. Пропаганды и агитаціи среди народной

¹⁾ Неизвѣстно—вообще, или исключительно по отношенію къ землѣ.

²⁾ Матеріалы къ ист. рев. дв. въ Рос., стран. 113 и 114.

³⁾ См. упомянутую выше книгу, стран. 142.

массы въ городахъ и деревнѣ „Земля и Воля“ не вела, однако не потому, что не понимала ихъ крупнаго значенія, но лишь по той причинѣ, что въ то время трудно было взяться умѣло за это дѣло; съ другой же стороны предполагалось, что и безъ специальной агитации, крестьяне вслѣдствіе нужды и угнетенія возстанутъ.

Во время дѣятельности „Земли и Воли“ женщины впервые приняли участіе въ русскомъ революціонномъ движеніи. Хотя въ то время еще ни одна изъ нихъ не выдѣлилась въ такой мѣрѣ, какъ это было позже, однако Пантелѣевъ выражается о нихъ съ большой похвалой. Въ слѣдующее десятилѣтіе участіе женщинъ было болѣе значительнымъ, что какъ прежде, такъ и теперь является одной изъ типичныхъ чертъ русскаго освободительнаго движенія.

„Земля и Воля“ особенное вниманіе устремляла на работу среди войскъ. Воззваніе къ офицерамъ, выпущенное по всей видимости въ концѣ 1862 г. ¹⁾, приглашаетъ военныхъ организовать и присоединиться къ партіи. Царствующая династія никогда не созоветъ такого Земскаго Собора, который представлялъ бы весь народъ, а не отдѣльныя сословія. Между тѣмъ, только въ такой формѣ Соборъ сможетъ осуществить право народа на землю и волю. Созыва настоящаго Земскаго Собора необходимо добиться. Въ воззваніи говорится также о необходимости подготовить солдатъ. Чѣмъ внимательнѣе и усерднѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ меньше крови прольетъ революція, ибо тогда въ дѣлѣ осуществленія народной свободы она встрѣтитъ не сопротивленіе, но всеобщую солидарность. Въ концѣ говорится о рѣшающей роли войскъ, которыя землю и волю народу завоюютъ. Большею доблести и военной славы не достигало ни одно войско въ мірѣ.

---

¹⁾ Воззваніе это перепечатано въ многократно упоминаемъ нами „Мат. для ист. рев. дв. въ Россіи въ 60-хъ гг.“, прилож. къ стран. 92 и 93. Издатель помѣстилъ его въ рубрикѣ документовъ за 1863 г., а №№ «Великорусса» въ рубрикѣ 1862 года. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что «Великоруссъ» вышелъ въ 1862 г., а воззваніе по всей вѣроятности въ 1862, а не въ 1863 г., ибо въ немъ нѣтъ никакого упоминанія о польскомъ возстаніи, хотя оно обращено къ офицерамъ, служащимъ преимущественно въ Царствѣ Польскомъ. Мы говоримъ здѣсь о заграничномъ изданіи Матеріаловъ, а не о томъ, что печаталось въ Россіи.

Въ воззваніи говорится о передачѣ земли народу, но въ какихъ смыслѣ и формѣ неизвѣстно: идетъ ли рѣчь о всей прежде обрабатывавшейся крестьянами землѣ, или о ея націонализациі, или же наконецъ о социализациі ея.

16.

Польскій вопросъ къ концу 1862 г. сталъ принимать все болѣе острый характеръ. По всему было видно, что событія ведутъ къ возстанію въ подвластныхъ Россіи польскихъ земляхъ. Мы не станемъ здѣсь изучать всѣ социально-политическіе пружины, вызвавшія вооруженное возстаніе, и обратимъ вниманіе читателя лишь на главныя причины и важнѣйшія обстоятельства, которыя ему предшествовали, а затѣмъ сопутствовали. Польское возстаніе 1830 г. было вызвано слѣдующими обстоятельствами: грубыми нарушеніями конституціи Герцогства Варшавскаго 1815 года и неприсоединеніемъ къ нему литовско-русскихъ земель, входившихъ въ составъ прежняго Польскаго Королевства. Въ польскомъ обществѣ въ періодъ 1815—1830 г. такъ свѣжи были традиціи великаго польскаго государства, что никто не принималъ въ соображеніе сравнительной немногочисленности польскаго населенія въ литовско-русскихъ земляхъ, которыхъ, стало быть, нельзя считать польскими, хотя въ культурномъ отношеніи въ то время они и находились подъ господствующимъ вліяніемъ польской цивилизациі. Собственно въ Литвѣ крестьяне—литовцы говорили на своемъ языкѣ, но не было въ нихъ національно-государственнаго самосознанія. Въ земляхъ Руси, особенно въ Бѣлоруссіи, въ этомъ отношеніи было еще хуже; малорусское движеніе едва начало развиваться среди интеллигенціи. Коренной русскій элементъ былъ въ то время сравнительно немногочисленнымъ въ этихъ областяхъ. Отчасти этимъ обстоятельствомъ и объясняютъ политическіе взгляды того времени въ руководящихъ сферахъ польскаго общества.

Разросшееся послѣ 1860 г. національно—революціонное движеніе въ русской Польшѣ явилось результатомъ угнетенія русскимъ правительствомъ поляковъ и неудовлетворенія ихъ наиболѣе элементарныхъ потребностей. Подъ вліяніемъ европейскихъ событій и пораженія Россіи въ Крымскую

кампанію, польскій народъ пробудился къ новой жизни и пытался воспользоваться внѣшнимъ ослабленіемъ Россіи. Объединеніе Италіи и націоналистская политика Наполеона III поддерживали надежды поляковъ. Традиція Польскаго Королевства, усиленная вліяніемъ литературы, ожила съ полной силой.

Предшествовавшее возстанію польское движеніе расло и развивалось во имя независимости польскаго государства, объединенія его съ Литвой и Русью въ федерацію и освобожденія крестьянъ. „Красные“ хотѣли немедленно начать военныя дѣйствія и полагались прежде всего на возможность революціонировать крестьянъ, видя неудачу прежнихъ возстаній только въ томъ, что они не велись подъ девизомъ ихъ освобожденія; затѣмъ надѣялись на усиливавшееся въ самой Россіи революціонное движеніе, могущее въ скоромъ времени принять формы крестьянскаго возстанія, и наконецъ—на счастливую комбинацію международныхъ отношеній. „Бѣлые“ (умѣренные), не вѣря въ успѣхъ вооруженнаго выступленія, первоначально не ожидали возстанія, хотя также мечтали о независимости Польши въ историческихъ границахъ; они были готовы примириться съ фактомъ совмѣстной государственной жизни съ Россіей, но подъ условіемъ соединенія Польши съ Литвой и Малороссіей.

Для консервативной партіи, состоящей главнымъ образомъ изъ аристократіи и дворянства, литовско-русскія земли почти ни чѣмъ не отличались отъ коренной Польши, ибо въ нихъ крупное и среднее землевладѣніе находилось въ рукахъ польской шляхты. Не слѣдя, за рѣдкими исключеніями, болѣе или менѣе внимательно за ходомъ внутренней жизни русскаго общества, поляки не давали себѣ отчета въ огромномъ успѣхѣ, сдѣланномъ средними его кругами въ періодъ 1830-63 г. въ области науки, литературы, искусства и просвѣщенія. Они не сознавали, какъ это нерѣдко случалось, что новая, жизнеспособная и быстро-развивающаяся русская культура болѣе, чѣмъ польская, привлекала и будетъ привлекать непольское населеніе Малороссіи и Литвы; что пробуждающійся къ жизни близкій по крови русскому малорусскій народъ будетъ многое черпать изъ его цивилизаціи; что оторвавшіеся отъ еврейской массы образованные евреи примкнутъ къ русской культурѣ;

что наконецъ у литовскаго народа разовьется національное самосознаніе.

Даже Сѣраковскій, выдающійся и очень просвѣщенный человекъ, при томъ въ теченіе долгихъ лѣтъ жившій въ Россіи, не давалъ себѣ отчета во всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствахъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться изъ его докладной записки ¹⁾ по литовско-русскому вопросу, поданной военному министру. Тамъ говорится, что всѣ общественные классы въ Литвѣ и Малороссіи по необходимости будутъ поддаваться полонизаціи и что польская цивилизація есть и будетъ носительницей высшей культуры.

Несомнѣнно, что она сыграла великую роль въ жизни этихъ земель и въ теченіе извѣстнаго времени господствовала въ нихъ исключительно, но упадокъ польской государственности долженъ былъ самъ по себѣ подорвать и силу культурнаго вліянія Польши.

Правда въ періодъ 1860—64 г. польская демократія не думала о господствѣ поляковъ въ Литвѣ и Малороссіи, но считала естественнымъ и почти неизбѣжнымъ, чтобы Польша, Литва и Малороссія составляли единое внутренне-федеральное и внѣшне-независимое государство.

Противникомъ этого взгляда являлся очень чуткій и умный маркизъ Вѣліопольскій.

Консерваторъ по социальнымъ убѣжденіямъ, онъ отличался утонченнымъ чувствомъ дѣйствительности при обсужденіи политическихъ вопросовъ. Программа его состояла въ постепенномъ завоеваніи для Царства Польскаго той правого-государственной независимости, которою оно пользовалось до 1830 г., но съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными требованіями времени. Вѣліопольскій однако не принималъ въ соображеніе того, что только свободная, конституціонная Россія можетъ вернуть Польшѣ независимость, обусловленную конституціоннымъ строемъ. Вѣліопольскій все строилъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, на мирномъ согласіи между поляками и русской династіей.

Спустя нѣкоторое время, вслѣдствіе усиленія дви-

¹⁾ Докладная записка эта напечатана въ сочиненіи Струся (Strus) „Люди и событія въ 1861—1865 гг.“ (Ludzie i wypadki w 1861—65 ч.).

женія, правительство рѣшило сдѣлать полякамъ извѣстныя уступки. Вѣліопольскій пріобрѣлъ довѣріе правительства, былъ назначенъ начальникомъ Гражданскаго управления и успѣлъ провести нѣкоторыя реформы. Были созданы органы самоуправленія въ городахъ, губерніяхъ и уѣздахъ, введенъ всюду польскій языкъ, возстановлены польскія учебныя заведенія, вновь открытъ университетъ подъ названіемъ „Главной Школы“, закрытый было послѣ 1830 г., дано равноправіе евреямъ, на высшія должности стали назначать поляковъ. Эти реформы имѣли крупное значеніе и отвѣчали потребностямъ страны, но проводились послѣ долгихъ колебаній, а это ослабляло производимое ими впечатлѣніе.

Насколько инициатива Вѣліопольскаго была положительной въ области перечисленныхъ реформъ, настолько она отрицательна въ крестьянскомъ вопросѣ Царства Польскаго. Мы уже знаемъ, что Земледѣльческое Общество, не смотря на принадлежность всѣхъ его членовъ въ помѣщичьей средѣ, подъ давленіемъ прогрессивнаго общественнаго мнѣнія и революціонеровъ, высказалось за надѣленіе крестьянъ землей въ собственность и денежное вознагражденіе помѣщиковъ. Это постановленіе было сдѣлано незадолго до опубликованія манифеста 19 февраля 1861 г. Вѣліопольскій въ крестьянскомъ вопросѣ, оставался человѣкомъ крайне консервативныхъ убѣжденій, и отдавалъ предпочтеніе обложенію крестьянъ оброкомъ предъ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность. Ставъ во главѣ гражданскаго управления Царства Польскаго, онъ склонилъ центральныя петербургскія власти къ принятію его плана. И лишь возстаніе 1863 г. январскимъ воззваніемъ объявило о надѣленіи крестьянъ землей въ собственность, что правительство послѣ подавленія повстанческаго движенія всетаки вынуждено было сдѣлать.

Въ польскомъ обществѣ Вѣліопольскій очутился въ совершенномъ одиночествѣ, какъ вслѣдствіе непринятія его программы, ни „бѣлыми“, ни „красными“, такъ и въ виду своей полной непопулярности. Партія революціоннаго движенія, искавшая выхода въ возстаніи, считала всѣ реформы маркиза вредными, ибо они якобы ослабляли антагонизмъ между Польшей и Россіей и могли отвлечь поляковъ отъ стремленій къ поднятію вооруженнаго возстанія; впрочемъ они плохо вѣрили, что русское правительство исполнитъ

принятыя на себя обязательства и сохранить эти реформы. Умѣренная же партія, боясь вооруженнаго выступленія, въ виду опасности не только со стороны русскаго правительства, но и со стороны польскихъ народныхъ массъ, была не довольна также тѣмъ, что Вѣліопольскій политическую часть польскаго вопроса ставитъ слишкомъ опредѣленно, т. е. заранѣе отказывается отъ извѣстныхъ требованій, напр.— присоединенія къ Царству Польскому Литвы и Малороссіи. По мнѣнію „бѣлыхъ“, слѣдуетъ воздержаться отъ вооруженнаго выступленія, и правительственныя реформы, по сколько онѣ имѣютъ положительное значеніе, принять, но ни отъ чего въ будущемъ не отказываться. Это была бесплодная и наивная политика, но нравившаяся людямъ, воспитаннымъ на фразахъ, слѣпо преданнымъ традиціи и лишеннымъ всякаго политическаго чутья. Они не понимали, что отказывая въ поддержкѣ Вѣліопольскому, они роковымъ образомъ ведутъ народъ къ возстанію.

Между тѣмъ революціонная организація дѣлала значительныя успѣхи и представляла собой въ нѣкоторомъ родѣ шедевръ; она охватила всю страну и несмотря на сильныя внѣшнія тренія и даже перевороты въ составѣ Центрального Комитета, внѣшнимъ образомъ являлась импонирующей силой.

Имѣя въ своей средѣ значительное число лицъ, организація не могла совершенно уберечься отъ элементовъ, не всегда соотвѣтственныхъ; въ общемъ однако можно смѣло сказать, что въ ней сосредотчились, особенно до начала возстанія, люди наиболѣе энергичные и способные, представлявшіе собой большую нравственную величину. Но ни утонченно-цѣлесообразная система революціонной организаціи, ни безграничная преданность ея членовъ дѣлу, ни энергія и самопожертвованіе не могли разумѣется возмѣстить отсутствія крупной матеріальной силы, необходимой для достиженія цѣлей повстанческаго движенія, которое такимъ образомъ было заранѣе обречено на гибель. Современные его руководители перецѣнивали силы, своего народа, какъ равно и русскаго революціоннаго движенія, и совершенно ошибочно полагались на международное вмѣшательство. Восторженный подъемъ сдѣлалъ ихъ совершенно неспособными къ спокойному и глубокому обсужденію политическаго положенія. Правда, они не желали, чтобы возстаніе вспыхнуло тотчасъ же, такъ

какъ необходима была основательная подготовка, но не сознавали, что самыя обширныя и наилучше задуманныя приготовления не устранять неравенства польскихъ и русскихъ силъ.

Партія, стоявшая за возстаніе, рѣшила войти въ соглашеніе съ представителями русскихъ революціонныхъ теченій. Съ этой цѣлью Падлевскій и Гиллеръ отправились съ письмомъ Центрального Комитета въ Лондонъ, чтобы начать переговоры съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ.

17.

Письмо Центрального Комитета ¹⁾ начинается съ заявленія, что вслѣдствіе ложности официальныхъ, исходящихъ отъ русскаго правительства свѣдѣній, продажности германской печати и ошибочной освѣдомленности нѣкоторыхъ французскихъ газетъ, характеръ современнаго польскаго движенія не всѣми русскими понимается надлежащимъ образомъ. Случается, что нѣкоторые русскіе считаютъ польское національное движеніе стремленіемъ къ восстановленію прежней шляхетской Польши въ ея историческихъ границахъ. Это невѣрно. Цѣль движенія состоитъ именно въ уничтоженіи всѣхъ сословныхъ привилегій и поднятій общественныхъ классовъ, до сихъ поръ находившихся подъ гнетомъ, на ступень полного гражданскаго равенства съ привилегированными кругами. Вся Польша уже высказала свой взглядъ на крестьянскій вопросъ: крестьяне должны получить въ собственность всю обрабатывавшуюся ими до сихъ поръ землю, за которую помѣщики будутъ вознаграждены народнымъ правительствомъ. Это общее, господствующее мнѣніе даетъ руководителямъ движенія возможность помѣстить въ своей программѣ данный пунктъ и провести его въ самомъ началѣ возстанія. Что касается границъ будущей, восстановленной Польши, то сторонники вооруженнаго движенія, не признавая раздѣловъ ихъ отечества, должны и

---

¹⁾ Находится въ избранныхъ статьяхъ Герцена, изданныхъ въ Женевѣ 1887 г., подъ загл. «Колоколъ», стран. 349—351, а также въ «Исторіи національнаго движенія въ 1863—4 гг.» (Historja ruchu narodowego въ 1863—4 ll.) Б. Лимановскаго (B. Limanowski).

будутъ стремиться къ тому, чтобы возродить не часть Польши, но ее всю, какой она была до раздѣловъ, т. е.— Польши объединенной съ Литвой и Малороссіей, но безъ главенства какого либо изъ ихъ народовъ надъ остальными. Послѣ освобожденія страны, литовскій и русинскій народы могутъ—либо остаться въ государственномъ союзѣ съ Польшей, либо поступить иначе, по своему усмотрѣнію.

Русское движеніе имѣетъ соціальныи характеръ, польское—политическій; въ Россіи соціальное движеніе рождаетъ политическую свободу; но въ Польшѣ общественныя преобразованія могутъ осуществиться только послѣ освобожденія страны и возстановленія независимаго государства.

Письмо заканчивается выраженіемъ глубокаго убѣжденія, что братскій союзъ русскихъ и поляковъ на польской землѣ придастъ и тѣмъ и другимъ новыя силы для осуществленія цѣлей, къ которымъ стремятся оба борящіеся за свободу народа.

Часть письма, гдѣ формулируются взгляды руководителей движенія на крестьянскій вопросъ и на уравненіе сословій, вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей, ибо подготовлявшіе возстаніе польскіе революціонеры были несомнѣнно искренними демократами. Поэтому сомнѣнія Драгоманова, выраженныя въ его извѣстномъ трудѣ „Историческая Польша и великорусская демократія“, а также и другихъ писателей—совершенно неосновательны. Польскій Центральный Комитетъ требовалъ для крестьянъ въ Польшѣ того, чего добивался, по крайней мѣрѣ вначалѣ, „Великоруссъ“ и вообще радикальный лагерь въ Россіи.

Другая же часть письма Центральнаго Комитета лишена и послѣдовательности и полной искренности. Непослѣдовательность здѣсь въ томъ, что выражалось желаніе сначала оторвать отъ Россіи Литву и Малороссію, а затѣмъ уже спрашивать населеніе послѣднихъ— войдутъ ли они въ свободный союзъ съ Польшею, или нѣтъ; ибо если признавалось нужнымъ считаться съ требованіями литовцевъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ, то слѣдовало прежде хотя бы въ общихъ чертахъ узнать ихъ мнѣніе, и только затѣмъ выдвигать программу федерачіи Польши съ Литвой и Малороссіей. Поляки не признаютъ совершившихся раздѣловъ. Литовцы же и малороссы могли

не признать законности того положенія вещей, которое содальось до раздѣловъ. Въ этой части письма польскіе революціонеры высказывались не совсѣмъ искренно, ибо они хотя и были далеки отъ стремленій къ порабощенію Литвы и Малороссіи, все же въ общемъ не представляли себѣ иной Польши, кромѣ исторической, и въ письмѣ объ этомъ не упомянули.

Объявленіе борьбы за возстановленіе независимой Польши въ историческихъ границахъ было роковой ошибкой; этотъ фактъ уже самъ по себѣ не умножилъ и не могъ умножить силъ національнаго движенія; но кромѣ того онъ вызвалъ въ русскомъ обществѣ сильную реакцію противъ поляковъ и ихъ стремленій. Разумѣется, для польскаго народа не можетъ быть безразличной судьба живущихъ въ Литвѣ и Малороссіи соотечественниковъ, но стремиться можетъ онъ лишь къ надѣленію ихъ тѣми правами, которыми въ такихъ случаяхъ пользуется среди сплошнаго населенія данной національности меньшинство, принадлежащее къ другой. Дѣйствительно, трудно претендовать на территорію, потому только, что на ней живетъ въ количествѣ 10 процентовъ или нѣсколько болѣе польское населеніе, и на этомъ строить революціонную политику. Горькій опытъ показалъ полную ошибочность такой постановки вопроса.

Однако, въ оправданіе тогдашнихъ польскихъ революціонеровъ можно привести два обстоятельства: во-первыхъ—всѣми считалось стратегической ошибкой возстанія 1830 г. то, что оно происходило только въ предѣлахъ Царства Польскаго и не переходило его границъ; во-вторыхъ—въ 1860—63 гг. національное движеніе среди литовскихъ и малорусскихъ крестьянъ было еще крайне слабымъ. Полякамъ, слѣдовательно, казалось, что народная масса въ этихъ областяхъ на худой конецъ будутъ частью пассивны, отчасти же склонятся на польскую сторону, на которую станеть разумѣется и мелкое и среднее дворянство. Но именно тутъ поляки проглядѣли соціальны антагонизмъ сельскаго населенія по отношенію къ польскому дворянству.

Герценъ, Огаревъ и Бакунинъ письмо Центрального Комитета приняли, цѣликомъ признали занятую имъ политическую позицію и рѣшили употребить все свое нравственное вліяніе—матеріальными силами не обладали—

на пользу польской революціи. Особенно Бакунинъ радостно встрѣтилъ пословъ Комитета и съ юношеской горячностью старался сблизить ихъ со своими политическими друзьями.

Послѣ описанныхъ переговоровъ, появился въ № 147 „Колокола“ (13 октября 1862 г.) отвѣтъ его Редакціи Центральному Комитету въ Варшавѣ, написанный Герценомъ, который былъ также авторомъ воззванія къ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ.

Отвѣтъ Герцена весьма сердеченъ. Онъ объявляетъ, что онъ и его политическіе друзья пойдутъ съ поляками, ибо послѣдніе хотятъ возстановить свое отечество на почвѣ вполне современныхъ, справедливыхъ и широкихъ принциповъ, и признають два основныя требованія, которыя являются символомъ вѣры русскихъ радикаловъ, а именно, что земля, обрабатывавшаяся крестьянами, должна имъ принадлежать и что всякій народъ долженъ самъ распоряжаться своей судьбой. Отвѣтъ Герцена заканчивается полнымъ воодушевленія пожеланіемъ, чтобы новая, свободная отъ средневѣковыхъ пережитковъ, бессословная и демократическая Польша поднялась и стала независимой.

Въ воззваніи къ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ Герценъ, умоляетъ чтобы они лучше предпочли возможность разстрѣла, чѣмъ подняли бы оружіе на поляковъ; далѣе свидѣтельствуется о тождествѣ взглядовъ польскихъ и русскихъ революціонеровъ, указывается на возможность и необходимость солидарной дѣятельности и совмѣстнаго выступленія. Затѣмъ выражается опасеніе, какъ бы польское возстаніе не вспыхнуло слишкомъ рано, ибо въ такомъ случаѣ оно не принесло бы никакой пользы Польшѣ, а молодому русскому движенію сильно повредило бы. Въ возможности возстанія въ Россіи теперь же—Герценъ сомнѣвается; революціонное движеніе только начинается и еще не окрѣпло; первенствующую роль въ немъ играетъ аграрный вопросъ, и потому онъ совѣтуетъ, чтобы въ моментъ начала повстанческихъ дѣйствій русскіе офицеры со своими солдатами двинулись въ Литву и Малороссію и подняли народъ во имя передачи ему земли ¹⁾, что въ свою очередь гулкимъ эхомъ пронесется по Дону, Уралу и Волгѣ.

¹⁾ Герценъ не опредѣляетъ точно, о какой именно онъ говоритъ

Такова официальная сторона современных Герцену польско-русскихъ отношеній въ радикальныхъ кругахъ. Позже въ своихъ воспоминаніяхъ Герценъ рассказывалъ, что и тогда у него возникали сомнѣнія относительно характера польскаго движенія и цѣлесообразности союза съ нимъ русскаго, — и что Бакунинъ оказывалъ на него давленіе въ смыслѣ необходимости заключить это соглашеніе. Не имѣемъ повода не вѣрить Герцену, однако въ тогдашнемъ положеніи русскіе революціонеры не могли, придерживаясь своихъ принциповъ, занять иной позиціи, чѣмъ только что нами описанная. Не было никакого серьезнаго аргумента противъ объединенія съ поляками, которые въ области аграрныхъ отношеній дѣйствительно стремились къ надѣленію крестьянъ землей въ собственность и добывались всѣми силами государственной независимости. Единственнымъ спорнымъ вопросомъ являлась возможность повстанческаго движенія въ Литвѣ и Малороссіи и неизвѣстность, приметъ-ли ихъ населеніе союзъ съ Польшей. Но и на это у поляковъ былъ отвѣтъ, что пока въ этихъ областяхъ господствуетъ русское правительство, трудно узнать истинныя желанія ихъ населенія. Это все-же не устраняетъ упрека въ томъ, что напр. никто не сомнѣвался, что Царство Польское хочетъ отдѣлиться отъ Россіи, хотя и въ немъ стоятъ русскія войска и правитъ русская администрація. Однако Герценъ могъ оставить неразрѣшеннымъ вопросъ объ отношеніяхъ Литвы и Малороссіи къ Польшѣ, ибо зналъ, что у поляковъ нѣтъ въ рукахъ такой матеріальной силы, которая могла бы заставить населеніе сказанныхъ областей присоединиться къ Польшѣ. Если бы литовцы, бѣлоруссы и малороссы не хотѣли бы федеральнаго союза съ Польшей, то это обнаружилось бы въ самомъ движеніи. Стало быть, Герценъ вступая въ союзническія отношенія съ польскимъ революціоннымъ движеніемъ, никого не отдавалъ на „глумленіе“ поляковъ. Польское движеніе еще съ 1860 г. поддерживалось революціоннымъ броженіемъ въ самой Россіи, представляло собой политическую силу, съ кото-

---

землѣ,—о всей, или лишь о той, что крестьяне обрабатывали до 1861 г. Болѣе вѣроятнымъ кажется противоположное утвержденіе. Редакторъ «Колокола» былъ въ то время крайнимъ радикаломъ.

рой нужно было считаться и являлось желательнымъ союзникомъ.

Характерно, что ген. Мѣрославскій, ¹⁾ одинъ изъ наиболѣе выдающихся польскихъ эмигрантовъ и кандидатовъ въ будущіе вожди польскаго возстанія, положительно закидалъ грязью делегатовъ Центрального Комитета за слишкомъ большія уступки въ переговорахъ съ Герценомъ. Бакунинъ въ открытомъ письмѣ на французскомъ языкѣ справедливо осудилъ поступокъ Мѣрославскаго.

Въ концѣ ноября или въ началѣ декабря Падлевскій, явился въ Петербургъ съ цѣлью завязать сношенія съ „Землей и Волей“. „Господинъ въ пенснѣ“ увѣдомилъ о его прїѣздѣ Комитетъ. По докладу Падлевскаго, возстаніе должно вспыхнуть и несомнѣнно начнется. На вопросъ, могутъ ли поляки рассчитывать на какую нибудь помощь со стороны „Земли и Воли“, Комитетъ послѣ совѣщанія, большинствомъ голосовъ счелъ необходимымъ отвѣтить: что хотя „Земля и Воля“ вполне почувствуетъ полякамъ, и рада бы оказать имъ помощь, однако организація находится только въ фазѣ образованія и не обладаетъ необходимыми силами для оказанія энергичной и успѣшной поддержки; разумѣется, независимо, помимо партіи, могутъ въ томъ или другомъ мѣстѣ вспыхнуть стихійныя крестьянскія волненія, но трудно объ этомъ говорить, какъ о чемъ либо опредѣленномъ. Пантелѣевъ ²⁾ утверждаетъ, что Комитетъ задалъ Падлевскому вопросъ объ отношеніи поляковъ къ Литвѣ и Малороссіи, и получилъ отвѣтъ, что и та и другая, освободившись отъ владычества Россіи, сами, путемъ плебисцита, рѣшатъ свою судьбу, и либо выразятъ согласіе на слияніе съ Польшей, либо поступятъ по иному ³⁾.

---

¹⁾ Мѣрославскій не отличался въ политикѣ ни прозорливостью, ни честностью. Въ бумагахъ Андрея Замойскаго русская полиція нашла фантастическій планъ Мѣрославскаго, въ которомъ онъ совѣтовалъ устраивать въ Россіи, съ цѣлью ее обезсилить, социальныя бунты, — тогда какъ за участіе въ чемъ либо подобномъ поляковъ предлагалъ предавать ихъ смертной казни. Этотъ планъ, позже опубликованный, вызвалъ страшное негодованіе даже у дружески настроенныхъ къ полякамъ русскихъ.

²⁾ Изъ воспоминаній прошлаго, стран. 297 - 300.

³⁾ Прижборовскій о пребываніи Падлевскаго въ Петербургѣ раз-

Утинъ вмѣстѣ съ „господиномъ въ пенснэ“ совѣщались съ Падлевскимъ. Первый старался убѣдить его, что если въ ближайшее время вспыхнетъ возстаніе, то оно будетъ подавлено. Падлевскій возразилъ, что полякамъ все равно, потеряютъ ли 200.000 чел. въ сраженіяхъ, или — на службѣ въ русскихъ войскахъ, стоящихъ въ отдаленныхъ губерніяхъ государства. Пантелѣвъ рассказываетъ, что извѣстіе о ближайшемъ срокѣ открытія повстанческихъ дѣйствій произвело на членовъ комитета „Земли и Воли“, за исключеніемъ „господина въ пенснэ“, ошеломляющее и вмѣстѣ съ тѣмъ угнетающее впечатлѣніе. Они полагаютъ, что поляки идутъ на вѣрную гибель.

Падлевскій уѣзжая поручилъ артиллерійскому офицеру Владисл. Коссовскому поддерживать сношенія съ „Землей и Волей“; позже послѣдняго замѣнилъ чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ Опочкій, а его докторъ Н. Со стороны русской организаціи выступалъ сначала Утинъ, затѣмъ Пантелѣвъ ¹⁾).

Вскорѣ послѣ этого „господинъ въ пенснэ“ уѣхалъ за границу. Отъ него то по всей вѣроятности получилъ Герценъ — о чемъ онъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ — предложеніе быть заграничнымъ агентомъ „Земли и Воли“, каковое Герценъ впрочемъ отклонилъ. Несмотря на близость возрѣній, Герценъ по всей вѣроятности не хотѣлъ связываться съ организаціей, руководители которой ему не были достаточно знакомы. „Господинъ въ пенснэ“ сообщилъ лондонскимъ эмигрантамъ преувеличенныя свѣдѣнія о „Землѣ и Волѣ“, и число членовъ ея опредѣлялъ въ 300 чел. въ Петербургѣ и столько-же въ провинціи, чему однако ни Герценъ, ни Бакунинъ не повѣрили.

Послѣ нѣкотораго оживленія въ дѣятельности „Земли и Воли“ и усиленія ея вслѣдъ за выпускомъ № 1-го „Свободы“, времена настали тяжелыя.

Въ 1863 г. вышелъ № 2 „Свободы“, посвященный разоблаченіямъ истинной подкладки вѣрноподданническихъ

сказываетъ (въ V т. „Исторіи двухъ лѣтъ“ — *Historia dwóch lat*) факты совершенно фантастическіе, а по временамъ и противорѣчащіе дѣйствительности.

¹⁾ Арестованный спустя нѣсколько лѣтъ Коссовскій выдалъ Пантелѣва, который былъ сосланъ въ Сибирь, откуда уже много лѣтъ тому назадъ вернулся. Объ этомъ см. статью Пантелѣва въ „Быломъ“ за 1907 г.

адресовъ, посыпавшихся на имя монарха изъ различныхъ круговъ общества по поводу польскаго возстанія и отношенія къ нему нѣкоторыхъ изъ европейскихъ державъ, въ особенности Франціи и Англїи. Какъ извѣстно, представители послѣднихъ вручили русскому правительству ноты по польскому вопросу; казалось даже, что дѣло дойдетъ до войны. Это вызвало въ русскихъ обывателяхъ шовинизмъ. Въ № 2-мъ „Свободы“ съ иронїей указывалось, что вѣрноподданническіе адреса могутъ ввести въ заблужденіе людей, незнакомыхъ съ положеніемъ вещей въ Россіи, во всѣхъ отношеніяхъ сквернымъ. Политическій моментъ весьма неблагопріятенъ, экономическое положеніе плохо и т. д. Говорится о положеніи печати, о бездарности правительства въ дѣлѣ проведенія реформъ, доказывается, что вѣрноподданническія манифестаціи — дѣло рукъ самаго правительства и наконецъ дѣлаются рѣзкія нападки на его деспотизмъ. ¹⁾

Вскорѣ послѣ того, какъ началось польское возстаніе, Коссовскій обратился къ „Землѣ и Волѣ“ съ просьбой доставить ему военно-топографическую карту литовско-русскихъ губерній, которую онъ и получилъ чрезъ посредство нѣкагого офицера генеральнаго штаба. Въ другой разъ онъ чрезъ Утина предлагалъ „Землѣ и Волѣ“ воспользоваться почти совершеннымъ отсутствіемъ войскъ въ Петербургѣ; у партіи однако не было физической возможности произвести какую либо демонстрацію. Въ другое время Коссовскій обратился къ Комитету съ планомъ нападенія на казенный транспортъ съ 6 милліонами руб., отправляемыхъ по желѣзной дороги изъ Петербурга. Нѣкоторые члены организациі изъ Кавказа выразили готовность совершить ограбленіе транспорта, но Комитетъ счелъ это неосуществимымъ, въ виду немногочисленности берущихся за дѣло лицъ. Лѣтомъ прїѣхалъ въ Петербургъ изъ Вильны Малаховскій и умолялъ Комитетъ совершить какую либо диверсію, съ цѣлью произвести замѣшательство, сбить съ толку правительство и такимъ путемъ помочь возстанію. ²⁾

Разумѣется „Земля и Воля“ ничего подобнаго совершить

---

¹⁾ № 2-й „Свободы“ перепечатанъ въ „Быломъ“ за 1906 г., августъ, стр. 189-191.

²⁾ Упомянутая уже выше книжка, стран. 304.

не могла. Въ концѣ зимы 1863 г. прибывшій въ столицу Кеневичъ настаивалъ на поднятіи крестьянскихъ волненій. Ему было отвѣчено, что можно поднять въ какой либо волости бунтъ, но возстаніе—немыслимо. „Земля и Воля“ была въ силахъ дѣлать полякамъ лишь мелкія услуги, напр. она способствовала бѣгству изъ тюрьмы нѣсколькихъ выдающихся революціонеровъ, какъ напр. Домбровскаго. Попытка поднять крестьянское движеніе по Волгѣ при помощи поддѣльнаго манифеста — о чемъ мы скажемъ позже—была предпринята поляками на свой собственный рискъ; имъ помогали нѣкоторые русскіе, имѣвшіе отношеніе къ „Землѣ и Волѣ“, но—не въ качествѣ ея членовъ, а частнымъ образомъ.

Въ 1863 г. дѣятельность „Земли и Воли“ проявлялась весьма слабо. Правда, въ летучкѣ того же названія, вышедшей по всей вѣроятности около марта, упоминается о присоединеніи къ ней различныхъ революціонныхъ кружковъ. О томъ-же упоминаетъ и Герценъ въ „Колоколѣ“ отъ 1-го марта, но ни у Пантелѣева, ни вообще никакихъ слѣдовъ усиленія организациі въ это время мы не находимъ.

„Былое“¹⁾ перепечатало отрывокъ изъ летучки „Земля и Воля“, которая сообщаетъ о присоединеніи военной организациі въ Царствѣ Польскомъ къ партіи. Нужно полагать, что всѣ эти объединившіеся съ организацией кружки были очень немногочисленными и непрочными, такъ что присоединеніе не дало никакихъ замѣтныхъ результатовъ.

Московскій кружокъ, вслѣдствіе ареста Мосолова, распался. Утинъ долженъ былъ бѣжать за границу. Реакція въ виду польскаго возстанія сдвинувшая русское общество желѣзнымъ кольцомъ, затрудняла партію въ ея дѣятельности. Составъ Комитета измѣнился; передъ отъѣздомъ Утина въ члены Комитета вступилъ Судакевичъ, затѣмъ вошло еще нѣсколько лицъ. Слабо завязанныя сношенія съ провинціей не давали возможности знать, что происходитъ тамъ.

Кромѣ упомянутыхъ причинъ, обусловливавшихъ безсиліе „Земли и Воли“, существовала еще одна основная: у партіи не было ясно очерченной цѣли для дѣйствій во

¹⁾ 1907 г. январь, стран. 151—153.

ближайшемъ, настоящемъ времени. Дѣйствительно, она не вела широкой массовой агитаціи среди народа и съ нимъ не соприкасалась; девизы, подъ которыми она выступала среди интеллигенціи, была популярны въ широкихъ кругахъ общества и, по скольку они относились къ Россіи, ихъ принимали. Необходимо было организовать какую либо непосредственную дѣятельность, но тутъ именно возникали затрудненія—какова должна была быть эта дѣятельность?

О массовомъ вооруженномъ выступленіи не могло быть рѣчи, о манифестаціяхъ, безъ участія широкихъ массъ народа — также; стихійное крестьянское движеніе не возникало; для военнаго заговора въ родѣ декабрьскаго 1825 г. не было достаточно силъ; о террористическихъ актахъ въ то время еще не думали, и сомнительно что-бы они встрѣтили сочувствіе. Въ виду всего этого положеніе „Земли и Воли“ было очень затруднительнымъ.

По всей вѣроятности въ началѣ 1864 г. Комитетъ партіи, обсудивъ тяжелое положеніе организаціи и не видя въ данное время никакого выхода, рѣшилъ распустить ее. По предложенію Судакевича было постановлено, что въ будущемъ при измѣнившихся условіяхъ, „Земля и Воля“ организуется вновь.

Пантелѣевъ не безъ основаній предполагаетъ, что дальнѣйшія реформы Александра II, какъ судебныя, такъ и другія, для которыхъ понадобилось много образованныхъ чиновниковъ, дали выходъ стремленіямъ и легальную форму служенія обществу и оттянули часть интеллигенціи отъ революціоннаго движенія, особенно въ началѣ 1864 и ближайшіе за нимъ годы.

„Земля и Воля“ существовала почти два года. За это время она весьма способствовала распространенію въ Россіи идеи свободы и общественной и національной справедливости. Послѣ пожаровъ 1862 г., особенно же послѣ того, какъ началось польское возстаніе 1863 г., ея дѣятельность встрѣчала крупныя препятствія вслѣдствіе подымавшейся и все болѣе и болѣе усиливавшейся реакціи, какъ въ средѣ правительства, такъ и въ самомъ обществѣ.

Русское революціонное движеніе въ началѣ 1864 г. находилось на распутьи; попытки, предпріятыя „Великоруссомъ“ и продолжавшіяся отчасти „Землей и Волей“, съ цѣлью сосредоточить радикально-демократическіе и

либеральные элементы на общей политическо-общественной программѣ въ данный моментъ оказались безрезультатными; общественно-радикальное теченіе, имѣющее революціонныя формы, должно было изолироваться отъ либеральнаго—несмѣлаго и держащагося строго легальной почвы. Изолировавшись, оно имѣло передъ собой три пути: въ точномъ смыслѣ конспиративный, построенный на дѣятельности небольшихъ, но строго дисциплинированныхъ подпольныхъ организацій, борющихся съ правительствомъ и его представителями; пропагандистско-агитаціонный массовой, также въ формѣ тайныхъ организацій, рассчитанныхъ однако прежде всего на поднятіе революціоннаго движенія среди широкихъ народныхъ массъ въ деревнѣ и городѣ; и наконецъ средній между этими двумя путь, т. е. соединеніе дѣятельности массовой и конспиративной. Въ исторіи русскаго революціоннаго движенія каждый изъ этихъ путей игралъ въ различные періоды времени главную роль, и только въ началѣ нынѣшняго столѣтія всѣ они до нѣкоторой степени слились.

18.

Польское возстаніе вспыхнуло въ ночь съ 22 на 23 января 1863 года. Рекрутскій наборъ, объявленный Вѣліопольскимъ, ускорилъ его начало. Но можно смѣло сказать, что вооруженное выступленіе совершилось бы во всякомъ случаѣ, если не черезъ полгода, то черезъ годъ. Настроеніе польскихъ революціонеровъ сдѣлало возстаніе неизбежнымъ.

Партія возстанія имѣла во главѣ беззавѣтно преданныхъ дѣлу чрезвычайно энергичныхъ, избранныхъ заговорщиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ однако лишенныхъ всякаго политическаго чутья, строящихъ свои расчеты не на добросовѣстномъ и всестороннемъ анализѣ фактовъ, но на страстныхъ порывахъ чувства, которое и создавало вѣру въ успѣхъ борьбы.

Когда рекрутскій наборъ былъ объявленъ, руководители движенія рѣшили начать возстаніе, хотя и не были къ нему подготовлены. Гражданская организація была прекрасна, но военная—крайне слаба и полна недостат-

ковъ. Въ странѣ совершенно не хватало оружія, повстанческіе отряды плачевно малочисленны.

Народовое правительство выпустило въ моментъ начала возстанія манифестъ, въ которомъ начертало крестьянскую реформу, какую оно рѣшило провести: крестьяне, пользующіеся на чиншевомъ правѣ или на барщинѣ¹⁾ помѣщичьей землей, получать ее въ собственность; безземельные крестьяне, стало быть, тѣ, что изъ поколѣнія въ поколѣніе не пользовались господской землей и были разнаго рода батраками, но принимаютъ нынѣ участіе въ возстаніи, получаютъ также земельные участки въ собственность; помѣщиковъ страна вознаградитъ изъ государственныхъ средствъ.

Народовое правительство предписало ксендзамъ манифестъ о надѣленіи крестьянъ землей оглашать съ амвоны, повстанческии отрядамъ—приводить его въ исполненіе. Дѣйствительно, этотъ декретъ въ точности исполнялся гражданскими и военными властями повстанцевъ въ тѣхъ мѣстахъ страны, гдѣ въ ихъ рукахъ находилась фактическая сила.

Русское правительство—какъ это уже теперь съ несомнѣнностью доказано—могло подавить возстаніе въ зародышѣ. Въ Царствѣ Польскомъ находилось около 100,000 вполнѣ снаряженнаго русскаго войска. Этой крупной силѣ повстанцы могли противопоставить первоначально нѣсколько тысячъ плохо вооруженныхъ людей. Крѣпости находились въ рукахъ русскаго правительства. Перевѣсъ, слѣдовательно, находился всецѣло на сторонѣ послѣдняго. Оно также было прекрасно освѣдомлено о готовящемся возстаніи. Въ Петербургѣ съ нимъ даже считались. Между тѣмъ, власти въ Царствѣ Польскомъ послѣ открытія повстанческихъ дѣйствій вели себя до крайности безтолково и отдавали распоряженія столь странныя, что могли возбудить подозрѣніе въ желаніи способствовать по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время распространенію повстанческаго движенія.

Въ чемъ же заключалась причина такого поведенія русскихъ властей въ Царствѣ Польскомъ? Историки 1863 и 1864 гг. высказываются различно. Одни полагаютъ,

---

¹⁾ Крѣпостное право было уничтожено еще при Герцогствѣ Варшавскомъ въ 1807 г., крестьяне были признаны «вольными», но земля осталась помѣщичьей.

что власти хотѣли подавить движеніе лишь послѣ его распространенія, чтобы такимъ образомъ нанести польскому народу ударъ болѣе жестокой и чувствительный, чѣмъ при обратныхъ условіяхъ; другіе, — что варшавскія власти перецѣнивали силы движенія; наконецъ нѣкоторыя подоарѣвають вел. кн. Константина въ честолюбивыхъ замыслахъ.

Прусское правительство тотчасъ-же предложило въ Петербургѣ и Варшавѣ свою помощь, къ чему центральныя власти отнеслись благосклонно, варшавскія-же—иронически. Однако и петербургское правительство въ ближайшее время не имѣло въ виду воспользоваться содѣйствіемъ услужливаго сосѣда.

Уже въ первые мѣсяцы возстанія стало очевиднымъ, что оно не удастся. Крестьяне сочувствовали ему лишь отчасти, силы исчерпывались, оружія и денегъ не было.

Сначала партія „бѣлыхъ“ не принимала участія въ движеніи, и только когда имъ удалось склонить Наполеона III къ представленію русскому правительству ноты въ защиту поляковъ, они присоединялись къ возстанію. Отсюда въ слѣдующемъ періодѣ возстанія замѣтенъ нѣкоторый подъемъ польскихъ силъ: ряды повстанцевъ заполняются новыми людьми, шляхта, часть аристократіи и буржуазіи не скупятся на щедрыя пожертванія. вмѣстѣ съ тѣмъ въ среду руководителей возстанія начинаютъ проникать люди, настроенные консервативно, опасашіеся движенія народныхъ массъ и относяшіеся безразлично къ требованію декрета Народоваго правительства о надѣленіи крестьянъ землей. Крестьяне, благодаря первоначальнымъ успѣшнымъ дѣйствіямъ, стали въ болѣе замѣтномъ количествѣ заполнять повстанческіе ряды только къ концу 1863 и началу 1864 г., когда военныя власти повстанцевъ уже не въ силахъ были доставить добровольцамъ въ достаточномъ количествѣ оружія.

Какъ передъ началомъ возстанія, такъ и послѣ, среди руководителей происходитъ борьба за направленіе и форму движенія и власть.

Изъ Царства Польскаго возстаніе перекинулось въ Литву и Бѣлоруссію. Въ Жмудзи (ковенская губ.) оно приняло сравнительно крупныя размѣры, что объясняется многочисленнымъ участіемъ въ немъ ксендзовъ, и его католической окраскѣ, ибо жмудскіе крестьяне—усердные

католики. Въ Бѣлоруссіи движеніе въ общемъ осуществлялось слабо, за исключеніемъ гродненской губ., гдѣ имѣется нѣсколько совершенно польскихъ уѣздовъ и нѣкоторые уѣзды польскіе по преимуществу.

Страшное разочарованіе ожидало повстанцевъ на Волини, Подолии и Украинѣ; крестьяне хватали тамъ польскихъ революціонеровъ и отдавали ихъ въ руки русскихъ властей, подчасъ убивали схваченныхъ, подвергая ихъ предварительно истязаніемъ и пыткамъ.

Для всѣхъ трезво смотрѣвшихъ на вещи стало очевидно, что требованіе возстановленія исторической Польши является пагубной мечтой.

Дипломатическое вмѣшательство Англіи и Франціи разбилось о безразличіе Австріи и враждебность къ полякамъ Пруссіи. Ни одна изъ державъ не предприняла соотвѣтственныхъ шаговъ съ оружіемъ въ рукахъ. Русское правительство, сначала встревоженное движеніемъ ¹⁾, постепенно почувствовало почву подъ ногами. Кн. Горчаковъ отвѣтилъ западнымъ державамъ весьма надменно, что русско-польское столкновеніе является внутреннимъ дѣломъ Россіи, въ которое она никому не позволитъ вмѣшиваться.

Польское возстаніе вызвало реакцію въ русскомъ обществѣ, главнымъ образомъ потому, что предъявило притязанія на Литву и Малороссію. Не только консерваторы, но и громадное большинство либеральныхъ элементовъ, высказалось въ борьбѣ съ поляками въ пользу правительства.

И правительство съ удвоенной энергіей и жестокостью подавляло возстаніе, которое въ 1864 г. уже близилось къ концу.

Подавивъ его, правительство провело въ Польшѣ крестьянскую реформу изъ политическихъ соображеній— на болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ въ самой Россіи, а также предоставило крестьянамъ въ западныхъ губерніяхъ нѣкоторыя особыя права. Затѣмъ настали тяжелыя времена правительственной реакціи и реакціи въ самомъ обществѣ. Страна подверглась опустошенію, около

¹⁾ Императрица Марія Александровна на прощальной аудіенціи Муравьеву, отправляющемуся въ Литву, выразила желаніе, чтобы по крайней мѣрѣ эта область осталась за Россіей;—стало быть, наверху считались съ возможностью потерять Царство Польское.

100.000 чел. наиболѣ энергичныхъ и дѣльныхъ погибло на полѣ битвы и въ Сибири.

Кромѣ среднихъ круговъ, т. е. средней шляхты, буржуазіи и интеллигенціи, весьма значительное участіе въ возстаніи принимали фабричные рабочіе, ремесленники и наконецъ крестьяне, поэтому за польскимъ возстаніемъ 1863 года слѣдуетъ признать высокую историческую цѣнность и значеніе.

Весьма благопріятно повліяло оно на судьбу Финляндіи, ибо Александръ II былъ вынужденъ созвать сеймъ и подтвердить права княжества, чего Николай I ни разу не дѣлалъ. Поэтому Финляндія послѣ 1863 г. развивалась успѣшнѣе, чѣмъ прежде.

Эпизодомъ возстанія была попытка поляковъ поднять массовое движеніе и вооруженное возстаніе въ казанской и другихъ приволжскихъ и приокскихъ губерніяхъ. Польскіе революціонеры хотѣли отвлечь часть военныхъ силъ, находившихся въ распоряженіи правительства отъ Царства Польскаго, что разумѣется могло бы имѣть мѣсто лишь при массовомъ внутри Россіи революціонномъ выступленіи. Зная уже отъ Комитета „Земли и Воли“, что на дѣйствительно сознательное массовое революціонное движеніе рассчитывать въ ближайшемъ будущемъ не приходится, поляки рѣшили дѣйствовать по слѣдующему плану: выпустить поддѣльный царскій манифестъ, въ силу котораго безъ всякаго вознагражденія, крестьянамъ земля надѣляется въ собственность, армія распускается, а солдаты получаютъ надѣлы изъ государственныхъ земель, подушныя подати и рекрутчина уничтожаются совершенно, населеніе получаетъ право избранія уѣздныхъ и губернскихъ властей. Манифестъ призывалъ въ народъ возстать противъ тѣхъ чиновниковъ, которые противодействовали бы его исполненію. Такимъ путемъ польскіе революціонеры хотѣли вызвать недовольство и бунты среди крестьянъ; въ Казани же предполагалось поднять возстаніе.

Съ этой цѣлью заговорщики должны были ждать тамъ прибытія партіи политическихъ арестантовъ-поляковъ, отбить ихъ и вмѣстѣ съ освобожденными изъ тюрьмы уголовными, частью молодежи г. Казани и 100 лицами, которые должны были прибыть изъ Москвы, начать вооруженное выступленіе. Предполагалось напасть

на казармы, арсеналы и контору государственнаго банка, захватить деньги и оружіе, затѣмъ завладѣть сообщеніемъ по Волгѣ и Окѣ, овладѣть курсирующими по нимъ судами и перекинуть вооруженное возстаніе изъ Казани въ другія лежащія по этимъ рѣкамъ губерніи.

Всѣмъ предпріятіемъ руководилъ кружокъ поляковъ, часть которыхъ служила въ русскихъ войскахъ въ качествѣ офицеровъ; къ дѣлу были привлечены и русскіе изъ революціонной среды, но какъ мы уже знаемъ, не въ качествѣ членовъ какой-либо организаціи; „Земля и Воля“ ничего объ этомъ не знала и Комитетъ ея предъявилъ къ полякамъ претензіи за то, что они дѣйствовали безъ предварительнаго съ нимъ соглашенія.

Это широко задуманное ¹⁾, но въ самомъ корнѣ ошибочное, такъ какъ допускало пользованіе поддѣльнымъ манифестомъ, предпріятіе, начатое весной 1863 г., совершенно неудалось. Правительство тотчасъ-же послѣ раскидыванія экземпляровъ манифеста было обо всемъ оповѣщено какимъ-то измѣнникомъ русскимъ. ²⁾ Крестьянское населеніе держалось въ общемъ пассивно и лишь въ пензенской губерніи дошло до крупныхъ столкновеній; иногда оно даже оказывало содѣйствіе властямъ, донося обо всемъ и хватая заговорщиковъ.

Шт.-капитанъ Иваничій, поруч. Мрочекъ, дворянинъ Кеневичъ и подпор. Стахевичъ были военно-полевымъ судомъ приговорены къ смертной казни и приговоръ приведенъ въ исполненіе 6 іюля 1863 года. Другіе, какъ напр. Орловъ, Маевскій, Госѣвичъ, Новицкій, Олеховичъ присуждены къ долгосрочнымъ каторжнымъ работамъ, а затѣмъ къ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Остальные, менѣе виновные, подверглись карамъ въ административномъ порядкѣ.

Мысль выпустить поддѣльный манифестъ возникла во второй разъ въ концѣ слѣдующаго десятилѣтія; задумалъ ее извѣстный русскій революціонеръ Стефановичъ, съ цѣлью поднять рядъ крестьянскихъ бунтовъ.

---

¹⁾ Данныя объ этихъ попыткахъ мы находимъ у Базилевскаго въ т. т. 1-мъ и 4-мъ упоминавшагося нами ранѣе сочиненія.

²⁾ Такъ полагаетъ Пантелѣвъ; того-же мнѣнія и Струсъ въ своей книгѣ «Люди и событія 1861—65 гг.»

Внутренняя политика русскаго правительства, съ конца 1861 г., а еще болѣе послѣ извѣстныхъ пожаровъ 1862 г. и польскаго возстанія 1863 г., консервативная и репрессивная, не ликвидировала еще окончательно своихъ прежнихъ реформаторскихъ намѣреній. Свѣжее еще воспоминаніе о крымской кампаніи, ослабившей государство внутри и подорвавшей его внѣшній престижъ, вліяло довольно сильно на петербургскія сферы, которыя готовы были примириться съ цѣлой серіей реформъ, лишь-бы сохранить въ цѣлости неограниченную власть монарха. И правительство готовило судебную, финансовую и военную реформы, намѣревалось ввести городское и земское самоуправленіе. Эти преобразованія наполнили періодъ 1864—1870 гг., но и на этихъ правительственныхъ преобразованіяхъ отразилось въ полной мѣрѣ недовѣрчивое отношеніе къ обществу. Петербургскій кабинетъ особенно заботился о томъ, чтобы убѣдить европейскія правительства и общества, что репрессіи по отношенію къ оппозиционнымъ и революціоннымъ элементамъ въ Россіи и возставшимъ полякамъ не сведутъ его съ пути необходимыхъ реформъ. Въ этомъ смыслѣ любопытно письмо министра иностр. дѣлъ кн. Горчакова къ одному изъ русскихъ пословъ заграницей, приведенное въ сочиненіи Татищева о Александрѣ II. Князь задачи политики своего правительства формулируетъ такъ: необходимо положить революціонному движенію предѣлъ тамъ, гдѣ опасность начинаетъ грозить спокойствію и интересамъ общества, въ особенности если будетъ находится подъ угрозой самое существо государственной власти; но не сходить съ пути реформъ, которыя намѣчены Государемъ при вступленіи на тронъ; не должно быть проявленій ни слабости, ни реакціи.

Изъ всѣхъ реформъ наиболѣе удачной оказалась несомнѣнно судебная 1864 г. Широко задуманная и использовавшая послѣднія требованія юридической науки, она въ конечной редакціи была однако искалѣчена стараніями консервативной бюрократіи, а именно—изъятіемъ изъ юрисдикціи суда присяжныхъ политическихъ преступленій и преступленій печати, а также установленіемъ для членовъ магистратуры чиновъ и орденовъ.

Введеніе земскаго, а затѣмъ и городского самоуправленія имѣло огромное значеніе. Въ земствѣ, гдѣ работали въ области мѣстнаго хозяйства люди разныхъ сословіи, шла культурная работа: устройство школъ и больницъ, поднятіе земледѣлія, проведеніе дорогъ и мостовъ, и т. п. Земства имѣли право входить съ предложеніями правительству по вопросамъ о экономическихъ и культурныхъ нуждахъ. Именно тутъ и открывалось поле для политической дѣятельности земскихъ учреждений. Хотя земства не имѣли права непосредственно требовать общегосударственныхъ и чисто политическихъ преобразованій, все же, исходя изъ мѣстныхъ нуждъ экономическаго и культурнаго свойства, могли косвенно выступать съ инициативой общихъ и политическихъ реформъ. Губернаторы должны были слѣдить, чтобы земства въ своихъ постановленіяхъ и дѣятельности не переходили границъ установленнаго закономъ круга ихъ вѣдѣнія; въ сомнительныхъ случаяхъ сложные вопросы рѣшалъ Сенатъ.

Разумѣется, правительство всѣми силами старалось заставить земство заниматься исключительно мѣстными дѣлами, и усиленно заботилось, чтобы „пагубныя“ освободительныя стремленія не укоренились въ земствѣ. Поэтому вскорѣ между представителями земствъ и мѣстной администраціей началась глухая борьба за вліяніе на населеніе, и въ частности—въ области народнаго образованія.

Правительство очень скоро стало ограничивать всевозможными циркулярами только что созданныя земскія учрежденія. Это направленіе правительственной политики дошло до кульминаціоннаго пункта,—какъ мы позже увидимъ,—при Александрѣ III.

Остальныя реформы, какъ: финансовая, военная, законы о печати, отличались еще большими недостатками и имѣли еще болѣе половинчатый характеръ. Въ области военныхъ преобразованій была введена всеобщая воинская повинность.

Какъ уже было отмѣчено выше, реформы эти закончены въ 1870 г. Но предѣлъ ихъ былъ предрѣшенъ за нѣскольکو лѣтъ ранѣе. Они явились компромиссомъ между стремленіями либеральной части общества и революціонеровъ съ одной стороны, и самодержавіемъ — съ другой. Они удовлетворяли значительную часть общества, но большинство, не говоря уже о революціонерахъ, шло дальше

и требовало доведенія реформъ до конца — учрежденіемъ всенароднаго представительства. Послѣднее не всѣ понимали одинаково; одни предназначали ему большую, другіе меньшую роль, но всѣ считали его необходимымъ для для противовѣса бюрократіи, которая при самодержавіи была всемогущей.

Славянофилы и западники,—наивные подобно Кавелину, — удовлетворились бы преосвѣщеннымъ абсолютизмомъ, но при условіи предоставленія болѣе широкихъ правъ земству, полной свободы печати и народномъ представительномъ учрежденіи совѣщательнаго характера.

Проведенныя въ 1864—70 гг. реформы даже ихъ не удовлетворяли. Вначалѣ недостатки новыхъ учреждений не для всѣхъ были очевидны и, казалось, послѣднія открывали широкое и благодарное поприще для соціально-экономической и культурной работы. Лишь позже стало ясно, что даже въ этой области правительство ставило обществу серьезныя препятствія, проявляя крайнюю подозрительность ко всякой дѣятельности, направленной къ поднятію просвѣщенія массъ и т. п.; оно боялось также по прежнему печати и постоянно ее стѣсняло. Однако въ ближайшее время упомянутыя реформы извѣстную часть общества несомнѣнно успокоили.

Время отъ времени то или иное дворянское собраніе добивалось въ общей формѣ введенія народнаго представительства. Подобныя, неоднократно во время польскаго возстанія 1863 г. высказываемыя требованія, на ряду съ выраженіями вѣрноподданническихъ и патріотическихъ чувствъ повторялись и позже.

Считаясь съ настроеніемъ дворянства и вообще оппозиціи, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ еще 13 апрѣля 1863 г. во всеподданнѣйшемъ докладѣ императору Александру II выразилъ взглядъ, что вообще трудно будетъ постоянно отклонять подобныя требованія, и потому слѣдовало бы создать изъ представителей земствъ центральное учрежденіе совѣщательнаго характера. Въ проектѣ сказаннаго учрежденія оно соединялось съ Государственнымъ Совѣтомъ, который, какъ извѣстно, представляетъ собой исключительно бюрократическое совѣщательное учрежденіе. Города, за исключеніемъ столицъ, а также Риги, Кіева и Одессы, не будутъ по проекту имѣть отдѣльнаго отъ земствъ представителя. Новое учрежденіе

предполагалось назвать „Съѣздомъ Государственныхъ гласныхъ“. Число представителей земствъ и привелигированныхъ городовъ, членовъ „Съѣзда“, предполагалось около 180 (отъ городовъ 18); чтобы однако обезпечить правительству въ этомъ учрежденіи извѣстное вліяніе Валуевъ предлагалъ ввести туда членовъ и по назначенію, но число послѣднихъ не должно превышать $\frac{1}{5}$ выборныхъ членовъ. Предсѣдатель „Съѣзда“ предполагался не выборный, а по назначенію, а два вице-предсѣдателя—выборные; засѣданія должны были происходить отдѣльно отъ Государственного Совѣта, при чемъ „Съѣзду“ предоставлялось разсматривать только тѣ дѣла, которыя относятся къ проектированнымъ законамъ и государственному хозяйству, и будутъ предложены къ обсужденію предсѣдателемъ Государственного Совѣта. Въ случаѣ, еслибы постановленіе „Съѣзда“ встрѣтило оппозицію въ соответственныхъ департаментахъ Государственного Совѣта, или у министровъ, то это постановленіе переходитъ на обсужденіе Общаго Собранія Государственного Совѣта, въ которое „Съѣздъ Государственныхъ гласныхъ“ назначаетъ двухъ своихъ вице-предсѣдателей и 14 спеціально съ этой цѣлью избранныхъ членовъ, съ правомъ голоса. Но и тогда результатъ голосованія могъ имѣть для правительства только силу предложеннаго мнѣнія.

Несмотря на всю свою невинность этотъ проектъ не былъ одобренъ Александромъ II. Въ 1865 г. братъ государя, вел. кн. Константинъ Николаевичъ, представилъ подобный же, но еще болѣе осторожный проектъ совѣщательнаго учрежденія изъ представителей земства. Но и этотъ былъ отклоненъ. Усилившаяся послѣ 1866 г., вслѣдствіе покушенія Каракозова, реакція окончательно похоронила оба упомянутые проекта. Правительство опасалось какихъ бы то ни было центральныхъ общественныхъ учрежденій, даже совѣщательнаго характера, не безъ основаній полагая, что такое учрежденіе со временемъ въ народѣ пользовалось бы серьезнымъ вліяніемъ и преобразовалось бы въ настоящій парламентъ.

Противодѣйствіе правительства подобнымъ стремленіямъ неизбѣжно должно было обострить борьбу между нимъ и той частью общества, которая добивалась коренныхъ измѣненій государственнаго строя Россіи.

20.

Чернышевскій находился въ тюрьмѣ; произведенные у него и другихъ лицъ обыски не дали никакихъ уличающихъ данныхъ для признанія его виновнымъ въ участіи въ революціонномъ движеніи. Упомянутое въ письмѣ Герцена къ Ник. Серно-Соловьевичу, о переводѣ изданія „Современника“ за границу было не намѣреніемъ, а предложеніемъ, обращеннымъ даже не къ самому Чернышевскому. Однако правительство рѣшило какой бы то ни было цѣной погубить Чернышевскаго, видя въ немъ главнаго виновника броженія умовъ и революціоннаго движенія. Нашлись у правительства и помощники въ лицѣ напр. измѣнника Всеволода Костомарова, который далъ показанія, усугублявшія степень виновности Чернышевскаго, и кажется склонилъ другую подозрительную личность показывать такъ же. Но этого было мало, ибо Чернышевскій съ необычайной ловкостью сумѣлъ и эти отягчавшія его вину показанія опровергнуть съ помощью утонченнаго и прекрасно задуманнаго плана защиты. Тогда правительство прибѣгло къ поддѣлкѣ документовъ (писемъ), предъявленныхъ Чернышевскому въ качествѣ его собственныхъ; эти „доказательства“ онъ съ той же ловкостью разбилъ. Все это однако ни къ чему не привело. 1) Приговоромъ Сената Чернышевскій присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, каторжнымъ работамъ на 14 лѣтъ, а затѣмъ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь. Александръ II уменьшилъ срокъ каторги до 7 лѣтъ, въ остальной части приговоръ остался безъ измѣненія.

Въ тюрьмѣ Чернышевскій усиленно работалъ: много занимался переводами и написалъ извѣстную повѣсть „Что дѣлать“?

Большой художественной цѣнности это произведение не имѣетъ; но идейный смыслъ его произвелъ на общество колоссальное впечатлѣніе. Ни одно произведеніе русской литературы не оказало на современниковъ столь сильнаго вліянія. Въ повѣсти этой Чернышевскій развилъ цѣлую программу и даже—міровоззрѣніе въ области житейскихъ, человѣческихъ отношеній. Пиша повѣсть въ тюрьмѣ для легальнаго „Современника“, который послѣ пріостановки

1) По недостатку мѣста мы не можемъ здѣсь входить въ подробности этого любопытнаго процесса; читатель впрочемъ найдетъ ихъ въ многократно цитированной нами книгѣ Лемке.

выходить сталъ снова, Чернышевскій, касаясь чисто политическихъ вопросовъ, не могъ особенно распространяться и выдвигать какія либо опредѣленные требованія. Но зато затронулъ вопросы спеціальнаго характера, какъ напр. устройство производительныхъ товариществъ, совмѣстная жизнь въ небольшихъ коммунахъ людей одинаковыхъ взглядовъ и стремлений, свободная любовь, какъ свободный союзъ мужчины и женщины, основанный только на чувствѣ любви и продолжающійся лишь до тѣхъ поръ, пока это чувство живо. Повѣсть Чернышевскаго, хотя и не предлагала обществу совершенно новыхъ идей, однако благодаря, такъ сказать, пластичному воплощенію нѣкоторыхъ отношеній среди новыхъ людей въ будущемъ обществѣ, сильно способствовала распространенію самихъ идей. Чернышевскій далъ здѣсь типъ, который позже сыгралъ въ русской жизни великую роль, а именно — профессиональнаго революціонера, жертвующаго всю жизнь и всѣ силы для блага трудящихся классовъ.

Чернышевскій, стало быть, даже изъ за тюремныхъ стѣнъ все еще напалъ на строй русской жизни. Власти просматривали повѣсть въ рукописи и не нашли въ ней ничего предосудительнаго. Лишь позже цензура запретила ее.

19 мая 1864 г. въ 8 ч. утра на Мытной площади въ Петербургѣ была разыграна отвратительная комедія: надъ Чернышевскимъ совершали обрядъ гражданской смерти. Серьезное настроеніе собравшихся многочисленныхъ зрителей свидѣтельствовало о сознаніи всей незамѣнимости настоящей утраты для русскаго общества, и о чувствѣ благодарности къ этому великому человѣку. Чернышевскій былъ спокоенъ и полонъ достоинства. Послѣ окончанія церемоніи изъ толпы раздалась прощальные возгласы.

Чернышевскаго отправили въ каторгу, а затѣмъ поселили въ Вилкойскѣ, въ спеціальному помѣщеніи, вѣродѣ тюрьмы, изъ котораго выходить можно лишь въ сопровожденіи и конвойнаго. Правительство чрезвычайно боялось, чтобы Чернышевскій не бѣжалъ и не сталъ во главѣ движенія. ¹⁾

¹⁾ Зимой 1864 г. участвовавшій въ придворной охотѣ приближенный Александра II поэтъ гр. Алексѣй Толстой въ разговорѣ съ Го-

Великій писатель сошелъ съ общественнаго поприща, и память о его роли политическаго дѣятеля, творца группы „Великорусса“ и основателя „Земли и Воли“ постепенно затиралась, тѣмъ болѣе, что о ней больше догадывались, чѣмъ знали; послѣдующія поколѣнія чтити Чернышевскаго, но какъ мыслителя, экономиста, критика и автора „Что дѣлать?“.

Въ 1865 г. закончилось дѣло Ник. Серно-Соловьевича. Правительство въ этомъ случаѣ имѣло въ своемъ распоряженіи больше уличающаго матеріала, чѣмъ въ дѣлѣ Чернышевскаго. Соловьевичъ первоначально былъ приговоренъ къ 12-ти лѣтней каторгѣ, а затѣмъ—къ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь. Но вслѣдствіе хлопотъ матери осужденнаго, Государственный Совѣтъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю полагалъ освободить его отъ каторжныхъ работъ и сослать въ Сибирь лишь на поселеніе, на что Государь выразилъ согласіе. Приговоръ былъ объявленъ 27 апрѣля 1865 г. Уже по дорогѣ въ ссылку Н. Серно-Соловьевичъ сблизился съ выдающимися ссыльными поляками и съ большимъ воодушевленіемъ принималъ участіе въ выработкѣ проекта возстанія поляковъ при содѣйствіи русскихъ въ Сибири около Байкальскаго озера. Какъ извѣстно, это возстаніе, или вѣрнѣе вооруженный бунтъ, вспыхнуло позже, въ 1866 г., уже послѣ смерти Серно-Соловьевича, и разумѣется окончился полной неудачей—смертной казнью для нѣсколькихъ главарей и каторгой для остальныхъ.

9 или 10 февраля 1866 г. Ник. Серно-Соловьевичъ умеръ въ Иркутскѣ, кажется, отъ тифа.

Правительство жестоко преслѣдовало не только революціонеровъ, составлявшихъ заговоры, но и всѣхъ тѣхъ, что осмѣливались открыто выступать съ порицаніемъ его дѣйствій. Такъ напр. былъ сосланъ на каторгу крестьянинъ Мартьяновъ только за то, что написалъ изъ-заграницы Александру II письмо, съ нападками на бюрократію и требованіемъ созыва Земскаго Собора.

сударемъ о новостяхъ литературы сказалъ, что литературный міръ носить трауръ по поводу несправедливаго осужденія Чернышевскаго. Александръ II прервалъ Толстого и приказалъ никогда не упоминать этого имени.

21.

Какъ извѣстно, еще во времена Зайчневскаго и его политическихъ друзей социалистическо-революціонныя идеи бродили въ средѣ молодежи. Аресты въ 1862, 1863 и слѣдующихъ годахъ не были въ состояніи остановить этотъ процессъ.

Слѣдствіе по дѣлу Каракозова ¹⁾ обнаружило, что въ 1863 г. образовался социалистическій кружокъ, собиравшійся начать вскорѣ обширную дѣятельность. Онъ занялся пропагандой своихъ идей среди широкихъ круговъ общества, организаціей товариществъ взаимопомощи, мастерскихъ труда на общихъ началахъ, даже большихъ фабрикъ на такихъ-же основаніяхъ, устройствомъ школъ для первоначальнаго обученія и т. д. Такимъ образомъ возникли мастерскія: переплетная, швейная, товарищество взаимопомощи переводчиковъ и переводчицъ. Члены кружка пытались приобрести фабрику ваты въ можайскомъ уѣздѣ, основать на социалистическомъ принципѣ другую въ Жиздринскомъ; въ устроенныхъ кружкомъ школахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя открыты съ вѣдома властей, другія тайно, обученіе велось явно въ противоправительственномъ духѣ.

Цѣлью кружка было разрушеніе существующаго общественнаго и политическаго строя при помощи устной и письменной пропаганды, крестьянскихъ бунтовъ, направленныхъ противъ помѣщиковъ и правительства и должествующихъ приготовить социальную революцію и государственный переворотъ. Землю онъ предполагалъ передать въ собственность народа, фабрики-же и мастерскія—въ руки работающихъ въ нихъ. Каковъ въ подробностяхъ этотъ социалистическій замыселъ — неизвѣстно; опубликованные до сихъ поръ документы достаточно этого не выясняютъ. Средства для достиженія этихъ цѣлей доставляли, насколько были въ силахъ, сами члены, ибо нѣкоторые изъ нихъ были людьми состоятельными; предполагалось кромѣ того увеличивать средства и другими путями, напр. ограбленіемъ почтовыхъ учрежденій, экспропріаціи вообще; одинъ молодой человекъ, Викторъ Федосѣевъ, даже хотѣлъ отравить отца, для того, чтобы

---

¹⁾ Базилевскій. Государственныя преступленія въ Россіи, въ XIX в., стр. 249—255, 256—258, 262, 274.

полученное наследство пожертвовать на дѣло революціи. Кружокъ носился съ намѣреніемъ устроить для печатанія революціонныхъ изданій тайную типографію. Члены кружка, сознавая, что имъ не хватаетъ опытнаго и искуснаго руководителя, были намѣрены освободить Чернышевскаго, поставить его во главѣ движенія и поручить ему вмѣстѣ съ Ник. Серно-Соловьевичемъ редактированіе ихъ революціоннаго органа.

Въ 1865 г. кружокъ вмѣстѣ съ сочувствующими ему лицами принялъ болѣе опредѣленную фізіономію и сталъ называться „Организаціей“. Существовало нѣсколько проектовъ его устава и одинъ изъ нихъ кажется былъ даже принятъ, но послѣ покушенія 4 апрѣля 1866 г., о которомъ рѣчь впереди, уничтоженъ изъ опасеній обыска.

Среди членовъ „Организаціи“ возникли разногласія по отношенію къ тактикѣ. Собственно въ „Организаціи“ существовали три важнѣйшихъ группы: ипатовцы (по имени домовладѣльца), къ числу которыхъ принадлежали: Ишутинъ, Каракозовъ, Юрасовъ, Ермоловъ, Странденъ и Загибаловъ—соціалисты-террористы, рвавшіеся къ немедленному выступленію и задумавшіе убійство Александра II; затѣмъ малининцы (по имени Малинина, съ которымъ проживали)—Малининъ, Мотковъ, Кочинъ и Александръ Ивановъ; наконецъ саратовцы (происходили изъ саратовской губ.) — Соболевъ, Борисовъ, Сергѣевскій, Воскресенскій, Полумордвиновъ и Лапкинъ. Малининцы и саратовцы, въ средствахъ борьбы болѣе умѣренные, напирали главнымъ образомъ на пропаганду и агитацію и противились террору. Малининцы однако находились въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ ипатовцами, чѣмъ саратовцы, и по крайней мѣрѣ отчасти были вовлечены въ нѣкоторыя ихъ предпріятія. ¹⁾

Кромѣ этихъ группъ въ дѣятельности „Организаціи“ принимали участіе лица, склонявшіеся то къ той, то къ другой изъ поименованныхъ группъ, а также кружки поменьше. Членами состояли преимущественно студенты университета и сельско-хозяйственной академіи, и воспитанники гимназій—все очень молодые люди.

---

¹⁾ См. „Объяснительная записка о преступленіяхъ членовъ революціоннаго общества «Организація», «Былое», 1906, кн. IV, стр. 290—296.

Къ концу 1865 г. Ишутинъ, главный, кажется, членъ „Организаци“, отправился въ Петербургъ, гдѣ отъ Рудякова узналъ подробности объ Интернаціоналѣ, начавшемъ тогда уже дѣлать первые шаги. Но Рудяковъ самъ не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній, ибо, какъ можно заключить изъ обвинительнаго акта, изобразилъ Интернаціоналъ не массовой организацией, но какимъ-то заговоромъ, при томъ съ цѣлями непосредственнаго осуществленія совершенно новаго социальнаго строя, а не постепеннаго улучшенія во всѣхъ отношеніяхъ быта рабочаго класса. Почерпнутыми въ столицѣ свѣдѣніями Ишутинъ подѣлился съ товарищами. Онъ и его ближайшіе товарищи по „Организаци“ задумали въ ея средѣ создать болѣе тѣсную группу, которая бы занялась непосредственно насильственной борьбой съ правительствомъ, главнымъ образомъ при помощи террористическихъ актовъ. Эта группа должна была называться „Адъ“. Однако, кажется, что до формальнаго образованія группы дѣло не дошло.

Среди ближайшихъ сотрудниковъ Ишутина находился, какъ мы знаемъ, Каракозовъ, которому въ 1866 г. минуло 25 лѣтъ, по происхожденію дворянинъ, бывший студентъ казанскаго, а затѣмъ московскаго университета, временно уволенный изъ перваго за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ. Замкнутый, рѣшительный, не совсѣмъ здоровый, онъ готовъ былъ пойти на самое отчаянное революціонное дѣло.

Въ 1866 г., въ первую недѣлю великаго поста, Каракозовъ поѣхалъ въ Петербургъ съ тайнымъ намѣреніемъ убить Александра II. Здѣсь онъ осмотрѣлся, вошелъ въ сношенія съ различными революціонными кружками, распространялъ среди ремесленниковъ и рабочихъ составленную имъ самимъ противоправительственную прокламацію ¹⁾ и готовился къ покушенію. Тѣмъ временемъ его ближайшіе товарищи стали догадываться о цѣли его поѣздки. Хотя въ принципѣ они одобряли мысль о покушеніи на Александра II, однако въ тотъ моментъ считали такое нежелательнымъ и хотѣли, чтобы сначала силы ихъ возросли и сношенія съ массой расширились. Весной многіе изъ членовъ намѣревались съ этой цѣлью разъѣхать-

---

¹⁾ О подробномъ ея содержаніи нѣтъ свѣдѣній.

ся по деревнямъ для пропаганды и агитаціи. Впрочемъ у нихъ возникло сомнѣніе въ успѣшности покушенія, въ виду болѣзни и нервной развинченности Каракозова. Все—же было рѣшено послать двухъ членовъ вслѣдъ Каракозову, съ цѣлью удержать его отъ приведенія своего намѣренія въ исполненіе. Каракозовъ обѣщалъ послушаться даннаго ему совѣта. Вскорѣ родственникъ Каракозова, Ишутинъ, написалъ ему письмо съ требованіемъ вернуться въ Москву. Каракозовъ дѣйствительно вернулся въ страстную пятницу, но уже въ среду на праздничной недѣлѣ снова уѣхалъ въ Петербургъ.

4 апрѣля, въ тотъ моментъ, когда послѣ прогулки въ Лѣтнемъ саду Александръ II сѣлся въ экипажъ, Каракозовъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Крестьянинъ Комиссаровъ схватилъ Каракозова за плечо и этимъ спасъ Государя. Толпа окружила стрѣлявшаго и хотѣла учинить надъ нимъ расправу. „Дураки, вѣдь я это для васъ!“—бросилъ имъ Каракозовъ.

На вопросъ императора, полякъ-ли онъ и зачѣмъ стрѣлялъ—Каракозовъ отвѣтилъ, что онъ коренной русскій и стрѣлялъ за то, что монархъ не далъ народу обѣщанной земли. ¹⁾

Покушеніе это произвело во всей Россіи, особенно же въ столицѣ, громовое впечатлѣніе. Михайловскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что нынѣ трудно себѣ представить, насколько это впечатлѣніе было сильно. Тотчасъ же послѣ покушенія начались проявленія въ различной формѣ чувствъ вѣрноподданности. Комиссаровъ, которому было даровано дворянство, аристократія и высшая бюрократія съ особеннымъ почетомъ принимали у себя, чествовали. Вчерашній мужикъ, Комиссаровъ, являясь вмѣстѣ съ женой на эти пріемы, разумѣется не зналъ—какъ повернуться и что говорить. Не было, конечно, недостатка въ комическихъ положеніяхъ.

Правительственные сферы были перепуганы. Начались многочисленные аресты и повальные обыски въ столицахъ и провинціи. Руководить слѣдствіемъ было поручено знаменитому Муравьеву, во время польскаго возстанія 1863 г. особенно отличившемуся жестокостью въ литовскихъ губерніяхъ.

---

¹⁾ Каракозовъ должно быть хотѣлъ сказать, что крестьяне получили ее слишкомъ мало.

Каракозовъ на допросѣ сначала не хотѣлъ назвать себя, и сдѣлалъ это лишь впослѣдствіи. По свидѣтельствѣ Кропоткина всеобщее мнѣніе было таково, что Каракозова подвергали пыткамъ. Во всякомъ случаѣ достоверно то, что тюремная стража все время не давала ему забыться сномъ.

Послѣ многочисленныхъ арестовъ слѣдствіе замѣтно подвинулось впередъ, особенно благодаря показаніямъ арестованныхъ Дмитрія Иванова и Моткова. Были обнаружены сношенія „Организациі“ съ группой поляковъ въ Москвѣ, которая до этого съ помощью русскихъ освободила Ярослава Домбровскаго и другихъ изъ тюрьмы, а также существованіе мало извѣстной конституціонной группы или партіи константинистовъ. ¹⁾ Никакой подобной партіи, насколько извѣстно, не существовало; быть можетъ Худяковъ, или кто либо другой, упоминалъ лишь о лицахъ либеральныхъ убѣжденных, или о кружкѣ либераловъ, можетъ быть предполагалось организовать партію въ такомъ родѣ. Пантелѣевъ въ Воспоминаніяхъ говорить, что Худяковъ своими показаніями скомпрометировалъ извѣстнаго литератора Елисѣева, который до этого работалъ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ и принадлежалъ къ „Землѣ и Волѣ“.

Должно быть въ примѣчаніи къ официальному рапорту по дѣлу Каракозова ²⁾ имѣлось упоминаніе, что главный организаторъ революціонной группы, Ишутинъ былъ раньше членомъ „Земли и Воли“. Но Пантелѣевъ утверждаетъ, что никто изъ членовъ этой партіи къ „Организациі“ не принадлежалъ и въ официальныхъ документахъ объ этомъ не упоминалось, въ чемъ онъ повидимому ошибается.

Дѣло Каракозова, а также и его товарищей были первыми политическими процессами, разбиравшимися на основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ.

Нужно сказать, что насколько предварительное слѣдствіе подъ руководствомъ Муравьева велось незаконно и варварски, настолько образцово разбиралъ дѣло судъ, — по крайней мѣрѣ по увѣренію одного изъ защитниковъ,

---

¹⁾ Адвокатъ Стасовъ въ статьѣ о процессѣ Каракозова въ „Быломъ“ за 1906 г. (кн. II, стран. 276—280) также упоминаетъ объ этомъ, и предполагаетъ, что такой партіи не было. Муравьевъ же былъ убѣжденъ въ существованіи партіи вел. кн. Константина, брата Александра II

²⁾ Базилевскій, т. I стран. 250.

Стасова. Особой судебной комиссией, въ которой министр юстиціи исполнялъ обязанности прокурора, Каракозовъ былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Базилевскій ¹⁾ узналъ отъ обвинявшаго также въ процессѣ Каракозова, Маликова, что Каракозовъ подалъ прошеніе о помилованіи, оставленное однако безъ разсмотрѣнія. Но отъ предсѣдательствовавшаго въ Верховной Комиссіи кн. Гагарина, который держаъ себя во все время процесса въ высшей степени корректно, Каракозовъ получилъ отвѣтъ, что какъ человекъ Государь прощаетъ его, но какъ монархъ даровать ему жизнь не можетъ. 3 сентября 1866 г. въ Петербургѣ Каракозовъ былъ повѣшенъ. Приговоренный также къ смертной казни, Ишутинъ подалъ прошеніе о помилованіи, которое даровано было ему передъ самымъ исполненіемъ приговора. Остальные присуждены къ каторгѣ на различные сроки. ²⁾

Послѣ покушенія 4 апрѣля 1866 г. въ Россіи надолго воцарилась реакція, какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ отчасти и въ обществѣ. Съ этимъ мертвымъ застоємъ революціонеры въ теченіе долгаго времени не были въ состояніи бороться.

22.

5 апрѣля 1866 г., стало быть, на слѣдующій день послѣ покушенія Каракозова, въ засѣданіи Комитета Министровъ извѣстный реакціонеръ, оберъ-прокуроръ Синода гр. Толстой рѣзко напалъ на довольно либеральнаго министра народнаго просвѣщенія Головина, упрекая его въ томъ, что его система оказываетъ пагубное вліяніе на учащуюся молодежь. Вскорѣ Головинъ получилъ отставку и его мѣсто занялъ самъ Толстой, взявшійся за насажденіе классицизма въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и слѣлавшій различныя фактическія ограниченія въ сравнительно либеральномъ университетскомъ уставѣ 1863 г.

¹⁾ Базилевскій, т. V, стран. 88.

²⁾ Изъ участниковъ процесса каракозовцевъ остался нынѣ въ живыхъ извѣстный переводчикъ и публицистъ Николаевъ, отъ котораго мы ждемъ разъясненія дѣятельности „Организациі“.

Гуманный петербургскій ген.-губернаторъ кн. Суворовъ былъ также устраненъ и должность его упразднена, хотя фактически занялъ ее петербургскій оберъ-полицмейстеръ ген. Треповъ, а шефомъ жандармовъ на мѣсто старика кн. Долгорукова былъ назначенъ молодой гр. Шуваловъ.

Правительство все болѣе и болѣе подозрительно относилось къ юному земству, ограничивало его право обложенія промышленныхъ предприятий и подвергло строгому бюрократическому контролю устроенныя имъ школы. Печать усиленно преслѣдовалась, „Современникъ и другіе журналы были закрыты.

Вел. кн. Константинъ въ то время охладѣлъ къ реформамъ, поэтому не противодѣйствовалъ реакціи и занялся въ качествѣ частнаго предпринимателя дѣлами крупныхъ желѣзнодорожныхъ концессій и т. п.

Въ правительственныхъ сферахъ реакція явилась результатомъ страха передъ революціоннымъ движеніемъ, социализмомъ, атеизмомъ и т. п. Правительство не желало дѣлать дальнѣйшихъ шаговъ по пути реформъ, и ничуть не думало о конституціи. Международное положеніе Россіи, послѣ подавленія польскаго возстанія, окрѣпло; опасенія стихійныхъ крестьянскихъ волненій, которыя ожидались въ 1863—64 гг., постепенно исчезали, несмотря на то, что спорадически въ слабой формѣ они все же повторялись. Бюрократія, опасаясь дальнѣйшихъ уступокъ обществу, напрягала всѣ свои силы, чтобы использовать испугъ высшихъ сферъ передъ революціей и обкарнять и тѣ уступки, которыя уже завоевалъ либерализмъ.

Реакція проникла не только въ правительство, но и въ само общество. Объяснить это послѣднее явленіе нѣсколько труднѣе, чѣмъ первое. Въ началѣ царствованія Александра II, когда само правительство признало необходимость реформъ и приступило къ ихъ осуществленію, послѣ унижительной для него и національнаго самолюбія севастопольской катастрофы, значительная часть среднихъ и высшихъ круговъ русскаго общества съ восторгомъ и даже нѣкоторой страстностью усваивала прогрессивно-демократическія, а подчасъ и радикальныя идеи Запада. Даже радикаламъ казалось, что коренное преобразованіе Россіи отъ основаній до вершинъ про-

изойдетъ мирнымъ путемъ, и если не подъ руководствомъ, то по крайней мѣрѣ при участіи правительства. Лица, идеалы которыхъ были слишкомъ далеки отъ дѣйствительности, думали, что таковыя въ будущемъ осуществляются мирно, безъ внутреннихъ потрясеній, въ гармоническомъ соединеніи всѣхъ силъ народа. Прогрессисты, демократы и радикалы первоначально не имѣли представленія о неизбежности классовой борьбы и не давали себѣ въ достаточной степени отчета о силѣ консервативныхъ элементовъ, гнѣздящихся въ самомъ русскомъ обществѣ.

Когда первыя надежды на мирный, при участіи правительства и всего народа, ходъ преобразованій раасѣялись въ самомъ либерально-демократическомъ лагерѣ начался извѣстный отборъ мнѣній и убѣжденій. Съ теченіемъ времени отвлеченныя идеи, разсматриваемыя болѣе подробно и примѣняемыя хотя-бы отчасти къ дѣйствительности, приобрѣтая реальныя формы, теряли часть своихъ приверженцевъ и приобрѣтали другихъ, въ зависимости отъ общественнаго положенія и въ связи съ нимъ.

Уже несчастные майскіе пожары въ 1862 г. вызвали панику въ: большинствѣ русскаго общества и реакцію противъ революціонеровъ и радикальныхъ идей. Одни боялись, что потеря Польши, Литвы и Малороссіи совершенно подорветъ могущество русскаго государства, другіе заранѣе отрицали право поляковъ рѣшать судьбу литовцевъ и малороссовъ; иные наконецъ не понимали, что рѣшительная борьба во имя великой соціальной, политической или національной реформы требуетъ насильственныхъ дѣйствій, не щадящихъ человѣческой жизни. Не привыкшее къ явной политической борьбѣ и испоконъ вѣковъ покорно подчиняющееся правительству русское общество испугалось народныхъ и политическо-общественныхъ волненій, передъ лицомъ которыхъ очутилось оно послѣ 1860 г. И теперь еще по убѣжденію немногочисленныхъ, впрочемъ, сторонниковъ стараго порядка преобразование Россіи въ чисто парламентарное государство будетъ для нея несчастіемъ, ибо вызоветъ разнузданную беспощадную борьбу между различными слоями общества и общественными группами. Опасенія этой борьбы сорокъ съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ были несравненно сильнѣе, чѣмъ теперъ. Все это въ достаточной мѣрѣ

объясняетъ возникновение реакціи въ самомъ русскомъ обществѣ уже во второй половинѣ 1862 г., дошедшей до своего зенита въ 1866 г.

Ольминскій ¹⁾ утверждаетъ, что причинъ реакціи послѣ распадѣнія „Народной Воли“ и реакціи болѣе ранней слѣдуетъ искать не въ фактахъ, какъ напр. польское возстаніе 1863 г., но въ томъ обстоятельстве, что реформы Александра II, носящія на себѣ печать западныхъ вліяній, въ частности—развитыхъ капиталистическихъ отношеній, не соотвѣтствовали еще незаконченному періоду первоначальнаго накопленія, разорительнаго характера; между тѣмъ казнокрадство, защита ростовщичества, эксплуатированіе налоговымъ обложеніемъ не могли происходить въ рамкахъ легальной, практиковавшейся капиталистическимъ обществомъ эксплуатаціи, и потому требовали хоть какихъ нибудь реформъ, приближающихъ къ правовому строю.

Это объясненіе, столь на первый взглядъ привлекательное для приверженцевъ матеріалистическаго пониманія исторіи, кажется намъ недостаточно обоснованнымъ. Вѣдь и въ другихъ государствахъ либеральныя реформы вплоть до установленія конституціи включительно, вводились на почвѣ экономическихъ отношеній не болѣе развитыхъ, чѣмъ въ Россіи въ періодъ 1860—70 гг.,—напр. въ Англіи въ эпоху 1848—67 гг., или въ мелкихъ южно-германскихъ государствахъ въ концѣ первой четверти XIX вѣка. Мы полагаемъ, что упомянутое явленіе объясняется тѣмъ, что русское государство распростерлось на колоссальной территоріи, что самодержавная власть царей, вслѣдствіе цѣлаго ряда историческихъ условій, о которыхъ нами упоминалось во Введеніи, была больше власти монарховъ въ другихъ государствахъ, что наконецъ общественные элементы не были въ Россіи организованы, какъ это имѣло мѣсто въ любомъ изъ другихъ государствъ. Воцарившаяся послѣ 1867 г. реакція ничуть не была всеобщей; революціонное движеніе развивалось, продолжало развиваться среди извѣстныхъ круговъ интеллигенціи вообще и молодежи въ особенности; однако его вліяніе не распространялось уже на прочія сферы, какъ это имѣло мѣсто ранѣе.

---

¹⁾ Въ рецензіи труда Батурина подъ загл. «Очеркъ исторіи со- л демократіи». «Былое», декабрь, 1906 г., стран. 293.

23.

Вліяніе Герцена послѣ 1863 г. слабѣло въ Россіи все болѣе и болѣе по двумъ причинамъ: либеральные умѣренные круги отвернулись отъ него вслѣдствіе поддержки имъ дѣла возстанія; радикальные же дѣятельность его считали уже несоотвѣтствующей потребностямъ Россіи, ибо взгляды и тактика Герцена были слишкомъ умѣренны.

Герценъ, слѣдовательно, остался внѣ сферы революціоннаго движенія въ Россіи. Покушеніе Каракозова въ 1866 г. и поляка Березовскаго въ Парижѣ въ 1867 г.—на Александра II Герценъ рѣзко осудилъ, за что въ своихъ письмахъ къ нему упрекалъ его Бакунинъ, который въ то время не былъ сторонникомъ террора противъ представителей власти, но защищалъ личности Каракозова и Березовскаго.

Бакунинъ послѣ задуманной, но неосуществившейся экспедиціи чрезъ Балтійское море съ вспомогательнымъ отрядомъ для польскихъ повстанцевъ, поѣхалъ въ Италію и въ теченіе нѣкотораго времени цѣликомъ посвятилъ себя западно-европейской революціи, въ особенности же въ романскихъ странахъ. Дѣятельность его была крайне обширной и интенсивной, какъ на мѣстѣ, въ Италиі, такъ и среди возникающаго „Интернаціонала“. ¹⁾ Не станемъ ее здѣсь описывать, отмѣтимъ лишь, что въ періодъ 1864—68 гг. соціально-политическіе взгляды Бакунина сформулировались почти окончательно. Говоримъ—почти ибо его всегда дѣятельный умъ и чрезвычайно живой темпераментъ побуждали его и позже постоянно вносить поправки въ свое міросозерцаніе.

Въ описываемое время онъ сталъ анархистомъ—коллективистомъ и отрѣшился славянофильско-народическихъ идей, заимствованныхъ отъ Герцена, съ которымъ его отношенія остались однако и впредь сердечными. Идеаломъ онъ считаетъ федеративное объединеніе отдѣльныхъ лицъ въ общины и производительныя товарищества, затѣмъ такое же объединеніе послѣднихъ въ уѣзды и т. д. до самыхъ крупныхъ территоріальныхъ союзовъ. Остался онъ, стало быть, убѣжденнымъ федералистомъ. Онъ считалъ необходимымъ совершенно разрушить существующій соціальныи строй и возвести на его развалинахъ новый, котораго

---

¹⁾ Объ этомъ см. нашу книгу „Современный анархизмъ“, глава о Бакунинѣ.

онъ въ подробностяхъ не предвосхищалъ, но требовалъ лишь, чтобы онъ возводился отъ низовъ къ верху, а не наоборотъ. Анархистъ по отношенію къ существующимъ централистско-территоріальнымъ государственнымъ учреждениямъ, онъ не устраняетъ заранѣе и абсолютно всѣхъ простѣйшихъ формъ государственной власти, какъ это дѣлаютъ нынѣшніе анархисты. Однако по этому вопросу, поскольку послѣдній относится къ довольно отдаленному будущему, Бакунинъ окончательно не высказался. Въ области экономическихъ условій онъ—коллективистъ, а не коммунистъ, т. е. желаетъ перехода къ формѣ общественнаго пользованія орудіями труда, а не на пред-метами потребленія.

Въ борьбѣ съ существующимъ социально-политическимъ строемъ Бакунинъ признаетъ необходимость въ тайныхъ и іерархическихъ организаціяхъ и временномъ послѣ торжества революціи правительствѣ—чѣмъ онъ также отличается отъ нынѣшнихъ анархистовъ. Бакунинъ—это искренній какъ въ теоріи, такъ и на опытѣ космополитъ и апостоль всеобщей революціи.

Вліяніе Бакунина на русскую молодежь за границей и въ самой Россіи въ 1867, 1868 и послѣдующихъ годахъ постепенно возрастало.

Молодежь изъ Россіи, то скрываясь отъ преслѣдованій правительства, то съ цѣлями образовательными, во множествѣ стремилась за границу, въ особенности же въ Швейцарію. Возникновеніе Интернаціонала оказало на русскихъ выходцевъ огромное моральное вліяніе—они видѣли въ немъ концентрацію социальныхъ силъ всего міра, которая должна возродитъ человѣчество, и считали Интернаціональ авторитетомъ въ поискахъ новыхъ формъ борьбы, тѣмъ болѣе, что нынѣшнее движеніе не дало крупныхъ и очевидныхъ результатовъ.

Въ сентябрѣ 1868 г. возникло за границей новое революціонное изданіе подъ загл. „Народное Дѣло“. Въ № 1-мъ заключается программа, выработанная Бакунинымъ и Ник. Жуковскимъ ¹⁾. Въ редактированіи слѣдующихъ номеровъ Бакунинъ не принималъ никакого участія, хотя кажется продолжалъ симпатизировать изданію.

¹⁾ Тѣмъ самымъ, который былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Баллода и бѣжалъ за границу.

Программа „Народнаго Дѣла“ требовала полнаго умственнаго, социально-экономическаго и политическаго освобожденія народа. Умственное освобожденіе—необходимо, ибо иначе соціально-экономическое и политическое будетъ неполнымъ и непрочнымъ. Обязательнымъ для этого условіемъ является устраненіе религиозныхъ вѣрованій, въ томъ числѣ и вѣры въ загробное существованіе—т. е. всего того, на что опирается деспотизмъ и что деморализуетъ людей раздѣленіемъ природы человѣка на два враждующихъ начала.

Соціально-экономическое освобожденіе требуетъ: уничтоженія права наслѣдованія собственности, признанія принципа, что земля принадлежитъ только тѣмъ, которые ее собственными силами обрабатываютъ, т. е. земледѣльческимъ общинамъ, а орудія труда и капиталы—рабочимъ ассоціаціямъ; далѣе—уравненія общественныхъ и политическихъ правъ женщинъ съ правами мужчинъ, что ведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ устраненію института церковнаго и гражданскаго брака; и наконецъ—передачи свободному обществу дѣла физическаго и умственнаго воспитанія дѣтей и образованія.

Политическое освобожденіе основывается на упраздненіи государства и государственности со всѣми ея политическими, церковными, финансовыми, юридическими, учебными и милитарными учрежденіями, и на устройствѣ свободной федераціи трудящихся на землѣ, а также работающихъ въ мастерскихъ и фабрикахъ. Всѣ народы должны быть свободны и рѣшаютъ сами свою судьбу; только отъ нихъ поэтому должно зависѣть, примкнутъ-ли на федеральныхъ началахъ къ русскому народу, либо—нѣтъ, или же вступить въ вольный союзъ съ другими народами Европы. „Народное Дѣло“ стояло на почвѣ строго международной, исходя изъ мысли, что соціальная революція, охватывающая самую глубь общества, разъ возникнувъ въ одной странѣ, перейдетъ и въ другія.

Въ Россіи, съ точки зрѣнія руководителей этого журнала, считается особенно важнымъ истребленіе въ народѣ культа царской власти, и потому-то въ журналѣ порицался тактической приѣмъ инициаторовъ неудавшагося возстанія въ Казани и приволжскихъ городахъ въ 1863 году.

„Народное Дѣло“ служило выраженіемъ взглядовъ анархической группы Интернационала.

24.

Въ концѣ 1868 г. въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ возникло широкое движеніе среди студентовъ, которымъ реакціонное правительство постоянно препятствовало въ свободномъ развитіи корпоративной жизни. Студенты требовали:

- 1) права имѣть свою кассу взаимопомощи для несостоятельныхъ студентовъ,
- 2) свободныхъ сходокъ въ зданіи учебнаго заведенія, для обсужденія студенческихъ дѣлъ,
- 3) устраненія мелочныхъ полицейскихъ стѣсненій въ студенческой жизни.

Не покидавшіе своей работы послѣ покушенія Каракозова революціонные элементы, хотя и неорганизованные, рѣшили поддерживать это чисто студенческое движеніе, придавая ему политическую окраску и утилизируя его для цѣлей противоправительственныхъ. Политика революціонеровъ оказалась плодотворной: броженіе среди учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга перешло въ провинцію и охватило вообще широкіе круги молодежи, вездѣ по отношенію къ правительству повышая враждебное настроеніе. На многочисленныхъ сходкахъ, отъ чисто студенческихъ дѣлъ постоянно переходили къ социальнымъ и политическимъ вопросамъ. Такимъ путемъ огромныя массы молодежи знакомились, какъ съ политикой правительства, такъ и съ социально-политическими теоріями и тактическими приѣмами.

Но студенты не достигли цѣлей, ради которыхъ поднято было движеніе. Многихъ изъ нихъ исключили и выслали въ различные города Россіи, вслѣдствіе чего и самое революціонное движеніе распространилось въ обществѣ и усилилось, а пострадавшіе студенты сдѣлались противоправительственными агитаторами; позже нѣкоторые изъ нихъ стали профессиональными революціонерами.

Въ описываемомъ студенческомъ движеніи дѣятельное участіе принималъ Сергѣй Нечаевъ, учитель церковно-приходской школы въ Петербургѣ, принадлежавшій къ тѣмъ именно лицамъ, которые, подобно Ткачеву и другимъ, хотѣли студенческое движеніе направить на политическую дорогу. Необыкновенно энергичный Нечаевъ обладалъ могучей волей и не останавливался ни передъ какими средствами для приобрѣтенія власти и вліянія; онъ былъ повидимому хорошимъ, но несознательнымъ гипнотизеромъ.

Въ умственномъ отношеніи онъ не выдѣлялся, ни солиднымъ образованіемъ, ни особенными опособностями. Съ цѣлью скрыться отъ преслѣдованій полиціи, Нечаевъ бѣжалъ за границу и подобно Бакунину написалъ воззваніе къ студентамъ, освѣщая всю ихъ борьбу съ широкой точки зрѣнія и призывая вести эту борьбу и впредь. Отношенія Нечаева съ Бакунинымъ, который цѣнилъ въ немъ энергичную и революціонную натуру, вначалѣ были весьма сердечными. Свою дѣятельность въ Россіи Нечаевъ изображалъ въ крайне преувеличенныхъ размѣрахъ и вообще представилъ революціонное движеніе довольно сильнымъ, что особенно нравилось старому революціонеру Бакунину, который притомъ истинности рассказанныхъ ему фактовъ въ то время провѣрить не могъ. Бакунинъ оказалъ сильное давленіе на Герцена, въ смыслѣ желательности поручить Нечаеву распоряженіе революціоннымъ фондомъ, завѣщаннымъ Бахметьевымъ. Герценъ сначала не соглашался, но затѣмъ уступилъ и передалъ Нечаеву кажется половину этого капитала, который заключался всего въ 800 фунтовъ стерлинговъ и возросъ позже до 1000 ф. с. Бакунинъ поручилъ Нечаеву, кромѣ того организацию русскаго отдѣла Интернаціонала.

Однако дружба между ними продолжалась недолго. Бакунинъ вскорѣ убѣдился, что Нечаевъ — личность съ болѣзненно переразвитымъ самолюбіемъ, и что вообще всѣхъ, въ томъ числѣ и самого Бакунина, онъ считаетъ лишь орудіемъ для своихъ цѣлей, — при полной неразборчивости въ средствахъ. Вслѣдствіе всего этого онъ окончательно порвалъ съ Нечаевымъ.

Послѣдній еще въ 1869 г. основалъ революціонную группу и журналъ подъ однимъ именемъ „Народная Расправа“. Направленіе этого журнала было очень сходно съ взглядами „Народнаго Дѣла“, хотя и отличалось отъ него формой аргументаціи и пониманіемъ вопросовъ тактики.

„Народная Расправа“ исходила изъ мысли, что прежде всего необходимо дѣйствовать, а не поучать и доказывать; всѣ ранѣе существовавшія организациі въ общемъ не доходили собственно до самой дѣятельности. И только покушеніе Каракозова было прологомъ, за которымъ слѣдуетъ драма. Призывъ Бакунина идти въ народъ и вмѣстѣ съ нимъ бороться за новыя формы жизни спра-

ведливъ, но здѣсь нѣтъ опредѣленныхъ указаній, какимъ же именно образомъ дѣйствовать въ средѣ народа. А это является наиболѣе важнымъ вопросомъ. Одинъ лишь существуетъ прочный планъ дѣйствій, и онъ—чисто отрицательнаго характера: безошадно и до основанія разрушать то, что есть. Осуществленіе подобнаго плана требуетъ столько напряженія отъ его исполнителей, что у нихъ не хватитъ силъ и умѣнія для созидательной дѣятельности на развалинахъ стараго міра. Выработку формъ грядущей жизни слѣдуетъ оставить на послѣ.

Полное разрушеніе соціальнаго строя можетъ быть совершено только великимъ всеобщимъ движеніемъ революціонированнаго народа. Молодежь, вышедшая изъ народа, проникнута его страданіями и достаточно развита, что бы пока этотъ народъ подымется устранять все, что стоитъ или можетъ появиться на его дорогѣ.—Это препятствія троякаго рода:

1) лица, занимающія высшія ступени правительственной іерархіи или предводительствующія военными силами, — исполняющія особенно ревностно свои обязанности;

2) лица, обладающія крупными матеріальными средствами и пользующіяся ими только для себя, своего класса и государства;

3) лица, подкупленныя правительствомъ, защитники его въ печати и доносчики.

Первую категорію Нечаевъ предлагаетъ истреблять безъ всякой жалости; отъ второй слѣдуетъ отнять матеріальныя средства и обратить ихъ на революціонныя цѣли, на борьбу съ существующимъ порядкомъ вещей; если бы же отнять эти средства не удалось, то лучше ихъ уничтожить, чѣмъ оставить въ рукахъ собственниковъ; лицъ третьей категоріи необходимо принудить къ молчанію, при помощи различныхъ средствъ, вплоть до лишенія языка. Самого государя Александра II въ данное время не слѣдуетъ лишать жизни и оставить это дѣлу окончательно восторжествовавшей революціи.

Не поучать народъ нужно, но революціонировать; руководители движенія не должны находиться внѣ народной массы, но среди нея самой и постоянно вліять на нее. Задачей участвующихъ въ революціонномъ движеніи просвѣщенныхъ лицъ является организація движенія и приспособленіе ея къ успѣшнымъ дѣйствіямъ. При современныхъ условіяхъ наука ничего не можетъ дать массамъ.

Война съ правительствомъ должна быть начата съ устраненія отдѣльныхъ лицъ. Терроръ долженъ постепенно расти.

Нечаевъ написалъ такъ назыв. „Революціонный катехизисъ“, въ которомъ даетъ революціонерамъ, такъ сказать, уроки коварства—указанія, какъ при помощи различныхъ обмановъ и мистификацій легче достигнуть наибольшаго вліянія и силы. ¹⁾

Въ началѣ сентября 1869 г. Нечаевъ вернулся нелегально въ Петербургъ. Въ это время онъ уже пользовался нѣкоторой извѣстностью. Для расширенія своей популярности, онъ заранѣе распустилъ слухъ, что находится въ Петропавловской крѣпости и удачно бѣжалъ оттуда. Въ обѣихъ столицахъ, при содѣйствіи главнымъ образомъ Успенскаго, служившаго въ книжномъ магазинѣ А. Черкезова, Нечаевъ завязалъ снова сношенія съ учащейся молодежью и взялся организовывать революціонныя силы. Каждое изъ облеченныхъ его довѣріемъ лицъ устраивало вокругъ себя кружокъ. Члены подобныхъ кружковъ не были посвящены въ конечныя цѣли организаціи. Нечаевъ рассказывалъ, что сѣтью его тайныхъ кружковъ покрыта вся Россія. Вскорѣ сношенія новой организаціи расширились и изъ Москвы и Петербурга распространились на Ярославль, Иваново-Вознесенскъ и другія мѣста въ провинціи. Нечаевъ попытался устроить тайную типографію и велѣлъ заняться поддѣлкой паспортовъ. Суровый уставъ организаціи былъ характера строго централистическаго и требовалъ безусловнаго подчиненія руководителямъ. Съ цѣлью заслужить похвалу, Нечаевъ представлялъ ложные отчеты объ успѣшномъ и даже блестящемъ состояніи организаціи. Изъ показаній лицъ, привлеченныхъ позже за участіе въ организаціи Нечаева, видно, что послѣдній не умѣлъ ни устраивать какъ слѣдуетъ кружковъ, ни выработывать членовъ, ибо на собраніяхъ шли удивительно безсодержательныя дебаты.

Стремленіемъ Нечаева было поднять народное возстаніе, начала котораго онъ ждалъ 19 февраля 1870 г.

---

¹⁾ Этотъ катехизисъ нѣкоторые приписывали перу Бакунина. Это кажется намъ неправильнымъ, ибо Бакунинъ—человѣкъ совершенно иного, чѣмъ Нечаевъ уклада. При томъ данное предположеніе исходило отъ заклятыхъ враговъ Бакунина.

Организація Нечаева существовала недолго. Въ кругу ближайшихъ къ нему лицъ появился нѣкто Ивановъ, самолюбивый и упрямый юноша, часто вступавшій съ нимъ въ пререканія и столкновенія. Нечаевъ счелъ его врагомъ дѣла и уговорилъ другихъ товарищей, а именно: Успенскаго, Прыжова, Кузнецова и Николаева убить Иванова; 21 ноября 1869 г. послѣдній былъ убитъ Успенскимъ. Это обстоятельство повлекло за собой энергичное слѣдствіе, и организація вскорѣ была открыта. Нечаевъ бѣжалъ за границу. Около 300 лицъ было привлечено къ судебной отвѣтственности; правительство воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, чтобы представить революціонеровъ въ наиболѣе мрачномъ свѣтѣ.

Дѣйствительно, личность самого Нечаева вызывала всеобщее отвращеніе, но мыслящіе и оппозиціонно настроенные люди отдѣляли, разумѣется, испорченнаго челоуѣка отъ самого дѣла.

Нечаевъ—продуктъ среды, въ которой жилъ. Происходилъ онъ изъ народа ¹⁾, видѣлъ и чувствовалъ ужасъ его положенія и, сознавая всю трудность борьбы, задумалъ дѣйствовать при помощи различныхъ макіавелевскихъ приѣмовъ, въ которыхъ и видѣлъ все спасеніе. При другихъ условіяхъ подобный челоуѣкъ свою энергію и ловкость примѣнилъ бы въ иной формѣ; при свободѣ и явности дѣйствій онъ былъ бы неощенченнымъ организаторомъ массъ.

Къ дальнѣйшей судьбѣ Нечаева мы еще вернемся.

Заговоромъ Нечаева оканчивается первая часть нашего труда.

Революціонное движеніе, развившееся позже, носить уже другой характеръ и открываетъ собою новую эпоху въ борьбѣ за свободу и социальную справедливость.

Заключеніе перваго тома.

Русское революціонное движеніе, начавшись заговоромъ декабристовъ, коими были главнымъ образомъ офицеры изъ дворянъ и аристократіи, съ самаго начала имѣло всѣ признаки движенія и политическаго, и социальнаго, ибо оно стремилось къ низверженію само-

¹⁾ Собственно изъ среды ремесленниковъ.

державія и уничтоженію крѣпостнаго права. Декабристы погибли, ибо ихъ силы были недостаточны, а врагъ могуществененъ. Но они создали въ обществѣ революціонную традицію, воспитывавшую послѣдующія поколѣнія.

Вторая реакція при Николаѣ I сдѣлала на нѣкоторое время невозможнымъ революціонное движеніе въ точномъ смыслѣ этого слова, но не была въ силахъ остановить движенія умственнаго. Напротивъ, именно тогда въ известной части русскаго общества распространились идеи социалистовъ-утопистовъ, возникли западническое либерально-демократическое и славянофильское ученія. Послѣднія послѣ крымскаго разгрома и вступленія на престолъ Александра II, который долженъ былъ начать рядъ реформъ, развивались далѣе и широко распространились среди интеллигенціи не только изъ высшаго круга, какъ при Николаѣ I, но и изъ средняго, отчасти даже и низшаго. Образованные слои русскаго общества, не встрѣчая психологическихъ препятствій въ видѣ какихъ либо блестящихъ консервативныхъ традицій прошлаго, въ періодъ 1857—1870 г.г. усваивали быстрѣе и легче интеллигенціи другихъ народовъ наиболѣе радикальныя научныя и социально-политическія ученія. Послѣдними они прониклись весьма глубоко, ибо ученія эти вошли не только въ ихъ сознаніе, но и примѣнялись къ повседневной жизни.

Носительницей либеральныхъ и революціонныхъ идей стала русская публицистика и литература, въ которой ретроградные элементы всегда играли второстепенную роль.

Быстрое усвоеніе русской интеллигенціей новѣйшихъ социально-политическихъ и умственныхъ ученій Запада обусловило чрезвычайно характерный для освободительнаго движенія фактъ, а именно, что уже послѣ 1860 г. либеральная и радикальная, съ социалистическимъ оттенкомъ, партіи существовали и развивались параллельно, подчасъ въ одинаково сильной степени, временами вторая сильнѣе первой. Обстоятельство это породило сказывающіяся и до сего времени послѣдствія огромнаго значенія. Прежде всего оно придало русскому либерализму известную широту социальныхъ взглядовъ, коей былъ прежде и до сихъ поръ лишень западный либерализмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему не хватало той энергіи и мужества, какими

зачастую отличался напр. либерализмъ во Франціи въ 1789 г., въ Англіи въ XVII в., въ Италіи и Испаніи. Въ Россіи революціонные элементы всѣ шли въ лагерь радикаловъ съ социалистической окраской.

Въ періодъ 1857—1870 гг. русское общество дало множество революціонеровъ изъ интеллигентной среды, то устраивавшихъ организаціи и мелкіе кружки, то дѣйствовавшихъ въ одиночку. Въ ближайшее время, вслѣдствіе внѣшнихъ и внутреннихъ условій, въ которыхъ находился народъ въ деревнѣ и въ городѣ, они не были въ состояніи вызвать революцію. Однако появленіе цѣлаго ряда революціонеровъ было необходимымъ этапомъ на пути освободительнаго движенія въ Россіи.

Какъ на одно изъ явленій, тормазившихъ этотъ процессъ, необходимо уазать на отсутствіе въ то время ясной программы социальной эволюціи Россіи. Русскому государству, во многихъ отношеніяхъ сильно отличающемуся отъ другихъ и имѣющему особую социальную структуру, подлежали казалось и свои особые эволюціонные пути. Отсюда-то возникли теоріи Герцена и др., отсюда— всѣ упованія на русскаго мужика. Въ 1861 и 1862 гг. рассчитывали прежде всего на близость стихійной крестьянской революціи. Михайловъ предостерегалъ отъ мысли, что Россія въ своемъ революціонномъ движеніи будетъ повторять Западъ, подражать его образцамъ. Позже также полагались на стихійное крестьянское движеніе. Но расчеты обманули. Быть можетъ черезъ нѣкоторое время Чернышевскій и открылъ бы настоящее эволюціонное русло для русскаго общества, но Чернышевскаго не стало. Марксизмъ еще не былъ извѣстенъ въ Россіи, гдѣ отсталяя экономическія отношенія дѣлали изъ этого ученія „чуждую“, „несоотвѣтствующую“ русской жизни теорію. Теоріи западно-европейскихъ социалистовъ по рабочему вопросу примѣнялись русскими социалистами къ русскому крестьянину, котораго они считали особенно приспособленнымъ къ устройству общества на социалистическихъ основахъ, что разумѣется не было вполне вѣрнымъ. Такимъ образомъ, русское революціонное движеніе на пути своего развитія встрѣчало серьезныя внѣшнія и внутреннія препятствія. Однако въ семидесятыхъ годахъ (т. е. отъ 1860 до 1870 г.) оно сдѣлало громадныя шаги впередъ. Въ это именно время сложилась современная

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
СПБ., ЕКАТЕРИНГОФСКІЙ ПР., 12
ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ
МАГАЗИНЪ О. С. ЮДКО

APR 30 1942

